

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В XXI ВЕКЕ:
АКТУАЛЬНОСТЬ, МНОГОПОЛЯРНОСТЬ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Сборник научных трудов

**Краснодар
2026**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В XXI ВЕКЕ:
АКТУАЛЬНОСТЬ, МНОГОПОЛЯРНОСТЬ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов

Краснодар
2026

УДК 80''20''
ББК 80
Ф 545

Редколлегия:

Н. Н. Оломская, д-р филол. наук, профессор, Т. Ф. Лимарева,
канд. филол. наук, доцент, О. В. Спачиль, канд. филол. наук, доцент

Ф 545 Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сборник научных трудов / под редакцией А. В. Зиньковской, В. В. Катерминой, С. Х. Липириди, А. М. Прима, А. В. Самойловой; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2026. – 290 с. – 500 экз.
ISBN 978-5-8209-2840-6

В сборнике представлены статьи по актуальным лингвистическим направлениям (когнитивной лингвистике, лингвострановедению, анализу функционирования языка в разных типах дискурса), а также по смежным с языкознанием гуманитарным дисциплинам, без которых немыслима коммуникативная деятельность. Междисциплинарный подход, характеризующий единство гуманитарной области – лингвистики, методики преподавания иностранных языков, кросс-культурной коммуникации, – подчеркивает тенденцию, способствующую целостному анализу изучаемых языковых и лингвокультурных явлений.

Адресуется филологам, преподавателям гуманитарных дисциплин, аспирантам, студентам, а также всем, кто исследует процессы общения и технологии обучения иностранным языкам в поликультурной среде, стремится к поиску средств обеспечения продуктивного межкультурного диалога.

УДК 80''20''
ББК 80

ISBN 978-5-8209-2840-6

© Кубанский государственный
университет, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание отражает многовекторность современных гуманитарных исследований, где классические традиции изучения языка и текста органично переплетаются с запросами новой цифровой реальности. Тематическое разнообразие представленных работ позволяет говорить о сборнике как о своеобразной «мозаике смыслов», в рамках которой исследователи вступают в научный диалог.

Тематика исследований, представленных в сборнике, охватывает несколько важнейших направлений. Так, цифровая трансформация языка и влияние искусственного интеллекта становятся одними из самых актуальных тем издания. Авторы анализируют, как нейросети генерируют медиадискурс, меняют стратегии вежливости или трансформируют профессию переводчика. В сборнике также представлены уникальные исследования, посвященные цифровым тезаурусам неологизмов, электронизации словарного наследия, а также проблемам локализации видеоигр и применению искусственного интеллекта в подготовке к экзаменам.

Значительный блок статей посвящен тому, как язык моделирует картину мира. Исследователи обращаются к соматической семантике, обонятельным кодам в русской и китайской языковых картинах мира, фитоконцептам в австралийском варианте английского языка. Рассматриваются когнитивные основы распознавания значения при переводе, проблемы психологии межличностной коммуникации, а также разнообразные дискурсивные практики. Авторы сборника анализируют различные типы дискурса: от политического и медиадискурса до адвокатского, автоспортивного и виртуального педагогического. Изучается манипулятивный потенциал мемов, гендерный конфликт в языке, риторический фрейминг и стратегия дискредитации в современных онлайн-СМИ. Особое внимание уделяется тому, как языковые средства конструируют реальность и влияют на массовое сознание.

Аспекты переводоведения также рассматриваются в научных статьях сборника: от перевода классической, современной литературы (О. Мандельштам, А.П. Чехов, С. Лем) и англоязычных медийных заголовков до работы с труднопереводимой лексикой и инициальными аббревиатурами.

Материалы сборника будут полезны филологам, лингвистам, переводчикам, культурологам, преподавателям вузов, аспирантам и студентам, а также всем, кто интересуется глубинными процессами, происходящими в языке и культуре на рубеже 2020-х годов.

Редакционная коллегия выражает благодарность всем авторам за их вклад в подготовку данного издания и надеется, что представленные исследования станут импульсом для новых научных дискуссий и междисциплинарных проектов.

ОБ ОДНОМ ЭПИТЕТЕ САТАНЕЙ-ГУАШИ (ЗОЛОТОСТОПАЯ)

Л.А. Агрба

Абхазский государственный университет, Сухум, Республика Абхазия

Статья посвящена исследованию семантики одного малоизученного эпитета «золотостолая» (абх. *ахьышьаргуца*), который номинирует Сатаней-Гуашу – главную героиню абхазской версии нартского эпоса. Анализ семантической структуры эпитета помогает более полно раскрыть образ героини, понять ее сущность; в более широком смысле – проследить, как религиозные представления абхазов концептуализировались в языке. Выявлено, что применение эпитета «золотостолая» в качестве номинанта Сатаней-Гуаши не только подчеркивает её особый символический статус, но отражает архаичность религиозных представлений абхазов.

Ключевые слова: Сатаней-Гуаша, эпитет, нартский эпос, этимология, лингвокультура, абхазы, традиция, языковая картина мира.

Роль эпитета в мифологическом сознании состоит в фиксации сущностного свойства героя. Они указывают как на внешние признаки, так и на внутреннее состояние героев, добавляют коннотативное содержание образу (положительный/отрицательный, хороший/плохой, свой/чужой), а также облегчают запоминание и устную передачу мифоэпического материала. Эпитеты рождают цепь ассоциаций, дают аксиологическую характеристику и тем самым воздействуют на адресата [4, с. 135], содействуя его эмоционально-образной интерпретации [5].

Включенные в состав онима, эпитеты выполняют культурно-историческую функцию, отражая менталитет народа, особенности его мировосприятия, обнажая глубинные пласты народной культуры. Для устной традиции устойчивое имя с эпитетом служит удобной формулой, которая легко воспроизводится сказителем и запоминается слушателями. Такой эпитет закрепляет за персонажем определённую культурную модель: качество, выраженное эпитетом, становится как бы неотъемлемой частью героя. Он не просто подчеркивает определённое свойство героя, но настолько прочно связывается с именем, что начинает восприниматься как его часть. «Постоянные эпитеты, сохраняют те немногие архаические значения образов, предметов, явлений, расшифровка которых прояснит многие темные и до сих пор непонятные места эпоса» [3, с. 200].

В рамках данной статьи обратимся к своеобразию и семантике одного, малоизученного эпитета в имени главной героини абхазской версии нартского эпоса, Сатаней-Гуаши, а именно – именованию «золотостолая» / «с золотой ступней» (абх. *ахьышьаргэыџа*), который становится «говорящим» именем героини. Данный эпитет интересен сам по себе в плане семантической

организации. *Ахьышьаргэыџа* – не просто красивый эпитет женского персонажа, – он и маркирует особый сакрально значимый статус героини, так как в абхазской религиозной лексике эта номинация связана с самим Всевышним. Р.Х. Агуажба помещает *ахьышьаргэыџа* непосредственно среди религиозных имен и эпитетов Бога [1, с. 124]. «Золотостопый» – тот, кто принадлежит небесно-сакральному миру. Эпитет употребляется почти как самостоятельное имя Бога и служит сакральным титулом существа, вокруг которого строится ритуальное почитание.

Примечательно, что одна и та же лексема используется в качестве эпитета-номинатива Бога Анцва и героини нартского эпоса Сатаней-Гуаши, хотя само по себе совпадение эпитета ещё не доказывает исторического перехода от имени Бога к имени богини/матери. Очевидно лишь то, что данный эпитет в культуре абхазов в высшей степени сакрализован и имеет особое значение в культурно-языковой картине мира абхазов. Он создаёт образ существа или силы, чьё пребывание на земле определяется как священное. Данный эпитет выполняет функцию сакральной характеристики, когда необычная номинация не описывает предмет непосредственно, а возводит его в иной, мифопоэтический статус. Таким образом, мы имеем дело с архаичным эпитетом, который уже обладает религиозно-мифологической семантикой вне нартского эпоса. *Ахьышьаргэыџа* – сакральная номинация Всевышнего, которую нартская традиция переносит на Сатаней-Гуашу как носительницу сакрального материнского статуса. Героиня получает имя-эпитет, принадлежащий сфере сакрального, потому что сама она выполняет функции Великой Матери, сверхъестественной покровительницы нартвов.

Очевидно, что эпитет «золотостопая» придает той, которая «без солнца грела, без луны сверкала» (Приключения, 1962, с. 89-93) дополнительную положительную коннотацию, намекая на божественную ипостась героини. Эпитет актуализирует компоненты семантики лексемы «светящаяся», «чудесная», «мистическая», «неземная». «Световая природа сатаней-гуаши и ее не обыкновенная физическая сила – свойства, которыми наделен этот образ особенно ярко в нартских сказаниях абхазов, дают основание видеть в нем отголоски древнейших представлений об антропоморфном олицетворении космоса» [2].

Эпитет также имеет значение для эстетизации героини, приобретая значение «красивая, прекрасная, совершенная, идеальная, превосходная». Таким образом, эпитет «золотостопая» становится своеобразным артиклем сверхположительной оценки героини как в физическом (телесном), так и на тонком (духовном) плане.

Вместе с тем, образ героини воплощает коллективные страхи, связанные с магией, соблазнением и разрушительной силой. Она – сложный архетип, сочетающий черты ведьмы, пророчицы, медиатора и хранительницы сакральных тайн. Эпитет воплощает архетипическую двойственность женского начала и подчеркивает амбивалентную природу героини, сочетающую охранительные и разрушительные аспекты. Сатаней-Гуаша одновременно прекрасна и ужасна, воплощая архетип изменчивой женской хтонической силы. Дуальность заложена

в семантике самого эпитета *ахьышьаргэыџа*, состоящего из оценочного компонента «золотой» (абх. *ахьы*) с положительной коннотацией и самой низкой части человеческого тела – «стопа» (абх. *ашьаргэыџа*).

Ступни ноги – один из самых древних и многослойных символов в культуре человечества. Это символ «вхождения в мир» и одновременно «оставления следа». В архаическом сознании стопа – не просто часть тела, она ассоциируется со следом, оставленном человеком в жизни, связана с прошлым, с предками, с памятью. В абхазской традиции, как и в других архаичных культурах, сохранилось представление о стопе как о точке соприкосновения сверхъестественного с миром человеческим. В абхазской мифологии богиня вод Дзизлан, называемая иногда «золотой владычицей вод», представляется в образе прекрасной обнаженной женщины, с длинными золотистыми волосами и вывернутыми назад стопами. Она как будто постоянно возвращается из мира мертвых (Абхазские сказки, 1985).

Образ «золотой стопы» встречается у многих народов, часто отдаленных друг от друга как в пространстве, так и во времени. В античной греческой литературе по отношению к богам и богиням часто использовались эпитеты *χρυσόπεζα* («златоногая», «с золотыми стопами») или *χρυσόσανδαλος* («в золотых сандалиях»). Позже эпитет перешел в византийскую гимнографию и был переосмыслен в христианском духе, став обозначением славы и величия Бога.

В одном из тамильских текстов, к Лакшми обращаются как: «О златостолая», сидящая на сердцевине лотоса и сияющая подобно солнцу. Здесь «золото» не просто драгоценный материал: оно непосредственно связывает стопу с сиянием и солнечным образом богини. «Символика божественных стоп выражает в индийской культуре присутствие Бога в материальном мире. Это связано с тем, что именно стопы являются периферийным центром тела, наиболее удаленным от центра самосознания, в котором внутрителесное пространство пересекается с дикой природной стороной внешнего мира, противоположной по отношению к рационально и социально организованной жизни» [6].

Таким образом, в общекультурном контексте эпитет «златостолая» Сатаней-Гуаши не выглядит изолированным. Он вписывается в очень архаический пласт образов, где золотые ноги/ступни маркируют фигуру, соединяющую человеческий и сакральный миры. Один из постоянных эпитетов героини нартского эпоса восходит к древнему сакральному слою. Это культурная универсалия и в то же время этномаркированный эпитет, который как своеобразный «культурный архив» сохраняет этнографические детали, этические нормы и мировоззрение. На наш взгляд, *ахьышьаргэыџа* одновременно является поэтическим эпитетом и компонентом сакральной фразеологии. Эпитет «златостолая/златоногая» у Сатаней-Гуаши выражает не столько физическую характеристику, сколько представление о её исключительном достоинстве, сакрализованной природе, упорядочивающей силе и высоком статусе в мире нартов.

Наличие данного эпитета в версии нартского эпоса абхазов ставит мифоэпическую культуру абхазов в единый контекст древнейших культур Египта, Греции, Индо-Ирана, Ассирии, Шумера-Аккада. Его присутствие и сохранение в языке заставляет задуматься о некоторых общих парадигмах в развитии религиозной мысли древних сообществ эпохи раннего металла.

Список литературы

1. *Агуажба Р.Х.* Абхазский пантеон. Краткие материалы к Абхазскому мифологическому словарю / Труды Абхазского государственного музея. Сухум: Абгосиздат, 2018. С. 124–183.
2. *Акаба Л.Х.* Избранные труды. В двух томах. Том I. / Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа. Сухум: дом печати, 2021. 240 с.
3. *Аниба А.А.* Собрание трудов в 5 т. под ред. З.Д. Джапуа. Т.1. Сухум: Academia, 2022. 439 с. Иусумтакэа реизга. Хэ-томкны / апроект автор, аред. З.Ць. Цьапуа. Атом 1: Акэа: Academia, 2022. 439 д. (на рус. и абх. языке).
4. *Булахова Н.П., Сковородников А.П.* К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2. С. 122–143.
5. *Жирмунский В.М.* К вопросу об эпитете // Памяти В.Н. Сакурина : сб. статей. М.: Наука, 1992. С. 52–60.
6. *Карпицкий Н.Н.* Структура феноменологического тела в индийской традиции // Приволжский научный вестник. 2014. № 8 (36). Ч.1. С. 74–77.

Источники

7. Абхазские сказки [Текст] / [сост., обраб. и пер. с абхаз. Х. С. Бгажба]. Сухуми: Алашара, 1985. 359 с.
8. Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев [Текст] : Абхаз. нар. эпос / [Подготовка текста Ш. Д. Инал-Ипа и др.] ; [Вступ. статья Ш. Д. Инал-Ипа] ; [Пер. с абхаз. Г. Гулиа и С. Липкина]. М.: Гослитиздат, 1962. 287 с.

УДК 81

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ С НАЗВАНИЯМИ ОДЕЖДЫ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

С.В. Акден

Бакинский славянский университет, Баку, Азербайджан

В данной статье исследуется роль и семантическая функция названий одежды в составе фразеологических единиц азербайджанского языка. Фразеологизмы с компонентами одежды содержат обширную информацию о быте народа, его мировоззрении, социальных отношениях и эстетике языка.

Исследование показывает, что такие наименования как «голова», «рубашка», «брюки», «платье», «обувь» употребляются во многих устойчивых сочетаниях, как в прямом, так и в переносном значении. Подобные выражения также являются важными языковыми средствами выражения различных эмоциональных отношений, социального статуса и моделей поведения.

Ключевые слова: азербайджанский язык, фразеологические единицы, названия одежды, устойчивые словосочетания, языковые единицы.

Изучение фразеологизмов является одной из актуальных задач современной тюркологии. Как известно, фразеологизмы образуются в результате сочетания различных компонентов. Значение, содержащееся в этих компонентах, вызвало научный интерес у лингвистов.

В азербайджанском языке названия одежды часто используются в составе фразеологизмов и обладают символическим значением. Хотя такие выражения не имеют прямого отношения к одежде, они отражают различные концептуальные особенности в контексте и в процессе дискурса. Подобные фразеологические единицы можно условно классифицировать по следующим тематическим группам.

а) Фразеологизмы, компонентами которых являются названия головных уборов и их элементов

Эти фразеологизмы, как правило, употребляются для характеристики черт личности, поведения, особенностей мышления и эмоционального состояния человека. Помимо этого, головные уборы и их составные элементы приобретают разные значения в социальном, культурном и историческом контекстах.

Головные уборы на протяжении истории служили выражением социального статуса, принадлежности к определённой профессиональной или военной группе, а также религиозной и культурной идентичности. Среди наиболее распространённых типов головных уборов особое значение имели *папах* и *платки*, которые с древнейших времён рассматривались как важные и ценные элементы материальной культуры в тюркском мире.

В азербайджанском и в целом в тюркских языках для обозначения головного убора широко используется слово «папах». Этимология слова восходит к древнетюркскому происхождению.

В казахском, киргизском, узбекском и туркменском языках также существуют слова «папах» или их варианты. Хотя в анатолийском турецком языке имеются такие головные уборы, как «кепенек» и «бёрк», в некоторых регионах употребляется и термин «папах». Следует отметить, что слово «бёрк» не получило широкого распространения в современном азербайджанском языке.

Фразеологизмы «бросить бёрк в воздух» и «бросить папах в воздух» обозначают выражение сильного удовольствия и крайней радости.

б) Фразеологизмы, компонентами которых являются названия верхней одежды и ее элементов

Фразеологические единицы, связанные с верхней одеждой, используются для описания характера, эмоций и поведения человека. Эти языковые единицы способствуют усилению изобразительно-выразительных возможностей языка и

в ряде случаев позволяют более образно передать содержание определённых ситуаций. Верхняя одежда, как элемент внешнего облика, обычно символизирует социальную идентичность индивида, его поведение и отношения. Значительное количество фразеологических единиц отражает именно социальные роли, формы поведения и типичные жизненные обстоятельства, ассоциируемые с данным видом одежды.

Слово «одежда» в азербайджанском языке обозначает вид нательной одежды, преимущественно женской. Это слово древнетюркского происхождения и означает «носить», «надеваемое», «одежда». Эта лексическая единица восходит к формам «тон» / «тун», зафиксированным в орхон-енисейских письменных памятниках, где обозначало одежду, одеяние, особенно верхнюю. Встречается в форме «тон» в орхон-енисейских памятниках и других древнетюркских текстах.

Например: В орхон-енисейских надписях «*beg ton*» фиксируется в значении «халат (одежда) бека», «одежда знати / правительственное одеяние».

в) Фразеологизмы, связанные с элементами одежды

Фразеологизмы, связанные с элементами одежды, часто используются для выражения характера, эмоций и поведения людей. Одним из таких элементов является «карман». В азербайджанском языке существует значительное количество фразеологизмов с компонентом «карман»: *Карман полон, голова пуста; карманные расходы; карман полон, а разум пуст; карман полон, и настроение хорошее; в кармане мыши пляшут; ни копейки в кармане; не узнавать никого, кроме своего кармана — быть корыстным; расходиться (платить) из своего кармана; батарейка в кармане не пропала; положить в карман — в значении присвоить; следить за карманом — быть жадным* (3, с. 367).

г) Фразеологизмы, компоненты которых связаны с обувью

Фразеологизмы, связанные с элементами обуви, представляют собой выразительные языковые единицы, обладающие широким спектром значений. Подобные выражения, как правило, используются для образного описания характера человека, его настроения, состояния или поведения.

Фразеологизмы с компонентами, относящимися к обуви (туфли, сапоги, ботинки и т.д.), нередко отражают социальное положение, жизненные трудности, продвижение вперёд или откат назад.

Таким образом, несмотря на внешнюю простоту, слово «аяккабы» представляет собой содержательно-функциональное словосочетание.

Как видно, все указанные формы восходят к корням «аяк» и «кап/каб», что указывает на их общее тюркское происхождение.

В составе фразеологических единиц азербайджанского языка также встречаются архаичные названия предметов одежды. «*Одного нагого не смогут прикрыть сто в джюббе*» (3, с. 279) — фразеологизм символизирует крайнюю бедность или уязвимость, а «джюббе» (накидка, мантия) — богатство и внешнее благополучие.

Фразеология — это своего рода визитная карточка народа, его национальной культуры. В ней отражаются национальное мышление,

поэтическое воображение, элементы материальной и духовной культуры, а также особенности мировосприятия [5, с. 56].

Такие фразеологические единицы широко применяются в азербайджанском языке с целью придания высказыванию образности и выразительности. Поскольку названия предметов одежды в этих выражениях несут переносное значение, они передают как реальные, так и символические смыслы.

Список литературы

1. *Бали Ш.* Французская стилистика, 2-е изд., стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.
2. *Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избр. труды: лексикология и лексикография. Москва, 1977. С. 94–128.
3. *Гамидов И.* Фразеологический словарь азербайджанского языка. Баку: TEAS Press, 2020. 216 с.
4. *Мамедов Э.М.* Лексика Имаддина Насими. В контексте огузских языков. Баку.: ЭЛМ ве тахсил, 2019. 320 с.
5. *Махмудова К.Ч.* Фразеология кыпчакской группы тюркских языков / К.Ч. Махмудова. Баку: Нурлан, 2009. 296 с.
6. *Сейидэлиев Н.* Большой фразеологический словарь азербайджанского языка / Н. Сейидалиев, Б. Ахмедов. Баку: ЭЛМ ве тахсил, 2011. 747 с.
7. *Турецкий словарь: [2 т.].* Анкара: Турецкое лингвистическое общество, 2009. Т. 1. С. 660.
8. *Энциклопедия Китаби Деде Коркуд [в 2 т.].* Баки: Йени Нешрлер Эви, 2000. Т.1. 564 с.

PHRASEOLOGICAL COMBINATIONS WITH CLOTHING NAMES IN AZERBAIJANI

S.V. Akden

Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

This article examines the role and semantic function of clothing terms in Azerbaijani phraseological units. Phraseological units containing clothing components contain extensive information about the people's way of life, their worldview, social relations, and the aesthetics of the language. The study shows that terms such as "head", "shirt", "pants", "dress", and "shoes" are used in many set phrases, both literally and figuratively. Such expressions are also important linguistic means of expressing various emotional relationships, social status, and behavioral patterns.

Key words: azerbaijani language, phraseological units, names of clothing, metaphorical meaning, linguistic units.

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ОБЪЯСНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА

Н.О. Алиева

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается коммуникативная стратегия объяснения, направленная на достижения понимания. На материале диалогов из мини-сериала «Cunk on Britain» – «Канк о Британии» в жанре мокьюментари анализируется специфика реализации объяснительного дискурса в условиях намеренно сконструированного когнитивного диссонанса. Анализ исследуемого материала показал, что эффективность стратегии объяснения обратно пропорциональна степени различий в концептуальных системах коммуникантов.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, стратегия объяснения, экспланандум, эксплананс, барьеры коммуникации, эффективность объяснения.

Понимание сути коммуникативной стратегии объяснения следует начать с установления положения данной стратегии в ряду других коммуникативных действий. Для начала определим понятие объяснение. Согласно, Новой философской энциклопедии с точки зрения философии объяснение представляет собой познавательную процедуру и творческий процесс противопоставленный простому описанию фактов (Новая философская энциклопедия). Объяснение призвано обогатить знания о различных явлениях реального мира, тем самым углубить понимание самого явления, вписывая эти знания в более широкий контекст связей, закономерностей или систем. Из определения понятия объяснение вытекает его цель – достижение понимания, а оно необходимо в том случае, когда явление непонятно или неизвестно, известное и понятное объяснения не требует и является очевидным. Наличие у субъекта смыслового пробела между уже имеющимся знанием и более полным знанием или областью действительности, которая требует осмысления, предопределяет необходимость объяснения.

В структуре объяснения выделяют три элемента: 1) исходные, уже известные знания об объясняемом явлении (экспланандум); 2) знания, которые используются как условия и средства объяснения (эксплананс); 3) познавательные действия, логические и творческие операции, которые позволяют применить объяснение к объясняемому объекту [1].

В теории коммуникации распространено мнение о том, что участники ситуации общения, а именно автор и реципиент выполняют разные роли, автор создает высказывание, а реципиент его воспринимает. На самом деле реципиент участвует в процессе создания высказывания, так как он является аудиторией, с учетом особенностей которой строится высказывание, автор, в свою очередь,

при отборе наиболее эффективных стратегий достижения коммуникативной цели участвует в процессе интерпретации высказывания [5].

И.М. Шеина подчеркивает, что коммуникация представляет собой взаимодействие культурно-концептуальных картин мира коммуникантов, их фоновых знаний, стереотипных моделей, личным опытом, ситуации коммуникации, ценностей, норм, систем ожиданий и пресуппозиций коммуникантов [6]. Это позволяет сделать вывод о том, что учет экстралингвистических факторов (условий коммуникации, особенностей личностей коммуникантов, объекта объяснения и др.) имеет прямую взаимосвязь с эффективностью объяснения и воздействия на реципиента.

Согласно теории коммуникации, участники общения, а именно автор и реципиент выполняют различные задачи. Однако, как отмечают исследователи У. Чейф, К. Маккьюин и И.М. Шеина, задачи участников общения по созданию и восприятию и интерпретации высказывания частично совпадают [3]. Автор стремится к достижению понимания у реципиента, под которым понимается процесс воссоздания субъектом в собственном сознании мысленного образа объекта объяснения, представленного в воспринимаемом сообщении. Таким образом, автору необходимо вступить во взаимодействие с культурно-концептуальной картиной мира реципиента и избрать наиболее эффективные стратегии для достижения этой коммуникативной цели.

Исследователь Лин Хайянь отмечает, что в контексте объяснительного дискурса интерференция родной культуры, а значит различные прагматические пресуппозиции в процессе коммуникации, особенно межкультурной коммуникации, могут затруднять восприятие и вызвать непонимание при объяснении [2]. Барьеры как межкультурной, так и интракультурной подразделяют на: языковые, этнокультурные, коммуникативные и психологические [4]. Для преодоления различных барьеров авторы высказываний в процессе коммуникации вынуждены выбирать наиболее эффективные стратегии.

Материалом исследования являются два диалога из мини-сериала юмористического пародийного мини-сериала «Cunk on Britain» – «Канк о Британии» в жанре мокьюментари. Данный мини-сериал представляет исследовательский интерес ввиду того, что актриса Диана Морган предстает в роли малообразованной Филомены Канк, которая рассказывает историю Британии начиная от каменного века до освоения космоса и заглядывает в будущее. Отметим, что в данном мини-сериале наблюдается «деконструкция» жанра объяснения. Обычно обладатель знания – «эксперт» объясняет что-либо неизвестное или неочевидное тому, кто этим знанием еще не обладает. В данном случае экспланандум (объясняемое) исходит от обладателя абсурдного «знания» – Филомены Канк, а эксперт в свою очередь вынужден подстраивать свой эксплананс (систему научных знаний) к этой искаженной картине мира.

Культурные коды Филомены и экспертов кардинально отличаются, и различия в пресуппозиции создают затруднения при объяснении, как и наличие психологических барьеров – иррациональные ожидания Филомены разбиваются о рациональные объяснения эксперта.

Стратегия, которую выбирает эксперт в процессе объяснения, строится на последовательном опровержении ложных и иррациональных тезисов: проклятий не существует, указание на жанровую ошибку «это не Ковчег», люди не живут внутри книг, это лишь информация о них и т.д. В результате объяснения понимание не наступает, так как система ожиданий реципиента сильнее и устойчивее, чем научная картина мира.

Таким образом, рассмотрев диалоги из анализируемого мини-сериала можно сделать вывод о том, что при наличии значительных культурных и психологических барьеров логическое объяснение, опирающееся на факты, тем не менее может не приводить к пониманию. То есть, если эксплананс несовместим с личной онтологией реципиента понимание в процессе объяснения может быть не достигнуто. В рассмотренных диалогах теория У. Чейфа и К. Маккьюина о частичном совпадении задач автора объяснения и реципиента реализованы гротескно в силу жанровой специфики исследуемого материала. Филомена не только не воспринимает объяснения экспертов, но и активно интерпретирует их, навязывая свою картину мира. Так, можно сделать вывод, эффективность объяснения обратно пропорциональна степени различий в концептуальных мирах коммуникантов.

Список литературы

1. *Календр А.А.* Объяснение в популярно-медицинском дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 140–147.
2. *Лин Хайянь* Анализ прагматических ошибок в использовании китайского языка и методы их корректировки // Иностранные языки в высшей школе. 2013. Вып. 1 (24). С. 112–118.
3. *Маккьюин К.* Дискурсивные стратегии для синтеза текста на естественном языке // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1989. Вып. 24. С. 292–310.
4. *Рузавин Г.И.* Герменевтика и проблемы интерпретации, понимания и объяснения // Вопросы философии. 1983. № 10. С. 62–70.
5. *Садехин А.П.* Межкультурные барьеры и пути их преодоления в процессе коммуникации // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2008. № 2. С. 26–32.
6. *Трухина Т.А.* Особенности организации объяснительного монолога, обращенного к неподготовленным реципиентам // Иностранные языки в высшей школе. 2015. № 1. С. 79–85.
7. *Чейф У.Л.* Память и вербализация прошлого опыта // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики: сб. науч. ст. М.: Эдиториал, 2001. С. 3–41.
8. *Шеина И.М.* Лингвистические предпосылки успешности межкультурной коммуникации: монография. М.: Научная книга, 2009. 296 с.

Источники

1. Голохвастов П. (2018) Cunk on Britain: Season 1, Episode 1 (BBC Two 2018 UK)(ENG) [эпизод мини-сериала Cunk on Britain] // ВК. 4 апреля. (https://vk.com/video391330996_456239821). (дата обращения: 20.05.2026).

2. Новая философская энциклопедия / Гл. ред. Стёпин В.С. Москва: Мысль, 2001. 2659 с. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0147b3e4f487b73bea51af47> (дата обращения: 15.05.2026).

COMMUNICATIVE STRATEGY OF EXPLANATION IN CONDITIONS OF COGNITIVE DISSONANCE

N.O. Alieva

Kuban State University, Krasnodar

The article examines the communicative strategy of explanation aimed at achieving understanding. Drawing on dialogues from the mockumentary mini-series Cunk on Britain, the author analyzes the specific features of explanatory discourse in conditions of deliberately constructed cognitive dissonance. The analysis of the research material demonstrates that the effectiveness of the explanatory strategy is inversely proportional to the degree of difference between the conceptual systems of the communicants.

Key words: communicative strategy, strategy of explanation, explanandum, explanans, communication barriers, effectiveness of explanation.

УДК 81'373.611

СПОСОБЫ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ИНИЦИАЛЬНЫХ АББРЕВИАТУР

А.А. Алтухова

Донецкий государственный университет, Донецк

Статья посвящена комплексному анализу способов подтверждения эквивалентности инициальных аббревиатур в рамках синхронно-эквивалентностного подхода. В статье обосновывается недостаточность формально-структурного метода верификации и в качестве основного доказательного способа рассматривается анализ эквивалентных текстов. Особое внимание уделяется типологии эквивалентных текстов.

Ключевые слова: инициальные аббревиатуры, эквиваленты, эквивалентность, эквивалентные тексты, верификация.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26 – 18 – 20134, [https://rscf.ru/project/26 – 18 – 20134/](https://rscf.ru/project/26-18-20134/) «Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении».

Теоретическим основанием синхронно-эквивалентностного подхода к изучению инициальных аббревиатур выступает положение о множественной эквивалентности сокращений данного типа, трактуемой как способность инициальной аббревиатуры соотноситься с несколькими мотивационно связанными словосочетаниями. Если прямые эквиваленты, изоморфные структуре инициальных аббревиатур, устанавливаются без затруднений, то эквивалентность ряда единиц носит неочевидный характер и требует специального обоснования.

Актуальность исследования определяется практическими лексикографическими задачами. В ходе работы над «Большим толковым словарём инициальных аббревиатур», создаваемым в рамках проекта «Национальный словарный фонд государственного языка Российской Федерации», возникла необходимость в выработке объективных критериев, позволяющих верифицировать эквивалентный статус того или иного словосочетания.

Цель работы заключается в системном описании и теоретическом обосновании комплекса способов подтверждения эквивалентности инициальных аббревиатур, позволяющих фиксировать реальные мотивационные связи при формировании словника и словарных статей проектируемого лексикографического издания.

Материалом исследования послужила картотека аббревиатур, созданная в рамках работы над указанным словарём и смежными лексикографическими проектами – «Толковым словарём сложносокращённых слов» и «Словарём аббревиатур русского языка (при его использовании как государственного языка Российской Федерации)», составленными научным коллективом кафедры русского языка Донецкого государственного университета в рамках работы по госзаданию для Национального словарного фонда.

Эквиваленты, по определению В.И. Теркулова, это «словосочетания, которые употребляются как абсолютные синонимы (дублеты) аббревиатуры в эквивалентных текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимаемые носителями языка как эквиваленты ее конструкторов» [1, с. 82]. Применительно к инициальным аббревиатурам в роли эквивалентов выступают не только словосочетания, но также и слоговые аббревиатуры, частично сокращённые слова и другие инициальные аббревиатуры с вариативной структурой.

Первым этапом верификации, носящим необходимый, однако недостаточный характер, является установление формальной соотнесённости. В основе данного способа лежит формально-структурный принцип, согласно которому эквивалентное словосочетание должно состоять из лексических единиц, начальные элементы (буквы или звуки) которых соответствуют компонентам аббревиатуры в строго определённой последовательности. Например, *ОСТО* – *оборонное спортивно-техническое общество*, *ПФ* – *подготовительный факультет*, *подфак*. Локализация коррелирующих с инициальным конструктором компонентов не ограничивается начальной позицией. Так, возможно соответствие по интерпозитивным элементам в

сложных и сложносокращённых словах: *ОГЭ* – *общегосударственный экзамен*, *ДНП* – *дезоксирибонуклеопротеиды*, *БС* – *бронестекло*.

Данный способ характеризуется двумя существенными ограничениями. Во-первых, инициальные конструкторы лишены закреплённости за определённым значением, что обуславливает возникновение аббревиатурной омонимии. Так, одна и та же инициальная аббревиатура может иметь несколько омонимичных расшифровок, между которыми отсутствует семантическая и словообразовательная связь. Например, *ПП* – *производственное предприятие*, *передний привод*, *почтовый перевод*, *пункт погрузки*, *пункт посадки*, *программа передач*. Следовательно, не любое словосочетание, начальные буквы которого совпадают с компонентами аббревиатуры, можно рассматривать в качестве её эквивалента. Во-вторых, инициальные аббревиатуры не всегда в полном объёме воспроизводят структуру исходного словосочетания, вследствие чего пары, объективно состоящие в отношениях эквивалентности, могут не выявляться в рамках данной методики. Например, *АПП* – *автоматизация технологических процессов и производств*, *ОТИЗ* – *отдел труда и заработной платы*.

Основным доказательным способом подтверждения эквивалентности выступает анализ эквивалентных текстов. Под текстовой эквивалентностью в рамках синхронно-эквивалентностного подхода понимается явление, при котором аббревиатура и одно или несколько словосочетаний обнаруживают функциональную взаимозаменяемость в пределах текста. Аббревиатура и её эквиваленты выступают в роли абсолютных синонимов, объединённых мотивационной связью и реализующих тождественные синтаксические и семантические функции в текстовом пространстве.

Методика анализа эквивалентных текстов предполагает выявление в корпусе контекстов, в которых сокращение и его предполагаемый эквивалент демонстрируют функциональное тождество. Эквивалентные тексты определяются при помощи поисковых систем «Яндекс» и «Google», поскольку инициальные аббревиатуры представляют собой динамично развивающийся класс лексических единиц, требующий постоянного обновления эмпирических данных, а реальное употребление сокращений носителями языка в его актуальном состоянии наиболее полно фиксируется именно в интернет-ресурсах. При этом необходимым для верификации является количественный критерий: эквивалентным признаётся лишь то словосочетание, которое демонстрирует не менее 500 случаев совместного или синонимичного употребления с аббревиатурой в пределах эквивалентных текстов, что позволяет отсеять окказиональные и потенциальные, но не реализованные в текстах корреляции. Количественный порог был установлен эмпирическим путём в ходе работы над словарными проектами и является условным, однако достаточным для констатации узуальности эквивалентной пары.

В.И. Теркуловым была разработана типология эквивалентных текстов, включающая четыре разновидности: собственно эквивалентный текст, параллельные эквивалентные тексты, условно эквивалентные тексты, косвенно эквивалентный текст [2, с. 37–38].

Собственно эквивалентный текст представляет собой наиболее доказательный верификационный критерий. Он предполагает употребление и аббревиатуры, и её полного эквивалента в пределах одного текста для обозначения одного и того же референта:

*Система погружения и всплытия **подводной лодки** включает в себя балластные и вспомогательные цистерны, а также соединительные трубопроводы и арматуру. Основной элемент здесь – это цистерны главного балласта, за счет заполнения водой которых погашается основной запас плавучести **ПЛ**. <...> У **подлодки** есть дифференциальные цистерны, необходимые для компенсации продольного смещения грузов* (<https://naked-science.ru/article/tech/kak-ustroena-atomnaya-pod>).

Чаще всего это реализуется в модели эксплицитного введения аббревиатуры, когда дешифровка непосредственно предшествует сокращению или следует за ним:

***Атомная подводная лодка (АПЛ, ПЛА)** — подводная лодка с ядерной силовой установкой. Разрабатывать и строить собственные **АПЛ** в состоянии всего шесть стран: США (с 1954), СССР (Россия) (с 1958), Великобритания (с 1960), Франция (с 1967), Китай (с 1970), Индия (с 2009). В 2018 году свою первую **атомную подводную лодку** заложила Бразилия, а Пакистан и Иран ведут проектные работы в этом направлении* (https://ru.wikipedia.org/wiki/Атомная_подводная_лодка).

Наличие таких контекстов является прямым доказательством эквивалентности, не требующим дополнительных интерпретативных процедур.

Параллельные эквивалентные тексты представляют собой разные тексты, где в одном используется аббревиатура, а в другом – её несокращённый дублет для обозначения одного референта:

*В **ГД** рассказали о действии полиса **ОМС** в любом регионе. Депутат Свищев: россияне могут получить медпомощь по **ОМС** в любом регионе* (<https://iz.ru/2104869/2026-05-28/v-gd-rasskazali-o-deistvii-polisa-oms-v-liubom-regione>).

*В **Госдуме** напомнили об исключении борщевика из перечня оснований для изъятия участка. Депутат Кошелев: борщевик больше не является причиной для изъятия участка* (<https://iz.ru/2104878/2026-05-28/v-gosdume-napomnili-ob-iskliuchenii-borshchevika-iz-perechnia-osnovanii-dlia-iziatia-uchastka>).

***Государственная Дума** приняла во втором и третьем чтениях закон, который направлен на усиление защиты российских граждан от неправомерных действий недружественных иностранных государств* (<http://duma.gov.ru/news/63538/>).

Выявление таких параллелей требует сопоставительного анализа различных текстов и является надёжным, хотя и более трудоёмким способом подтверждения эквивалентности.

Условно эквивалентным называется такой текст, в котором аббревиатура и её эквивалент совпадают в своём сигнификативном значении, но при этом связаны с различными референтами, то есть различаются денотатно:

Вопрос повышения цен на ЖКУ в **ЖК** «Зеленый город» обсудят на собрании 11 марта (<https://regions.ru/dmitrov/obshchestvo/vopros-povysheniya-tsen-na-zhku-v-zhk-zelenyy-gorod-obsudyat-na-sobranii-11-marta>).

Жилой комплекс «Бадаевский» на набережной Тараса Шевченко еще находится в стадии строительства, но уже стал новой архитектурной доминантой Москвы (https://www.vedomosti.ru/press_releases/2026/05/27/zhiloi-kompleks-badaevskii-ot-sapital-group--na-mozaichnom-panno-obnovlennogo-leningradskogo-vokzala-v-chisle-klyuchevih-dostoprimechatelnostei-stolitsi).

Построив **жилищный комплекс** общей площадью более 16 тыс. кв.м в Подольском районе столицы, компании не уплатили определенный законодательством платеж в местный бюджет (<https://stroyobzor.ua/ru/kyiv/news-city/s-zastroyschikov-vzyskali-55-mln-griven-dolevogo-uchastiya>).

Воронежская прокуратура не успела смягчить позицию по **жилкомплексу** «Развития» после нормализации отношений с губернатором (<https://abireg.ru/newsitem/110940/>).

Косвенно эквивалентные тексты – это тексты, в которых сами эквиваленты употребляются синонимично, но без связанной с ними аббревиатуры. Анализ текстов данного типа представляется особенно значимым как для подтверждения уже установленной эквивалентности, так и для выявления новых эквивалентов, поскольку именно в условно эквивалентных и косвенно эквивалентных текстах могут обнаруживаться единицы, неочевидные с формально-структурной точки зрения и не воспроизводящие инициальную аббревиатуру изоморфно.

Так, например, структурно тождественные аббревиатуре **АБ** эквивалентны **автомобильный бензин** и **автобензин** без затруднений верифицируются через собственно эквивалентные тексты:

Таким образом, введение новых «углубляющих» мощностей приведет к росту производства **автомобильного бензина** только на ~ 2-3 млн т/год, но в гораздо большей степени к росту выработки товарного дизельного топлива на ~ 10 млн т/год. При объеме выпуска в РФ в 2019 году **автобензина** экологического класса К5 на уровне 40,2 млн т внутреннее потребление составило 35,5 млн т. С 2015 года внутренний спрос на **АБ** не растет в следствие общей экономической ситуации, продолжающегося обновления автопарка на более экономичную технику, более активного использования общественного транспорта в мегаполисах, а также роста перевода техники на СУГ (пропан-бутан) (<https://www.drive2.ru/b/558066748478195238/>).

Доказательство эквивалентности таких сочетаний, как, например, **бензин** для автотранспортных средств или **бензин** для автомашин требует обращения к условно эквивалентным текстам:

Розничная продажа сжиженного нефтяного газа, сжатого природного газа и **бензина для автомобилей** на автозаправочных станциях. <...> К этой категории относятся: - розничная продажа **бензина для автотранспортных средств** и мотоциклов - розничная продажа дизельного топлива для

автотранспортных средств (<https://easytaxes.am/app/economic-activity-types?q=47.30>).

Комитет по конкурентной политике Московской области проводит электронный аукцион на поставку **автомобильного бензина** для нужд Московской областной противопожарно-спасательной службы /ГКУ МО "Мособлпожспас"/ через сеть автозаправочных станций. <...> Победитель аукциона должен предоставлять **бензин для автомашин** структурных подразделений Мособлпожспаса (<https://tass.ru/opinions/27548445>).

Систематическое функционирование единиц **бензин** для автотранспортных средств, бензин для автомобилей, бензин для автомашин в идентичных контекстуальных условиях, их синонимическая взаимозаменяемость друг с другом и с прямым эквивалентом **автомобильный бензин** служат доказательством их принадлежности к гнезду эквивалентности аббревиатуры **АБ**.

Таким образом, верификация эквивалентности инициальных аббревиатур в рамках синхронно-эквивалентностного подхода представляет собой комплексный анализ, интегрирующий формально-структурные и количественно-дистрибутивные методы. На первом этапе осуществляется структурный анализ, в ходе которого устанавливается гипотетический круг единиц, претендующих на статус эквивалентов, на основании соответствия начальных элементов слов компонентам аббревиатуры. Основным и наиболее доказательным инструментом объективации мотивационных связей выступает метод анализа эквивалентных текстов, опирающийся на функциональное тождество аббревиатуры и словосочетания в реальной речевой практике.

Список литературы

1. Теркулов В.И. Отношения эквивалентности в синхронном гнезде эквивалентности аббревиатуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 9(122). С. 82–87. EDN ZJTGBX.
2. Теркулов В.И. Текст как показатель аббревиатурной эквивалентности // Язык. Текст. Дискурс. 2018. № 16. С. 34–41. EDN YWOVSX.

METHODS OF VERIFYING THE EQUIVALENCE OF INITIAL ABBREVIATIONS

A.A. Altukhova

Donetsk State University, Donetsk

The article is devoted to a comprehensive analysis of methods for verifying the equivalence of initial abbreviations within the framework of the synchronic-equivalence approach. The article substantiates the insufficiency of the formal-structural method of verification and considers the analysis of equivalent texts as the primary evidential method. Special attention is paid to the typology of equivalent texts.

Key words: initial abbreviations, equivalents, equivalence, equivalent texts, verification.

СОВРЕМЕННЫЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Е.А. Андреас

Кубанский государственный университет, Краснодар

1. В условиях цифровизации науки академический дискурс является одной из наиболее продуктивных сфер возникновения англоязычных неологизмов.

2. Современные академические неологизмы отражают процессы концептуализации новых научных реалий и служат средством языковой репрезентации изменений в научной деятельности.

3. Неологизмы выполняют не только номинативную, но и когнитивную функцию, участвуя в формировании новых концептов научного знания.

4. Наиболее распространёнными неологизмами академического дискурса являются open science, citizen science, research visibility, altmetrics, preprint culture и datafication.

5. Неологизм open science отражает новую модель научной деятельности, основанную на открытом доступе к результатам исследований.

6. Термин citizen science фиксирует расширение представлений о субъекте научного познания за счёт участия непрофессиональных исследователей.

7. Неологизм research visibility отражает изменение критериев оценки научной деятельности в цифровой среде.

8. Термин altmetrics демонстрирует трансформацию механизмов оценки научного влияния публикаций.

9. Неологизм preprint culture отражает новые формы распространения научного знания посредством электронных платформ.

10. Термин datafication связан с цифровой трансформацией науки и представлением исследовательской деятельности в виде данных.

11. Наиболее продуктивными способами образования академических неологизмов являются словосложение и аффиксация.

12. Современные англоязычные неологизмы выступают индикаторами изменений в научной картине мира и отражают тенденции развития науки XXI века.

13. Исследование академических неологизмов позволяет выявить влияние социальных и технологических факторов на развитие английского языка.

14. Перспективным направлением является изучение динамики распространения академических неологизмов в различных типах научного дискурса.

Список литературы

1. Катермина В.В., Плаксин В.А. «Цифровая преступность» в финансово-экономическом дискурсе (на материале английских неологизмов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 3. С. 112–118.
2. Кольцова Е.А. Неологизмы английского языка XXI века // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 604–613.
3. Михайлова Ю.Л. Неологизация как элемент пополнения словарного состава английского языка XXI века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. Вып. 5 (776). С. 45–54.
4. Рябцева Н.К. Современные цифровые терминологические неологизмы в английском языке и проблемы перевода // Научный диалог. 2024. № 2. С. 38–49.
5. Соколов Д.В. Цифровизация науки как фактор трансформации научной коммуникации // Управление наукой: теория и практика. 2024. № 4. С. 22–29.
6. Oxford English Dictionary Online. New Words List and Language Updates. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 10.05.2026).

УДК 81'1:004

АДЫГЕЙСКО-РУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Х.З. Багирков

Адыгейский государственный университет, Майкоп

В работе анализируется интернет-опосредованная коммуникация (ИОК) русскоязычных форумов в условиях адыгейско-русского билингвизма. В сети функционирует язык отличный от норм русского литературного языка, который характеризуется интерактивностью, создающей новые вербальные и невербальные единицы коммуникации и вырабатывающий правила и нормы, не соответствующие нормам общения вне сети интернета.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, контактная лингвистика, билингвизм, языковой код, опосредованная интернет-коммуникация.

Цель работы – комплексное исследование и описание современных тенденций коммуникативной деятельности адыгейца-билингва в цифровом пространстве в социокультурных условиях национально-иноязычных языковых контактов. Анализируемая предметная область компьютерной лингвистики в американской и западноевропейской науке представлен термин «компьютерная лингвистика» (computational linguistics), а в отечественном научно-исследовательском «поле» смысловое значение термина «прикладная лингвистика» отличается от трактовки термина-кальки (applied linguistics). В российском научном пространстве смысловое значение термина «прикладная лингвистика» отличается от трактовки термина-кальки (applied linguistics), так

как под «прикладной лингвистикой» понимается предметная область, исследующая методику обучения языкам, наблюдается тенденция расширения диапазона, в которую включают нейрообразование, логопедию и перевод, нейродидактику, нейропсихологию, нейрофизиологию и т.д. По мнению Ю.В. Рождественского «задача прикладного языкознания состоит в том, чтобы ...<...> ..., наметить ... <...> ... пути речевой коммуникации на базе новой техники <...>, распространить новые виды речевой коммуникации путем обучения ... <...> ... (создания этих текстов, их обучения и применения) [1, с. 215]. Далее отмечает «... <...> прикладная лингвистика включает три основных направления: лингводидактику, лингвосомиотику, информационное обслуживание» [Ibid]. Эмпирический материал статьи предполагается анализировать стилистическими методами (контекстуальный, стилистической сочетаемости, интерпретация и др.), которые помогут выявить экстралингвистическую специфику, влияющую на трансформацию и развитие контактирующих языков в цифровом пространстве и реализующаяся в контенте неофициального сегмента коммуникатора.

Необходимо подчеркнуть, что русскоязычная интернет-коммуникация, в связи с языковым контактированием, исследуется в разных научных школах академических вузов, изданы монографии Б. Тошовича «Интернет-стилистика» (2015) и «Структура интернет-стилистики» (2018), Т.Н. Колокольцева и О.В. Лутовинова (2014) в коллективной монографии «Интернет-коммуникация как новая речевая формация» классифицируют словообразовательные модели графодериватов. В коллективной монографии «Мултимедијална стилистика» Д. Дојчиновић, Г. Милашин (2018) исследуется мультимедиальность сетевой коммуникации. В работах А.Г. Гадамского (2020) «Религиозный язык в Интернете» и С.Ф. Барышева и др. (2015) «Жанровое своеобразие интернет-коммуникации», Т.Л. Каминской (2021) «Трансформация жанровой системы медиа» исследуются трансформационные процессы русского языка. В университетские программы обучения студентов введен курс «Интернет-стилистика», авторами которого являются Н.И. Клушина, А.В. Николаева (2020).

Ю.В. Рождественский, характеризуя креативную функцию языка отмечает: «Распространение национально-иноязычной коммуникации, темпы и масштабы обуславливают необходимость функционирования русской устной и письменной ... медиаречи, его активной интеграции, что обусловлено функционированием ... билингвизма в сети интернет» [Ibid]. В отношении кодирования/декодирования текста Л.В. Рацибурская отмечает: «Проявлением поликодовости в медийных новообразованиях можно считать использование в рамках одного новообразования разнофункциональных элементов одного языка (монографиксация), комбинацию прописных и строчных букв (капитализация), алфавитов разных естественных языков (полиграфиксация), а также элементов разных кодовых систем (кодографиксация), цвета, рисунка, фото» [1, с. 99–100]. Общее и кавказское языкознание требует изучения и исследования в цифровом пространстве частотных словообразовательных неологизмов в Сетевом общении, исследования интернет-жаргона, синтаксической специфики сетевого общения, стилистической специфики адыгейского и русского языков в интернет

общении, т.е. изучение словообразовательных инноваций, устно-письменной коммуникации, диалогичность, коллоквиализация общения, экспрессивизация, снижение и огрубление речи в интернете, новых стилей и жанров в интернет-коммуникации. Необходимостью является комплексный анализ накопившегося эмпирического материала Корпуса адыгейского языка (11 млн. словоупотреблений) и сервиса «Яндекс Переводчик», которым пользователи платформы переводят тексты с адыгейского языка на более чем сто других языков и обратно, чтобы наметить дальнейшие пути исследований в цифровом адыговедении и сетевой коммуникации. Эмпирический материал работы доказывает, что языковые явления в цифровом пространстве носят не случайный характер, что приводит к выводным знаниям о неизбежной трансформации в системе контактирующих адыгейского и русского языков, так как они должны обеспечивать коммуникацию в цифровом социуме и вырабатывать новые этические нормы. Контактующие языки вносят весомый вклад в сохранение национальной этноидентичности граждан РФ в условиях диалога культур в многонациональном социуме.

Перспективным в адыговедении является понимание сетевой коммуникации как информационного пространства для лингводидактических экспериментов, позволяющих языковой системе развиваться и создавать новые ресурсы для преподавания контактирующих языков в социокультурных условиях национально-иностранного билингвизма. Практическое значение решаемой научной проблемы связано как с обновлением исследовательских позиций при изучении языкового функционирования в цифровом пространстве, так технологиями педагогического инжиниринга в школьном и вузовском преподавании, поскольку уровневый подход к анализу языка интернета может объяснить трансформацию нормы, дать глубокий анализ о развитии современного русского литературного и национального адыгейского литературного языка в целом.

В работе будет представлен корпус интерферирующей русской речи адыгейцев-билингвов, находящийся в стадии разработки. Целью полевой работы было изучение лингвосомиотических знаков контактирующих языков в квантитативно-сопоставительном аспекте. В данной статье будет рассмотрена архитектура описываемой базы данных, которая может использоваться как универсальная основа для построения информационных систем, охватывающих любые диалектные, акцентные разновидности, а также аномальные варианты русской речи адыгейцев-билингвов. В перспективе планируются дополнительные выездные исследования в Адыгейском государственном университете, Абхазском государственном университете и Карачаево-Черкесском государственном и Кабардино-Балкарском государственном университетах, а также будет продолжена разработка более эргономичного интерфейса по исследованию функционированию адыго-абхазских языков.

Список литературы

1. *Рацибурская Л.В.* Поликодовость как средство воздействия в медийном словотворчестве // Сетевая коммуникация: новые форматы для науки,

образования и продвигающих коммуникаций: материалы Международного научного форума. СПб.: Политех-пресс, 2020. С. 99–100.

2. *Рождественский Ю.В.* Лекции по общему языкознанию. М.: Высш. шк., 1990. 381 с.

ADYGEAN-RUSSIAN LANGUAGE CONTACTS IN THE DIGITAL SPACE

Kh. Z. Bagirokov

Adyghe State University, Maykop

The article analyzes the Internet-mediated communication (IMC) of Russian-language forums in the context of Adyghe-Russian bilingualism. The network features a language that differs from the norms of the Russian literary language, characterized by interactivity, which creates new verbal and non-verbal units of communication and develops rules and norms that do not correspond to the norms of communication outside the Internet.

Key words: Internet communication, contact linguistics, bilingualism, language code, mediated Internet communication.

УДК [81-13+811'37]:167.2(045)

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ МЕНАСИВНОГО РЕЧЕВОГО АКТА

Е.С. Безменова

Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск

Работа посвящается моделированию прагматической и семантической структуры менасивного речевого акта. Различаются базовые параметры и дифференциальные признаки трех типов менасивного речевого акта.

Ключевые слова: менасивный речевой акт (МРА), угроза-наказание, угроза-предупреждение, угроза-понуждение.

Моделирование в лингвистике представляет собой метод исследования, при котором свойства языкового объекта или речевой деятельности изучаются опосредованно, через построение и анализ соответствующей модели [4]. В качестве объекта исследования рассматривается менасив, который традиционно понимается как речевой акт, описываемый следующим образом: «*X угрожает <грозит> Y-у, что сделает P* = ‘говорит Y-у, что сделает плохое для Y-а P, чтобы Y боялся P’» [2, с. 1190]. Моделирование менасивного речевого акта (МРА) направлено на описание и систематизацию семантических и прагматических сходств и различий основных типов менасивов (угрозы-наказания, угрозы-предупреждения и угрозы-понуждения), выделяемых в соответствии с типологией А.Н. Баранова [1, с. 141].

К числу обязательных компонентов МРА относятся адресант (S_1) и адресат (S_2). Инвариантная структура МРА определяется следующим набором базовых параметров: наличие каузальной связи, деструктивный характер прогнозируемого действия (P), характер межличностных отношений участников, а также знание коммуникантов, что говорящий в состоянии выполнить P [3, с. 144]. Любой МРА детерминирован причинно-следственной зависимостью между действием или бездействием адресата (Q) и ответным деструктивным действием адресанта (P), которое в зависимости от типа менасива актуализируется как реальное уже свершившееся действие или как потенциальное. Для успешности МРА обязательным является не реальное намерение адресанта (S_1) исполнить действие P , а убежденность адресата (S_2) в способности и готовности говорящего его реализовать. Данный параметр обуславливает интерпретации высказывания как угрозы в повседневной коммуникации и является общим для трех выделенных типов менасива.

К дифференциальным признакам трех типов менасивов (угрозы-наказания, угрозы-предупреждения, угрозы-принуждения) относятся характер действия Q , временная направленность, характер требования к S_2 , иллюкутивная цель и реализация условий успешности.

Угроза-наказание реализуется в ситуациях, когда действие Q уже совершено адресатом (S_2) в прошлом. Требование к изменению поведения со стороны S_1 отсутствует, а иллюкутивная цель заключается в констатации неизбежного наступления негативных последствий в виде деструктивного действия P за уже произошедшее. Типичным примером является высказывание *Ты разбил мою кружку, я заставлю тебя мыть всю посуду*. В рамках ТРА данный тип относится к классу комиссивов согласно классификации Дж. Серля [5].

Угроза-предупреждение ориентирована на информирование адресата (S_2) о неблагоприятных последствиях в виде действия P , которые наступят при невыполнении директивного условия, требующего прекращения или недопущения совершения нежелательного для S_1 действия Q в будущем, в чем и состоит иллюкутивная цель высказывания. Иллюкутивный класс представляет собой совмещение директива и комиссива. Условием успешности выступает то, что S_2 может выбрать не совершать действие Q . Пример реализации: *Если ты разобьешь мою кружку, я заставлю тебя мыть всю посуду*. Иллюкутивный класс представляет собой совмещение директива и комиссива.

Угроза-понуждение, рассматриваемая как подтип предупреждения, отличается тем, что S_1 , напротив, стремится побудить адресата (S_2) к выполнению активного (желательного) действия Q под угрозой наступления деструктивного действия P . Условием успешности является возможность S_2 выбрать совершить действие Q . Типичный пример: *Если ты не помоешь всю посуду, я лишу тебя телефона*. Данный тип также совмещает в себе признаки директива и комиссива.

Перспективы исследования заключаются в теоретическом сопоставлении моделей менасивов с их репрезентацией в реальном дискурсе. Представленная структура может быть расширена за счет введения дополнительных компонентов

коммуникативной ситуации, детализации статусных отношений и ролевой асимметрии участников, а также включения национально-культурных доминант. Это позволит в дальнейшем выявить специфику реализации МРА в разноструктурных языках.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013). Вып. 12. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 84–94 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://www.dialog-21.ru/media/1308/dialog_2013_vollweb.pdf (дата обращения 10.06.2026).
2. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2010. 394 с. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://rusexpert.ru/public/guild/4.pdf> (дата обращения 10.06.2026).
3. Гловинская М.Я. Угрожать I, пригрозить, грозить I, грозиться // Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова, связочные слова, предикаты выражений чувств / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 1190 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://rkiff.philol.msu.ru/wp-content/uploads/2020/05/Апресян_Объяснительный-словарь.pdf (дата обращения 10.06.2026).
4. Лингвистический энциклопедический словарь [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/304a.html> (дата обращения 10.06.2026).
5. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов: Сб. статей. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.

THE MENASIVE SPEECH ACT: APPROACHES TO MODELING

E.S. Bezmenova

Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk

This work is devoted to modeling the pragmatic and semantic structure of the menasive speech act. It distinguishes between the basic parameters and differential features of three types of menasive speech acts.

Key words: menasive speech act (MSA), threat-punishment, threat-warning, threat-coercion.

МИКРОАНТРОПОНИМЫ В СТРУКТУРЕ ЭТНИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

И.Д. Бекоева

Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, Цхинвал

В статье исследуется феномен микроантропонимов (прозвищ) в системе этнического мировоззрения южных осетин. Рассматривается проблема формирования городских прозвищ как семиотических и социокультурных маркеров картины мира горожан. Предложена классификация южноосетинских микроантропонимов на основе семантических, мотивационных и функциональных критериев. Доказывается, что цхинвальские микроантропонимы выступают важным фрагментом картины мира южных осетин, эксплицируя мировоззрение, ценностные ориентации и креативность языковой личности цхинвальцев.

Ключевые слова: микроантропонимы, прозвища, этническое мировоззрение, картина мира, Цхинвал, антропонимическая классификация.

В условиях сложной, многоаспектной этнокультурной среды Кавказа, изучение прозвищ как особого лексико-семиотического явления позволяет выявить мировидение, специфические модели восприятия и оценки действительности. Данное исследование сосредоточено на прозвищах южных осетин в микроантропонимическом аспекте: как они возникают, как они закрепляются и приобретают функции носителей этнокультурных и идеологических смысловых пластов. Прозвище – это один из видов антропонима, дополнительное имя, которое дается человеку окружающими его людьми, в соответствии с некой характерной чертой, сопутствующим его жизненным обстоятельствам либо какой-то аналогии [3, с. 115; 4, с. 169]. Индивидуализирующая и дифференцирующая функции ярче, чем у официальных имен. Прозвища могут классифицироваться по принципам номинации, мотивам, характеру мотивированности, коннотации, способам деривации и т.д. [1] Прозвища возникают и функционируют в пределах одного языкового коллектива и являются показателем отношений между его членами [2, с. 52].

Актуальность работы определяется тем, что: 1) рост интереса к микропонимам в современной ономастике обусловлен их способностью фиксировать представления о мире, родственных связях и социальных взаимоотношениях, профессиональной деятельности; 2) прозвища обладают высокой коннотативностью, поскольку отражают эмоционально-экспрессивные и оценочные установки сообщества; 3) для южных осетин, идентичность которых формировалась в условиях новейших исторических трансформаций и межэтнических контактов, прозвища актуализируют стереотипы, традиционные народные представления и повседневные практики.

Цель исследования – проанализировать прозвища в микроантропонимном корпусе южных осетин, в частности, жителей Цхинвала, как отражение их локальной картины мира и мировоззрения. Задачи, обусловленные целью, предполагают: 1) создание корпуса прозвищ; 2) классификацию прозвищ по семантическим и прагматическим признакам. Методологическая база исследования включает полевую работу (опрос информантов, фиксацию локальной лексики); корпусный анализ, семантическую и прагматическую типологию прозвищ.

На основании собранного материала (952 единицы) все прозвища были классифицированы по следующим критериям: 1) принцип номинации; 2) структурно-грамматическая оформленность; 3) гендерная принадлежность; 4) функция поколенной передачи прозвища.

По принципу номинации были выделены следующие группы прозвищ: 1) физиономические; патронимические, персонимные, этнонимные.

Таблица 1. Сводная таблица

Категория	Тип	Принцип характеристики	Примеры
Принцип номинации	Физиономические	По внешности, частям тела	<i>Хъуриша</i> осет. хъус 'ухо'; <i>Фындж</i> осет. 'нос', <i>Череп</i>
	Патронимические	По фамилии (усеченная форма)	<i>Пуха</i> (Пухаев), <i>Келе</i> (Келехсаев), <i>Тед</i> (Тедеев)
	Персонимные	По имени (усеченная форма)	<i>Вале</i> (Валерий), <i>Абе</i> (Альберт)
	Этнонимные	По этнической соотнесенности	<i>Японец</i> , <i>Француз</i> , <i>Индеец</i> , <i>Китаец</i>
	Характерологические	По чертам характера	<i>Коммунист</i> , <i>Фашист</i>
	Прецедентные	По имени деятелей истории, культуры, известных литературных или кинематографических персонажей	<i>Пушкин</i> , <i>Бетховен</i> , <i>Юденич</i> , <i>Ленин</i> , <i>Македонский</i> , <i>Зевс</i> , <i>Хеопс</i> , <i>Кастро</i> , <i>Питкин</i>
	Профессиональные	По роду деятельности	<i>Доцент</i> , <i>Афганец</i> (служивший в Афганистане), <i>Десант</i> , <i>Фельдфебель</i> , <i>Купец</i>
Структурно-грамматическая оформленность	Однословные		<i>Чижик</i> , <i>Малыш</i> , <i>Крепыш</i> , <i>Ежик</i>
	Сложные		<i>Зыв-Зыв</i> , <i>Ге-Ге</i> , <i>Сим-Сим</i> , <i>Моумате-Шала</i>
Гендерная принадлежность	Женские		<i>Ахчик</i> , <i>Барби</i> , <i>Мысырхан</i> , <i>Чикита</i> , <i>Чика</i> , <i>Тæхъу</i> (осет. 'зайчонок')
	Мужские		<i>Медведь</i> , <i>Ежик</i> , <i>Колорадо</i> , <i>Кошмар</i>
	Кросс-гендерные	Мужские прозвища даются женщинам, и наоборот	<i>Ануси</i> , <i>Ляля</i> , <i>Матрона</i> , <i>Текле</i> , <i>Ласточка</i> (мужчины); <i>Чижик</i> (женщина)
Функция передачи	Индивидуальные	Применяются к конкретному человеку	Подавляющее большинство прозвищ

	Коллективные/семейные	Передаются по наследству другим членам семьи	<i>Джорцхен, Сусти, Сæныкк</i>
	Функционирующие post mortem	Не перестают употребляться со смертью носителя имени, но ни к кому не переходят	<i>Пыцкк, Пицыр, Питюк</i>

Выводы. Антропонимические прозвища являются важными источниками представления о коллективном мировоззрении южных осетин. Прозвища фиксируют социальные связи, стереотипы, ценностные установки и служат маркерами этнокультурной идентичности. Проанализированный корпус (952 единицы) показал типологическое разнообразие прозвищ по принципу номинации, структуре, гендерной соотнесенности, что свидетельствует об их семантической и прагматической многофункциональности.

Список литературы

1. *Аблова Н.А.* Виды прозвищ, их прагматические функции и особенности // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2019. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-prozvisch-ih-pragmaticheskie-funktsii-i-osobennosti> (дата обращения: 07.06.2026).
2. *Гузнова А.В.* Прозвищная номинация в арзамасских говорах (части нижегородских): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2016. 22 с.
3. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с.
4. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного: 2-е изд., испр. М.: Изд-во Наука, 1973. 368 с.

Источники

Пухаев К.П. От Агента до Японца: перечень кличек и прозвищ в Южной Осетии. Цхинвал: Типография ЮОГУ, 2018. 24 с.

Необычный труд историка, или что в прозвище тебе моем? URL: <https://south-ossetia.info/neobychnyj-trud-istorika-ili-cto-v-prozvishe-tebe-moem/> Официальный сайт Администрации Президента Республики Южная Осетия (дата обращения 06.06.2026).

MICROANTHROPONYMS IN THE STRUCTURE OF ETHNIC WORLDVIEW

I.D. Bekoeva

South Ossetia State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval

This article investigates the phenomenon of microanthroponyms (nicknames) within the ethnic worldview of South Ossetians, focusing specifically on the residents of Tskhinval. It analyzes formation of the urban nicknames as semiotic and sociocultural markers reflecting the city dwellers' picture of the world. The study proposes a classification of South Ossetian microanthroponyms according to semantic,

motivational, and functional criteria. It demonstrates that Tskhinval nicknames constitute a salient element of the South Ossetia worldview, revealing its values and patterns of linguistic creativity.

Key words: microanthroponyms, nicknames, ethnic worldview, worldview, Tskhinval, anthroponymic classification.

УДК 81'255.2

«ДЕЛО БЫЛО В ПЕНЬКОВЕ»: ТРУДНОПЕРЕВОДИМАЯ ЛЕКСИКА ПОВЕСТИ С.П. АНТОНОВА

П.С. Бирюкова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена рассмотрению труднопереводимых лексических единиц повести С.П. Антонова «Дело было в Пенькове» в переводе с русского на английский, выполненном Ольгой Шарце.

Ключевые слова: «Дело было в Пенькове», лексические единицы, труднопереводимая лексика, культурный компонент.

Повесть Сергея Петровича Антонова «Дело было в Пенькове», изданная в 1956 году, написана выразительным, самобытным языком и представляет благодатное поле для ее исследования языковедами и культурологами. Наличие колоритной лексики в произведении делает ее перевод на иностранный язык довольно сложным. Ольга Шарце проделала огромную работу, передав своеобразие сельского диалекта советского периода в английском переводе данной повести – “It Happened in Penkovo” (1959). В данной статье предлагается рассмотреть примеры наиболее сложных для перевода лексических единиц произведения.

Текст «Дело было в Пенькове» содержит немало примеров лексических единиц с культурным компонентом. Так, например, в повести встречается привычное русскому уху слово «божиться» [Антонов], которое не перевести на английский одним словом. Ольга Шарце использовала описательный (разъяснительный) перевод: “swear by all that’s holy” (“And although Matvei *swore by all that’s holy* and gave the word of a Komsomol that he had seen all this with his own eyes, no one took him seriously...” [Antonov, p. 7]). Действие повести происходит в деревне, и большинство героев данного произведения представляют собой рабочий народ, простой и прямолинейный. В слове «божиться», то есть клясться перед Богом, заложена духовность русского мужика, для которого Господь является непререкаемым авторитетом.

Религиозность жителей деревни прослеживается и в атрибутике их домов. Так, при описании пеньковских жилищ, нередко упоминаются «образа» [Антонов] или «иконы» [Антонов] (“He only sighed and sat down on the bench under the *icons*” [Antonov, p. 10]; “In the corner, under smoke-begrimed *icons*, stood an unwieldy square table, which had once been painted with green oil paint” [Antonov, p. 38]).

Следующим примером описательного перевода является перевод слова «реветь» [Антонов] – “to weep away their maidenly sorrows” (“And beyond the village, on the bank of the Kazanka River where Penkovo girls usually go *to weep away their maidenly sorrows*, one can still see the rotten stumps of trees felled long ago...” [Antonov, p. 8]). Переводчик справедливо посчитала, что без пояснения иностранному читателю будет неясно, по какой причине пеньковские девчата уходили реветь на реку Казанку, поэтому использовала такую переводческую трансформацию. В русской же традиции плач – очень частое и значимое явление: «плач был духовной составляющей различных обрядов “перехода” человека в иное состояние. Он сопровождал страшные или трагические эпизоды из жизни людей, близкие по своей природе к смерти» [2, с. 355].

Следующая лексическая единица, интересная с точки зрения культурной составляющей – «встретить как следует» [Антонов] – была переведена как “give a fitting welcome” (“On hearing the news, Ivan Savich turned back home at once to warn the old mian and make sure he tidied up his cottage and *gave his granddaughter a fitting welcome*” [Antonov, p. 17]). По сюжету повести к пожилому жителю деревни Глечикову должна вот-вот приехать внучка, и он готовится ее встречать.

Встреча гостей в русской культуре – значимое событие, к которому готовятся основательно и заранее: «Гостеприимство – одна из важнейших черт ментальности русских и казахов, свойственная им исторически» [1, с. 60]. В английском языке существует фраза “give a warm welcome”, однако переводчик Ольга Шарце посчитала ее не подходящей для данного контекста, по-видимому, в силу того, что в ней заложено лишь положительное отношение к конкретному посетителю, а не традиционная приветливость к гостям.

Другая лексическая единица, говорящая об укладе жителей Пеньково как типичных обитателей деревни, – «как куры садятся, так и не вижу ничего» [Антонов] (“*As soon as the chickens go to sleep, I’m blind as a bat*” [Antonov, p. 18]). Хозяйственные жители деревень, держащие домашнюю птицу, измеряют время дня по режиму своих пернатых. В этой сцене пожилой герой повести жалуется на слабое здоровье и ухудшающееся зрение, которое особенно дает о себе знать, когда куры садятся на свои насесты, то есть, с наступлением сумерек.

Домашние животные упоминаются не только в связи с режимом дня, но и для описания определенного типа поведения. Так, например, героиня повести Лариса, молодая обительница деревни Пеньково, сравнивает напористое поведение своего ухажера с загоном коров домой: «ровно телку гонит...» [Антонов] (“D’you think you’re *driving a cow home* or something?” [Antonov, p. 18]).

Деревенский уклад и «близость к земле» прослеживается и в ругательствах пеньковских обитателей: «Сорняк ты колхозный. Хвощ» [Антонов] (“You’re the *rank growth on the field. A mare’s tail*” [Antonov, p. 19]).

Подводя итоги, отметим, что, безусловно, такую самобытную, красочную речь, так характерную для жителей русской глубинки во все времена, переводить на иностранный язык – задача сложная. Передать весь колорит и красоту данной речи невозможно, однако переводческие решения Ольги Шарце однозначно приближены к недостижимому идеалу. Для передачи наиболее труднопереводимых лексических единиц переводчик использовала

транслитерацию, описательный перевод, генерализацию. Иностраный читатель, желающий познакомиться с культурными и языковыми особенностями жителей советской глубинки, может почерпнуть искомую информацию в данном переводе.

Список литературы

1. Журавлева Е.А. Национальные стереотипы и ритуалы: устойчивость и модификация в полиэтническом социуме // Неофилология. 2018. №13. С. 59–63.
2. Скворцова А.В., Попова М.Ю. Плач и смех как элементы традиционной культуры // Kant. 2025. №1 (54). С. 354–359.

Источники

Антонов С.П. Дело было в Пенькове. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/208408-sergey-antonov-delo-bylo-v-penkove.html#read> (дата обращения: 30.05.2026).

Antonov S. It happened in Penkovo. Moscow: Foreign languages publishing house, 1959. 209 p.

“IT HAPPENED IN PENKOVO”: HARD-TO-TRANSLATE VOCABULARY IN SERGEI ANTONOV'S NOVELLA

P.S. Biryukova

Kuban State University, Krasnodar

This article examines hard-to-translate lexical units in Sergei Antonov's novella “It Happened in Penkovo” translated from Russian into English by Olga Shartse.

Key words: “It Happened in Penkovo”, lexical units, hard-to-translate vocabulary, cultural component.

УДК 372.8

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ЕГЭ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

С.Ю. Богданова, Е.Е. Никулин

Иркутский государственный университет, Иркутск

Доклад посвящен вопросам применения инструментов ИИ при самостоятельной работе старшеклассников в процессе подготовки к Единому государственному экзамену (ЕГЭ) по английскому языку, с акцентом на задании 38 письменной части ЕГЭ, представляющем собой написание эссе по четкому плану и проверяемому по детально сформулированным критериям.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Единый государственный экзамен, английский язык, автоматическое оценивание, критерии оценивания, запрос.

Вопросы, связанные с проверкой в тесте заданий с открытым ответом, достаточно давно обсуждались в экспертном сообществе, однако только в последние годы благодаря повсеместному развитию систем искусственного интеллекта решение этой проблемы стало обретать реальные очертания. Речь в докладе пойдет о самостоятельной работе старшеклассников в процессе подготовки к ЕГЭ по английскому языку, внимание будет сосредоточено на задании 38 письменной части ЕГЭ, представляющем собой написание эссе по четкому плану и проверяемому по детально сформулированным критериям [1].

В настоящее время задача проверки заданий с открытым ответом ЕГЭ по иностранному языку с помощью искусственного интеллекта не ставится. Наше исследование нацелено на то, чтобы помочь подготовиться тем, кто собирается сдавать ЕГЭ по английскому языку, но не имеет возможности обратиться за проверкой тренировочного эссе к учителю или репетитору. Как известно, давно существует Открытый банк заданий, где можно выполнять и проверять по ключам тестовую часть ЕГЭ, однако задания по письму и устной части там проверить невозможно. Поиск решения этой проблемы лежит в области применения инструментов искусственного интеллекта.

Современные исследования подтверждают, что система автоматической оценки письма уже стала заметной областью в обучении навыкам письма. Систематический обзор Х. Ши и В. Арьядоуста, охватывающий 83 статьи за 1993-2022 годы, показывает, что автоматизированные системы оценивания письма (AWEs) активно используются в обучении языку, и результаты исследований включают как положительные, так и неоднозначные эффекты [2]. Так, AWEs находят ошибки, предлагают исправления, указывают на проблемы с грамматикой, орфографией, пунктуацией и иногда указывают на проблемы со стилем и организацией текста. Такие инструменты особенно уместны при формативном оценивании, то есть там, где цель состоит не в том, чтобы выставить итоговую оценку, а в том, чтобы улучшить текст путем повторного редактирования [Там же]. Продвинутое моделирование Обработки естественного языка, такие как GPT-4, способны оценить логическую связность эссе и предложить рекомендации по улучшению структуры текста, но ИИ не является безошибочным арбитром в вопросе их квалификации по критериям конкретного экзамена [3]. Следовательно, все готовые инструменты ИИ достаточно сложно совместить со шкалой оценивания, принятой в нормативных документах ЕГЭ.

Экспертам, проверяющим задания с открытым ответом письменной части ЕГЭ по английскому языку, важно не только найти ошибку в тексте, но и соотнести ее с официальной системой оценки, учитывая задачу, тип нарушения и допустимый порог ошибки [1]. Ответ на вопрос о том, сможет ли справиться искусственный интеллект с такой проверкой, требует экспериментальной проверки, поскольку любой инструмент ИИ, используемый при подготовке к экзамену, должен работать не в режиме абстрактного корректора, а в рамках критериев и шкал.

Важно подчеркнуть, что официальные документы, размещенные на сайте Федерального института педагогических измерений (ФИПИ) (<http://fipi.ru>), требуют не только подсчета ошибок, но и их правильного отнесения к тому или

иному критерию. В связи с этим начата работа по сбору тренировочных текстов задания 38 ЕГЭ, написанных учениками самостоятельно и проверенных учителями по критериям, указанным в нормативных документах, для дальнейшей их обработки с помощью ИИ и тестирования запросов для автоматической проверки. Из пяти критериев были отобраны два – «Грамматика» и «Орфография и пунктуация», которые представляются наиболее удобными для автоматической оценки, поскольку они связаны с языковой нормой и формальной стороной текста.

В докладе будут представлены формулировки запросов и алгоритм действий учащихся при самостоятельной подготовке к письменной части ЕГЭ по английскому языку с помощью ИИ, а также некоторые промежуточные результаты экспериментальной работы по автоматической проверке задания 38 по критериям.

Использование инструментов искусственного интеллекта для проверки критериев «Грамматика» и «Орфография и пунктуация» является перспективным направлением при подготовке к письменному экзамену по английскому языку. Эти инструменты действительно способны ускорить первичную диагностику, сделать обратную связь более частой и конкретной, а также повысить качество проверки при работе с тренировочными эссе.

Список литературы

1. Методические материалы для председателей и членов предметных комиссий субъектов Российской Федерации по проверке выполнения заданий с развёрнутым ответом экзаменационных работ ЕГЭ 2026 года. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (Раздел «Письменная речь») [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://doc.fipi.ru/ege/dlya-predmetnyh-komissiy-subektov-rf/2026/angl_yaz_pch_mr_ege_2026.pdf (дата обращения: 30.05.2026).

2. Shi H., Aryadoust V. A systematic review of AI-based automated written feedback research // ReCALL. 2024. Vol. 36. Issue 2. Pp. 187–209. DOI: 10.1017/S0958344023000265.

3. Saricaoglu A., Z. Bilki. The capacity of ChatGPT-4 for L2 writing assessment: A closer look at accuracy, specificity, and relevance // Annual Review of Applied Linguistics. 2025. Vol. 45. Pp. 253–273. Doi: 10.1017/S0267190525100160.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PREPARATION FOR THE UNIFIED STATE EXAM IN ENGLISH

S.Yu. Bogdanova, E.E. Nikulin

Irkutsk State University, Irkutsk

The paper is devoted to the use of AI tools in the independent work of high school students in the process of preparing for the Unified State Exam in English, with an emphasis on Task 38 of the written part of the Unified State Exam, which is writing an essay according to a clear plan and assessed according to detailed criteria.

Key words: artificial intelligence, Unified State Exam, the English language, automatic assessment, assessment criteria, query.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРОТИВОПОЖАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В СТИХОТВОРЕНИИ Г.Б. ОСТЕРА «СПИЧКИ – ЛУЧШАЯ ИГРУШКА...»

Е.Н. Бондаренко

Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, Москва

Статья посвящена рассмотрению трансформации лингвокультурного феномена «противопожарная безопасность» в стихотворении Г.Б. Остера «Спички – лучшая игрушка...». Традиционно данное понятие интерпретируется в контексте потенциальной угрозы огня и связанных с этим знаний, однако в произведении ценностные установки смещаются на значимость экзистенциального опыта от утраты предметов вещного мира.

Ключевые слова: противопожарная безопасность, детская шалость, аксиологические установки.

Язык как лингвокультурологический феномен определяет мировоззренческие установки личности, что отражается, прежде всего, в его лексических особенностях, представляющих различные аспекты жизни в концептах [5, с. 664]. Одним из таких концептов является идея «противопожарной безопасности», включающая в себя представление об отсутствии угроз для жизни, защищённости, источнике комфорта, доверительном отношении к миру, наличие необходимых знаний и умений [4, с. 99], при этом источником опасности выступают пожары и стихийные бедствия, то есть речь идёт об исключении вреда обществу и окружающей среде от неуправляемого процесса горения. Формирование данного концепта и его существование в русской языковой картине мира обусловлено утилитарными причинами, когда возможность избежать чрезвычайной ситуации связывается со знанием особенностей её возникновения и/или устранения, иными словами, понятие «противопожарная безопасность» получает своё наполнение в противопожарной пропаганде, реализующейся в различных формах – публикациях в СМИ, фильмах на соответствующую тематику, а также специальной литературе, лекциях, консультациях, демонстрациях, инструктажах, заданиях и играх, сообщениях в социальных сетях и т.п.

Традиционно пропагандистские материалы описывают историю возникновения пожара, где обозначаются причины возникновения огня и его свойства, особенности труда серых героев, правила пожарной безопасности и необходимые действия в чрезвычайной ситуации, при этом внимание реципиента актуализируется на неосторожном поведении человека – его беспечности, вредных привычках, злонамеренности действий (поджог) и баловстве [2, с. 89–91]. Таким образом, возникновение пожара связывается с деструктивным поведением и не является событием, вызывающим восторг,

радость, ожидаемые желательные последствия. Совершенно иной сценарий развития ситуации и особенностей её восприятия предлагает Г.Б. Остер в стихотворении «Спички – лучшая игрушка...», выступающим одним из «вредных советов» в созданной автором «педагогике от противного», направленной на проигрывание опасного происшествия в сознании реципиента до финала со всеми трагичными последствиями и осмысление самостоятельного вывода, свободного от морали, назиданий и наставлений [1, с. 64]. Перевертыш и небылица подобного рода не просто создают комический эффект, но способствуют укреплению созидательных установок об устройстве мира [3, с. 86], что влечёт за собой возникновение читательской интерпретации, личного смысла концептов действительности – в данном случае идеи «противопожарной безопасности».

Названное стихотворение раскрывает мотивацию «детской шалости», проистекающую от желания развлечься: «Спички – лучшая игрушка / Для скучающих детей» (Остер, с. 139), – пишет автор, создавая антифразис от прецедентного высказывания «Спички – детям не игрушка», что определяет ироничное переосмысление ситуации, актуализируя семантику «беспечности» как движущей силы в борьбе с отсутствием увлекательных занятий или интересов. Дальнейшее повествование уже конкретизирует возможности предмета для забав, с помощью которого можно организовать будоражащее зрелище или избавиться от некоторых вещей, а то и удовлетворить гастрономические потребности: «Папин галстук, мамин паспорт / Вот и маленький костёр. / Если тапочки подкинуть / Или веник подложить, / Можно целый стул зажарить, / В тумбочке сварить уху» (Ibid.). Происходящее доводится до абсурда, расширяя границы потенциально видимого реципиентом, где становится понятно, что именно может пострадать от огня, где «противопожарная безопасность» выступает не фоновой абстрактной идеей, а получает номинации, обозначающие предметы вещного мира, нуждающиеся в сохранении – галстук (форма статусной одежды); паспорт (необходимый для идентификации личности документ); тапочки, веник, стул и тумбочка (предметы домашнего быта, организующие состояние жилища и пространство семьи). Утрата реалий микрокосма бытия лирического героя в случае его действий отчётливо представлена в завершающих строках произведения, где прямо указывается цель игры с огнём: «Если взрослые куда-то / Спички спрятали от Вас, / Объясните им, что спички / Для пожара Вам нужны» (Ibid.). Пожар становится выражением устремлений ребёнка, где ценность события измеряется его запретностью, однако у Г.В. Остера последствия проясняются ещё априори, на стадии представления фантазий. Мир стихотворения – это не мир, лишённый угрозы пожара, это мир, в котором пожар уже произошёл и остаётся только назвать событие реальным именем. Отсюда понятие «противопожарная безопасность» переосмысливается не в контексте абстрактной теории «А что, если...?», а затрагивает осознание реальной утраты житейских мелочей по формуле «Как быть с последствиями пожара?», то есть угроза не исчезла, а перешла из гипотетической в действительную, ощутимую не столько на уровне знаний, сколько на уровне прочувствованных эмоций и душевных волнений.

Таким образом, Г.Б. Остер актуализирует смыслы будничных ценностей, овеществлённости идеи «пожарной безопасности».

Список литературы

1. *Гришанкова И.В.* Григорий Остер и его «Вредные советы» // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: Сборник научных материалов Международной научной конференции. Тверь: Тверской государственный университет, 2021. С. 60–64.

2. *Мельник О.Е., Савин А.П.* Информационно-пропагандистская деятельность по пожарной безопасности в организациях дошкольного и начального общего образования. Железногорск: ФГБОУ ВО Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2017. 228 с.

3. *Полева Е.А.* Педагогические взгляды детского писателя Г. Остера и особенности их выражения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 6. С. 86–91.

4. *Фетисова Ю.В.* Безопасность как культурный концепт // Омский научный вестник 2010. № 1. С. 98–100.

5. *Ходжамгулыев А., Базарова И.С., Хыдырмухаммедова О.* Язык и культура: связь языка с историей и культурой народа // Вестник науки. 2025. Т. 4. № 1. С. 660–666. [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.vestnik-nauki.rf/article/21099?ysclid=mpl5c00kfa364711565> (дата обращения: 25.05.2026).

Источники

Остер Г.Б. Спички – лучшая игрушка... // Остер Г.Б. Все вредные советы. М.: Издательство «АСТ», 2020. С. 139.

RE-EXPLORATION OF THE CONCEPT “FIRE SAFETY” IN THE POEM BY G.B. OSTER “MATCHES ARE THE BEST TOY...”

E.N. Bondarenko

Academy of the State Fire Service of MES of Russia, Moscow

The article is devoted to the consideration of the transformation of the linguistic and cultural phenomenon “fire safety” in the poem by G.B. Oster “Matches are the best toy”. Traditionally, this concept is interpreted in the context of the potential threat of fire and related knowledge, but in this work, the focus is on the significance of the existential experience of losing objects in the material world.

Key words: fire safety, childish pranks, axiological attitudes.

ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦХИНВАЛА: СИМВОЛИЧЕСКАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

М.Д. Валиева

Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, Цхинвал

В статье на материале 105 фотографий (2026 г.) анализируется лингвистический ландшафт столицы Южной Осетии — Цхинвала. Зафиксированные объекты распределены по пяти функционально-семиотическим категориям и четырём языковым группам. Показано, что при высоком символическом статусе осетинского языка его функциональная роль в коммерческой и повседневной коммуникации заметно уступает русскому. Лингвистический ландшафт характеризуется моделью «символического доминирования осетинского языка при функциональном доминировании русского языка», что отражает сложное взаимодействие национальной идентичности, глобализации и постконфликтной реальности.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, геосемиотика, Цхинвал, Южная Осетия, осетинский язык, билингвизм, языковая идентичность.

Лингвистический ландшафт (ЛЛ) города — совокупность письменных знаков в публичном пространстве — является надёжным индикатором языковой политики и реальной коммуникативной практики [Landry, Bourhis, 1997; Пешкова, 2019]. Для Цхинвала, столицы Республики Южная Осетия, пережившей вооружённый конфликт 2008 г. и находящейся в процессе национального строительства, вопрос о соотношении символической и функциональной представленности осетинского языка особенно актуален. Цель исследования — описать структуру ЛЛ Цхинвала и ответить на вопрос: соответствует ли высокая символическая представленность осетинского языка его реальной функциональной роли в различных сферах городской коммуникации?

Материалом послужили 105 цифровых фотографий уличных вывесок, указателей, рекламы, мемориальных досок и граффити, сделанных в центральной части Цхинвала методом сплошной маршрутной съёмки в 2026 г. Каждый объект кодировался по параметрам: язык надписи, количество языков, тип агента (государственный, коммерческий, частный), функциональное назначение, наличие этнокультурной символики [Backhaus, 2007; Gorter, 2006].

Все объекты были сгруппированы в пять функциональных категорий (табл. 1), языковое распределение представлено в таблице 2.

Таблица 1. Распределение объектов по категориям

Категория	Количество	Доля (%)
Официально-административные	41	41,4
Коммерческие	46	46,5
Мемориальные	4	4,0
Граффити и неформальные надписи	5	5,1
Объявления	3	3,0
Итого	99	100

Таблица 2. Языковое распределение

Язык оформления	Количество	Доля (%)
Только русский	39	39,4
Только осетинский	6	6,1
Русско-осетинский билингвизм	32	32,2
Русский+английский	14	14,1
Многоязычные конструкции	4	4,0

Данные показывают преобладание русского языка как самостоятельного средства публичной коммуникации (39,4%). Осетинский язык в монологичном варианте представлен минимально (6,1%) – это в основном названия блюд, брендовые имена и отдельные граффити. Билингвальные русско-осетинские конструкции охватывают почти треть всех знаков (32,3%) и сконцентрированы преимущественно в официально-административной и этнокультурной сферах. Английский язык (14,1%) сосредоточен в названиях кофеен, граффити и вывесках международных брендов.

Количественные и качественные данные позволяют охарактеризовать модель языкового сосуществования в публичном пространстве Цхинвала как символическое доминирование осетинского языка при функциональном доминировании русского языка. Осетинский язык обладает высокой репрезентативностью в государственных, мемориальных и этнокультурных контекстах, тогда как русский язык сохраняет ведущие позиции в коммерческой, информационной и повседневной коммуникации. Исторические данные свидетельствуют об утрате осетинских названий торговых точек по сравнению с советским периодом, а граффити «Кæд ирон дæ, уæд иронау дзур» («Если ты осетин, говори по-осетински») прочитывается как низовая реакция на этот сдвиг. Особенностью цхинвальского ЛЛ является также выраженный посттравматический слой: повреждённые таблички и памятники формируют уникальную мемориальную среду, вписанную в ткань городской повседневности.

Таким образом, ЛЛ Цхинвала отражает сложное взаимодействие процессов языковой витальности, национальной идентичности, глобализации и постконфликтной реальности. Дальнейший мониторинг динамики осетинского языка в публичном пространстве представляет собой перспективное направление социолингвистических исследований.

Список литературы

1. *Исмагилова Н.В., Майорова О.А.* Язык города как социолингвистическая проблема: перспективы изучения // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. №4. С. 900–907.
2. *Петренко А.П.* Формирование семиотического текста города Феодосии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3 (69), № 3. С. 134–143.
3. *Пешкова Н.П.* Лингвистический ландшафт как отражение процессов глобализации и национальной самоидентификации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (819). С. 90–102.
4. *Юнаковская А.А.* «Язык города» как объект изучения (итоги и перспектива) // Вестник Омского университета. 2006. № 4. С. 160–164.
5. *Backhaus P.* Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Bristol: Multilingual Matters, 2007. 158 p.
6. *Gorter D.* Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism. Clevedon: Multilingual Matters, 2006. 89 p.
7. *Jaworski A., Thurlow C.* Introducing semiotic landscapes // Jaworski A., Thurlow C. (Eds.) Semiotic Landscapes: Language, Image, Space. London: Bloomsbury Academic, 2017. P. 1–40.
8. *Landry R., Bourhis R.Y.* Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // Journal of Language and Social Psychology. 1997. Vol. 16, № 1. P. 23–49.
9. *Scollon R., Scollon S.W.* Discourses in Place: Language in the Material World. London; New York: Routledge, 2012. 242 p.
10. *Shohamy E., Gorter D.* Linguistic Landscape: Expanding the Scenery. New York; London: Routledge, 2009. 352 p.

OSSETIAN LANGUAGE IN THE PUBLIC SPACE OF TSKHINVAL: SYMBOLIC AND FUNCTIONAL REPRESENTATION

M.D. Valieva

South Ossetian State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval

Based on 105 photographs taken in 2025, this paper analyzes the linguistic landscape of Tskhinval, the capital of South Ossetia. The documented items were classified into five functional-semiotic categories and four linguistic groups. The findings indicate that while Ossetian enjoys a high symbolic status (32.3% of bilingual

signs, mandatory duplication on official institutions), its functional role in commercial and everyday communication is markedly weaker than that of Russian (39.4% of monolingual Russian signs). The linguistic landscape is best described as “symbolic dominance of Ossetian with functional dominance of Russian”, reflecting the complex interplay of national identity, globalization, and post-conflict reality.

Key words: linguistic landscape, geosemiotics, Tskhinval, South Ossetia, Ossetian language, bilingualism, language identity.

УДК 81'373.43

АНГЛИЙСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ МЕДИАУРБАНИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК КОМПОНЕНТЫ ВИЗУАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ ГОРОДА

Д.Е. Володина

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена анализу английских неологизмов как городских номинаций в медиаурбанистическом дискурсе и компонентов визуальной семиотики города. Английские урбанистические неологизмы передают актуальные реалии, повестки и общественные запросы, тем самым являясь отражением современной картины мира.

Ключевые слова: неологизмы, медиаурбанистический дискурс, урбанистика, город, семиотика города.

Человеческий язык зарождается, развивается и существует как общественное явление. Вследствие того, что «язык используется определенным социумом, он находится в тесной зависимости от условий существования этого социума, уровня его развития, а также мировоззрения людей, говорящих на нем, то есть от социокультурной среды» [7, с. 8].

В настоящее время проблема взаимосвязи языка и культуры не теряет своей актуальности. Развитие языка происходит благодаря его непрерывному обогащению новой лексикой. Следует подчеркнуть, что эволюция средств сети Интернет, в том числе и сетевых публицистических материалов, послужила толчком для появления большого количества неологизмов. Формирование новых слов отражает в себе радикальные трансформации в культуре, влекущие за собой изменение современной картины мира. И.Н. Зенина отмечает, что «Интернет стал пространством изобретения и фиксации неологизмов в речи, универсальной площадкой для коллективного словотворчества – многообразие жанров сетевого общения повлекло за собой расширение возможностей рядовых участников интернет-дискурса в плане сотворения неологизмов» [2, с. 25].

В настоящей статье медиаурбанистический дискурс рассматривается как система взаимосвязанных характеристик английских неологизмов в плане реализации их семантических и прагматических свойств. Как утверждают

исследователи С.Н. Оводова и А.Ю. Жигунов, «дискурс города» представляет собой так называемую «консолидацию ряда дискурсивных пространств, скрепленных содержательными характеристиками мегаконцепта “город”» [5, с. 99]. Данные характеристики в большей степени опираются на «дифференциальное представление субъектов дискурса о благоустройстве города» [5, с. 99].

Таким образом, английские неологизмы, являющиеся компонентами медиаурбанистического дискурса, обладают концептуальным и прагматическим содержанием, а также могут выступать в роли составляющих визуальной семиотики города. Считаем важным отметить, что изучение города как многогранного феномена и культурно-коммуникативной системы невозможно без таких лингвистических средств как неологизмы. Новые слова могут выступать как «инструменты» или способы формирования жизненной среды и визуальной организации обитаемого пространства.

Отметим, что в развитии современной урбанистики присутствует исследовательская тенденция, направленная на изучение города как многогранного культурного феномена или культурно-коммуникативного пространства. Кроме того, как «многоуровневый организм» город [1, с. 10] может быть исследован и зафиксирован как в поле визуальной семиотики, так и с лингвистической точки зрения в рамках определенного, в нашем случае – медиаурбанистического, вида дискурса.

Источниками отбора материала, а именно – английских неологических единиц, для настоящего исследования послужили интернет-статьи, взятые из Британского национального корпуса (British National Corpus) и неографический онлайн-источник (Word Spy).

В рамках настоящей статьи нами были отобраны английские неологизмы, номинирующие город как основной компонент анализируемого нами медиаурбанистического дискурса. Так, неологизм “*eco-city*” – “*a city in which pollution and other potentially harmful environmental effects are minimized*” (здесь и далее – перевод автора. – Д.В.) характеризует город, в котором загрязнение окружающей среды, а также другие потенциально вредные воздействия и пагубные для здоровья человека вещества сведены к минимуму. Такой экологически благоприятный для жизни город, а именно – Медельин, находится в Латинской Америке: “*Now, Medellin wants to reinvent itself again – this time as Latin America’s first “eco-city” with wide-ranging initiatives in renewable energy, transportation, housing, water management and waste. As governments and investors around the world direct funds towards pandemic recovery efforts, cities like Medellin are taking the opportunity to simultaneously set a climate-friendly agenda for years to come*”.

Мы видим, что для данного города характерен широкий спектр инициатив, направленных на возобновление источников энергии, улучшение жилья и транспорта, управление ресурсами и отходами. Кроме того, для Медельина актуальна повестка, благоприятствующая изменению климата на долгие годы вперед, что подчеркивают следующие лексемы: “*minimized pollution and ... harmful environmental effects*”, “*wide-ranging initiatives in renewable energy,*

transportation, housing, water management and waste”, “climate-friendly agenda”.

Еще одним примером номинации, описывающей экологически благоприятный для жизни город, является *“forest city”*. Данный неологизм описывает город, благоустройство которого зависит от сочетания городской инфраструктуры с растительностью экосистемы, в которой этот город построен: *“the term used to refer to urban proposals that are designed combining urban infrastructures with local vegetation from the ecosystem in which the city is built”*.

Так, концепция развития «городов-лесов», начиная с 2021 года, активно развивается в китайской провинции Гуандун: *“The 2021 Guangdong Forest City Construction Theme Promotion Event was held simultaneously in 21 cities in south China’s Guangdong Province ... Guangdong will accelerate the development pace of urban and rural greening, expand the urban ecological space, and promote the construction of forest cities at all levels to build a mutually integrated urban forest ecosystem, according to the province’s Forestry Administration”*.

Кроме того, строительство «городов-лесов» рассматривается правительством Гуандун не только как инновационная практика для создания экологической цивилизации, но и способ воссоздания гармонии между человеком и природой, что отражают следующие лексические единицы: *“forest city-related publicity activities”, “balanced ... ecological development”, “urban-rural ecological integration”, “promoting harmony between man and nature”*.

Перейдем к номинации *“hedge city”* – *“a safe, stable city with extremely high real estate values caused by foreign investors buying properties as a hedge against instability in their own countries”*, описывающей безопасный город со стабильной экономикой. Чрезвычайно высокая цена на недвижимость в таком городе вызвана тем фактом, что иностранные инвесторы готовы покупать собственность, чтобы обезопасить себя и свое финансовое положение от нестабильности в своих странах. В качестве примеров *“hedge cities”* может выступать ряд городов Китая, лидер которого, Си Цзиньпин, полон решимости ослабить контроль за движением капитала со стороны США и в настоящее время практически не позволяет денежным средствам Китая перетекать на другие рынки недвижимости: *“The influx of ‘hedge city’ buying from wealthy individuals in emerging markets has only just started. The amount of lending inside China has risen US\$15 trillion in the last six years, which is more lending than was done in the last 150 years of the US banking system. At the moment most of that money is stuck in China, but the new leader Xi Jinping is determined to relax the capital controls that currently stops all but a trickle of that money from flooding out into other property markets”*.

Таким образом, английские неологизмы, входящие в состав медиаурбанистического дискурса, могут выступать в роли компонентов визуальной семиотики города. Данные лексические единицы могут отражать лингвокультурное пространство современного города. На примере представленного в данной статье материала мы можем отметить тенденцию к постройке устойчивых городов, отличающихся стабильной и развитой экономикой, а также экологически благоприятной для жизни средой. С уверенностью можем утверждать, что английские урбанистические неологизмы

являются теми лексическими единицами, семантический потенциал которых позволяет не только описать образ современного города, но и создать многогранную языковую картину мира.

Список литературы

1. *Аванесов С.С.* Визуальная семиотика города: перспектива исследования городских текстов // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики, 2016. № 4. С. 9–22.

2. *Зенина И.Н.* Когнитивные и прагматические факторы образования новых слов в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 23–27.

3. *Катермина В.В.* Аксиологический потенциал англоязычных неологизмов в дискурсивных практиках: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. 192 с.

4. *Катермина В.В., Микитанова Т.С.* Англоязычные неологизмы делового дискурса в лингвоаксиологическом аспекте // Креативная лингвистика: сб. науч. ст. Астрахань: Астраханский университет, 2021. С. 22–28.

5. *Оводова С.Н., Жигунов А.Ю.* «Город» в огне: анализ урбанистического дискурса методикой когнитивно-социологической (социокогнитивной) дифференциации // Гуманитарные исследования, 2020. № 2 (27). С. 97–101.

6. *Рец И.В.* Лингвокультурологические и эколингвистические аспекты неонимации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВолГУ, 2014. 24 с.

Список источников

Urban Systems [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://urbansystems.ca/> (дата обращения: 05.02.2026).

What city is built in a forest? [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.studycountry.com/wiki/what-city-is-built-in-a-forest> (дата обращения: 05.02.2026).

Forest Cities: Nature Conquers the Heart of Cities [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.tomorrow.city/forest-cities-nature-conquers-the-heart-of-cities/> (дата обращения: 05.02.2026).

China's Guangdong to build a mutually integrated urban forest ecosystem [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://news.cgtn.com/news/2021-04-24/Guangdong-to-build-a-mutually-integrated-urban-forest-ecosystem-ZIXLmGDwfS/index.html> (дата обращения: 05.02.2026).

Hedge City [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://wordspy.com/words/hedge-city/> (дата обращения: 05.02.2026).

ENGLISH NEOLOGISMS AS THE COMPONENTS OF VISUAL SEMIOTICS OF THE CITY AND MEDIA URBAN DISCOURSE

D.E. Volodina

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the analysis of English neologisms as the urban nominations in media urban discourse and the components of visual semiotics of the city. By means of urban neologisms, that are components of the visual marking of urban space, it is possible to express and demonstrate human ideas about a favorable living environment and existential comfort. English urban neologisms convey the reality, current agendas and public demands, thereby reflecting the modern worldview.

Key words: neologisms, media urban discourse, urbanology, city, semiotics.

УДК 81'23

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.Г. Воробьев

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Статья рассматривает формирование вторичной языковой личности с использованием различных психолингвистических критериев, таких как латеральный профиль, пол и степень экстраверсии. Предлагается оценочная модель, позволяющая проводить оценку вторичной языковой личности с помощью анкетирования. Ответы на открытый вопрос анализируются на основе результатов опросника и обширного опыта общения с респондентами.

Ключевые слова: языковая личность, латеральный профиль, усвоение языка, понятный ввод.

Владение иностранным языком, в частности английским, является нормой повседневной реальности для жителей как развитых, так и развивающихся стран. Однако очевидна разница в качестве владения иностранным языком среди разных говорящих. Пока некоторые с трудом формулируют мысль, переводя с родного языка, другие способны выражаться точно и думать на иностранном языке. В психолингвистике подобная способность может обозначаться как высокоразвитая вторичная языковая личность.

Тем не менее, не каждая высокоразвитая вторичная языковая личность сформирована в многоязычном пространстве. Данная статья посвящена исследованию эволюции высокоразвитой английской вторичной языковой личности в монологическом пространстве через призму психолингвистики.

Известны три уровня языковой личности, выделенные Ю.Н. Карауловым [2]. Речь идёт о нулевом, отвечающем за фонетические и грамматические знания языка наравне с лексикон, а также о первом и втором – системе знаний и системе когнитивно-деятельностных потребностей соответственно.

В современной лингвистике широко распространён взгляд Стивена Крашена и его гипотеза «понятного ввода» (*Comprehensible Input*) [8]. Крашен утверждает, что высокий уровень владения языком (в нашем случае речь о высокоразвитой языковой личности) обуславливается регулярным получением аудиальной или текстовой информации на языке, то есть в ходе практики слушания или чтения. При этом, уровень языка предоставляемого материала должен быть несколько выше уровня языка учащегося, не будучи чрезмерно сложным.

Нами был проведён опрос среди ряда участников, высокоразвитых вторичных языковых личностей, не имевших опыта проживания в англоязычных странах. В рамках настоящего сообщения представлен анализ ответов четырёх из них. Опросник состоит из трёх разделов, каждый из которых посвящён отдельному аспекту развития языковой личности.

Проанализировав полученные результаты, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, контент СМИ является ключевым элементом развития вторичной языковой личности среди наших опрошенных. Здесь речь идёт о новостях, публикациях о любимых музыкальных группах и т.п. Мы находим это вполне естественным, поскольку доминирующей силой в современном медиaprостранстве являются американские и британские телерадиовещательные компании.

Во-вторых, прослеживаются элементы гендерной предрасположенности к определённым языковым проявлениям. Например, один из участников опроса (мужчина, 18 лет, частичный левополушарный профиль) выделяется своими эмоционально сдержанными и краткими ответами, обладая при этом заметно высоким уровнем владения английским языком, поскольку начал его изучение раньше других опрошенных («8–12 лет» против более распространённого «13–17 лет»).

В-третьих, можно утверждать, что участники опроса разделяют определённую эволюционную модель развития их вторичной языковой личности. В начале этого процесса стоит потребление развлекательного и медиаконтента, повышающее мотивацию к освоению иностранного языка (компьютерные игры, кино и телесериалы с субтитрами, музыка). По прошествии нескольких лет сфера потребностей заметно расширяется, возникает потребность в потреблении более сложного контента (новости, кино и сериалы без субтитров), в результате чего языковая личность адаптируется к новому стандарту уровня языка. Именно неадаптированный под образовательные цели иноязычный материал создаёт условия для формирования высокоразвитой вторичной языковой личности при ограниченном взаимодействии с носителями данного языка.

В заключение, напомним, что механизмы вторичной языковой личности многогранны. Пока наше эмпирическое исследование предлагает модель оценивания эволюции вторичной языковой личности в процессе овладения английским языком, для уточнения данных в дальнейшем потребуются более

масштабные исследования с привлечением учёта индивидуально-личностных характеристик рассматриваемых искусственных билингвов.

Список литературы

1. *Богин И.И.* Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов : дис. ... д-ра филол. наук. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1986. 350 с.
2. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
3. *Савченко А.П.* К вопросу о взаимосвязи языковой личности и вторичной языковой личности // Открытие русского мира. 2023. С. 215–220.
4. *Самигулина Ф.Г.* Межполушарная асимметрия и специфика речемыслительной деятельности человека: обзор и систематика // Актуальные вопросы филологии. Теория и методика преподавания иностранных языков. Вып.3. Ростов-на-Дону: РИНЯЗ, 2007. С.164–177.
5. *Холодная М.А.* Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
6. *Хохлова И.Н.* Понятие «языковая личность»: краткая история вопроса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6. С. 222–225.
7. *Chen X.* Integration of Cognitive Linguistics Theories into Foreign Language Teaching // Frontiers in Humanities and Social Sciences. 2025. Vol. 5, No. 2. P. 45–52.
8. *Krashen S.D.* Principles and Practice in Second Language Acquisition. Oxford: Pergamon Press, 1982. 202 p.
9. *Lee Y.* The Language Effect: Investigating the Impact of Language Switching on Personality in Korean–English Bilinguals // Journal of Applied Language Learning. 2025. Vol. 2, №. 2. P. 1–12.
10. *Sharp A.I.* Personality and Second Language Learning // Asian Social Science. 2008. Vol. 4, №. 11. P. 17–25.
11. *Xu W.* Personality, Intelligence, and Second Language Learning Success: A Systematic Review // Behavioral Sciences. 2025. Vol. 15. Art. 428. P. 1–18.

THE FORMATION OF A SECONDARY LANGUAGE PERSONALITY: A PSYCHOLINGUISTIC PERSPECTIVE

A.G. Vorobev

Southern Federal University, Rostov-on-Don

The article discusses second language personality (SLP) formation through a variety of psycholinguistic criteria, such as hemispheric dominance, gender, and degree of extraversion. An evaluative model is proposed, allowing an SLP to be assessed by means of a questionnaire. Answers to an open-ended question are analyzed using questionnaire results and extensive experience communicating with the respondent.

Key words: language personality; hemispheric dominance; second language acquisition; comprehensible input.

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ЗАГОЛОВКИ В ОНЛАЙН-СМИ: ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И ЦЕЛЕВЫЕ УСТАНОВКИ ПРОВОЦИРОВАНИЯ НЕГАТИВНОЙ ПОЛЕМИКИ

Б.Г. Вульфович

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается феномен заголовков-провокаций в онлайн-СМИ, которые целенаправленно используются для разжигания негативной полемики в пользовательских комментариях. Интерес к проблеме вызван растущей конкуренцией за внимание аудитории в цифровой среде: редакции всё чаще прибегают к конфликтогенным заголовкам, чтобы искусственно повысить вовлечённость читателей. Эмпирическую базу исследования составили заголовки российских новостных изданий, находящихся в открытом доступе.

Ключевые слова: Интернет, комментарий, интернет-комментарий, лингвопрагматика, конфликт.

Проблема конфликтогенности в медиадискурсе является актуальной на сегодняшний день. Особенность данного аспекта заключается в том, что СМИ стремятся провоцировать конфликт в комментариях, а начало этого процесса лежит в заголовках. Важно отметить, что изначально данная тенденция отсутствовала. Об этом свидетельствуют ранние работы ученых, в которых подчеркивается прежде всего информативная функция заголовка [1, 3].

В современном же медиадискурсе заголовкам уделяется особое внимание и важно отметить тот факт, что их информативная функция отошла на второй план.

Однако конфликтные заголовки могут быть разных типов. Цель данной работы – выявить, систематизировать и классифицировать задачи, которые решают создатели подобных заголовков: от привлечения трафика и управления эмоциональным состоянием аудитории до навязывания идеологических оценок и стимулирования социальной розни. Предмет анализа – языковые средства и манипулятивные приёмы, направленные на сознательное провоцирование читательского конфликта.

Существующие классификации дают надёжный инструментарий для первичной каталогизации приёмов, однако специального внимания к целям, которые осознанно или неосознанно преследуют создатели таких заголовков, до сих пор не уделялось, что и составляет фокус нашего дальнейшего анализа [5; 7; 2; 4; 6].

Практическим материалом для статьи послужили новостные заголовки, находящиеся в открытом доступе и содержащие в себе непосредственно конфликтогенные элементы.

1. «Чучело»: мигрантка в хиджабе устроила жуткий скандал в московском автобусе.

2. «Что он несет?»: в Азии пришли в ужас от неадекватности Зеленского.

3. «Зачем наезжаешь на моего сына?» Мать избивала девочку на детской площадке.

4. «Чтоб их трамвай переехал»: в Челябинске владелец фотостудии публично угрожал клиентам.

5. «Я тебя сейчас придушу!» Ведущая «Играй, гармонь любимая!» ворвалась в пекарню и устроила скандал.

Таким образом, сегодня в медиадискурсе информативная функция заголовка всё чаще уступает место прагматической задаче: спровоцировать полемику в комментариях. Как показывает наш анализ, набор конфликтогенных приёмов образует вполне системный инструментарий для конструирования скандальной реальности. Подобные заголовки обладают высоким перлокутивным потенциалом: они не просто сообщают факты, а целенаправленно вызывают у читателя гнев, страх или злорадство, подталкивая его к вербальной агрессии в комментаторской среде. При этом, на наш взгляд, можно выделить три основные целевые установки создателей таких заголовков: привлечение трафика (кликбейт), эмоциональное управление аудиторией и прямое идеологическое воздействие – будь то формирование ксенофобии или дискредитация неудобных оппонентов. Иными словами, конфликтогенные заголовки стали устойчивым феноменом экономики внимания, и их системное изучение необходимо, если мы хотим выработать действенные меры по снижению речевой агрессии в цифровой среде.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС, 2004. 117 с.

2. Кожевникова Г. Язык вражды: типология ошибок журналиста [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.sova-center.ru/hate-speech/publications/2006/12/d9803/> (дата обращения: 24.05.2026).

3. Лазарева Э.А. Заголовок в газете. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 94 с.

4. Лутовинова О.В. Манипулятивные приемы в кликбейтных заголовках интернет-СМИ // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 2. С. 55–69.

5. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2016. 160 с.

6. Прокофьева Н.А. Семантика кликбейта в новостном дискурсе / Н. А. Прокофьева, И. А. Акулович // Журналістыка – 2021: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 23-й Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 100-годдзю Беларус. дзярж. ун-та. Мінск: БДУ, 2021. С. 360–365.

7. Руденко М.О. Речевая агрессия в СМИ // Человек в информационном пространстве: сборник научных трудов, Ярославль, 13–15 ноября 2014 года / Под общей редакцией Н.В. Аниськиной. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2014. С. 199–202.

Список источников

1. «Чучело»: мигрантка в хиджабе устроила жуткий скандал в московском автобусе // Московский комсомолец: сетевое издание. 2025. 11 сент. URL: <https://www.mk.ru/social/2025/09/11/chuchelo-migrantka-v-khidzhabe-sprovocirovala-na-konflikt-75letnyuyu-rossiyanku.html> (дата обращения: 28.05.2026).
2. «Что он несет?»: в Азии пришли в ужас от неадекватности Зеленского // Московский комсомолец: сетевое издание. 2025. 17 дек. URL: <https://www.mk.ru/politics/2025/12/17/что-он-несет-v-azii-prishli-v-uzhas-ot-neadekvatnosti-zelenskogo.html> (дата обращения: 28.05.2026).
3. «Зачем наезжаешь на моего сына?» Мать избивала девочку на детской площадке // Аргументы и Факты: сетевое издание. 2025. 24 сент. URL: <https://kazan.aif.ru/society/-zachem-naezzhaesh-na-moego-syna-yazhmat-izbila-devochku-na-detskoj-ploshchadke> (дата обращения: 28.05.2026).
4. «Чтоб их трамвай переехал»: в Челябинске владелец фотостудии публично угрожал клиентам // URA.RU: сетевое издание. 2025. 19 февр. URL: <https://m.ura.news/news/1052891387> (дата обращения: 28.05.2026).
5. «Я тебя сейчас придушу!» Ведущая «Играй, гармонь любимая!» ворвалась в пекарню и устроила скандал // Lenta.ru: сетевое издание. 2026. 25 мая. URL: <https://lenta.ru/news/2026/05/25/ya-tebya-pridushu-seychas-veduschaya-igray-garmon-lyubimaya-vorvalas-v-pekarnyu-i-ustroila-skandal-что-об-этом-известно/> (дата обращения: 28.05.2026).

CONFLICT-GENERATING HEADLINES IN ONLINE MEDIA: LINGUISTIC MEANS AND TARGET OBJECTIVES FOR PROVOKING NEGATIVE POLEMICS

B.G. Vulfovich

Kuban State University, Krasnodar

The article examines the phenomenon of provocative headlines in online media, which are deliberately used to incite negative polemics in user comments. Interest in the problem is driven by the growing competition for audience attention in the digital environment: editorial offices increasingly resort to conflict-generating headlines in order to artificially boost reader engagement. The empirical basis of the study consists of headlines from publicly available Russian news publications. The subject of analysis is the linguistic means and manipulative techniques aimed at deliberately provoking reader conflict. The aim of the work is to identify, systematize, and classify the objectives pursued by the creators of such headlines: from generating traffic and managing the emotional state of the audience to imposing ideological evaluations and stimulating social discord.

Key words: Internet, comment, online comment, linguopragmatics, conflict.

ПРИНЦИПЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ОШИБОК ЦИФРОВОГО ПЕРЕВОДА КАК ЗАДАЧИ ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДЧИКА

А.А. Гуреева

Волгоградский государственный университет, Волгоград

Работа посвящена редактированию цифрового перевода на примере специальных технических текстов. Приведены актуальные требования к техническому переводчику, выявлены наиболее распространенные ошибки цифрового перевода, разработаны принципы редактирования цифрового перевода специального технического текста, рекомендуемые для достижения адекватного перевода, соответствующего конвенциям технического текста и требованиям заказчика.

Ключевые слова: технический перевод, цифровой перевод, переводческая ошибка, переводческая компетенция, редактирование перевода, роль переводчика.

Влияние цифровизации на переводческие компетенции очевидно. Роль технического переводчика переосмысливается; перевод технических текстов, выполняемый с помощью ИИ и систем машинного перевода, требует от переводчика новых умений и навыков. Бóльшее значение обретает умение выявлять ошибки и редактировать тексты перевода. Для эффективного выявления ошибок цифрового перевода технический переводчик должен обладать определенными цифровыми навыками и компетенциями:

- обладать глубокими знаниями предметной области,
- владеть терминологией и стандартами (ГОСТ, ISO),
- сочетать различные системы автоматизированного перевода в зависимости от специфики текста и требуемого качества перевода,
- владеть навыками работы с системами CAT и глоссариями,
- обладать критическим мышлением для выявления скрытых смысловых искажений,
- обнаруживать и корректировать ошибки.

Для выявления ошибок цифрового перевода важно понимать природу и механизмы их возникновения. Рассмотрим особенности цифрового перевода, на примере текстов технических заданий новой тематики без использования проверенных надежных двуязычных словарей, терминобаз и глоссариев:

1. **Неспособность учитывать (макро)контекст:** изолированное восприятие отдельных фрагментов текста без учета общего контекста документа.

2. **Трудности перевода аббревиатур и сокращений:** некоторые сокращения в документах контекстно обусловлены, что затрудняет правильное определение их значений.

3. **Зависимость от доступности специализированной терминологии:** если терминология недостаточно широко распространена, стоит проблема выбора правильного варианта перевода.

Предлагаем следующим образом классифицировать ошибки цифрового перевода технических текстов:

- **лексические / терминологические:**

- неверный вариант перевода термина,
- нарушение единства терминологии,
- термин остается в написании на языке оригинала,
- неверный перевод нераспространенных аббревиатур и сокращений;

- **грамматические:** ошибки согласования, порядка слов, падежей;

- **стилистические:** нарушение норм технического стиля, избыточная разговорность или канцеляризмы;

- **логические:** искажение смысла из-за неправильного толкования структуры предложения или связей между частями текста.

Приведем примеры лексических ошибок, как самых распространенных.

Нарушение единства терминологии: системы цифрового перевода могут предлагать несколько вариантов перевода одного термина в рамках одного технического задания. На этапе редактирования важно выбрать эквивалентный термин и использовать его в каждом случае употребления:

Оригинал: 1. Уточняется поставщиком в указанном месте расположения (с учетом наличия в данном пролете цеха **мостового крана**)

2. Чертежи трубопровода дымоудаления от печи на крышу цеха (с учетом наличия в данном пролете цеха **мостового крана**)

Перевод SmartCat: 1. Specified by the supplier at the specified location (taking into account the presence of **a bridge crane** workshop in this span)

2. Drawings of the smoke extraction pipeline from the furnace to the roof of the workshop (taking into account the presence of **an overhead crane** in this section of the workshop)

Согласно определению, “An overhead crane, commonly called a bridge crane, is a type of crane found in industrial environments” [3]. Фактически SmartCat не допустил ошибку, тем не менее, получатель текста – технический специалист, может предположить, что в указанном пролете цеха расположено два мостовых крана: *a bridge crane* и *an overhead crane*.

Неверный перевод сокращения:

Оригинал: *стр. 21*

Перевод SmartCat: *Building 21*

Стр. – сокращение слова «строение» в адресе, утвержденное приказом Минфина России от 5 ноября 2015 г. №171н. [2]. При этом допустимы два варианта сокращения слова «страница»: «с.» и «стр.», что подтверждается «Русским орфографическим словарем» РАН [1].

Термин остается в написании на языке оригинала:

Оригинал: *Материал футеровки пода: ШЛ; ША*

Перевод SmartCat: *Hearth lining material: ШЛ; ША*

Перевод GoogleПереводчик: *Material of the lining of the hearth ШЛ; ША*

Аббревиатура *ШЛ* в данном металлургическом контексте расшифровывается как *шамотный легковесный кирпич (fireclay lightweight brick)*.

Аббревиатура *ША* используется для обозначения шамота класса А (class A fireclay).

Предлагаем следующие принципы редактирования цифрового перевода специального технического текста:

Принцип 1. Проверка структуры / графического оформления текста (заголовки, нумерованные / маркированные списки, таблицы).

Принцип 2. Выделение сегментов с высокой вероятностью ошибки (длинные предложения, определения, описание технологического процесса).

Принцип 3. Проверка терминологического единообразия.

Принцип 4. Проверка соответствия грамматическим нормам языка перевода.

Принцип 5. Наличие пропусков из-за нераспознанного графического элемента.

Принцип 6. Проверка текста перевода на соответствие техническому стилю.

Данные принципы рекомендованы для достижения адекватного перевода, соответствующего требованиям заказчика.

Список литературы

1. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН ; подготовили О.Е. Иванова (отв. ред.) [и др.]. 6-е изд., испр. и доп. М.: Грамота, сор. 2023. XIII, 884, [3] с.

2. Грамота.ру – справочно-информационный портал о русском языке [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://gramota.ru> (дата обращения 04.06.2026).

3. ISO 8686-5:2017(en): “Cranes – Design principles for loads and load combinations – Part 5: Overhead travelling and portal bridge cranes”.

PRINCIPLES OF DETECTING DIGITAL TRANSLATION ERRORS AS A TECHNICAL TRANSLATOR’S TASK

A.A. Gureeva

Volgograd State University, Volgograd

The work is devoted to editing digital translation using the example of specialized technical texts. Current requirements for a technical translator are presented, the most common errors of digital translation are identified, and principles for editing digital translation of a specialized technical text have been developed, recommended for achieving an adequate translation that corresponds to the conventions of technical texts and client’s requirements.

Key words: technical translation, digital translation, translation error, translation competence, translation editing, the role of the translator.

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАННЫЕ ТЕРМИНЫ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

А.А. Дедюхин, А.Г. Дедюхина

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена англоязычным заимствованным терминам, относящимся к сфере IT, бизнесу, Интернету, фуд-индустрии и бьюти-индустрии. Приводится классификация пяти групп англоязычных заимствованных терминов, активно функционирующих в Интернет-пространстве современного русского языка. Авторы приходят к выводу о том, что частотное употребление англоязычной заимствованной терминологии обусловлено языковой экспрессией, необходимостью наименования нового понятия или реалии, разграничением близких по смыслу понятий, принадлежностью к определенной профессиональной сфере, а также для создания более интересного и живого общения в онлайн-среде.

Ключевые слова: англоязычные заимствованные термины, Интернет-дискурс, Интернет-пространство, онлайн-среда, современный русский язык.

Происходящие в мире процессы, связанные с влиянием цифровых технологий и глобализацией, привели к трансформации традиционных норм и форм общения. Являясь мировым социальным феноменом, глобальная сеть Интернет предоставила уникальную возможность для образования и развития особой среды, а именно такого пространства, где активно функционирует новый вид лингвистической коммуникации. Развитие Интернет-пространства и новых видов передачи информации стали причиной появления онлайн-коммуникации, в которой «образуется новая познавательная система ценностно-ориентированных установок» [4, с. 151] и формируется особый язык общения.

Реалии современного мира обусловили переход реального общения в виртуальную среду, что привело в свою очередь к возникновению Интернет-дискурса. Вопросы, связанные с языковыми особенностями Интернет-дискурса, привлекают многих исследователей. В своём исследовании Л.В. Дудникова и М.С. Медведева выделяют такие особенности языка Интернет-коммуникации, как лексическую ёмкость и графическую краткость сообщения [2, с. 203]. Е.А. Ивлиева приходит к выводу об ускорении процесса коммуникации с помощью лингвистической экономии и упрощения языковых средств выражения [3, с. 1671].

Также нами были рассмотрены работы, посвященные особенностям языкового заимствования в русском языке [1, 6].

Материалом для исследования послужили русскоязычные тексты Интернет-пространства (электронные версии гляцевых журналов, социальные сети и платформы). С помощью метода сплошной выборки было обнаружено 278 лексических заимствованных единиц из английского языка.

Актуальность темы исследования оправдана необходимостью изучения столь возросшего количества англоязычных заимствованных лексических единиц, функционирующих в Интернет-пространстве современного русского языка.

Итак, анализ текстов позволил выделить следующие группы англоязычной заимствованной терминологии, доминирующие в Интернет-пространстве современного русского языка:

1) англицизмы, относящиеся к Интернет-терминологии и социальным сетям: *API* (*Application Programming Interface* – программный интерфейс приложения), *SEO* (*Search Engine Optimization* – оптимизация для поисковых систем), *CPA* (*Cost Per Action* – оплата за действие); *SMM-специалист* (*Social Media Marketing* – менеджер социальных сетей), *UX-designer* (*User Experience* – проектировщик интерфейсов), *копирайтер* (*copywriter* – автор текстов), *модератор* (*moderator* – контролер контента в онлайн-пространстве), *Андроид-разработчик* и т.д.;

2) англицизмы, относящиеся к бьюти-терминологии: *нейл-арт-дизайнер*, *бьюти-мастер*, *бьюти-стилист*; *бьюти-блогер*, *бьюти-развитие*, *бьюти-эволюция*, *бьюти-бизнес*, *бьюти-прогресс*, *бьюти-средство*, *бьюти-новости*, *бьюти-актуализация*, *бьюти-процедура*, *бьюти-инсайт*, *бьюти-экспертиза*, *бьюти-инвестиции*, *бьюти-конференция*, *бьюти-горизонты*, *бьюти-распродажа* и т.д.;

3) англицизмы, относящиеся к фуд-терминологии: *фуд-корт*, *фастфуд*, *фуд-фотограф*, *фуд-эксперт*, *фуд-мастер-класс*, *фуди*, *фуд-стилист* и т.д.;

4) англицизмы, относящиеся к IT-терминологии: *IT-рекрутер*, *SEO-копирайтер*, *Android-разработчик*, *seo-оптимизатор*, *go-разработчик*, *фудстек-разработчик-трейни*, *Web-мастер* и т.д.;

5) англицизмы, относящиеся к бизнес-терминологии: *фаундер* (*founder* – создатель, лидер компании), *бьюти-бизнес*, *бьюти-переговоры*, *бьюти-инвестиции*, *аутсорсинг*, *митап*, *стартап* и т.д.

Отметим, что приведенная классификация пяти групп англоязычных заимствованных терминов показывает, что один и тот же термин может относиться к разным группам (*бьюти-инвестиции*, *бьюти-бизнес*, *Андроид-разработчик*). Помимо этого, функционирование данных англоязычных лексем и заимствований происходит на различных уровнях в принимающем языке. Такие заимствованные англоязычные лексемы как *API*, *SEO*, *SMM* находятся на первоначальной адаптационной ступени и чаще всего употребляются именно в своей исконной графической форме. Приведенные заимствованные аббревиатуры-термины позволяют экономить место и время для написания полного названия. Англицизмы *митап*, *стартап*, *аутсорсинг*, *фастфуд* прошли не только фонетико-графический уровень освоения, но и продолжают адаптироваться к новой системе языка на морфологическом уровне, приобретая различные падежные окончания единственного и множественного чисел имени существительного (*митапы*, *стартапы*, *аутсорсингом*, *митапе* и т.д.).

На семантическом уровне адаптации находятся такие заимствованные термины, как *фуд*, *фастфуд*, *бьюти*. Наблюдается заимствование не только

предметов, техник, средств, но и названий профессий в силу «глобальных цифровых тенденций социокультурного развития общества и рынка труда» [5, с. 126].

Также обратим внимание на структурную организацию заимствованных терминов:

- 1) термины, состоящие из одного слова: *фаундер, аутсорсинг, стартап*;
- 2) термины, состоящие из двух слов: *бьюти-блогер, go-разработчик, фуд-эксперт*;
- 3) термины, состоящие из трех слов: *фуд-мастер-класс, нейл-арт-дизайнер*.

Наличие в принимающем языке (русском) трехсловных заимствованных терминов указывает на факт усложнения профессиональной деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что частотное употребление англоязычной заимствованной терминологии в Интернет-дискурсе обусловлено рядом причин. Во-первых, языковая экспрессия помогает Интернет-пользователю экономить место и время. Следовательно, англицизмы-термины служат отличным средством для замены длинного описательного оборота. В большинстве случаев англоязычный вариант короче, чем его аналог в принимающем языке, что в онлайн-среде помогает экономить речевые усилия. Во-вторых, употребление того или иного термина, имеющего англоязычное происхождение, связано с необходимостью наименования нового понятия или реалии. В-третьих, англоязычное заимствование позволяет разграничить близкие по смыслу понятия. Очень часто заимствованное слово-термин приобретает дополнительное значение в принимающем языке. В-четвёртых, наличие англоязычной заимствованной терминологии в речи Интернет-пользователя говорит о его принадлежности к определенной профессиональной сфере, что зачастую недоступно для понимания другому кругу лиц. Кроме того, для более интересного и живого общения в онлайн-среде, а также для привлечения внимания, активные Интернет-пользователи намеренно прибегают к частотному употреблению англицизмов.

Список литературы

1. Дедюхин А.А., Дедюхина А.Г. Способы заимствования в современном русском языке на примере сленга IT-сферы // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр./ под ред. А.В. Зиньковской, В.В. Катериной, С.Х. Липириди, А.М. Прима, А.В. Самойловой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 23–27.
2. Дудникова Л.В., Медведева М.С. Лингвистические особенности англоязычной Интернет-коммуникации (на материале современных социальных сетей) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6. 2022. С. 202–206.
3. Ивлиева Е.А. Особенности современного интернет-дискурса (на материале русского, испанского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т.18. Вып. 4. С. 1667–1672.
4. Морозова О.Н. Особенности Интернет-коммуникации: определение и

свойства // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 1, № 5. 2010. С. 150–157.

5. Поляруш Е.В. Наименования новых профессий, специальностей и должностей в немецком и русском языках // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica* Т. 16, Вып. 3 (49), 2020. С. 118–133.

6. Цатурян М.М. Семантико-деривационный аспект заимствованной лексики в СМИ // *Филологические науки в XXI веке. Актуальность, многополярность, перспективы развития: сб. науч. тр./ под ред. А.В. Зиньковской, В.В. Катерминой, С.Х. Липириди, А.М. Прима, А.В. Самойловой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. С.195–200.*

ENGLISH BORROWED TERMS IN THE INTERNET-DISCOURSE OF THE RUSSIAN MODERN LANGUAGE

A.A. Dediukhin, A.G. Dediukhina

Kuban State University, Krasnodar

This article is devoted to the English borrowed terms related to IT, business, the Internet, food and beauty industries. It classifies five groups of the English borrowings that are actively used in the Internet space of the Russian modern language. The authors come to the conclusion that the frequent use of the English borrowed terminology is caused by linguistic expressiveness, the necessity of naming a new concept or reality, the differentiation of similar concepts, professional affiliation and the creation of more engaging and lively communication in the online environment.

Key words: English borrowed terms, Internet discourse, Internet space, online environment, modern Russian language.

УДК 81

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ: ФУНКЦИОНАЛЬНО- ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

С.М. Джумаева

*Академия Наук Азербайджана, Институт языкознания имени Насими, Баку,
Азербайджан*

В статье исследуются этапы формирования и развития грамматических категорий в германских языках с позиций функционально-типологического подхода. В центре внимания находится интерпретация грамматической эволюции как процесса функциональной реорганизации языковой системы. Вводится понятие компенсаторного механизма, объясняющего сохранение грамматических значений при утрате морфологических форм. Обосновывается положение о том, что анализация представляет собой не упрощение, а

перераспределение грамматических функций между уровнями языка. Предлагается типологическая модель развития грамматических категорий.

Ключевые слова: германские языки, грамматические категории, аналитизация, синтетизм, грамматикализация.

Германские языки занимают важное место в системе индоевропейских языков и характеризуются длительной историей развития [2, с. 15]. Их грамматическая структура претерпела значительные изменения, традиционно описываемые как переход от синтетического строя к аналитическому [7, с. 22].

Тем не менее, подобное описание носит преимущественно формальный характер и не раскрывает внутренних механизмов языковой эволюции. В современной лингвистике грамматические изменения всё чаще рассматриваются как результат функциональной перестройки языковой системы [4, с. 45; 5, с. 67].

Целью данного исследования является выявление закономерностей формирования грамматических категорий в германских языках и их интерпретация с точки зрения функционально-типологического подхода. Научная новизна заключается в трактовке аналитизации как процесса перераспределения грамматических функций, а не их редукции.

Развитие германских языков традиционно делится на три этапа [9, с. 73], однако в рамках данного исследования они интерпретируются как различные типы грамматической организации.

Древнегерманский период характеризуется высокой степенью морфологической сложности. Существительные обладали разветвлённой системой склонения, включавшей несколько падежей, а глаголы имели развитую парадигму форм [1, с. 26].

Флексии выполняли основную функцию выражения грамматических значений, что обеспечивало относительную свободу порядка слов.

В среднегерманский период происходят существенные фонетические изменения, включая редукцию безударных гласных, что приводит к ослаблению флексий [9, с. 73]. В результате морфологическая система начинает утрачивать свою доминирующую роль. Одновременно усиливается значение синтаксиса. Формируются аналитические конструкции и закрепляется более стабильный порядок слов.

Современные германские языки характеризуются преобладанием аналитических средств выражения грамматических значений [2, с. 112]. Основную роль начинают играть служебные слова и синтаксическая структура. Таким образом, наблюдается переход от морфологической к синтаксической доминанте.

Одним из ключевых положений данного исследования является введение понятия компенсаторного механизма. Суть данного механизма заключается в том, что утрата морфологических средств выражения грамматических значений не приводит к их исчезновению. Напротив, происходит перераспределение функций между различными уровнями языка [4, с. 89]. Так, в древнегерманских языках грамматические отношения выражались посредством падежных окончаний, например: *des mannes*. В современном английском языке

аналогичные значения передаются с помощью аналитической конструкции of the man [2, с. 125]. Данный факт свидетельствует о том, что язык сохраняет функциональную полноту за счёт изменения способов выражения значений.

Падежная система в древнегерманских языках была сложной и многоуровневой [1, с. 31]. В ходе исторического развития происходит сокращение числа падежных форм. Однако данное явление не следует трактовать как исчезновение категории. Функции падежа сохраняются и реализуются посредством предлогов и фиксированного порядка слов [8, с. 59].

Категория рода сохраняется в немецком языке, однако в английском она утрачивает морфологическое выражение [7, с. 29]. Тем не менее, род продолжает функционировать на семантическом уровне, что проявляется в системе местоимений.

В древнегерманских языках прилагательные обладали развитой системой склонения [1, с. 47]. В современном немецком языке часть их функций передаётся артиклю [3, с. 45]. В английском языке прилагательные становятся неизменяемыми, однако усиливается их синтаксическая функция как атрибута.

Глагольная система германских языков развивается в направлении аналитических форм. Активно используются вспомогательные глаголы для выражения временных, модальных и залоговых значений [5, с. 102]. Таким образом, наблюдается рост функциональной гибкости глагольной системы.

Традиционно аналитизация рассматривается как упрощение грамматической системы [8, с. 61]. Однако данный подход не учитывает усиление роли синтаксических средств. В рамках данного исследования аналитизация трактуется как перераспределение грамматических функций между уровнями языка. Морфологические средства уступают место синтаксическим, однако общая сложность системы сохраняется. Фиксированный порядок слов становится ключевым средством выражения грамматических отношений.

Закключение. Развитие грамматических категорий в германских языках представляет собой сложный процесс функциональной трансформации. Утрата морфологических форм компенсируется усилением синтаксических средств, что свидетельствует о перераспределении грамматических функций в языке.

Таким образом, аналитизация является не упрощением, а переходом к иной модели языковой организации, основанной на взаимодействии различных уровней языковой системы [2, с. 140].

Научная новизна предложена функционально-типологическая интерпретация развития грамматических категорий; введено понятие компенсаторного механизма; обосновано положение о том, что аналитизация представляет собой перераспределение функций; разработана типологическая модель смены доминирующих средств выражения грамматических значений.

Список литературы

1. *Braune W.* Althochdeutsche Grammatik. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. 494 p.

2. *Harbert W.* The Germanic Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 510 p.
3. *Helbig G., Buscha, J.* Deutsche Grammatik. Berlin: Langenscheidt, 2005. 654 p.
4. *Heine B., Kuteva T.* The Genesis of Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2007. 336 p.
5. *Hopper P., Traugott, E.* Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 276 p.
6. *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch. Berlin: Walter de Gruyter, 2002. 1022 S.
7. *König E., van der Auwera J.* The Germanic Languages. London: Routledge, 1994. 631 p.
8. *Ramat P.* Linguistic Typology. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987. 244 p.
9. *Ringe D., Taylor A.* The Development of Old English. Oxford: Oxford University Press, 2014. 632 p.

STAGES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF GRAMMATICAL CATEGORIES IN GERMANIC LANGUAGES: A FUNCTIONAL-TYPOLOGICAL APPROACH

S.M. Jumayeva

Azerbaijan Academy of Sciences, Nasimi Institute of Linguistics, Baku, Azerbaijan

This article examines the stages of formation and development of grammatical categories in the Germanic languages from a functional-typological perspective. Unlike traditional approaches focusing mainly on morphological change, this study interprets grammatical evolution as a process of functional reorganization of the language system. The concept of a compensatory mechanism is introduced, according to which the loss of morphological markers is accompanied by the strengthening of syntactic and analytical means. It is argued that analyticity should not be viewed as simplification but rather as a redistribution of grammatical load across different linguistic levels. A typological model of grammatical category development is proposed based on shifts in dominant means of grammatical expression.

Key words: Germanic languages, grammatical categories, analyticity, syntheticity, grammaticalization.

КОРПУСНЫЙ И СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСТОВ TELEGRAM-КАНАЛА УНИВЕРСИТЕТА (НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАПРАВЛЕНИЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ)

Д.В. Дроздова

*Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск,
Республика Беларусь*

Исследование посвящено лингвистическому анализу реализации направлений государственной молодежной политики Республики Беларусь в официальном Telegram-канале БГУИЯ за 2020–2026 годы. Методологическую основу исследования составляет автоматическая тематическая классификация лексики на базе модели FastText.

Ключевые слова: молодежная политика, институциональный дискурс, Telegram-канал, корпусный анализ, тематическая классификация.

Официальные Telegram-каналы учреждений высшего образования выполняют функцию институционального медиатора между нормативно-правовыми документами и молодежной аудиторией, реализующего ключевые направления молодежной политики государства [1, 2]. Этот квазиакадемический дискурс сочетает признаки официальной и неофициальной коммуникации, а также информационную и воспитательную функции [3]. Тексты официального Telegram-канала БГУИЯ иллюстрируют такую гибридность, объединяя институциональные формы общения с элементами персонализированного обращения к аудитории. Актуальность исследования определяется необходимостью анализа дискурсивной реализации молодежной политики в официальном Telegram-канале университета.

Исследование направлено на формирование тематических словарей по 11 направлениям государственной молодежной политики («Гражданское и патриотическое воспитание молодежи», «Государственная поддержка талантливой и одаренной молодежи» и др.) на основе корпуса сообщений официального Telegram-канала БГУИЯ [4].

Методы исследования: предобработка текста (удаление ссылок, графических элементов, лемматизация), формирование корпуса уникальных лемм, формирование корпуса ключевых слов (отбор сбалансированного набора ключевых слов объемом 30 единиц для каждого из 11 направлений государственной молодежной политики на основе нормативно-правовых документов Республики Беларусь), обучение модели FastText на корпусе лемм Telegram-канала «ИНЯЗ.ВУ», построение усредненного векторного представления ключевых слов средствами обученной модели, расчет косинусного сходства между леммами корпуса и усредненным векторным

представлением направлений, автоматическая тематическая классификация лемм по критерию максимального косинусного сходства.

Эмпирическую базу исследования составляет корпус сообщений официального Telegram-канала УВО «Белорусский государственный университет иностранных языков» – «ИНЯЗ.ВУ» (объемом 6998 лемм, распределенных по 11 направлениям молодежной политики РБ).

На основании доли частотного распределения лемм установлена неравномерная представленность направлений в Telegram-канале. Ведущие направления «Содействие формированию здорового образа жизни молодежи» (20,7%), «Государственная поддержка молодых семей» (17,8%) и «Гражданское и патриотическое воспитание молодёжи» (15,9%) охватывают более половины корпуса лемм. Периферия сформирована направлениями «Содействие реализации права молодежи на объединение» (114 слов, 1,6%), «Государственная поддержка талантливой и одарённой молодежи» (136 слов, 1,9%) и «Государственная поддержка молодежных инициатив» (157 слов, 2,2%).

Выявлена неоднородность состава корпуса лемм для каждого направления: наличие как релевантных лемм («патриотизм», «героизм», «ветеран», «Отечество», «гимн», «герб»), так и тематически нейтральных единиц («морковь», «мед», «лошадь», «бег»). Выявленная неоднородность обусловлена спецификой модели FastText: единственным критерием отнесения леммы к тому или иному направлению служит векторное сходство с усредненным векторным значением ключевых слов. Леммы распределяются по тематическим направлениям в соответствии их контекстуальным окружением в корпусе постов, что снижает содержательную точность распределения и требует дополнительной постобработки. Так, лемма «Ханчжоу» была добавлена «Гражданское и патриотическое воспитание молодежи».

Используемый в работе инструментарий обеспечивает учет тематической специфики исследуемого квази-академического дискурса, с рядом существенных ограничений: метод не предусматривает механизма разрешения многозначности и относит каждую единицу к одной категории по критерию максимального косинусного сходства.

Список литературы

1. Закон Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З «Об основах государственной молодежной политики» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2009. № 300, 2/1617.

2. Директива Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 «Об основах идеологии белорусского государства». Минск, 2025.

3. *Ширяева Т.А., Гончарова Е.А.* Институциональный дискурс в эпоху цифровизации: теоретические основания и прикладные аспекты // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 45–57.

4. Официальный Telegram-канал БГУИЯ ИНЯЗ.ВУ [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://t.me/bsufl_belarus. (дата обращения 14.02.2026).

CORPUS AND STATISTICAL ANALYSIS OF UNIVERSITY TELEGRAM CHANNEL POSTS (A CASE STUDY OF YOUTH POLICY IMPLEMENTATION)

D.V. Drozdova

Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk, Republic of Belarus

This study focuses on a linguistic analysis of how the Republic of Belarus's state youth policy initiatives are reflected in the official communications of higher education institutions, based on posts from the BSUFL Telegram channel from 2020 to 2026. The methodological framework of the study is based on the automatic thematic classification of vocabulary using the FastText model.

Key words: youth policy, institutional discourse, Telegram channel, corpus analysis, thematic classification.

УДК 811.581'255.4

АРХИТЕКТУРНАЯ ВЕРТИКАЛЬ В СБОРНИКЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА «КАМЕНЬ» И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

М.А. Духнова, Е.В. Ерофеева

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь*

В статье сопоставляется образ архитектурной вертикали в сборнике О. Мандельштама «Камень» и в его китайском переводе Ван Цзяньчжао. В оригинале архитектурные формы выступают как структуры, которые упорядочивают мир и связывают земное и небесное. В переводе на китайский язык эти образы сохраняют вертикальную направленность, однако они теряют религиозную символику и становятся более конкретными и наглядными.

Ключевые слова: Мандельштам, сборник стихов «Камень», китайский перевод, переводческие трансформации, архитектурные образы.

В ранней лирике О. Мандельштама архитектурные образы занимают особое место: они связаны с акмеистической установкой на предметность, зримую определенность [1; 2]. В сборнике «Камень» (Мандельштам 1990) архитектурные формы не ограничиваются предметным значением, они выступают как структуры, которые упорядочивают мир, связывают земное и небесное. Архитектура становится для поэта символом реальности, «антитезой неопределенности и страху пустоты» [5, с. 150], уравнивающая хаос и беспорядок мира.

Особое значение приобретает архитектурная вертикаль, выражающая устремленность к высшему и идею преодоления границы между разными уровнями бытия. При переводе этих образов на китайский язык важно передать не только их значения и культурную символику, но и те смыслы, которые приобретают эти образы в поэтике Мандельштама. Цель данного исследования – выявить, как архитектурная вертикаль сборника «Камень» переосмысливается в китайском переводе, выполненном поэтом и переводчиком Ван Цзяньчжао (Wang Jianzhao 2012).

В ходе анализа семантического класса «архитектура» частотного словаря знаменательной лексики сборника «Камень», составленного ранее [4], были отобраны единицы, связанные с архитектурной вертикалью, то есть с высотой, направленностью вверх, храмовым пространством: *Notre Dame*, *Айя-София*, *апсида*, *арка*, *базилика*, *башня*, *колокольня*, *купол*, *парус*, *свод*, *столб*, *храм*. Всего выделено 17 контекстов с использованием этих лексических единиц. На основе контекстуального анализа и с учетом особенностей ранней поэтики Мандельштама определялись основные смыслы, связанные с этими образами в русском тексте. Соответствующие контексты сопоставлялись с китайским переводом Ван Цзяньчжао, что позволило определить, какие смысловые трансформации возникают при переводе.

В сборнике «Камень» архитектурная вертикаль реализуется через несколько смысловых признаков: высоту, движение вверх, связь с небом, а также представление об архитектурной форме как о модели мироустройства. В китайском переводе архитектурная вертикаль в целом сохраняется, однако ее смысловые акценты изменяются. Так, в контексте *башни стрельчатой* *рост* создается ощущение движения вверх, а сама башня выступает как связующее звено между земным и небесным пространством; в китайском переводе 尖拱塔楼的高度 ‘высота стрельчатой башни’ использование лексемы 高度 ‘высота’ делает визуальный образ статичным и лишенным сакрального смысла.

Важной особенностью архитектурной вертикали у Мандельштама является и ее связь с небом. Например, в контексте *ведь купол твой, по слову очевидца, как на цепи, подвешен к небесам* купол воспринимается как граница и одновременно как связь между пространством храма и небом. Купол выражает идею завершенности, целостности и соединения земного мира и небесного порядка. При передаче этого образа Ван Цзяньчжао использует выражение 用铁链系挂于天庭 ‘железной цепью подвешен к небесному дворцу’, при этом лексема 天庭 ‘небесный дворец’ конкретизирует образ небес, вводя понятное китайскому читателю представление.

У Мандельштама образы *храм*, *базилики*, *апсиды*, *экседры* связаны не только с архитектурой, но и с религиозной традицией. В переводе эта семантика обобщается или теряется. Например, *базилика* передается как 柱厅 ‘зал с колоннами’, в результате образ утрачивает религиозную специфику и воспринимается как сооружение. При передаче контекста *расположил апсиды и экседры* специальные архитектурные термины заменяются на выражение

构架拱门 ‘выстроил арки’: сохраняется идея пространственной организации, но утрачивается символичность храмовой постройки.

Несмотря на то что и в поэтике Мандельштама, и в китайской традиции вертикаль в той или иной степени выступает символом мироустройства и связи земного и божественного, восприятие неба и принципов организации мира в европейской культурной традиции существенно отличается от китайской модели. В китайской культуре вертикаль выражает гармоничное соотношение триады из неба, земли и человека (как элементов единого космического порядка) [3], а в европейской традиции небо наделяется высшим нравственным статусом, а граница между небом и землей осмысливается как предел, разделяющий разные уровни мироустройства.

Таким образом, в китайском переводе архитектурная вертикаль не исчезает, а получает иную символику. Ван Цзяньчжао сохраняет основные пространственные признаки образов (высоту, подъем, связь с верхним пространством), однако часть культурно-исторических и авторских смыслов оказывается ослабленной или вовсе переосмысливается под влиянием китайской культурной традиции.

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев и Мандельштам / под ред. Д.Н. Мамедовой. М.: РГГУ, 2011. С. 37–120.
2. *Гаспаров М.Л.* Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995. 478 с.
3. *Гумерова Г.А.* Китайская мифологическая модель мира // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2008. № 2. С. 3–6.
4. *Духнова М.А., Ерофеева Е.В., Обухова И.А.* Семантические классы лексики сборника О. Мандельштама «Камень» // СибСкрипт. 2025. Т. 27, № 4(110). С. 667–680.
5. *Струве Н.А.* Осип Мандельштам. Томск: Водолей, 1992. 272 с.

Источники

Мандельштам О.Э. Камень. Л.: Наука, 1990. 398 с.

Wang Jianzhao (汪剑钊). In the Heart of the Century: Selected Poems by Osip Mandelstam (我在世纪的心脏: 曼德尔施塔姆诗选). Beijing: People's Literature Publishing House (北京: 人民文学出版社), 2012. 366 с.

ARCHITECTURAL VERTICALITY IN O. MANDELSTAM'S POETRY COLLECTION "STONE" AND ITS TRANSFORMATION IN THE CHINESE TRANSLATION

M.A. Dukhnova, E.V. Erofeeva

Perm State University, Perm

This article compares the image of architectural verticality in Osip Mandelstam's collection "Stone" and its Chinese translation by Wang Jianzhao. While the original presents architectural forms as structures linking the earthly and the divine, the translation preserves their vertical orientation but reduces their religious symbolism, making the images more concrete and visually explicit.

Key words: Mandelstam, the poetry collection "Stone", Chinese translation, architectural verticality.

УДК 82–312.4

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ПРОСЬБЫ И ИЗВИНЕНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ: НЕМЕЦКИЙ И ИТАЛЬЯНСКИЙ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТИЛИ В КИНОДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА «ДЬЯВОЛ НОСИТ PRADA»)

В.А. Елфимова, Е.Д. Хамлова, А.В. Шкапова

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Ярославль*

Статья посвящена сопоставительному анализу речевых актов просьбы и извинения в англоязычном кинодискурсе и их адаптации в итальянском и немецком дубляжах фильма «Дьявол носит Prada». Рассматриваются стратегии вежливости, способы смягчения коммуникативного давления и влияние статусной асимметрии собеседников на выбор языковых средств в разных лингвокультурах. Выявляются универсальные и культурно-специфические черты данных актов.

Ключевые слова: речевой акт, прагматика, извинение, просьба, дубляж.

Сегодня лингвисты все чаще обращаются к изучению кинодискурса. Это сложная система, в которой слова, интонации и видеоряд работают как единое целое. При этом аудиовизуальный перевод (в особенности профессиональный дубляж) – это не просто механический перенос текста на другой язык. Переводчику необходимо адаптировать исходное сообщение так, чтобы иностранный зритель полностью считал заложенные в нем культурные и прагматические смыслы. В рамках настоящей работы анализ ограничивается языковыми средствами лексико-грамматического уровня; невербальные компоненты, а также фонетические характеристики (интонационное оформление, логическое акцентирование и пр.) не рассматриваются.

Коммуникативное взаимодействие персонажей строится на основе речевых актов. В соответствии с фундаментальной теорией Дж. Остина, высказывание не только фиксирует положение дел, но и совершает целенаправленное действие [4, с. 22]. В настоящем исследовании внимание сосредоточено на директивных актах (просьбах, приказах) и экспрессивах (извинениях). В прагматическом аспекте данные акты тесно связаны с категорией вежливости и концепцией поддержания «социального лица» участников общения [6]. Просьба квалифицируется как акт, угрожающий лицу адресата (*face-threatening act*); ее успешная реализация обусловлена социальной дистанцией и предполагает использование смягчающих дискурсивных стратегий [2, с. 122; 3, с. 2]. Извинение, в свою очередь, отличается многоаспектностью: оно может выражать искреннее сожаление либо функционировать как формальный корпоративный «щит», направленный на упреждающую защиту говорящего [1, с. 45; 5, с. 576].

Эмпирическую базу исследования составил фильм «Дьявол носит Prada» (фрэнкел) и его официальные дубляжи на итальянский (*Il diavolo veste Prada*) и немецкий (*Der Teufel trägt Prada*) языки. Обращение к данной картине мотивировано воспроизведением в ней жесткой корпоративной среды, где статусная асимметрия жестко определяет выбор речевых стратегий. Прагматический анализ фактического материала позволяет последовательно охарактеризовать две ключевые группы речевых актов – директивы (приказы и просьбы) и экспрессивы (извинения).

Начать анализ целесообразно с директивных актов, с помощью которых Миранда Пристли демонстрирует свою власть. В репликах *Holen Sie mir Isaac an den Hörer* (нем.) и *Chiamami Isaac* (итал.) в обоих языках используется прямой императив для демонстрации неограниченной власти. В немецком дубляже употребляется вежливая форма императива с местоимением *Sie*, однако отсутствуют какие-либо маркеры вежливости (например, *bitte*). Глагол *holen* («принести, достать») вкупе с предельно сжатой синтаксической структурой создает императив, не предполагающий возражений; имя собственное *Isaac* звучит как обозначение функции. В итальянском варианте задействован прямой императив второго лица единственного числа (*tu*) с энклитическим местоимением *mi* (*chiamami*) при отсутствии *per favore*. Сопоставление показывает: немецкий перевод сохраняет формальное обращение *Sie*, однако лишает его какого-либо вежливого наполнения, тогда как итальянский идет далее, используя неформальное «ты» (*tu*), что в контексте профессиональной иерархии воспринимается как еще более агрессивная демонстрация доминирования.

Отношение к подчиненным как к функционирующим механизмам усиливается в распоряжениях технического характера. В немецкой фразе *Verbinden Sie mich mit Demarchelier* применяется прямой императив с *Sie* и глаголом *verbinden* («соединять»), обозначающим установление связи. Данное выражение представляет собой клишированную команду секретарю, однако в устах героини оно звучит как нажатие кнопки. Примечательно, что упоминание всемирно известного фотографа лишь по фамилии, без титулов, в немецком

контексте приобретает предельно властную окраску. Итальянский дубляж (*Trovami Demarchelier al telefono*) задействует прямой императив *trova* («найди») с энклитикой *mi*. Выбор глагола *trovare* («найти») вместо ожидаемого *collegare* («соединить») смещает акцент с коммуникации на физический поиск человека. Обе фразы указывают на статусную дистанцию: в немецком варианте – через отказ от титулов и специфику глагольной семантики, в итальянском – через добавление семантики преследования и поиска, что придает приказу еще более выраженную требовательность к физическим усилиям подчиненного.

Тотальный контроль руководителя проявляется и в бытовых поручениях, например:

- *Holen Sie die Polaroids von dem Dessous-Shooting ab* (нем.);
- *Ritira le polaroid del servizio di intimo* (итал.).

В немецком варианте используется прямой императив с глаголом, имеющим отделяемую приставку (*abholen*). Фраза демонстрирует, что Миранда осведомлена о мельчайших деталях рабочих процессов (полароиды именно со съемки нижнего белья). В итальянском языке применяется прямой императив глагола *ritirare* («забирать») с аналогичной степенью конкретизации. В обоих языках данные реплики иллюстрируют, что для начальницы не существует деления на «важные» и «неважные» задачи – все распоряжения обладают одинаково высшим приоритетом; различия же касаются исключительно лексико-грамматического оформления.

Особый научный интерес представляет конструирование косвенных указаний, при которых потребность говорящего подается как объективная необходимость. В немецкой конструкции *Ich brauche zehn bis fünfzehn Röcke von Calvin Klein* используется глагол *brauchen* («нуждаться»). Данное высказывание не является просьбой; оно констатирует факт, который подчиненная обязана выполнить. Итальянский вариант *Mi servono dieci o quindici gonne...* построен с помощью безличного глагола *servire* («быть нужным»). Подобная конструкция звучит крайне авторитарно и допустима только при колоссальной дистанции власти. Оба языка прибегают к идентичной прагматической стратегии: констатированная потребность не подлежит обсуждению. Разница заключается в том, что в немецком варианте акцент падает на личное местоимение *ich* («я»), тогда как в итальянском – на безличную конструкцию, что придает требованию еще более объективный и неоспоримый характер.

Данная стратегия сохраняется и при выдвижении абсурдных требований:

- *Ich brauche das neue Harry-Potter-Buch für die Zwillinge* (нем.);
- *Mi serve il manoscritto del nuovo libro di Harry Potter per le mie figlie* (итал.).

В обоих дубляжах добавление цели (*für die Zwillinge / per le mie figlie*) не смягчает требования, а служит дополнительным обоснованием его категоричности. Апелляция к личным обстоятельствам демонстрирует расширение власти начальницы на частную сферу: подчиненные обязаны обслуживать не только рабочие, но и семейные потребности руководителя.

Контрастным примером директивного акта служит речевое поведение ассистентки-новичка. В немецком вопросе *Wie schreibt man bitte Gabbana?* употреблен безличный оборот *man* и слово *bitte*, встроенное внутрь конструкции.

Это стандартная, грамматически корректная вежливая форма вопроса. Итальянская версия *Gabbana si scrive con una o due B?* использует возвратную форму *si scrive* («пишется»); при этом маркер *per favore* полностью отсутствует, однако сама грамматическая структура транслирует глубокую неуверенность. В обеих языковых версиях применяются безличные конструкции для смягчения прямоты вопроса, однако итальянский дубляж демонстрирует также ярко выраженную культурную адаптацию: для носителя итальянского языка спеллинг бренда *Dolce & Gabbana* звучал бы абсурдно, в связи с чем просьба трансформируется в вопрос об орфографическом правиле.

Вторая анализируемая группа речевых актов – экспрессивы (извинения). Особого внимания заслуживает сопоставление различий в стратегиях разных говорящих в ситуациях опоздания. Немецкая фраза Энди *Tut mir leid. Ich bin so spät dran* состоит из двух предложений: ритуального извинения и эмоционального объяснения с интенсификатором *so* и разговорной конструкцией *dran sein*, что отражает личное переживание ситуации. Итальянская же фраза Эмили, произнесенная по телефону перед аварией (*Scusa il ritardo...*), представляет собой предельно лаконичное сочетание без усилителей. При сходной грамматической основе слова Эмили звучат сухо и ритуально, выполняя функцию доведенной до автоматизма превентивной коммуникативной защиты и обязательного социального буфера в жесткой иерархической среде.

В неформальном общении с друзьями (ситуация опоздания) в немецком варианте *Entschuldige die Verspätung* используются обращение на *du* и существительное *die Verspätung*, что дистанцирует говорящего от проступка и переносит акцент на сам факт опоздания. Итальянская фраза *Oh, scusa tanto per il ritardo* задействует императив *scusa* (от *tu*) с существительным *il ritardo*. В обеих версиях это социальное, ритуальное извинение перед друзьями, однако в итальянском языке эмоциональный усилитель *tanto* делает извинение более экспрессивным и теплым, тогда как немецкий вариант остается структурно сдержанным.

Функция извинения кардинально трансформируется в ситуации проявления эмпатии. В доверительной сцене в машине звучат фразы *Es tut mir so leid*, *Miranda* (нем.) и *Mi dispiace tanto*, *Miranda* (итал.). Немецкий дубляж использует стандартную формулу сожаления с усилителем *so*, а итальянский – безличную конструкцию *mi dispiace* с усилителем *tanto*. В обоих языках лексические усилители превращают ритуальную фразу в искреннее эмоциональное высказывание: это уже не извинение за конкретный проступок, а выражение глубокого сочувствия по поводу уязвимости начальницы, где подчиненная на мгновение становится доверенным лицом.

Извинение нередко используется как средство смягчения угрозы лицу собеседника (*Face-Threatening Act*). В сцене отказа коллеге немецкий вариант *Ich kann nicht. Tut mir leid. Ich kann nicht. Ich...* и итальянский вариант *Mi dispiace, non posso. Mi dispiace, non posso. Io...* демонстрируют полное структурное сходство. В обоих языках комбинация отказа и извинения сопровождается рваным синтаксисом, лексическими повторами и оборванной фразой. Данные

стилистические приемы выступают маркерами эмоционального смятения и внутреннего конфликта. Извинение здесь функционирует не как ритуал, а как попытка совладать с этической дилеммой и защитить собеседника от резкости прямого отказа.

Подводя итог, можно сказать, что прагматические стратегии в обоих дубляжах очень похожи, хотя лексика и грамматика заметно отличаются. Оба языка великолепно передают тоталитарный стиль общения Миранды Пристли через отказ от маркеров вежливости. Если итальянский перевод сильнее адаптирован под местную культуру (использование «ты» в приказах делает их более жесткими и фамильярными), то немецкий дубляж старается держаться ближе к форме оригинала, сохраняя дистанцию через «Вы» (Sie). В обоих случаях характеры персонажей остаются узнаваемыми, а их речевое поведение четко отражает жесткую корпоративную иерархию.

Список литературы

1. Брагина Н.Г. Речевой акт извинения в контексте современной сетевой публичности / Н. Г. Брагина, Е. В. Васютина // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2024. № 8. С. 42–55.
2. Карпенко Л.Б. Грамматическая системность моделей просьбы в современном русском языке / Л. Б. Карпенко, Лю Сяоя // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. Т. 30, № 3. С. 120–127.
3. Курченкова Е.А. Специфика выражения просьбы в русском коммуникативном поведении / Е.А. Курченкова, Ю.Н. Куличенко // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 4 (142). С. 1–6.
4. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
5. Скворцова Е. Б. Комплексная природа речевого акта извинения (на примере английской лингвокультуры) // Магия ИННО: перспективы развития лингвистики и лингводидактики в современных условиях. 2024. Т. 6, № 1. С. 575–582.
6. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

Источники

Дьявол носит Prada : художественный фильм / реж. Дэвид Фрэнкел ; в ролях: М. Стрип, Э. Хэтэуэй, Э. Блант. Москва : Двадцатый Век Фокс СНГ, 2006. Изображение : видео.

Der Teufel trägt Prada : художественный фильм [Видеозапись] : [немецкий дубляж] / реж. Дэвид Фрэнкел ; в ролях: М. Стрип, Э. Хэтэуэй, Э. Блант. Москва : Двадцатый Век Фокс СНГ, 2006. Изображение : видео.

Il diavolo veste Prada : художественный фильм [Видеозапись] : [итальянский дубляж] / реж. Дэвид Фрэнкел ; в ролях: М. Стрип, Э. Хэтэуэй, Э. Блант. Москва : Двадцатый Век Фокс СНГ, 2006. Изображение : видео.

SPEECH ACTS OF REQUEST AND APOLOGY IN THE INTERCULTURAL ASPECT: GERMAN AND ITALIAN COMMUNICATIVE STYLES IN FILM DISCOURSE (BASED ON THE FILM “THE DEVIL WEARS PRADA”)

V.A. Elfimova, E.D. Khamlova, A.V. Shkapova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl

The article presents a comparative analysis of requests and apologies in the English-language film discourse and their adaptation in the Italian and German dubbing of “The Devil Wears Prada”. It examines politeness strategies, mitigation of communicative pressure, and the impact of status asymmetry on linguistic choices across linguocultures. Universal and culture-specific features of these speech acts are identified.

Key words: speech act, pragmatics, apology, request, dubbing.

УДК 81'373.611

КВАЗИАББРЕВИАТУРЫ В «БОЛЬШОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ АББРЕВИАТУР РУССКОГО ЯЗЫКА»

К.Ю. Емельянова

Донецкий государственный университет, Донецк

Данная статья посвящена описанию квазиабревиатур, то есть слов, которые были образованы не традиционным способом «словосочетание > слово», а по иным причинам. В работе представлены образцы словарных статей создаваемого в ДонГУ «Большого толкового словаря аббревиатур русского языка» для каждого типа квазиабревиатур: абброморфемных и абброаффиксоидных квазиабревиатур, заимствованных квазиабревиатур и сложнопроизводных квазиабревиатур.

Ключевые слова: аббревиатуры, диахронные аббревиатуры, синхронные аббревиатуры, квазиабревиатуры, абброконструкт.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26 – 18 – 20134, [https://rscf.ru/project/26 – 18 – 20134/](https://rscf.ru/project/26-18-20134/) «Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении».

«Большой толковый словарь аббревиатур русского языка» (далее – Словарь) – новый проект кафедры русского языка Донецкого государственного университета. Проблема, которая поставлена перед исполнителями данного проекта, – описать систему аббревиатур русского языка с точки зрения синхронии. Описание аббревиатур основывается на их формальном и ономаσιологическом анализе в диахронном и синхронном аспектах.

Следует отметить, что традиционные толковые словари фиксируют новые единицы с опозданием, что не позволяет отражать действительное состояние лексической системы. Кроме того, единицы, которые выходят за пределы

кодифицированного языка, включаются в словарь только после того, как становятся узальными.

Создаваемый нами словарь основывается на разработанном Донецкой дериватологической школой новом теоретико-методологическом подходе, который:

- 1) обосновывает идею о множественной эквивалентности аббревиатур;
- 2) представляет сложносокращённые слова и их расшифровки, обнаруживающиеся в поисковых системах Google и Яндекс;
- 3) определяет необходимость представления в словарных статьях не только толкования вокабулы, но и её стилистических характеристик.

Например, словарная статья слова *авиановинка* в Словаре имеет следующий вид:

Авианові́нка, -и, ж. Разг. Новая, недавно появившаяся модель летательного аппарата ◀ 1: новинка в авиации ▶ 10: новинка авиации, новинка авиационной техники, авиационная новинка, новинка авиатехники • новинка.

До работ представителей Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации (далее – Лаборатория) для сокращений приводились не все текстовые эквиваленты, а только аббревиатурные пары – сложносокращённое слово и одно наиболее частотное дублетное словосочетание. При этом утверждалось, что сокращения образуются исключительно в результате трансформации в слово словосочетания. Теория Лаборатории констатировала возможность другой модели образования аббревиатур – слово + абброконструкт (сокращённый компонент) > сокращение.

Также особенность Словаря и его отличие от других словарей заключается в том, что в нём даётся толкование аббревиатуры. Это позволяет избежать трудностей, связанных с пониманием сокращённой единицы.

Важным моментом является то, что в теории Лаборатории разграничиваются аббревиатуры (собственно аббревиатуры) и квазиаббревиатуры, которые делятся на диахронные и синхронные.

К диахронным аббревиатурам относятся собственно аббревиатуры, то есть единицы, которые возникли на базе словосочетаний (*этнический альбом* > *этноальбом*, *юридическое заключение* > *юрзаключение*, *ядовитая смесь* > *ядосмесь*) и противопоставляются квазиаббревиатурам (*этноботаника*, *юринформация*, *ядохимикат*), которые появились в результате прямого присоединения абброконструкта сокращённого компонента аббревиатуры напрямую к производящему слову: «Выделение аббревиатур данного типа осуществляется только на основе диахронного анализа, их существование оправдывается только диахронно, и поэтому мы называем такие единицы диахронными аббревиатурами» [4, с. 86].

Синхронными аббревиатурами считаются сокращения, имеющие на актуальном срезе языка формально связанные с ними мотивационными отношениями текстовые эквиваленты. К ним относятся как диахронные аббревиатуры, так и квазиаббревиатуры, получившие в результате псевдоунивербализации (развёртывание аббревиатурного слова в словосочетание с тождественным значением [3, с. 20]) вторичные

дублиеты-словосочетания: «Существование таких отношений между словом и его эквивалентом оправдывается только синхронно, и поэтому мы называем такие единицы синхронными аббревиатурами» [4, с. 86]. Иными словами, в синхронии аббревиатурами будут являться как *этноальбом*, *юрзакключение*, *ядосмесь*, так и *этноботаника*, *юринформация*, *ядохимикат*, у которых появились вторичные эквивалентные словосочетания *этническая ботаника*, *юридическая информация*, *ядовитый химикат*.

В диахронии аббревиатурой считается единица, которая, во-первых, содержит абброконструкт (сокращённый элемент) и появилась в результате трансформации словосочетания (процесс универбализации), во-вторых, в синхронии сосуществует с производящим словосочетанием, которое является её абсолютным синонимом (текстовым эквивалентом). Например, сокращение *этноидентичность* имеет абброконструкт *этно-* и произведено от словосочетания *этническая идентичность* так же, как другие единицы с этим абброконструктом: *этносостав* (от *этнический состав*), *этногостиница* (от *гостиница в этническом стиле*), *этногруппа* (от *этническая группа*), *этнокомпонент* (от *этнический компонент*), *этнокультура* (от *культура этнической группы*) и т. д. Сокращение *этноидентичность* употребляется в текстах интернет-пространства со словосочетаниями *этническая идентичность*, *идентичность этноса*, *идентичность этнических групп*, *этнополитическая идентичность* так же, как *этносостав* сосуществует со словосочетаниями *этнический состав*, *состав этноса*; *этногеография* – с *география этноса*, *этническая география* и др.

Однако при работе со словарными статьями Словаря было обнаружено, что не все сокращения, трактующиеся как аббревиатуры, соответствуют требованиям, которые перечислены выше. Существуют слова, которые появились не в результате универбализации, а по иным причинам:

1) в результате прямого присоединения абброконструкта к слову (*эко- + климат > эоклимат*, *эконом- + класс > экономкласс*, *электро- + адаптер > электроадаптер*, *энерго- + аккумулятор > энергоаккумулятор*, *этно- + лингвистика > этнолингвистика* и т. д.). Данные единицы являются абброконструктными квазиаббревиатурами, которые делятся на абброморфемные и абброаффиксоидные квазиаббревиатуры.

2) в результате заимствования из другого языка всего слова (в исходном виде либо путём калькирования) или какой-то его части (англ. *airline* – *авиалиния* / *авиационная линия*, англ. *flight simulator* – *авиасимулятор* / *авиационный симулятор*, англ. *eurobond* – рус. *евробонд* / *европейский бонд*, англ. *eurodeposit* – рус. *евродепозит* / *депозит в евро*, англ. *oil derrik* – рус. *нефтевышка* / *нефтяная вышка* и т. д.).

3) как результат отаббревиатурной деривации – сложнопроизводные слова, сохраняющие абброконструкт (*экоактив > экоактивист*, *экономгеография > экономгеографический*, *электробаланс > электробалансовый*, *энергоагрегат > энергоагрегатный*, *этнокультура > этнокультурный* и т. д.).

Абброморфемные квазиаббревиатуры представляют собой единицы, образованные путём квазиунивербализации и характеризующиеся наличием в

структуре абброконструкта-абброморфемы. Это наиболее распространённый тип квазиаббревиатур. В картотеке Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка примерно 4585 слов (25%) относятся к этому разряду. Они входят в словарные статьи Словаря так же, как и собственно аббревиатуры, поскольку благодаря псевдоунивербализации приобретают вторичные текстовые дублиеты. Это позволяет считать абброморфемные квазиаббревиатуры синхронными аббревиатурами. Так, лексемы *эвакобаза*, *экоклимат*, *этносоциология* образовались вследствие присоединения абброморфем *эвако-*, *эко-* и *этно-* к словам *база*, *климат*, *социология*, что доказывается квантитативной методикой, которая «построена на определении баланса индексов частотности употребления слова и эквивалентного словосочетания, который представляет собой частное от деления количества употреблений слова на количество употреблений словосочетания (баланс < 1 свидетельствует в пользу большей частотности словосочетания, а > 1 – слова)» [4, с. 81]: *эвакобаза* – *эвакуационная база* (► 10), *экоклимат* – *экологический климат* (► 10), *этносоциология* – *этническая социология* (► 10). Затем в результате псевдоунивербализации возникают синтаксические дублиеты *эвакуационная база*, *экологический климат*, *этническая социология*, *социология этноса*, *социология этнических общностей*, *социология этнических групп*, *социология этносов*. Таким образом, лексемы *эвакобаза*, *экоклимат*, *этносоциология* являются абброморфемными квазиаббревиатурами.

Абброморфемные квазиаббревиатуры могут разворачиваться как в один (см. примеры со словами *эвакобаза* и *экоклимат*), так и в несколько текстовых эквивалентов (см. пример со словом *этносоциология*).

Абброморфемным квазиаббревиатурам противопоставляются **абброаффиксные квазиаббревиатуры**, абброконструктом которых является абброаффиксид. Абброаффиксид – это «"упрощённый" вариант абброморфемы, практически не способный разворачиваться в слова и не имеющий текстовых эквивалентов» [1, с. 29]. Формально абброаффиксид полностью дублирует другие типы абброконструктов. Различие заключается в том, что сложносокращённые слова, содержащие абброаффиксид, не подвержены псевдоунивербализации, то есть не разворачиваются во вторичные эквиваленты. Однако и в этом случае нельзя говорить об утрате связи между словосочетаниями и абброаффиксными квазиаббревиатурами, так как такой важный фактор развития языка, как аналогия, распространяется и на слова, содержащие абброаффиксид, поэтому в текстах интернет-пространства можно обнаружить некоторое количество словосочетаний, которые появились в результате развёртывания сложного слова, содержащего данный тип абброконструкта. Например, *авиапутешественник* употребляется 809178 раз, в то время как *авиационный путешественник* – 68 раз; *гидроавиация* – 120029 раз, *гидравлическая авиация* – 12 раз; *астробиология* – 61896 раз, *астрономическая биология* – 61 раз; *авиафобия* – 18894 раза, *авиационная фобия* – 7 раз и т. д.

Абброаффиксид определяется нами как вариант абброморфемы вследствие того, что оба типа абброконструктов используются вне связи с какими-либо словосочетаниями, а только по аналогии, стереотипизированно, в

отличие от абброэквивалента, который представляет собой сокращение слова исходного словосочетания.

«Упрощённым» вариантом абброморфемы абброаффиксид является вследствие того, что на синхронном срезе языка, реализующем отношения не производности, а эквивалентности, он, в отличие от абброморфемы не разворачивается во вторичный атрибут.

Иногда как аббревиатуры трактуются кальки и лексические заимствования аббревиатурного типа из других языков. Например, Т.С. Сергеева считает аббревиатурой слово *танцпол*, для которого ею предполагается производящее *танцевальный пол* [2, с. 176], однако в действительности «слово *танцпол* является аббревиатурной калькой англ. *dance floor*, что и позволяет считать словосочетание *танцевальный пол* не производящим для него, а производным от него» [4, с. 84].

Квазиаббревиатуры иноязычного происхождения (заимствованные квазиаббревиатуры) – это слова, появившиеся в русском языке в результате заимствования из другого языка всего слова (в исходном виде либо путём калькирования) или какой-то его части. Например, к данному типу квазиаббревиатур относится лексема *авиасимулятор* «1) Жанр видеоигр, симулирующий в той или иной степени какой-либо летательный аппарат. 2) То же, что *авиатренажёр*», представляющая собой полукальку англ. *flight simulator*.

Заимствованной квазиаббревиатурой является также слово *авиалиния*. Так, при подсчёте употреблений лексемы *авиалиния* «утверждённый маршрут регулярных полётов самолётов, обеспеченный аэродромами и необходимым наземным оборудованием; *авиаперелёт*» были обнаружены ссылки на англоязычные и русские тексты с эквивалентом *airline*. Так как обнаруженный текстовый эквивалент *авиационная линия* является вторичной единицей (> 50), мы можем предположить, что *авиалиния* – калькированная заимствованная квазиаббревиатура.

В аббревиатурной группе *евро* заимствованной квазиаббревиатурой является лексема *евробонд* «облигация в евровалюте, выпускаемая вне страны её происхождения с целью размещения среди инвесторов». На сайте «Картаслов.ру» находим следующее определение: «*Еврооблигация* (также на финансовом сленге ‘евробонд’ – от англ. *eurobond*) – облигация, выпущенная в валюте, являющейся иностранной для эмитента, размещаемая с помощью международного синдиката андеррайтеров среди зарубежных инвесторов, для которых данная валюта также является иностранной» (<https://kartaslov.ru/значение-слова/еврооблигация>). Как видно, слово *евробонд* – это калька англ. *eurobond*. Также обнаруженные вторичные текстовые эквиваленты могут служить подтверждением «квазиаббревиатурности» анализируемой единицы: *бонды еврозоны* (> 200), *европейский бонд* (> 200).

Сложнопроизводные квазиаббревиатуры – лексемы, образованные от аббревиатур морфологическим способом без использования абброконструкта, например *эвакогоспитальный*, *эвакопригодный*, *эвакоспособный*, *экоактивист*, *экоактивизм*, *экоаудитор*, *экоаудиторский*, *экобалансный*, *экобезопасный*, *экогенетический*, *экономгеографический*, *электробалансовый*,

энергоагрегатный, этнокультурный и т. д. Данные лексемы появились не в результате трансформации словосочетания в слово (универбализации) или прямого присоединения абброконструкта к слову (квазиунивербализации), а в результате добавления суффикса к производящему слову с уже имеющимся абброконструктом: *эвакогоспиталь* > *эвакогоспитальный*, *эвакопригодность* > *эвакопригодный*, *эвакоспособность* > *эвакоспособный*, *экоактив* > *экоактивист*, *экоактивист* > *экоактивизм*, *экоаудит* > *экоаудитор*, *экоаудитор* > *экоаудиторский*, *экобаланс* – *экобалансный*, *экобезопасность* > *экобезопасный*, *экогенетика* > *экогенетический*, *экономгеография* > *экономгеографический*, *электробаланс* > *электробалансовый*, *энергоагрегат* > *энергоагрегатный*, *этнокультура* > *этнокультурный* и т. д.

Словарные статьи для абброморфемных квазиаббревиатур уже представлены в Словаре, например:

Эвакоба́за, -ы, ж. Сооружение, в котором обслуживают и распределяют потоки эвакуируемых ► 10: *эвакуационная база* • *база, госпиталь, отделение, приемник, пункт, эвакогоспиталь, эвакоотделение, эвакоприемник, эвакопункт.*

Экоклíмат, -а, м., ед. Климатические условия среды обитания представителей тех или иных видов или сообществ организмов ► 10: *экологический климат* • *климат, обстановка, условия, экообстановка, экоусловия* ★ *экоклиматический.*

Этносоциоло́гия, -и, ж. Специальная социологическая теория, изучающая социальные процессы в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах на основе эмпирических исследований ► 10: *этническая социология*; 80: *социология этноса*; 100: *социология этнических общностей*; 300: *социология этнических групп, социология этносов* • *социология* ★ *этносоциолог, этносоциологический.*

Для абброаффиксоидных квазиаббревиатур предлагается создать следующие словарные статьи:

Авиапутешёственник, -а, м. Человек, путешествующий авиационным транспортом * *авиапутешественник* (809178) > *авиационный путешественник* (68) • *путешественник, турист.*

Астробиоло́гия, -и, ж., ед. Научная дисциплина, изучающая вероятность возникновения, развития и сохранения жизни на других планетах во Вселенной * *астробиология* (61896) > *астрономическая биология* (61) • *биология.*

Для заимствованных квазиаббревиатур и сложнопроизводных квазиаббревиатур многие словарные статьи уже представлены в Словаре. Предлагается только дополнить информацию о способе их образования:

Авиасимуля́тор (англ. *flight simulator*), **-а, м.** 1) Жанр видеоигр, имитирующих полёт на летательном аппарате. 2) Приспособление, компьютерная система, имитирующие полёт на летательном аппарате для подготовки к пилотированию реальных самолётов, вертолётов и т. д. ► 30: *авиационный симулятор*; 200: *симулятор авиации* • *авиатренажёр, симулятор, тренажёр.*

Авиали́ния (англ. *airline*), **-и, ж., ед.** Утверждённый маршрут регулярных полётов самолётов, обеспеченный аэродромами и необходимым наземным

оборудованием; *авиатрасса* ► 50: *авиационная линия* • *авиатрасса*, *линия*, *маршрут*.

Экоактивист (< *экоактив*), *-а*, м. Человек, занимающий активную позицию по отношению к охране окружающей среды ◀ 1: *экологический активист* 10: *активист-эколог*; 20: *активист экологического движения*, *эколог-активист*; 200: *активист экодвижения* • *активист*, *деятель*, *общественник*, *функционер* ★ *экоактивизм*.

Экоаудитор (< *экоаудит*), *-а*, м. Независимый эксперт, который проверяет предприятия, территории и сооружения на соответствие требованиям экологичности ► 10: *эколог-аудитор*, *экологический аудитор*; 20: *аудитор в области экологии*, *аудитор-эколог*; 40: *аудитор по экологии* • *аудитор* ★ *экоаудиторский*.

Таким образом, в «Большой толковый словарь аббревиатур русского языка» предлагается вносить сокращения, которые образованы не только на базе словосочетаний, но и по другим причинам: присоединение аббреконструкта к слову, заимствование из другого языка, присоединение морфемы к слову. В данной работе предпринята попытка представить словарные статьи для каждого типа квазиаббревиатур.

Список литературы

1. Емельянова К.Ю. Аффиксоидные квазиаббревиатуры в деривационно-эквивалентностном подходе к анализу сложносокращённых слов // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. 2017. Т. 4. Ч. 2. С. 27–29.
2. Сергеева Т.С. Аббревиатура в системе лексических сокращений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота. 2013. №6. Ч. II. С. 174–179.
3. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. 2016. №3. С. 13–25.
4. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2017. №6. С. 73–97.

QUASI-ABBREVIATURES IN THE “GREAT EXPLANATORY DICTIONARY OF ABBREVIATIONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE”

K.Yu. Yemelyanova

Donetsk State University, Donetsk

This article describes quasi-abbreviations, i.e. words formed not by the traditional “phrase > word” method, but by other mechanisms. The paper presents sample dictionary entries from the “Great Explanatory Dictionary of Abbreviations of the Russian Language”, currently being compiled at Donetsk State University, for each

type of quasi-abbreviation: abbromorphemic and abbro-affixoid quasi-abbreviations, borrowed quasi-abbreviations, and complex-derived quasi-abbreviations.

Key words: abbreviations, diachronic abbreviations, synchronic abbreviations, quasi-abbreviations, abbroconstruct.

УДК 81'25:004.9

ЦИФРОВОЙ КОНТУР РАЗРАБОТКИ СТАНДАРТА ЛОКАЛИЗАЦИИ ВИДЕОИГР: АРХИТЕКТУРА БАЗЫ ДАННЫХ И ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОТОТИПИРОВАНИЯ

Д.В. Захарова, К.В. Ворсюк

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград

Работа посвящена разработке цифрового контура исследования, направленного на создание стандарта локализации видеоигр. Предлагаемый подход объединяет переводоведческий анализ, структурирование данных, аннотирование локализационных решений и автоматизированную первичную проверку качества. На начальном этапе разработана архитектура базы данных, подготовлена аннотационная модель, реализованы прототип проверки и полуавтоматический сбор библиографических материалов. Полученные результаты формируют основу дальнейшей программной реализации стандарта.

Ключевые слова: локализация видеоигр, база данных, аннотирование, цифровая филология, NLP, качество перевода.

Данное исследование было поддержано из средств программы стратегического академического лидерства “Приоритет 2030” БФУ им. И. Канта, № 126060521718-1.

Локализация видеоигр является комплексным видом перевода, в котором языковые решения связаны с интерфейсом, нарративом, терминологией, культурной адаптацией и пользовательским опытом. Перевод игровых объектов, имён, реплик и элементов интерфейса функционирует в интерактивной среде, поэтому единичное решение может влиять на восприятие игрового мира и последовательность действий пользователя. В исследованиях цифровой локализации и перевода видеоигр подчёркивается необходимость учитывать одновременно текстовые и технологические параметры продукта [1; 3].

Актуальность работы определяется отсутствием единого научно обоснованного стандарта англо-русской локализации видеоигр, основанного на структурированном материале и воспроизводимых критериях качества. Цель проекта – разработать такой стандарт в формате программы для ЭВМ на основе базы локализационных решений и инструментов автоматизированного анализа. Методологическую основу составляют переводоведческий и сравнительно-сопоставительный анализ, корпусное структурирование данных, аннотирование и элементы обработки естественного языка. При формализации параметров

качества учитывается подход Multidimensional Quality Metrics как модель описания категорий переводческих ошибок [2].

На первом этапе исследования сформирована прототипная инфраструктура цифрового контура: сбор материалов, реляционная база данных, аннотационная модель и модуль первичной проверки. Архитектура базы предусматривает фиксацию источников, анализируемых единиц, аннотаций, правил будущего стандарта и результатов автоматизированной проверки. Подготовленный набор тегов позволяет описывать переводческую стратегию, тип прагматической, культурной или стилистической адаптации, потенциальную ошибку и оценку качества. Модуль проверки реализован на основе правил и предназначен для выявления терминологической несогласованности, возможного калькирования и иных случаев, требующих экспертного анализа.

Для формирования библиографической базы разработан полуавтоматический браузерный механизм сбора публикаций из электронной научной библиотеки eLIBRARY.RU с постраничным обходом результатов поиска. Переход к браузерному режиму обусловлен нестабильностью прямого программного доступа к ресурсам и позволяет работать с пользовательской авторизованной сессией без передачи учётных данных. По состоянию на 1 июня 2026 г. полученные выгрузки объединены в файл `master_articles.csv`; в рабочую базу импортирована 101 тестовая запись в таблицы `sources`, `units` и `annotations`. Пилотный импорт использован для проверки схемы хранения, процедуры загрузки и готовности инфраструктуры к дальнейшей работе с локализационными кейсами.

К моменту представления доклада планируется расширить массив библиографических материалов и англо-русских игровых кейсов, провести первичное и частично двойное аннотирование, выделить типовые стратегии и ошибки, а также сформировать промежуточную матрицу правил стандарта. Ожидаемым результатом апробации станет демонстрационный программный контур «сбор – база данных – проверка качества – отчёт». Таким образом, уже на начальном этапе создана технологическая основа исследования, соединяющая методы переводоведения, цифровой гуманитаристики и компьютерной лингвистики и ориентированная на последующую разработку прикладного стандарта локализации видеоигр.

Список литературы

1. *Jiménez-Crespo M.A.* Translation and Web Localization. London; New York: Routledge, 2013. 256 p.
2. *Lommel A.R., Burchardt A., Uszkoreit H.* Multidimensional Quality Metrics: A Flexible System for Assessing Translation Quality // Proceedings of Translating and the Computer 35. London: Aslib, 2013. P. 1–15.
3. *O'Hagan M., Mangiron C.* Game Localization: Translating for the Global Digital Entertainment Industry. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2013. 386 p.

DIGITAL FRAMEWORK FOR DEVELOPING A VIDEO GAME LOCALIZATION STANDARD: DATABASE ARCHITECTURE AND FIRST PROTOTYPING RESULTS

D.V. Zakharova, K.V. Vorsiuik

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

The paper presents the first results of developing a digital framework for a video game localization standard. The project combines translation analysis, structured storage and annotation of localization data, and rule-based preliminary quality checking. At the initial stage, a database architecture, an annotation model and a browser-assisted bibliographic data collection mechanism were implemented. The framework supports further corpus expansion and verification of English-to-Russian localization quality criteria.

Key words: video game localization, database, annotation, NLP, translation quality.

This research was supported by funds provided through the Russian Federal Academic Leadership Program “Priority 2030” at the Immanuel Kant Baltic Federal University, project Nr. 126060521718-1.

УДК 81’42:343

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ СУДЕБНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ В ПЕРЕКРЕСТНОМ ДОПРОСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА “HOW TO GET AWAY WITH MURDER”)

А.Д. Иванова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная работа посвящена анализу лексических маркеров в речи адвоката в судебном дискурсе (на материале американского сериала “How to get away with murder”). Выделяются следующие функциональные категории маркеров: достоверности и эпистемической модальности, эмоциональной оценки, пресуппозиции, также выделяются динамичные глаголы, как опорные точки нарратива. Выявлено, что лексические маркеры обеспечивают асимметрию власти между адвокатом и свидетелем, служа инструментом коммуникативного доминирования.

Ключевые слова: лексические маркеры, судебный дискурс, судебная коммуникация, речь адвоката, эмоционально-оценочная лексика, кинодискурс.

Судебный дискурс обладает ярко выраженной коммуникативной направленностью. Ему присущи функциональная специфика, консервативность, агональный характер взаимодействия, а также ориентация на разрешение

конфликта между процессуальными оппонентами [1]. Материалом работы послужил американский сериал “How to get away with murder”, соответственно, мы рассматриваем кинодискурс как репрезентативную модель применения стратегий судебной защиты. Речь адвоката выстраивается как единая система аргументации, построенная на сочетании трех типов аргументирования: эмоционально-риторического, аксиологического и рационально логического. Именно этот принцип определяет выбор средств воздействия на аудиторию во время перекрестного допроса или заключительной речи [4].

Таким образом в речи адвоката выделены следующие функциональные маркеры:

1. Маркеры достоверности и эпистемической модальности демонстрируют асимметрию между адвокатом и свидетелем. Аннализ Киттинг использует маркеры высокой уверенности: “I know”, “there’s no way”, “definitely”, “the truth is...” и т.д. В то время как свидетели, напротив, прибегают к хеджированию, смягчению: “I think ...”, “It’s very possible that...”, “I get that...”, “... seems to consist entirely of speculation”.

2. Маркеры наводящего вопроса и пресуппозиции являются ключевым элементом механизмом контроля над ответом. Вопрос адвоката содержит в себе встроенное утверждение: “Would you say that you were under the influence of your group's charismatic leader?”, “Isn't that right?”, “So you'd do anything to protect her? Lie, even?”, “*Did anyone associated with Mr. Trucco tell you that your rent problems would disappear...?*”.

3. Маркеры эмоциональной оценки и дискредитации служат скрытому формированию негативного отношения. Аннализ Киттинг использует уничижительные номинации: “...your creepy lover just betrayed you”, “... in order to slut-shame my client”, “a woman who gets vilified in these scenarios..”, “He's badgering my witness”.

4. Маркеры перекрестного допроса, контроля над свидетелем обеспечивают институциональную дисциплину, ограничивают свободу ответа: “Answer the question”, “nothing further”, “defense rests”.

5. Использование динамичных глаголов делают повествование образным и ярким: “to plant the bomb”, “a mastermind you can pin the crime on”, “all cop killers deserve to fry”, “Find an expert to out-expert your opponents”. Часть глаголов представляет собой окказиональные неологизмы или жаргонизмы, что усиливает живость и изобразительность речи.

По итогам проведенного исследования, отметим, что сериал моделирует гипертрофированную, но достаточно достоверную стратегию судебной защиты, где лексические маркеры выполняют прагматическую функцию, они структурируют аргументацию, формируют эмоциональный фон, а также являются инструментом коммуникативного доминирования.

Список литературы

1. Авакова М.Л., Будняя О.Н. Метадискурсивные маркеры как средства реализации категории убеждения в англоязычном судебном дискурсе // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 4 (83). С. 45–49.
2. Воронцова Ю.А. Дискурсивные маркеры как коммуникативно-прагматическая категория институционального общения // Актуальные проблемы лингвистики и формирования языковой компетенции юристов в современных условиях: сборник материалов Международной научно-теоретической конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 112–118.
3. Климович О.В. Средства речевого воздействия в судебном дискурсе // Студенческий научный форум: материалы VII Международной студенческой научной конференции. Режим доступа. <https://scienceforum.ru/2015/article/2015016729> (дата обращения: 21.05.2026).
4. Ласкова М.В., Медведева М.С. Лингвистические средства воздействия на аудиторию в юридическом дискурсе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 4. С. 114–124.

Источники

How to get away with a murder // INORIGINAL [Электронный ресурс]. URL: <https://inoriginal.net/series/2087-how-to-get-away-with-murder-2014.html> (дата обращения: 20.12.2025).

LEXICAL MARKERS OF JUDICIAL DOMINANCE IN CROSS-EXAMINATION (BASED ON THE SERIES "HOW TO GET AWAY WITH MURDER")

A.D. Ivanova

Kuban State University, Krasnodar

This work is devoted to the analysis of lexical markers in the speech of a lawyer in judicial discourse (based on the material of the American TV series “How to get away with murder”). The following functional categories of markers are distinguished: reliability and epistemic modality, emotional assessment, presupposition, dynamic verbs are also distinguished as narrative reference points. It is revealed that lexical markers provide an asymmetry of power between a lawyer and a witness, serving as a tool of communicative dominance.

Key words: lexical markers, judicial discourse, judicial communication, lawyer's speech, emotional and evaluative vocabulary, film discourse.

**СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ САТИРЫ В КОНТЕКСТЕ
ПЕРЕЛИЦОВАННОГО СТИХОТВОРЕНИЯ ЖЕРТВЕ ДЕНИСА ЛИННА
РАЙДЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Е.А. Ильченко, Ю.В. Кобенко

Томский государственный университет, Томск

Данная работа посвящена рассмотрению средств создания сатиры в контексте перелицованного стихотворения жертве Дениса Линна Райдера. В ней происходит сопоставление двух произведений: оригинала и переложения, выполненного Райдером. Изучаются элементы сатиры, намеренно и ненамеренно внедренные в произведение.

Ключевые слова: сатира, выразительные средства, стилистический разрыв, пародия, true-crime.

В современном информационном медиапространстве отдельное место занимает жанр true-crime, включающий повествование о деяниях лиц, совершивших серийные преступления, с приведением продуктов их речевой деятельности. Зачастую последние становятся общедоступными благодаря сыгранной роли в судебных процессах, вызвавших общественный резонанс, или наличию особого уровня жестокости [2, с. 2]. Такой характеристике соответствует стихотворение, обращенное к Ширли Виан Релфорд, жертве Дениса Линна Райдера, более известного под псевдонимом ВТК (англ. *Beat, Torture, Kill* – Вяжи, Пытай, Убивай). По воспоминаниям агента ФБР Джона Дугласа в его книге «*Inside the BTK: The True Story Behind the Thirty-Year Hunt for the Notorious Wichita Serial Killer*», оно было оставлено возле тела жертвы, послужив вещественным доказательством и одновременно средством коммуникации с Ширли и полицией, и характеризуется особым уровнем жестокости с учетом наличия у погибшей троих детей, которые стали свидетелями убийства [1, p. 30].

Стихотворение ВТК является перелицованным с оригинального произведения *Curly Locks* без определенного авторства. Изучая оригинал, можно отметить, что он написан не современным английским языком (первые публикации датируются 1797г.), включает устаревшую лексику: местоимение *thou* и глаголы *shalt* и *wilt*. В своем варианте ВТК стремится сохранить архаичность, полностью копируя первую (вторую в своей версии) строчку. Тем не менее, Райдер допускает ошибку, ненамеренно меняя местоимение на современный союз или наречие “*though*”.

Некорректным было и сохранение обратного порядка слов, при условии, что в оригинале задается мягкий вопрос, в то время как Райдер заявляет право собственности на жертву, лишая ее возможности выбора. Отсутствие

альтернатив подтверждается дальнейшим перечислением событий, уже полностью спланированных им самим, не предполагающих иного исхода: Ширли будет принадлежать ему, она не закричит и не почувствует момента пересечения черты жизни и смерти. Единственное, что остается Ширли – лечь и ожидать смерти (ставя самого себя и смерть в один семантический ряд, Райдер заявляет: он – ее смерть).

В отличие от переложения, оригинал хорошо ложится на ноты (приведены в книге Элизабет фон Армин после стихотворения с иллюстрациями, выполненными Кейт Гринуэй), что открывает возможности для использования его в качестве колыбельной для детей, однако в результате переработки текста утрачивается рифма и ритм оригинала: акцент смещается с напевной колыбельной, исполняемой с целью успокоить ребенка перед сном, на мрачные увещевания и неотвратимость злого рока [II, р. 60]. Вследствие такого «вторжения» Райдера можно наблюдать и иные нарушения гармонии, которые можно охарактеризовать как средства сатиры, намеренно и ненамеренно использованные ВТК и создающие эффект комического ввиду своей избыточности и, зачастую, абсурдности. Практически все перечисленные ниже средства относятся к группе нелогичных соединений, выделенных и определенных Ю.В. Кобенко в работе «Теоретические основы функциональной стилистики» [3, с. 88–98].

К первому средству относится непреднамеренная пародия на стиль оригинала в первых четырех строках [3, с. 97], где Райдер использует разложение оригинального стиля и использование форм в качестве конструктивного фактора нового содержания [4, с. 285–300]. Подобное столкновение «высокой» убаюкивающей формы с «низким» содержанием М.М. Бахтин называет «пародийным снижением» [1, с. 80–100].

Далее отметим силлепс как уравнивание разных объектов на уровне синтаксиса (возведение себя в ранг смерти) в уже упомянутом отрывке, где Райдер простодушно отождествляет себя и смерть: *me and death*.

Стихотворение изобилует в том числе стилистическими разрывами: переход с устаревшего лексикона на современный, попытки следования его грамматике с допущением множества ошибок (порядок слов, опечатки в местоимениях и существительных: *though, scream*).

Отдельно можно выделить стилизацию имени жертвы под название оригинала. Такой прием игры слов следует классифицировать как прецедент соотнесения двух произведений путём контаминации заголовка оригинала и имени жертвы: *Curly locks* и *Shirleylocks* [3, с. 88–98].

Таким образом, несмотря на отсутствие у Дениса Линна Райдера интенции придать своему переложению сатирический эффект, низкий уровень грамотности автора и стремление воспроизвести архаичную форму оригинала привели к спонтанному возникновению стилистических разрывов, силлепса, параграммы. Данные средства формируют устойчивый сатирический подтекст, не входивший замысел преступника.

Таблица 1. Сопоставление произведений

Curly Locks	BTK
Curly locks, curly locks wilt thou be mine? Thou shalt not wash dishes, nor yet feed the swine, But sit on a cushion and sew a fine seam, And dine upon strawberries, sugar and cream.	SHIRLEYLOCKS SHIRLEYLOCKS WILT THOUGH BE MINE THOU SHALT NOT SCREAM NOT YET FEEL THE LINE BUT LAY ON CUSHION AND THINK OF ME AND DEATH AND HOW IT IS GOING TO BE.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. 543 с.
2. *Дударенок Ю.А.* True-crime stories как документально-криминальный жанр в литературном направлении нон-фикшн // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы IX Международной научно-практической конференции, Минск, 27–28 октября 2022 года / редкол.: О.А. Воробьева (гл. ред.) [и др.]. Минск: Белорусский государственный университет, 2022. С. 307–311.
3. *Кобенко Ю.В.* Теоретические основы функциональной стилистики: учебник. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2023. 296 с.
4. *Тынянов Ю.Н.* О пародии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 284–310.

Источники

- I. Elizabeth von Arnim: The April baby's book of tunes: with the story of how they came to be written. New York: The Macmillan Company; London: Macmillan & Co., 1900. 86 p.
- II. *Douglas J., Dodd J.* Inside the BTK: The True Story Behind the Thirty-Year Hunt for the Notorious Wichita Serial Killer. 2018. 362 p.

THE MEANS OF CREATING SATIRE IN THE CONTEXT OF DENIS LYNN RYDER'S REDACTED POEM TO THE VICTIM (BASED ON THE MATERIAL OF THE AMERICAN VERSION OF ENGLISH)

E.A. Ilchenko, Yu.V. Kobenko

Tomsk State University, Tomsk

This work is devoted to the consideration of the means of creating satire in the context of a reworked poem to the victim by Denis Lynn Ryder. It compares two works: the original and the arrangement performed by Ryder. The paper examines the elements of satire, intentionally and unintentionally introduced into the work.

Key words: satire, expressive means, stylistic gap, parody, true-crime.

СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ И СТРАТЕГИЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ДУХОВНОСТЬЮ В МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ФАКТИЧЕСКИЙ И СГЕНЕРИРОВАННЫЙ КОНТЕНТ

О.И. Исмаилова

Саратовское высшее артиллерийское командное училище, Саратов

В статье проводится сравнительный анализ стратегий дискредитации и манипулирования духовностью в контексте медиаполитического дискурса. Автор рассматривает тактики и приёмы их реализации в фактическом и сгенерированном контенте. Формулируются выводы о возможности комбинирования данных стратегий с целью усиления влияния на сознание адресата.

Ключевые слова: стратегия дискредитации, стратегия манипулирования духовностью, медиаполитический дискурс, искусственный интеллект.

Развитие технологий информационного взаимодействия, в частности нейросетевых технологий и искусственного интеллекта (ИИ), способствует трансформации когнитивного пространства личности и социума. Данные технологии помогают журналистам автоматизировать процессы создания и обработки контента, сбора и распространения информации [3]. Однако генеративный ИИ может снижать доверие к массмедиа по причине своей способности создавать фейковые, но правдоподобные медиатексты, а также дипфейки (изображения, аудио или видео). Стремительное образование упомянутых новых текстовых форм в рамках коммуникативного медиапространства требует комплексного медиалингвистического анализа.

Т.Г. Добросклонская полагает, что неотъемлемыми характеристиками медиатекста, функционирующего в медиаполитическом дискурсе, считаются идеологическая полисемия, структурно-семантическая латентность, направленность на эмоциональное воздействие, фидеистичность и псевдодиалогичность [1]. Кроме того, медиаполитическому дискурсу свойственна манипулятивность, которая заключается в субъективной интерпретации фактов и создании определенной картины действительности в сознании массового адресата [4].

Генеративный ИИ, в свою очередь, при определённом запросе способен создавать медиатексты, обладающие большинством вышеуказанных свойств и характеристик. При создании манипулятивного заголовка к медиатексту политической направленности генеративный ИИ демонстрирует преобладание деструктивных стратегий, одной из которых является стратегия дискредитации.

Следующие заголовки, сгенерированные чат-ботом Deep Seek, к статье с фактическим названием «Дезертирство и нападения на ТЦК: мобресурс Украины на исходе» (Гетманцев) дискредитируют действия правительства

Украины посредством метафоричного обозначения солдат «мясо кончилось», противопоставления «бусификация-смерть».

1. **«Мясо кончилось: коррумпированному Киеву некому умирать за “европейский выбор”»**; 2. **«Тотальная бусификация vs демографическая смерть: как Зеленский толкает Украину в пропасть»**.

Однако генеративный ИИ позволяет изменить речевую стратегию заголовка, а также помогает сочетать несколько стратегий. В данной статье могла быть использована стратегия манипулирования духовностью, которая «побуждает к переоценке ценностей, имитирует поиск смысла» [2].

В рассматриваемых примерах, сгенерированных на основе упомянутой статьи, чат-бот Deep Seek по запросу использует стратегию манипулирования духовностью, обращаясь к концептам «грех», «душа», «сатана», и усиливая эмоциональное воздействие посредством метафоры, устойчивых выражений.

1. **«Грех “бусификации”: почему коррумпированный Киев торгуется не телами, а душами — и как Запад стал соучастником этого смертного греха»**; 2. **«Сатанинская методичка: власть Зеленского уничтожает не просто солдат, а саму душу Украины»**.

В следующих сгенерированных заголовках к статье “*Iran is no match for America. Why hasn't Washington defeated it?*” (2) чат-бот Алиса AI дискредитирует Д. Трампа и неопределённость его политики посредством тактики «анализ-минус» и таких стилистических приёмов как противопоставление “diplomacy – war”, метафора “rollercoaster”, идиома “holds the upper hand”.

1. **“Diplomacy on Monday, War on Tuesday: Inside Trump's Iran Rollercoaster”**; 2. **“Game Theory Explains It All: Why Iran Holds the Upper Hand Against America”**.

Анализируя заголовки, предложенные Алисой AI, необходимо подчеркнуть, что стратегия манипулирования духовностью реализуется посредством тактики выражения недоверия к происходящей ситуации и устойчивых выражений «deal with the devil», метафоры «betrayal of the soul» и анафоры на фонетическом и морфологическом уровнях «**fate favors the faithful**», апеллируя к концептам судьбы, веры, души, дьявола с целью интенсификации эмоционального воздействия.

1. **«Making a Deal with the Devil: Why Trump's Iran Negotiation Is a Betrayal of the Soul»**; 2. **«Fate Favors the Faithful: How Iran Withstands the World's Superpower»**.

Таким образом, можно прийти к выводу, что стратегия дискредитации и стратегия манипулирования духовностью направлены на разные аспекты человеческого опыта и средства их реализации также отличаются. Однако существует возможность их комбинирования и усиления эмоционального воздействия на аудиторию, искажая образ оппонента, заставляя сомневаться в его нравственных качествах, апеллируя к концептам гнева, предательства, веры, судьбы и духовности, и выставляя в более выигрышном свете своих союзников.

Список литературы

1. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т.Г. Добросклонская. М.: КДУ, Добросвет, 2020. 178 с.
2. *Исмаилова О.И.* Языковые средства реализации деструктивных речевых стратегий в российском и британском медиаполитическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2019. № 3(75). С. 54–59
3. *Катермина В.В.* Искусственный интеллект и цифровые технологии в англоязычном неологическом дискурсе // Язык в эпоху цифровых трансформаций и развития искусственного интеллекта: сборник научных статей по итогам международной научной конференции, Минск, 23–24 октября 2024 года. Минск: Минский гос. лингв. ун-т, 2024. С. 32–40.
4. *Степанова Н.В.* Сущностные характеристики медиаполитического дискурса // Дискурс. 2025. Т. 11, № 1. С. 138–154.

Источники

Гетманцев И. Дезертирство и нападения на ТЦК: мобресурс Украины на исходе [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.mk.ru/politics/2026/05/19/dezertirstvo-i-napadeniya-na-tck-mobresurs-ukrainy-na-iskhode.html?ysclid=mpfzapurl1d129266584> (дата обращения 22.05.2026).

Zakaria F. Iran is no match for America. Why hasn't Washington defeated it? [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.washingtonpost.com/opinions/2026/05/08/why-united-states-struggles-negotiate-with-iran/> (дата обращения 22.05.2026).

THE STRATEGY OF DISCREDITING AND THE STRATEGY OF MANIPULATING SPIRITUALITY IN MEDIA POLITICAL DISCOURSE: FACTUAL AND GENERATED CONTENT

O.I. Ismailova

Saratov Higher Artillery Command School, Saratov

The article provides a comparative analysis of strategies for discrediting and manipulating spirituality in the media political discourse. The author examines the tactics and techniques of their implementation in the actual and generated content. The author makes a conclusion about the possibility of combining these strategies in order to enhance the influence on the addressee's consciousness.

Key words: discrediting, strategy of manipulating spirituality, media political discourse, artificial intelligence

СОМАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ЯЗЫК ТЕЛА КАК КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ИДЕНТИЧНОСТИ

Е.А. Карпенко

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена исследованию языковой репрезентации травмы и идентичности в романе Тони Моррисон “*Beloved*” через призму когнитивной теории воплощенного познания. На материале анализа персонажей Бэби Саггс и Пола Д демонстрируется, как категории проприоцепции, интероцепции, агентивности и соматической метонимии вербализуют обретение или утрату самости.

Ключевые слова: воплощенное познание, идентичность, телесность, проприоцепция, интероцепция.

В рамках современной когнитивной науки мы обращаемся к такому феномену, как теория воплощенного познания “*embodied cognition*”. Согласно данной теории, познавательные процессы напрямую зависят от тела и его характеристик. Ключевыми работами, служащими фундаментом при исследовании предложенной теории, особо следует отметить труды «Воплощенный разум» Ф. Варелы, Э. Рош и Э. Томпсона, а также «Философия во плоти», написанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [3, с. 80].

Эти исследователи выдвигают концепцию, согласно которой телесное взаимодействие с окружающим миром служит отправной точкой для возникновения метафор, что, в свою очередь, позволяет нам упорядочивать и осмысливать реальность.

В нашем исследовании ключевым аспектом является рассмотрение и анализ идентичности. Традиционно идентичность представлена в литературе через изучение психологии и социальных ролей, однако в когнитивной лингвистике возможно изучение идентичности через феномен самости, репрезентируемый телесным опытом. Самосознание и механизм управления поведением, присущие человеческой психике, формируют идентичность, что критически важно для существования личности. Идентичность отличается внутренней стабильностью, подверженной изменениям, и оказывает влияние на поступки и мировоззрение человека.

В данной статье мы анализируем идентичности двух ключевых персонажей романа “*Beloved*” Тони Моррисон, Бэби Саггс и Пола Д. В некоторых главах произведения Т. Моррисон ярко прослеживается как специфические лингвистические средства моделируют процессы обретения и утраты соматического базиса идентичности у данных персонажей. Идентичность в романе – не просто социальная роль, а прежде всего ощущаемое и контролируемое тело. Травма – это в первую очередь когнитивное нарушение на

базовом, телесном уровне. Для того чтобы провести анализ и доказать, что лингвистические паттерны, которые описывают тело, служат инструментом репрезентации травмы и обретения идентичности в посттравматическом мире, нам необходимо обратиться к таким понятиям как проприоцепция, интероцепция, агентивность и соматическая метонимия.

Проприоцепция является ключевым источником для конструкции концептов и метафор в когнитивной лингвистике. Данный термин рассматривается как внутреннее чувство, дающее возможность ощущать положение тела без опоры на зрение [2, с. 221].

В романе довольно четко прослеживается кризис проприоцепции через персонажа Пола Д, например, в предложениях *“he didn't know where his body stopped”*; *“his hands quit taking instruction”* (Morrison, p. 106-107), где агент не ощущает собственного тела.

Неконтролируемая проприоцепция воплощена в предложении *“But the trembling as fixed by the time he knew it was there... Sometimes it was in his leg... Then again it moved to the base of his spine”* (Morrison, p. 107). Тремор является внутренним ощущением, но оно описывается как зафиксированное извне, т.е. как болезнь. Он чувствует его в конкретных мышцах, но не может им управлять. Его тело посылает сигналы паники, которые он не в силах остановить.

При описании чувств персонажа Бэби Саггс прослеживается визуальное отчуждение *“she didn't know what she looked like and was not curious”* (Morrison, p. 141). Она не только не видит себя со стороны, но и не ощущает себя как целостный объект для познания. Ее тело – инструмент, а не субъект восприятия. Проприоцепция заблокирована отсутствием интереса к самости.

Интероцепция передает восприятие внутренних ощущений организма через телесность [1, с. 320]. Бэби Саггс неожиданно для себя осмысляет наличие собственного сердцебиения, что и является для нее открытием жизни и самости *“felt a knocking in her chest and discovered... her own heartbeat”* (Morrison, p. 141).

Обращаясь к персонажу Пола Д, его интероцепция оказывается условной, привязанной к месту *“They were only Sweet Home men at Sweet Home. One step off that ground and they were trespassers among the human race”* (Morrison, p. 125). Он чувствует себя *“trespasser”* – нарушителем, чужим в своей собственной человечности.

Данные персонажи по-разному раскрываются в рамках агентивности. Если Бэби Саггс становится источником и контролером собственных действий [5, с. 141] *“these my hands”*, то Пол Д, наоборот, теряет агентивность *“he was being moved”* (Morrison, p. 126). Таким образом, формирование и коллапс идентичностей персонажей произведения Т. Моррисон выражаются через синтаксические конструкции (активный или пассивный залог); семантические роли (субъект действия или объект); модальность, например, в монологах Пола Д часто встречаются модальные глаголы *“could not”*, *“would not”*, передающие невозможность персонажа выполнять функцию инициатора. Данная модальность говорит об отсутствии воли, личной идентичности и принадлежности самому себе.

Опираясь на когнитивную теорию метонимии Дж. Лакоффа, М. Джонсона,

Ж. Радена и др., мы анализируем соматическую метонимию. В 1998 году Г. Радден и З. Кевечес предложили рассматривать метонимию как когнитивный процесс, при котором происходит перенос внимания с одного понятия (цели) на другое (средство), которое служит своеобразным «ключом» для доступа к первому. Эта связь существует в рамках одной и той же концептуальной системы или модели [6, с. 354].

Таким образом, через соматическую метонимию, тело или его часть обозначают личность; функцию или способность, которая ассоциируется с данной частью тела; а также абстрактное понятие, непосредственно связанное с этой функцией или способностью [4, с. 403].

Возвращаясь к фразе Бэби Саггс *“these my hands”* говорится не просто про ее кисти, а про «инструмент рабыни», ее будущую агентивность – «инструмент свободного человека», ее самость – инструмент ее силы, воли, истории и прав.

“And O my people they do not love your hands... And no, they ain't in love with your mouth... Yonder they do not love your heart... For this is the prize” (Morrison, p. 88) – развернутая соматическая метонимия в риторической структуре. Перечисленные части тела представляют собой труд, голос, эмоции, жизнь и т.д.

Мысль Пола Д *“you got two feet, Sethe, not four”* (Morrison, p. 165) выражает то, что количество конечностей становится знаком, отличающим человека от животного. Для него ее поступок метонимически ставит под сомнение ее человечность.

В некоторых главах, в рамках лексико-семантического уровня, репрезентируется распад идентичности через концептуальную метафору *“rag doll”* (Morrison, p. 221) – пассивная и безвольная кукла. На синтаксическом уровне, происходят ранее нами упомянутые нарушение агентивной функции и конструкции с модальными глаголами.

Так или иначе, благодаря данному анализу становится возможным прийти к общему выводу для двух ключевых персонажей романа *“Beloved”*. Их поведение, речь, регресс или развитие – реакции на системное насилие рабства. Но если Бэби Саггс проходит через первичное воплощение самости после физического освобождения, то Пол Д переживает вторичную диссоциацию под давлением сверхъестественного воплощения прошлой травмы.

Язык Т. Моррисон демонстрирует глубокое понимание того, что идентичность имеет соматическую основу. Ключевые моменты ее формирования или же разрушения репрезентируются через лексику и грамматику телесного опыта.

Обретение самости лингвистически оформляется как переход к агентивным конструкциям и актам соматического присвоения. В случае Пола Д, утрата самости лингвистически оформляется как распад агентивных схем, рост пассивных конструкций и метафорический регресс к состоянию объекта.

Исследование демонстрирует продуктивность концепции воплощенного познания для литературоведческих и лингвистических изысканий. Данный подход дает возможность сместить фокус с абстрактных философских понятий как «идентичность», «травма», «свобода» в плоскость конкретного анализа языковых структур.

Список литературы

1. *Нагорная А.В.* Методологические основы лингвистического изучения интероцепции // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. №1. С. 319–330.
2. *Нагорная А.В.* Язык «тайного ощущения»: перспективы лингвистического исследования проприоцепции // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2024. №6. С. 219–231.
3. *Николаева А.Ю.* Теория воплощенного познания: исследования речи // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. №1. С. 79–92.
4. *Солдаткина Т.А.* Метафорическая и метонимическая концептуализация в соматизмах английского и венгерского языков // Финно-угорский мир. 2019. С. 403–413.
5. *Стрижак У.П.* Агентивность как семантическая категория: онтологическая сущность языковой структуры // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2025. С. 139–159.
6. *Хомцова Е.В.* Метонимические когнитивные модели на базе области-источника «животное» // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Минск. 2019. С. 353–356.

Источники

Morrison T. Beloved. 1987. / ed by Alfred A. Knopf. New York: Vintage, 2004. 277 p. [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://s3.amazonaws.com/files.common.gc.cuny.edu/wp-content/blogs.dir/24122/files/2023/08/Toni-Morrison-Beloved.pdf> (дата обращения: 15.03.2026)

SOMATIC SEMANTICS AND BODY LANGUAGE AS A COGNITIVE BASIS OF IDENTITY

E.A. Karpenko

Kuban State University, Krasnodar

This article explores the linguistic representation of trauma and identity in Toni Morrison's novel “Beloved” through the lens of embodied cognition theory. By analyzing the characters of Baby Suggs and Paul D, the article demonstrates how the categories of proprioception, interoception, agency, and somatic metonymy are used to verbalize the acquisition or loss of selfhood.

Key words: embodied cognition, identity, embodiment, proprioception, interoception.

СТРАТЕГИИ ВЫРАЖЕНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В РЕЧИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И В РЕАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.В. Катермина, Е.Д. Кошелева

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная работа посвящена вежливости – одной из важнейших коммуникативных категорий, которая традиционно занимает важное место в лингвистической науке. Однако сегодня, современная коммуникация претерпевает серьезные изменения, все чаще включая в себя искусственный интеллект как валидную сторону речевого взаимодействия. На этом фоне изучение вежливости в сравнении ее проявления в человеческой коммуникации и «речи» искусственного интеллекта приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: вежливость, искусственный интеллект, человеко-компьютерное взаимодействие, коммуникация.

Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей и сравнении трансформаций стратегий проявления вежливости искусственного интеллекта и человеческой речи.

Эмпирическая основа исследования состоит из двух корпусов: фрагментов диалогов из первого эпизода серии *The Crown* и корпуса смоделированных диалогов, имитирующих типичные взаимодействия между пользователями и системами искусственного интеллекта.

Отправной точкой исследования является теория речевых актов Джона Остина и Джона Сёрла, которые представляют лингвистические высказывания социальными действиями, а вежливость как стратегический выбор формы высказывания с учётом его потенциального воздействия на адресата [6]. Пенелопа Браун и Стивен Левинсона представляют вежливость через стратегии, направленные на защиту лица, что позволяет систематизировать коммуникативное поведение [3]. Эрвинг Гоффман понимает вежливость как процесс поддержания социального порядка, что подчеркивает зависимость коммуникативного поведения от контекста и ожиданий участников [4].

В отечественной лингвистике вежливость рассматривается в работах Н.И. Формановской и И.А. Стернина, которые выделяют связь вежливости с нормами речевого этикета и социальными ролями, а также её зависимость от психологических и деятельностных аспектов коммуникации [1, 2].

С развитием цифровых технологий вежливость становится объектом исследования в рамках взаимодействия человека и компьютера. В рамках парадигмы CASA (*Computers as Social Actors*) компьютер рассматривается как социальный агент, несмотря на осознание его искусственной природы пользователями [5].

Ключевым результатом работы стало создание семиступенчатой аналитической модели, позволяющей систематически изучить как человеческую коммуникацию, так и вежливость искусственных агентов.

Анализ показал, что человеческая вежливость сильно зависит от ситуационных и эмоциональных факторов. В институциональных контекстах преобладают ритуализированные и формальные формы вежливости. С другой стороны, в ситуациях личного общения поддержка и эмоциональная близость выходят на первый план. В то же время наблюдались случаи нарушения норм, эмоциональных всплесков и последующих стратегий их исправления, что свидетельствует о высокой динамичности человеческого общения.

В отличие от этого, коммуникация, опосредованная искусственным интеллектом, обладает значительно большей стабильностью. Независимо от контекста взаимодействия, ответы ориентированы на сотрудничество, деэскалацию и поддержку, даже в случае критики или провокации, минимизируя угрозу для лица пользователя.

Проведенное исследование подтверждает предположение о том, что искусственный интеллект может успешно воспроизводить многочисленные лингвистические особенности вежливого общения. В то же время, однако, очевидно, что системы искусственного интеллекта реализуют в основном формы нормативной вежливости, в то время как процессы переговоров, эмоциональной динамики и восстановления взаимодействия, характерные для человеческого взаимодействия, ограничены.

Результаты исследования открывают перспективы для дальнейших исследований, таких как включение прагмалингвистических параметров в обучение искусственного интеллекта, повышение контекстной чувствительности нейросетевых систем, моделирование динамики коммуникативного взаимодействия, усиление роли филологического анализа в разработке искусственного интеллекта.

Список литературы

1. *Стернин И.А.* Коммуникативное поведение. Воронеж: Истоки, 2001. 182 с.
2. *Формановская Н. И.* Речевой этикет и культура общения: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1989. 159 с.
3. *Brown P., Levinson S.C.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
4. *Goffman E.* Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. Garden City, New York: Anchor Books, 1967. 270 p.
5. *Nass C., Moon Y.* Machines and Mindlessness: Social Responses to Computers // *Journal of Social Issues*. 2000. Vol. 56, № 1. P. 81–103.
6. *Searle J. R.* Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 203 p.

Источники

The Crown: Season 1, Episode 1 - Wolferton Splash - full transcript [Электронный ресурс]. URL: https://subslikescript.com/series/The_Crown-4786824 (дата обращения 12.11.2025).

STRATEGIES FOR EXPRESSING POLITENESS IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE SPEECH AND IN REAL COMMUNICATION

V.V. Katermina, E.D. Kosheleva

Kuban State University, Krasnodar

This work is devoted to politeness, one of the most important communicative categories, which traditionally occupies an important place in linguistic science. However today modern communication is undergoing major changes increasingly including artificial intelligence as a valid aspect of speech interaction. Against this background the study of politeness in comparison of its manifestation in human communication and the “speech” of artificial intelligence becomes particularly relevant.

Key words: politeness, artificial intelligence, human-computer interaction, communication.

УДК 81`42

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЕСЕН PARIS PALOMA)

Н.В. Козлова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная работа посвящена рассмотрению и определению образа женщины в современном песенном англоязычном дискурсе. На примере песен Paris Paloma показан образ женщины в парадигме нового феминизма.

Ключевые слова: песенный дискурс, новый феминизм, образ женщины.

Данное исследование основано на семантико-прагматическом аспекте концепта «любовь» в современном песенном дискурсе. При анализе любовной песни мы учитываем классификацию любви, предложенную психологом-постфрейдистом Эрихом Фроммом. В неё входят следующие разновидности любви: любовь братская, материнская, эротическая, к Богу и к себе [3]. Для данного исследования были отобраны песни о любви к себе, где этот вид рассматривается с позиции феминизма и нового феминизма через дуальный образ традиционной и современной женщины.

По мнению Эриха Фромма, в западной парадигме мышления бытует мнение, что «любовь к другим – добродетель, а любовь к себе – грех», и потому «любовь к себе равнозначна эгоизму» [2, с. 102]. Однако любовь к себе можно трактовать двусмысленно: эгоистическое себялюбие, где человек ставит себя в центр мироздания, воспекает своё эго и потакает своим желаниям, что приводит к деградации личности, и любовь к жизни через любовь к себе – антропоцентризм, лишённый эгоистического компонента, ведущий к эволюции личности.

Рассмотрим такие понятия, как феминизм и новый феминизм. Первый термин трактуется как *“the belief that women should have the same economic, social, and political rights as men”* («убеждение, что женщины имеют те же экономические, общественные и политические права, что и мужчины») [4]. Основными постулатами этого движения были права, свобода и равенство. Однако в новом феминизме акценты немного смещаются: *“Unlike the old notion of feminism, the new age feminist does not demand to be treated the same way as a man. She demands that the differences between men and women are recognized, understood, and accommodated for”* («В отличие от феминистки старого образца новая феминистка не требует к себе такого же отношения, как к мужчине. Она настаивает, чтобы различия между мужчинами и женщинами были распознаны, поняты и приняты во внимание») [5]. Так возникает новый образ женщины, которая не стремится выполнять в обществе роль мужчины, а хочет иметь свою нишу и обладать эксклюзивными правами.

В качестве примеров были отобраны песни современной британской исполнительницы и автора песен Пэрис Палома (ориг. Paris Paloma), так как они характеризуются плотным феминистическим контекстом. Также в её песнях образ женщины трактуется с точки зрения традиционных и современных ценностей.

В песне “Labour” представлен образ женщины в радикально-патриархальной семье, где нет места равенству:

*“Just an **appendage**, live to attend him
So that he never lifts a finger”* (Яндекс Музыка).

Лексема “*appendage*” («придаток, конечность») по своему значению противопоставляется понятию равенство. Ему же противоречит контекст песни, где вся работа ложится на плечи женщины:

*“For somebody I thought was my saviour
You sure make me do a whole lot of labour”* (Ibid.).

В следующем примере “Stem The Flow” женщина выглядит всепрощающей ради любви. Этот образ традиционный и христианский, при этом не ущемляет права женщины:

*“It's not in my nature to forgive bad behaviour
Except when it's yours”* (Ibid.).

Однако отсутствие взаимности может кардинально поменять образ мыслей, и теперь женщина отказывается от традиционной модели, переданной ей её матерью:

“And now I'm unforgiving.”

*My mother doesn't understand.
I wasn't born an angry child
But I became an angry man” (Ibid.).*

В песне “Good Girl” женщина борется со стигматизацией старения и навязанными нормами внешности. Если она соответствует этим нормам, то получает похвалу “good girl” («хорошая девочка»):

*“How clever to make a girl's own face the enemy.
In the half-light, she'll agonise to be evergreen,
A "good girl", always look and never be” (Ibid.).*

При помощи метафоры “agonise to be evergreen” («мучиться, пытаюсь принять решение, чтобы быть неувядающей») исполнительница передаёт сомнение и неприятие женщины. Решение оставаться вечно молодой не даётся ей легко, противоречит её истинным желаниям и блокирует её любовь к себе и своему телу в естественном виде.

Концепт «феминизм» может существовать в двух фреймах: как явление положительное и явление отрицательное [1], и в этой статье мы рассматриваем именно положительный аспект этого движения, который соотносится с формулировкой нового феминизма, данной выше. Это движение не является радикальным и не ущемляет права мужчин, а только лишь настаивает на соблюдении прав женщин и их свободы от устаревших ярлыков. Более того, новый феминизм коррелирует с таким понятием, как любовь к себе в неэгоистическом проявлении, которое позволяет женщине становится лучше и свободнее. Такая тенденция прослеживается во многих англоязычных современных песнях, что позволяет сделать вывод, что агрессивный феминизм становится понятием архаичным, а новый феминизм стремится сбалансировать общество.

Список литературы

1. Павлова Е.А. Актуализация концепта «феминизм» через слот «феминизм - символ свободы и равноправия» в составе фрейма «феминизм - положительное явление» в англоязычных СМИ // Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты: Сборник научных статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 28 октября 2024 года. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2025. С. 86–92. EDN GCRUVQ.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ, 2006. 286 с.
3. Фромм Э. Искусство любить. М.: АСТ, 2020. 221, [2] с.
4. Онлайн-словарь английского языка Cambridge Dictionary [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения 06.06.2026).
5. Онлайн-словарь современного английского языка Urban Dictionary [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения 06.06.2026).

Источники

Музыкальный стриминговый сервис «Яндекс Музыка» [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://music.yandex.ru/> (дата обращения 06.06.2026).

THE IMAGE OF A WOMAN IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE SONG DISCOURSE (USING THE EXAMPLE OF PARIS PALOMA SONGS)

N.V. Kozlova

Kuban State University, Krasnodar

This work is devoted to the consideration and definition of the image of a woman in modern English-language song discourse. Using the example of Paris Paloma songs, the image of a woman in the paradigm of new feminism is shown.

Key words: song discourse, New Age feminism, the image of a woman.

УДК 81'42

ЗНАНИЕ И ЕГО ОСНОВАНИЯ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОТ РЕАЛЬНОГО К МОДЕЛИРУЕМОМУ

Д.В. Козловский

*Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.,
Саратов*

В статье рассматриваются изменения в способах языкового представления знания в условиях цифровизации и развития искусственного интеллекта. Обосновывается необходимость пересмотра традиционного понимания эвиденциальности как указания на источник получения информации. Предлагается модель, включающая классическую и моделируемую эвиденциальность, а также описывается специфика их взаимодействия. Особое внимание уделяется формам моделируемой эвиденциальности и их роли в формировании нормативно-принудительных высказываний.

Ключевые слова: эвиденциальность, моделируемая эвиденциальность, нормативно-принудительная эвиденциальность, модус, диктум, искусственный интеллект, основания знания, цифровая коммуникация.

Современный этап развития цифровых технологий и искусственного интеллекта характеризуется существенными изменениями в способах производства, представления и интерпретации знания. Данные изменения затрагивают модусную организацию высказывания и, в частности, специфику актуализации эвиденциальности, традиционно понимаемой как категории, связанной с указанием на источник информации и способ ее получения [5].

В традиционном понимании эвиденциальность реализуется посредством противопоставления модусной и диктумной частей продуцируемого высказывания: модус маркирует основание знания (наблюдение, вывод, пересказ), тогда как диктум отражает пропозициональное содержание высказывания [1, с. 23]. В рамках классической типологии выделяются (1) прямая непосредственная (перцептивная: *I see that...* / Я вижу, что...; *I hear that...* / Я слышу, что...; *I can observe that...* / Я могу наблюдать, что...); (2) косвенная непосредственная (инференциальная: *It must be that...* / Должно быть, что...; *Apparently...* / По-видимому...; *It seems that...* / Кажется, что...) и (3) косвенная опосредованная (репортативная: *They say that...* / Говорят, что...; *According to reports...* / Согласно сообщениям...; *It is reported that...* / Сообщается, что...) эвиденциальность, различающиеся по характеру доступа говорящего к источнику информации [4, с. 324]. Ключевой характеристикой эвиденциальности является наличие верифицируемого источника сведений, позволяющего соотнести высказывание с тем или иным эмпирическим или коммуникативным основанием [2, с. 123].

Однако в условиях цифровизации и активного использования алгоритмических систем наблюдается изменение самой природы знания [3]. Все чаще основание высказывания формируется не через непосредственное наблюдение или передачу информации, а с помощью обработки и моделирования полученных сведений. В подобных условиях представляется целесообразным выделение моделируемой эвиденциальности как особого способа трансформации данной категории.

Под моделируемой эвиденциальностью в настоящей работе понимается такой тип эвиденциальной организации высказывания, при котором основание знания представлено не как непосредственно наблюдаемый, сообщаемый или логически выводимый источник, а как результат моделирования, обработки, симуляции или обобщения информации. Моделируемая эвиденциальность характеризуется смещением основания знания от реального источника к моделируемому, что приводит к изменению ее модусной составляющей. В отличие от классической типологии, она не обеспечивает прямой верифицируемости знания, а опирается на вероятностные, статистические или обобщенные представления об источнике и характере получения информации.

В рамках моделируемой эвиденциальности выделяются три подтипа:

1. Прогностическая эвиденциальность – связанная с представлением будущих состояний как вероятно обоснованных:

(1) ***Climate models predict that global temperatures will rise by 1.5 degrees over the next two decades*** [7] / **Климатические модели прогнозируют, что глобальная температура повысится на 1,5 градуса в течение следующих двух десятилетий** (Здесь и далее перевод наш – Д.К.).

2. Симулятивная эвиденциальность – характеризующаяся отсутствием указания на реальный источник сведений при сохранении его языковой формы:

(2) ***It is widely believed that remote work increases employee satisfaction*** [7] / **Считается, что удаленная работа повышает удовлетворенность сотрудников.**

3. Деконтекстуализированная эвиденциальность – предполагающая наличие источника информации в обобщенном виде при утрате его параметров:

(3) *Studies show that smaller class sizes improve student performance* [7] / **Исследования показывают, что меньшая наполняемость классов повышает успеваемость учащихся.**

Принципиальное различие между указанными подтипами заключается в статусе основания знания: в первом случае оно моделируется, во втором – имитируется, в третьем – редуцируется до обобщенной ссылки.

В результате происходит изменение функциональной роли эвиденциальности: модус перестает выступать исключительно в качестве маркера источника знания и начинает выполнять функцию его легитимации. Данное обстоятельство приводит к формированию нового явления – *нормативно-принудительной эвиденциальности, возникающей как результат взаимодействия классической и моделируемой эвиденциальности.*

Нормативно-принудительная эвиденциальность характеризуется переходом от описания знания к предписанию действия:

(4) *AI-generated outputs must be reviewed and verified by the attorney before use* [6] / **Результаты, сгенерированные искусственным интеллектом, должны быть проверены и верифицированы юристом перед использованием.**

В данном случае основанием высказывания выступает алгоритмически сгенерированный результат, в то время как модусная часть реализуется посредством нормативно-принудительной конструкции, что демонстрирует переход от представления знания к регламентации действия и усиливает персуазивный потенциал высказывания.

Таким образом, в условиях развития искусственного интеллекта наблюдается переход от классической к моделируемой эвиденциальности, сопровождающийся изменением статуса модусной части продуцируемого высказывания. Эвиденциальность перестает быть исключительно средством указания на источник информации и предстает в качестве механизма конструирования, интерпретации и легитимации знания в современном дискурсе.

Список литературы

1. Дубровская Т.В. Типы диктумного и модусного имплицитного содержания в политической интернет-коммуникации // Политическая лингвистика. 2020. № 4(82). С. 22–31.

2. Козловский Д.В. Особенности взаимодействия модусной категории "эвиденциальность" с авторизацией и аппроксимацией в дискурсивном пространстве массмедиа // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 4. С. 122–130.

3. Козловский Д.В. Формирование глобального мышления на занятиях по иностранному языку как важнейший аспект профессионализации студентов // Саратовской области - 80 лет: история, опыт развития, перспективы роста : Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции: в 3-х частях, Саратов, 11 апреля 2016 года / Ответственный

редактор: Н.С. Яшин. Том Часть 1. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова", 2016. С. 177–178.

4. *Плунгян В.А.* Общая морфология. Введение в проблематику: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 384 с.

5. *Aikhenvald A.Y.* The grammaticalization of evidentiality // The Oxford handbook of grammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 605-613.

6. Reuters. US judge says senior lawyers must pay for mistakes by subordinates using AI tools / M. Scarcella // Reuters. 2026. May 1. URL: <https://www.reuters.com/legal/litigation/us-judge-says-senior-lawyers-must-pay-mistakes-by-subordinates-using-ai-tools-2026-05-01/> (дата обращения: 02.05.2026).

7. YandexGPT. URL: <https://alice.yandex.ru/> (дата обращения: 29.04.2026)

KNOWLEDGE AND ITS GROUNDS IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FROM THE REAL TO THE MODELLED

D.V. Kozlovskii

Saratov State Technical University named after Gagarin Yu. A., Saratov

The article examines changes in the linguistic representation of knowledge in the context of digitalization and the development of artificial intelligence. It substantiates the need to revise the traditional understanding of evidentiality as an indication of the source of information. The study proposes a model that includes classical and modelled evidentiality and describes the specifics of their interaction. Particular attention is paid to the forms of modelled evidentiality and their role in the formation of normatively prescriptive statements.

Key words: evidentiality, modelled evidentiality, mandatory evidentiality, modus, dictum, artificial intelligence, grounds of knowledge, digital communication.

УДК 82.091

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО СТИЛЯ

Л.Н. Кокоева

Юго-Осетинский государственный университет им. А.Тибилова, Цхинвал

Литература народов Северного Кавказа в полной мере отражают трансформацию человеческой личности в условиях ломки феодальных порядков и в период становления советской власти на Кавказе, которая способствовала введению в массовый оборот письменности и развивала межнациональные связи между народами.

Ключевые слова: национальный стиль, народы Северного Кавказа, описание быта, традиции и обычаи.

Данная работа посвящена рассмотрению аспектов национального культурного стиля в литературе народов Северного Кавказа и ее идейно – художественному своеобразию. В качестве примеров используются произведения таких авторов как Езетхан Уруймагова («Навстречу жизни»), Тотырбек Джатиев («Горная звезда», «Тайными тропами», «Дика»), Хаджи – Мурат Мугуев («Буйный Терек»), Ахмедхан Абу – Бакар («Снежные люди», «Даргинские девушки») и Муса Магомедов («Отцовские сапоги», «Тулпар», «В теснинах гор»). Произведения названных выше писателей в полной мере отражают трансформацию человеческой личности в условиях ломки феодальных порядков и в период становления советской власти на Кавказе, которая способствовала введению в массовый оборот письменности и развивала межнациональные связи между народами. Детальное описание быта, традиций и обычаев, место женщины вызывают неизменный интерес у читателей.

Основными темами творчества кавказских писателей являются:

1. Отражение жизненного уклада горцев, их верований, традиционных ценностей, борьба с феодальными пережитками;
2. Борьба с внешними и внутренними врагами;
3. Участие народов Кавказа в Великой Отечественной войне, их вклад в общую победу и героизм;
4. Место женщины в традиционном кавказском обществе, приобретение ею права быть полноценным членом социума;
5. Стремление к гармонии внутреннего, духовного и социального мироощущения;
6. Преодоление жизненных трудностей на пути к достижению основной жизненной цели;
7. Становление полноценной и всесторонне развитой личности;
8. Благотворное влияние на развитие народов Кавказа союза с Россией;
9. Возможность получить высшее образование и внести вклад в науку и культуру родного края и России в целом.

Список литературы

1. *Абу-Бакар А.* Избранное: в 2 т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 1. 590 с.
2. *Джатиев Т. И.* Горная звезда. М.: Советский писатель, 1999. 416 с.
3. *Джатиев Т. И.* Дика. М.: Советская Россия, 1978. 352 с.
4. *Джатиев Т. И.* Тайными тропами. М.: Советский писатель, 1972. 384 с.
5. *Магомедов М. М.* В теснинах гор: повесть и рассказы. М.: Советская Россия, 1973. 272 с.
6. *Мугуев Х.-М. М.* Буйный Терек. Орджоникидзе: Ир, 1973. 512 с.
7. *Уруймагова Е. А.* Навстречу жизни. Орджоникидзе: Ир, 1972. 384 с.

THEORETICAL ASPECTS OF THE NATIONAL CULTURAL STYLE

L.N. Kokoyeva

A. Tibilov South Ossetian State University, Tskhinval

The literature of the peoples of the North Caucasus fully reflects the transformation of the human personality in the conditions of the breakdown of feudal orders and during the formation of Soviet power in the Caucasus, which contributed to the introduction of writing into mass circulation and developed interethnic relations between the peoples.

Key words: national style, peoples of the North Caucasus, description of everyday life, traditions and customs.

УДК 82–312.4

ТРАДИЦИЯ И ЦИФРОВАЯ ЭПОХА: ОБРАЗ ХАКЕРА-СЫЩИКА В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ДЕТЕКТИВЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ Д. ЛАГЕРКРАНЦА И О. ШВАРЦ)

М.А. Коновалова

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

В статье рассматривается трансформация традиционной фигуры сыщика в шведском детективе под влиянием цифровизации. Выявлено, что при смене инструментария на цифровую компетенцию и сетевые методы расследования новый тип сыщика наследует ключевые черты скандинавской традиции: психологическую глубину, одиночество и амбивалентность, а сам жанр сохраняет социальную проблематику.

Ключевые слова: скандинавский детектив, цифровизация, hard-wired детектив, кибердетектив, социальный детектив.

Традиционная фигура сыщика в детективной литературе на протяжении более чем столетия ассоциировалась с методами рационального анализа, дедукции, способности подмечать мельчайшие детали и на основании произведенных умозаключений раскрывать преступления. Наиболее знаменитыми иллюстрациями этого традиционного образа являются такие персонажи как Огюст Дюпен Эдгара Аллана По, Шерлок Холмс Артура Конан Дойла, Эркюль Пуаро Агаты Кристи. Тем не менее, стремительное развитие технологий и глобальная цифровизация, охватившая все сферы жизни уже в конце XX века, поставила под вопрос саму возможность существования классического детектива в условиях, когда преступление все чаще совершается и/или скрывается с помощью интернета и цифровых технологий, и, как следствие, не оставляет физических следов. Х. Грэхэм замечает, что это отражение современной цифровой реальности на страницах детективных романов позволяет им сохранять популярность в современном мире, когда читатель уже пресыщен традиционными образами, сюжетами и концепциями

повествования: «Огромная аудитория, которую привлекают произведения, находящиеся на стыке литературной и визуальной культуры, свидетельствует о том, что взаимодействие с технологическими достижениями, особенно с инструментами цифровой слежки, делает их более привлекательными и понятными для постмодернистского читателя» [4, p. 10].

Шведская детективная литература, получившая мировое признание благодаря своей социальной направленности, одной из первых отреагировала на глобальные изменения в обществе. Так, в трилогии Андерса де ла Мотта «Игра» (2010-2012) весь сюжет строится вокруг найденного мобильного телефона и цифровых сообщений, затягивающих героя в смертельно опасную игру. В романе Дана Сельберга «Мона» (2013) расследование разворачивается вокруг нейроинтерфейса, созданного в Швеции и позволяющего соединить мозг с интернетом. В новой трилогии Х. Давидссона «В погоне за хакером: стелс» (2025) уникальный цифровой код, разработанный главной героиней – хакером Алекс Линдхольм – используется для атаки на критически важные инфраструктуры, что вызывает панику по всей Европе. Подобные сюжеты возникают и за пределами Скандинавии (например, «Стеклянный город» П. Остера, «Девушка из 105 комнаты» Ч. Бхагета, «Антихакер» А. Сабурова и др.), что подтверждает развитие новой тенденции: появления хакера в роли главного героя расследования. В данной статье проследим, каким образом фигура хакера трансформирует традиционную модель сыщика в современном шведском детективе.

Обратившись к концепции Брендана Райли («The Digital Age Detective», 2017), видим, что в литературе могут быть выделены несколько исторически сложившихся типов сыщика. Как отмечается в работе, «фундаментальная предпосылка Райли заключается в том, что наступающая цифровая эпоха представляет собой культурный сдвиг, столь же значительный, как переход от устной речи к письменности, и что такие фигуры популярной культуры, как детектив, служат подходящими маркерами для отслеживания этого изменения» [5, p. 254]. Самый последний из них – «hard-wired» («цифровой») детектив – герой цифровой эпохи, который работает с огромными массивами данных и в расследовании опирается на сетевые структуры. Николь Кенли отмечает, что Райли применяет термин «„кондукция“, а не „дедукция“, чтобы обозначить этот новый мыслительный процесс цифровой эпохи, и предполагает, что коллективный метод раскрытия преступлений работает именно потому, что он предназначен для объединения большого числа исследователей с таким же большим количеством (часто цифровых) данных» [5, p. 255]. Именно такие образы можно увидеть в современных шведских детективных романах: «Девушка, которая застряла в паутине» Давида Лагеркранца (2015) и «Семь ключей» Осы Шварц (2017).

Лисбет Саландер, впервые появившаяся в трилогии Стига Ларссона, а затем продолжившая своё развитие в романах Давида Лагеркранца, представляет собой уникальный для детективного жанра тип протагониста. Она не работает в полиции, не является профессиональным следователем и не имеет лицензии частного детектива, ее важнейший рабочий инструмент – компьютер, а метод –

несанкционированный доступ к информации. Как превосходный сыщик Лисбет «не только профессиональный хакер, но еще и наделена выдающимися интеллектуальными и аналитическими способностями, невероятной интуицией и памятью» [2, с. 256]. Однако если в романах Стига Ларссона хакерские способности Саландер были лишь одним из элементов её сложного образа, то в продолжениях серии «Миллениум», написанных Д. Лагеркранцем, цифровые технологии становятся самой сутью расследования. В отличие от классических сыщиков, Лисбет не просто анализирует улики, а сама вторгается в информационное пространство противника. В то же время, несмотря на готовность преступить закон, героиня отличается строгим соблюдением моральных установок: Лисбет «борется с государством и его институтами, стремящимися изолировать её, как опасную нарушительницу установленного канона. В этой борьбе Саландер неоднократно совершает преступления, однако ключевыми можно считать слова Блумквиста о том, что она может нарушить юридический закон, но закон Божий – никогда» [1, с. 67–68]. Именно это сочетание социальной дезадаптации и исключительной цифровой компетенции делает её образ столь притягательным.

В романе «Девушка, которая застряла в паутине» цифровые технологии становятся единственно возможным средством расследования, так как и само преступление принципиально меняет свою природу: героиня оказывается в центре глобального противостояния хакерских групп, кульминацией которого становится взлом внутренней сети Агентства национальной безопасности США. Проникнув в систему, Лисбет оставляет послание, превращающее хакера из сыщика в главного вершителя справедливости: «...вы должны прекратить заниматься беззаконием, а это ведь, на самом деле, очень просто. Тот, кто наблюдает за народом, в конце концов сам оказывается под наблюдением народа. В этом есть фундаментальная демократическая логика» (Лагеркранц, с. 58). Однако важно отметить, что Саландер в силу своего прошлого и психологических особенностей остается хакером-одиночкой по своей сути, не открывая свои мотивы, намерения и умозаключения даже близким.

Совершенно иной тип хакера-сыщика представлен в романе Осы Шварц «Семь ключей» (2017). Оса Шварц – не только писательница, но и эксперт по кибербезопасности, что позволило ей максимально приблизить описываемые в романе события к реальности. Главная героиня Ребекка – одна из семи международных IT-специалистов, владеющих криптографическими ключами, которые управляют системой интернет-трафика. В отличие от Лисбет, Ребекка отнюдь не одиночка: семья – муж и двое маленьких детей – становится её главной мотивацией. В сцене ночного нападения на ее квартиру Ребекка мгновенно принимает решение: отдать все ради помощи своей семье: «Я должна защитить своих детей. Я должна защитить Оливера» (Schwarz, p. 11) – думает Ребекка. Именно система ценностей отличает Ребекку от Лисбет, которой движет личная травма и жажда мести. Ребекка, однако, защищает не только себя и своих близких, но и основу современной цифровой цивилизации – интернет, от которого зависят все общества. В отличие от Лисбет, которая использует хакинг как орудие мести, Ребекка направляет те же навыки на спасение системы

«изнутри». Впоследствии, применив свои хакерские способности для защиты близких, она отказывается от дальнейшего использования этих навыков в качестве оружия. Более того, героиня навсегда отказывается от роли хранителя ключа, передавая его в руки властей: «Ребекка смотрит на ключ, потом на Алекса. Затем снова на ключ. – Нет, спасибо. Забери его. Я больше никогда не хочу его видеть» (Schwarz, p. 302). Это решение знаменует ее окончательный выбор в пользу семьи и обычной жизни, а не продолжения «цифровой войны».

Сравнение двух героинь позволяет выделить ключевые характеристики нового типа сыщика, формирующегося в шведском «кибердетективе»: цифровая компетенция дополняет и во многом заменяет традиционные дедуктивные навыки. Ни Лисбет, ни Ребекка не анализируют традиционные вещественные доказательства или улики, их интересуют цифровой след, метаданные и программные коды. Так, в романе Лагеркранца разгадка убийства Франса Бальдера становится возможной именно благодаря цифровым следам, оставленным в сети, а не материальным уликам на месте преступления. Кроме того, обе героини действуют в принципиально иной правовой парадигме: их методы – несанкционированный доступ к информации, взлом, цифровой шпионаж – с точки зрения закона сами являются преступлениями. Шведский кибердетектив ставит вопрос о природе легитимности расследования: может ли быть оправдано нарушение закона, если оно служит справедливости?

Несмотря на «новизну», как Лисбет, так и Ребекка наследуют многие ключевые черты традиционного скандинавского сыщика. Для скандинавского детектива всегда было характерно особое внимание к личности главного героя, одной из важнейших черт которого является одиночество, а также «предназначенность профессии, самоотречение ради работы и холостяцкая бытовая неустроенность» [3, с. 157]. Даже столь непохожий на полицейского герой, как хакер, в шведской литературе сохраняет важнейшую черту: глубокую психологическую проработку и личностную драму. Как замечает О.В. Тихонова, «За внешней грубостью героя кроются уязвимость и боль, стремление понять людей, удивительное чутьё» [3, с. 158]. Эта же двойственность характеризует и Лисбет, и Ребекку: за холодной технической компетентностью скрываются глубокая травма или страх за близких, и именно эти скрытые эмоции определяют их действия. Таким образом, появление хакера в роли сыщика не разрушает традиционную систему образов шведского детектива, а лишь трансформирует ее на новом технологическом этапе развития. Социальная изоляция, психологическая неоднозначность, бытовая неустроенность и внутренняя драма, знакомые читателю по образам Мартина Бека, Курта Валландера и Харри Холе, никуда не исчезают, но получают переосмысление в условиях цифровой эпохи.

Анализ романов Давида Лагеркранца и Осы Шварц показывает, что шведский «кибердетектив» формирует новый тип протагониста, чья основная сила – в способности контролировать и интерпретировать цифровые потоки данных. Этот сдвиг, описанный Райли как переход к модели «hard-wired»-детектива, отражает более широкую культурную трансформацию: в мире, где информация стала главным ресурсом, тот, кто владеет инструментами доступа к ней, становится и главным вершителем справедливости. Сопоставление Лисбет

Саландер и Ребекки демонстрирует внутреннее разнообразие этого нового типа: от хакера, движимого личной травмой, к профессионалу, защищающему глобальную цифровую инфраструктуру, но при этом стремящемуся вернуться к нормальной жизни. Примечательно, что при всей «технологической новизне» эти героини глубоко укоренены в традиции скандинавского детектива с его вниманием к психологии, одиночеству и социальной проблематике. Шведский кибердетектив, оставаясь социальным жанром, по-прежнему поднимает глубокие этические и экзистенциальные вопросы, актуальные для человечества.

Список литературы

1. Кобленкова Д.В. Шведский «Народный дом» (folkhem) к началу XXI века: трилогия С. Ларссона «Миллениум» // Вестник ННГУ. 2014. № 2–3. С. 63–69.
2. Осьмухина О.Ю. «Нордический (скандинавский) нуар» vs скандинавский детектив: дискуссионный аспект изучения // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 1. С. 246–265.
3. Тихонова О.В. Скандинавский детектив // Вестник ННГУ. 2014. № 2–3. С. 156–160.
4. Graham H. From Edgar Allan Poe to Paul Auster: Literary Detection and Vision in the Age of Digital Surveillance Culture // Surrey Undergraduate Research Journal (SURJ). 2016. Vol. 2, №. 2. P. 1–10.
5. Kenley N. Book Review: The Digital Age Detective: Mysteries in a Changing Landscape of Literacy by Brendan Riley // Crime Fiction Studies. 2020. Vol. 1, №. 2. P. 254–256.

Источники

- Ладеркранц Д. Девушка, которая застряла в паутине. М.: Эксмо, 2016. 480 с.
- Schwarz Å. De sju nycklarna. Stockholm: Hoi Förlag, 2017. 305 s.

TRADITION AND THE DIGITAL AGE: THE IMAGE OF THE HACKER-DETECTIVE IN CONTEMPORARY SWEDISH CRIME FICTION (ON THE EXAMPLE OF THE NOVELS BY D. LAGERCRANTZ AND Å. SCHWARZ)

M.A. Konovalova

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk

The article examines the transformation of the traditional figure of the detective in Swedish crime fiction under the influence of the digital age. It is revealed that with the shift in tools toward digital competence and networked methods of investigation, the new type of detective inherits the key features of the Scandinavian tradition: psychological depth, loneliness, and ethical ambivalence, while the genre itself retains its social dimension.

Key words: Scandinavian crime fiction, digitalization, hard-wired detective, cyberdetective, social crime fiction.

АНГЛИЙСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ 2025–2026 ГГ.: СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

С.Х. Липириди

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье анализируется серия неологических единиц современного английского языка, зафиксированных в 2025–2026 гг. Выделяются четыре тематические группы: сфера труда, межличностные отношения, самовосприятие /телесность, технологическая среда. Ключевой вывод состоит в том, что неологизмы середины 2020-х годов дают возможность проследить, какие именно стороны человеческого опыта переживают в данный период наиболее интенсивное переосмысление.

Ключевые слова: неология, английский язык, тематическая классификация, семантика, прагматика.

Лексический состав языка находится в состоянии непрерывного обновления, что обусловлено потребностью номинации новых явлений, объектов и концептов, возникающих в ответ на трансформации социальной, технологической и экологической реальности. Интенсивность неологических процессов в современном английском языке подтверждается данными авторитетных мониторинговых организаций. В частности, калифорнийский исследовательский центр The Global Language Monitor фиксирует ежегодное появление от двухсот до трехсот новых лексических единиц в английском языке [7]. Дополнительным свидетельством высокой неологической активности служит включение в структуру академических и толковых словарей специализированного раздела “New Words Section”, который регулярно обновляется.

Проблематика неологии привлекает внимание лингвистов на протяжении нескольких десятилетий. В современном языкознании накоплен обширный корпус работ, посвященных различным аспектам неологических процессов. Принципы лексикографической репрезентации неологизмов проанализированы Л.Б. Гацаловой [2]; словообразовательные функции новых слов рассмотрены В.В. Лопатыным [5]; психологические аспекты идентификации неологизмов раскрыты в исследовании С.И. Тогоевой [6]; семантические и прагматические аспекты неологизации разработаны в трудах В.В. Катерминой и С.Х. Липириди [4]; функциональный подход представлен в работах С.И. Алаторцевой [1].

Новые слова – свидетельство адаптации общества к изменению условий его существования, они способствуют более точному и глубокому пониманию и восприятию окружающего. Неологизмы обладают наибольшей языковой активностью, отражаемой в их экспрессивном характере. Появление нового слова предполагает признание важности определенного понятия, объекта или концепции внутри общества. Новые слова и значения «возникают в связи с потребностями, вызванными, во-первых, необходимостью обозначить новое

явление и, во-вторых, создать более выразительное обозначение предмета, который уже имеет название» [3, с. 145].

Середина 2020-х годов характеризуется беспрецедентной концентрацией кризисных явлений в технологической (развитие генеративных нейросетей), социально-экономической (трансформация рынка труда, жилищный кризис) и экологической сферах, что актуализирует необходимость анализа новой лексики.

Практическим материалом исследования послужил электронный словарь Cambridge Dictionaries Online Blog (New Words). Период сбора данных – с 2025 по 2026 гг. Проведенный анализ позволяет распределить отобранный материал по тематическим группам, каждая из которых отражает определенную сферу антропологического опыта.

Рассмотрим неологические единицы, относящиеся к **сфере труда и карьеры**. Данная группа представлена лексикой, фиксирующей трансформацию трудовых отношений и профессиональных стратегий. Неологизм “dry promotion” (*a promotion at work that involves taking on more responsibilities but does not come with a salary increase*) обозначает выполнение большого количества обязанностей без соответствующего увеличения заработной платы. Акроним “NER” (*neither employed nor retired: someone who does not have a job but is too young to retire*) репрезентирует ситуацию выпадения индивида из традиционной дихотомии «работающий – пенсионер». Композит “doomjobbing” (*the activity of compulsively searching through job advertisements without a clear plan of what you are looking for, because you feel anxious about work or the future*) описывает привычку соискателей бесконечно прокручивать списки вакансий, подавать множество заявок без чёткой стратегии и ощущения прогресса. Это профессиональный аналог понятия “doomscrolling”: привычки бесконечно листать негативные новости в соцсетях. Термин “competence hangover” (*a feeling of exhaustion that follows a period of taking on too many responsibilities at work and becoming the person everyone relies on*) фиксирует специфическую форму профессионального истощения, связанную с хроническим выполнением функций «человека, на которого все полагаются». Неологизмы “lily padding” (*the career strategy of moving from one short-term job to another in order to gain specific skills and experience*) и “microshifting” (*the practice of breaking the working day into short blocks of time so that work can be fitted around other activities*) репрезентируют новые карьерные стратегии: первый обозначает движение между краткосрочными позициями с целью приобретения навыков, второй – деление рабочего дня на короткие продуктивные «всплески». “Fail watching” (*a workplace trend where an employee tries to spot colleagues making mistakes, normally because it makes them feel better about their own abilities or performance*) описывает деструктивную практику поиска ошибок коллег, как механизм психологической самозащиты.

Подводя итог анализу данной группы, отметим, что трудовая неология 2025–2026 гг. демонстрирует отчетливый сдвиг в объекте номинации. В фокусе оказывается не новая профессия или технология, а состояние субъекта труда – тревога (doomjobbing), истощение (competence hangover), незащищенность

(NER), фрустрация (dry promotion). Даже лексика, обозначающая карьерные стратегии (lily padding, microshifting), описывает способы выживания в условиях нестабильности, а не карьерного роста в классическом понимании. Язык в данном случае выступает инструментом ранней диагностики: он фиксирует антропологический кризис сферы труда раньше, чем эта сфера получает институциональное переосмысление.

Отдельно рассмотрим неологизмы, относящиеся к **сфере межличностных отношений**: их количество многочисленно, и их семантика представлена разнообразными семами. Так, например, неологизм “dogfishing” (*using a photo of you with someone else’s dog in your profile on dating apps to make yourself seem more attractive to potential partners*) обозначает стратегическую самопрезентацию в дейтинговых приложениях через использование фотографий с чужими собаками для повышения привлекательности. “Choremancing” (*a trend where two people combine a romantic date with doing everyday tasks such as food shopping or housework*) описывает тренд, при котором романтическое свидание совмещается с бытовыми задачами (совместный поход в магазин, выполнение домашних обязанностей). “Clear coding” (*the practice of being honest and open about how you want a relationship to develop when dating someone new, rather than giving hints or confusing messages*), использующее метафору программирования, фиксирует требование эмоциональной прозрачности и отказа от «игр» в межличностных отношениях.

Итак, неологизмы данной группы фиксируют парадоксальную ситуацию: с одной стороны, констатируют стремление к аутентичности и прозрачности (clear coding), с другой – развиваются практики стратегической самопрезентации, граничащие с обманом (dogfishing). Choremancing, в свою очередь, размывает границу между романтическим и бытовым, предлагая рассматривать совместный поход в магазин как полноценный формат свидания. В совокупности эти лексические инновации свидетельствуют о кризисе традиционных романтических сценариев и поиске новых, более прагматичных и предсказуемых форм межличностного взаимодействия.

Следующие неологизмы будут относиться к сфере **самовосприятия и телесности**. Данная группа включает лексику, фиксирующую новые формы отношения человека к собственному телу и эмоциональным состояниям. “Meteorosensitive” (*easily affected physically or emotionally by changes in the weather*) и “sunxiety” (*the worry someone feels about their skin being exposed to the sun’s rays*) описывают реакцию на экологические изменения – зависимость физического и психического благополучия от погодных условий и ультрафиолетового облучения соответственно. “Wet bulb temperature” (*a measurement that combines air temperature and humidity to show how easily the body can cool down through the evaporation of sweat*) – показатель, который учитывает температуру воздуха и его влажность, позволяя оценить, насколько эффективно организм может охлаждаться за счёт потоотделения. “Functional freeze” (*a response to stress in which someone continues to function outwardly, successfully managing their workload and responsibilities, while inwardly feeling numb, detached,*

or anxious) описывает состояние внешнего функционирования человека при внутреннем эмоциональном оцепенении, тревоги и отстраненности.

Можно утверждать, что неологизмы данной группы передают новый тип чувствительности человека – как к внешней среде (погода, солнце, температура), так и к собственным психофизиологическим состояниям (оцепенение). Общей чертой анализируемых единиц является фиксация состояния уязвимости: тело оказывается открытым внешним воздействиям, а внутреннее «я» – расщепленным между внешним функционированием и внутренней отстраненностью.

Завершающая группа неологизмов относится к **технологической среде** и включает лексику, фиксирующую отношение человека к технологиям – прежде всего к системам искусственного интеллекта. Неологизм “slopper” (*someone who relies too much on AI chatbots to make decisions, find out information, etc.*) обозначает субъекта, который делегирует искусственному интеллекту когнитивные функции, включая решение бытовых задач, подготовку ответов на личные сообщения и даже принятие жизненно важных решений (например, смену места работы). Данная единица фиксирует феномен когнитивного отчуждения, при котором человек добровольно передает AI-системам те мыслительные операции, которые традиционно считались прерогативой человеческого ума.

Неологизмы “trendslop” (*the tendency of an AI model to give an answer that follows popular trends instead of analysing the situation and providing a response that is relevant to it*) и “slopaganda” (*the use of AI-generated information as propaganda*) фиксируют два взаимосвязанных негативных аспекта генерации AI-контента. “Trendslop” обозначает склонность языковых моделей подменять ситуационный анализ воспроизведением популярных трендов, что ставит под вопрос надежность AI-советов в нестандартных ситуациях. “Slopaganda” описывает использование AI-сгенерированной информации в качестве инструмента пропаганды, что многократно усиливает скорость, масштаб и убедительность манипулятивного воздействия.

Бленды с компонентами “-ageddon” и “-pocalypse”: “RAMageddon” (*a severe global shortage of RAM memory chips*), “Vulnpocalypse” (*a potential increase in cyberattacks as AI tools find weaknesses in an IT system faster than they can be fixed*) репрезентируют апокалиптическую риторику. Оба неологизма описывают ситуации, в которых технологический прогресс (развитие AI, рост потребления памяти) сам порождает угрозы, требующие осмысления в категориях катастрофы.

Неологизм “proof of humanity” (*confirmation that the user of an app is a real person and not a bot, usually provided as a result of biometric checks*) представляет собой способ верификации субъекта как человека (как правило, посредством биометрических проверок) в условиях распространения ботов и AI-агентов. В отличие от рассмотренных выше единиц, фиксирующих угрозы, данный неологизм обозначает защитный механизм, призванный восстановить границу между человеческим и нечеловеческим в цифровой коммуникации. Единицей с отчетливо позитивной коннотацией выступает “superworker” (*someone who works*

much more productively by using AI tools that can carry out tasks and act on their behalf) – обозначение человека, продуктивность которого усилена за счет использования AI-инструментов, способных выполнять задачи и действовать от его имени. Данный неологизм представляет собой альтернативный полюс осмысления AI, как средства расширения человеческих возможностей.

Итак, неологизмы технологической сферы отражают спектр отношения к AI: от когнитивной зависимости и апокалиптических рисков (*slopper, trendslop, RAMageddon*) до защитных практик и позитивного усиления человека (*proof of humanity, superworker*). Преобладание тревожной лексики указывает на то, что язык фиксирует AI прежде всего как зону риска.

Таким образом, в семантическом плане исследуемая лексика распределяется по четырем тематическим группам, каждая из которых фиксирует трансформацию определенной сферы человеческого опыта: трудовой занятости, межличностных отношений, самовосприятия и телесности, технологической среды. Общей чертой всех групп является доминирование лексики, фиксирующей состояние уязвимости, тревоги и дезадаптации перед лицом системных вызовов середины 2020-х годов. В прагматическом аспекте обращает на себя внимание тот факт, что неологизмов, констатирующих проблемы, существенно больше, чем единиц, номинирующих способы их преодоления. Английские неологизмы 2025–2026 гг. выполняют диагностическую функцию, фиксируя антропологический сдвиг, при котором ключевые сферы человеческого существования переосмысляются через категории риска, уязвимости и фрагментации. Язык в данном случае выступает инструментом ранней фиксации тех изменений, которые еще не получили системного осмысления.

Список литературы

1. *Алаторцева С.И.* Проблемы неологии и русская неография: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 1999. 40 с.
2. *Гацалова Л.Б.* Неология в современной лингвистике: Монография. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2005. 365 с.
3. *Евсеева М.В.* Французские юридические неологизмы в смарт-контрактах // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 144–153.
4. *Катермина В.В., Липириди С.Х.* Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. 230 с.
5. *Лопатин В.В.* Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973. 152 с.
6. *Тогоева С.И.* Психолингвистические проблемы неологии: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. 155 с.
7. Global Language Monitor (GLM) Names The Numerals The Top Words Of The Year 2021 For Global English (#Woty 2021) [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.languagemonitor.com/about/about-2/> (дата обращения: 26.05.2026).

ENGLISH NEOLOGISMS OF 2025–2026: SEMANTIC AND PRAGMATIC ASPECTS

S.Ch. Lipiridi

Kuban State University, Krasnodar

The article analyzes a series of neological units of the modern English language in 2025–2026. Four thematic groups are distinguished: the sphere of labor, interpersonal relations, self-perception / corporeality, technological environment. The key conclusion is that neologisms of the mid-2020s provide an opportunity to trace which aspects of the human experience are undergoing the most intense rethinking during this period.

Key words: neology, English language, thematic classification, semantics, pragmatics.

УДК 81'37

ОБОНЯТЕЛЬНЫЙ КОД В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА: КОГНИТИВНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Лю Гэнцзюнь

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва

В статье сопоставляются метафорические модели с исходной областью «запах» в русском и китайском языках. В обеих имеются общие модели. Различия обусловлены грамматическим строем и культурными доминантами: русский язык использует безличные конструкции и глаголы, передавая фатальность предчувствия; китайский язык опирается на именную лексику, что позволяет маркировать моральный статус и социальную репутацию человека.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, обонятельный код, ольфакторная лексика, языковая картина мира, русский язык, китайский язык.

1. Введение

Запах играет фундаментальную роль в эмоциональном опыте, социальной коммуникации и аксиологических суждениях. Вслед за Тань Аошуан [5, с. 7], которая утверждает, что различия в «наивной картине мира» отражают внутреннюю семантическую типологию, данное исследование сопоставляет обонятельный код в русском и китайском языках. Цель работы – на основе теории концептуальной метафоры [6] выявить и систематизировать метафорические модели с областью-источником «Запах», используя данные Толкового словаря русского языка [3] и Современного китайского словаря [4]. Ключевая оппозиция «приятный – неприятный запах» соответствует

архетипической модели «хороший – плохой»; ольфакторные ощущения антропоцентричны и оценочны [1, с. 204].

2. Инвентарь ольфакторной лексики в русском и китайском языках

В русском языке ядерные существительные: *запах, аромат, вонь, зловоние, смрад, душок*. В китайском: 气味, 味道 (синкретизм вкуса и запаха), 香气, 臭味, 气息. Русские глаголы: *пахнуть, благоухать, вонять, чують, нюхать, вынюхивать*. Китайские: 闻, 嗅, 散发, 飘. Прилагательные в обоих языках делятся на дескриптивные (*душистый, вонючий; 香的, 臭的*), синэстетические (*сладкий, кислый; 甜, 酸*) и интенсивностные (*резкий, тяжёлый; 浓, 淡*). Наречия и безличные конструкции в русском языке акцентируют всепроникающий характер запаха-предчувствия.

3. Универсальные метафорические модели с источником «Запах»

(1) Запах → предчувствие / интуиция

В русском языке центральную роль играют глаголы (*чують беду, чують опасность*) и безличные конструкции (*пахнет скандалом, запахло жареным, дело пахнет керосином*), подчёркивающие неконтролируемость и фатальность предчувствия. Глагол *чують* апеллирует к животному, инстинктивному знанию [2]. В китайском ведущую роль играет глагол 闻: 闻到危险 ‘учуять опасность’, 闻到火药味 ‘учуять запах пороха’ (о напряжённой атмосфере), а также метафоры распространения с 飘, 弥漫.

(2) Неприятный запах → моральное зло / нечистоплотность

В русском языке: *воняет лицемерием, от него разит самодовольством, репутация с душком, смрадный быт*. Прилагательное *смрадный* развивает значение ‘отвратительный’. В китайском ядром выступает 臭: 臭名声 ‘дурная слава’, 臭钱 ‘вонючие деньги’, 遗臭万年 ‘оставить зловоние на десять тысяч лет’. Русская метафора онтологизирует зло как объективную эманацию, китайская – как инструмент социальной стигматизации. Сочетание 铜臭味 ‘запах меди’ метонимически обозначает стяжательство.

(3) Приятный запах → положительная оценка / добродетель

Русские существительные: *аромат славы, благоухание святости*, прилагательное *сладкий: сладкий запах успеха*. В китайском доминирует морфема 芳: 芳名 ‘доброе имя’, 流芳百世 ‘стяжать вечную славу’, а также 书香 ‘книжный аромат’ как метафора образованности.

(4) Запах → память / прошлое

Русские выражения: *запах детства, повеяло стариной, пахнуло молодостью*. Китайское 回味 ‘смаковать прошлое’, 古老的气息 ‘дыхание древности’.

(5) Запах → информация / улика / след

Русские глаголы: *пронюхать, разнюхать, вынюхать* (добывание скрытой информации, часто с неодобрением). Существительное *нюх* в переносном значении: *журналистский нюх*. Китайские: 闻到一股阴谋的味道 ‘учуять запах заговора’, 腥味 – признак нечистого.

4. Культурно-специфические проекции обонятельной метафоры: системный контрастивный анализ

Русская обонятельная метафора ориентирована на предчувствие, отмеченное пассивным ожиданием и фатальностью. Безличные конструкции (пахнет бедой, в воздухе запахло войной) перекликаются с концептом «судьбы». Глагол *чуять* и его производные (*учуять*, *почуять*) апеллируют к иррациональному, почти животному знанию («нутром чую»), что характерно для русской когнитивной традиции. Метафора «запах как эманация будущего» усиливается наречиями неотвратимости (неотвратимо пахнет).

Китайская метафора встроена в систему морально-этической регуляции и социальной иерархии. Ключевой концепт 气 (дыхание, энергия, запах) не имеет прямого аналога в русском языке. Производные с 气 служат для оценки личности: 书卷气 ‘интеллигентность’, 俗气 ‘вульгарность’, 灵气 ‘одарённость’. Метафора 臭味相投 (о людях с дурными наклонностями) и нейтрально 气味相投 (о близости по духу) концептуализируют межличностную близость через запах. Выражение 闻香识人 ‘узнать человека по аромату’ закреплено литературной традицией.

5. Заключение

Обонятельный код в русском и китайском языках обнаруживает универсальные модели (запах – предчувствие, неприятный запах – зло, приятный – добродетель). Однако русская метафора более онтологична и фаталистична, тяготеет к глагольности и безличным конструкциям. Китайская антропоцентрична и аксиологична, опирается на именные средства и концепт 气, обслуживая сферы моральной оценки и социальной репутации.

Список литературы

1. Басалаева Е.Г. Особенности метафорического развития глаголов обонятельного восприятия в славянских языках (на материале лексикографических и корпусных источников) // Сибирский филологический журнал. 2019. №1. С. 203–215.

2. Колупаева А.А. Концепт запах и способы его репрезентации в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамб.: гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2009. 206 с.

3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.

4. Редакция словаря института лингвистики, Китайская академия социальных наук. Современный китайский словарь. Пекин: Коммерческое издательство, 2016. 1799 с.

5. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.

6. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

OLFACTORY CODE IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUISTIC WORLDVIEWS: A COGNITIVE-COMPARATIVE ANALYSIS

Liu Gengjun

Pushkin state Russian language institute, Moscow

The article compares metaphorical models with the source domain “smell” in Russian and Chinese. Both languages share common models. The differences are conditioned by grammatical structure and cultural dominants: Russian uses impersonal constructions and verbs, conveying the fatality of premonition; Chinese relies on nominal vocabulary, which allows marking a person's moral status and social reputation.

Key words: cognitive linguistics, conceptual metaphor, olfactory code, olfactory lexicon, linguistic worldview, Russian language, Chinese language.

УДК 81'1

ФИТОКОНЦЕПТ EUCALYPT В КАРТИНЕ МИРА АВСТРАЛИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Н.О. Магнес

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

В работе представлен анализ фитоконцепта EUCALYPT, занимающего важное место в составе растительного кода австралийской культуры. На материале лексикографических и текстуальных данных дается характеристика номинативного поля концепта EUCALYPT, а также выявляются лингвокультурные и символические компоненты, входящие в структуру исследуемого концепта.

Ключевые слова: фитоконцепт, концептология, лингвокультурология, австралийский вариант английского языка (страйн), языковая картина мира.

Формирование лингвокультурной и лингвострановедческой компетенций является одной из основных задач преподавания иностранного языка. Важную часть картины мира любой изучаемой лингвокультуры составляют представления о природном мире, в том числе об объектах флоры, актуализация которых в языке привлекает сегодня пристальное внимание лингвистов. Современные исследования в этой области, представлены, в частности, трудами по народной фитонимии [1, 3, 4], этноботанике [7], концептологии [5] и лингвокультурологии [2].

В картине мира австралийского варианта английского языка одно из центральных мест среди растительных объектов занимает эвкалипт, который, наряду с мимозой, считается национальным символом Австралии [6]. В настоящей статье осуществлен анализ средств лексической объективации фитоконцепта EUCALYPT, а также делается попытка выявить некоторые лингвокультурные и символические компоненты, входящие в структуру данного концепта.

На предметном уровне фитоконцепт EUCALYPT включает в себя совокупность представлений о древесных и кустарниковых эфиромасличных растениях, относящихся к биологическим родам *Eucalyptus*, *Corymbia* и *Angophora*. Номинативное поле фитоконцепта EUCALYPT отражает биологическое разнообразие растений данной группы на территории Австралии, а также уникальные социально-исторические условия развития страйна и его взаимодействие с аборигенными языками Австралии.

Фитоним *eucalypt* восходит к греческим основам εὖ («хорошо») и καλυπτός («покрытый»). Название мотивировано особым строением почки растения, покрытой плотной кожистой оболочкой. В неформальной коммуникации распространены также номинации *euc* и *eucu*, образованные от *eucalypt* путем сокращения (с суффиксацией или без нее).

В нейтральных и разговорных контекстах широкоупотребительной является также номинация *gum tree* (*gum*), находящаяся с ЛЕ *eucalypt* в отношениях взаимозаменяемости. Мотивирующим признаком для обозначения *gum tree* послужила способность некоторых видов эвкалипта выделять густую клейкую смолу (т.н. эвкалиптовую камедь), являющаяся одним из наиболее узнаваемых предметных признаков фитоконцепта: (1) [...] *while this doesn't apply to all species the name, excuse the pun, has stuck!* [Eucalyptus: What's in a name? [электронный ресурс]].

Номинация *gum* (*tree*) широко представлена в австралийском фразеологическом фонде: *be up a gum tree* (находиться в затруднительном положении), *mad as a gum tree full of galahs* (сумасшедший), *like a possum up a gum tree* (на седьмом небе от счастья) и *Strike me up a gum tree!* (восклицание удивления или досады) [8].

Номинативное поле фитоконцепта EUCALYPT включает в себя фитонимы аборигенного происхождения. К наиболее распространенным ЛЕ данной группы можно отнести *mallee*, *coolibah/coolabah*, *karri*, *jarrah*, *tingle*, *mottlecah*.

Для обозначения различных видов австралийского эвкалипта могут использоваться сложные слова или словосочетания, построенные по моделям *сущ.+сущ.*, *прилаг.+сущ.* или *причаст.+сущ.* и объективирующие такие признаки растений, как окраска (*red gum*, *yellow tingle*, *green mallee*), запах (*stinking gum*, *lemon/apple-scented gum*, *peppermint box*), форма (*flat-topped yate*, *cabbage gum*), характер соцветий (*red-flowered mallee*, *pink-flowering ironbark*, *bush rose*), текстура коры (*ironbark*, *powderbark*, *gimlet gum*, *stringy gum*), лечебное применение (*fever gum*), кулинарное применение (*cider gum*, *sugar gum*), а также общее впечатление от растения (*ghost gum*, *spidergum*, *octopus mallee*, *centurion*).

В медиадискурсе эвкалипт предстает как природная доминанта австралийского ландшафта, что связано не только с широким ареалом распространения, но и с визуальными характеристиками эвкалипта (высота, раскидистая крона). Упоминания об австралийских эвкалиптовых лесах, а также о характерном запахе эвкалипта могут фигурировать в контекстах, связанных с ностальгией или возвращением на родину: (2) *There's nothing like heading home after an overseas trip and seeing the familiar sight of a eucalypt. It is comforting and*

welcoming all at once and not just because it means you're 'home' [Eucalyptus: What's in a name? [электронный ресурс].

В австралийской культуре эвкалипт может выступать символом региональной или национальной идентичности. Эвкалипт шаровидный с 1962 г. является официальным растительным символом штата Тасмания. Образы эвкалипта используются в составе геральдических знаков: в частности, эвкалипт изображен на гербе Австралийской Столичной территории [10]. Эвкалиптовозеленый оттенок был выбран для отделки интерьера в зале заседаний нижней палаты австралийского парламента [9]. Одно из аборигенных наименований эвкалипта (*coolibah*) упоминается в начальных строках неофициального гимна Австралии – песне «*Waltzing Matilda*».

Эвкалипт может служить эталоном силы и способности выживать в трудных условиях; последнее качество имеет высокую престижность в австралийской культуре и входит в состав ядра этнического автостереотипа австралийцев.

Для австралийцев фитоconcept EUCALYPT насыщен положительными оценочными смыслами. В исследованных электронных публикациях характерно использование по отношению к эвкалипту позитивно-оценочных предикатов, выраженными прилагательными *iconic, recognisable, beloved, much-loved, revered*.

Таким образом, можно заключить, что фитоconcept EUCALYPT является одним из значимых концептов в австралийской картине мира, содержание которого отражает условия и особенности развития австралийской лингвокультуры. Результаты проведенного исследования могут быть применены в целях комплексного этноботанического моделирования образа эвкалипта в австралийской культуре, а также использоваться для формирования лингвокультурной компетенции учащихся в рамках преподавания практического английского языка.

Список литературы

1. Аникина Т.В. Словообразовательная структура фитонимической лексики в английском и русском языках // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. №4. С. 3–13.
2. Женевская Е.В. Иконизация флористических концептов в австралийской и новозеландской картинах мира // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013– №1(92). С. 105–110.
3. Колосова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники: этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.
4. Коновалова Н.И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург: Изд-во Дома учителя, 2001. 150 с.
5. Кропотухина П.В. Концептосфера «Мир растений» как объект лингвистического исследования // Педагогическое образование в России. 2014. №6. С. 35–39.
6. Орлов Г.А. Современный английский язык в Австралии. М.: Высшая школа, 1978. 172 с.

7. Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. XIII. Ч. 2. Этноботаника 2: Растения в языке и культур. СПб.: Наука, 2017. 703 с.

8. Green's Dictionary of Slang [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://greensdictofslang.com/entry/7kigfmq> (дата обращения 31.05.2026).

9. House of Representatives FAQs. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://www.aph.gov.au/Help/FAQs/House_of_Representatives_FAQs (дата обращения: 20.04.2026).

10. *Lim R.C.J., Tan H.T.W.* The official biological emblems of Australia. Singapore: National University of Singapore, 2014. 72 p.

Источники

Eucalypt forest fact sheet. Field of Mars EEC [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://fiel dofmar-e.schools.nsw.gov.au/fact-sheets/environments/eucalypt-forest-fact-sheet> (дата обращения: 20.04.2026).

Eucalyptus: What's in a name? [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://australianhiker.com.au/advice/eucalyptus-whats-in-a-name/> (дата обращения: 20.04.2026).

PHYTOCONCEPT 'EUCALYPT' AS PART OF LINGUISTIC WORLDVIEW OF AUSTRALIAN ENGLISH

N.O. Magnes

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

The article addresses the phytoconcept EUCALYPT forming an important part of the vegetal code of Australian culture. Drawing on lexicographical and textual data, the study examines the phytoconcept's vocabulary presentation in Australian English and discusses the cultural and symbolic components of the concept.

Key words: phytoconcept, concept studies, cultural linguistics, Australian English (Strine), linguistic worldview.

УДК 81'23

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО УЧЕБНОГО ТЕКСТА СТУДЕНТАМИ РАЗНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

С.У. Мейсурова, Е.Ю. Мяжкова

Тверской государственный университет, Тверь

Статья посвящена анализу особенностей понимания иноязычного учебного текста с позиции психолингвистической концепции А.И. Новикова. На материале ответов студентов на уточняющие вопросы исследуется успешность выявления денотатов текста и смысловых связей между ними. Результаты показывают, что понимание текста у большинства испытуемых происходит на

уровне определения отдельных денотатов без их объединения в целостную систему смысловых отношений.

Ключевые слова: смысловое чтение, встречный текст, денотативная структура, смысловое понимание текста.

В основе исследования лежит представление о том, что понимание текста представляет собой сложный психолингвистический процесс, в котором задействованы опоры и механизмы смыслообразования. Согласно концепции А.И. Новикова, результатом понимания становится «встречный текст» – система денотатов и связей между ними, отражающая модель описываемой ситуации в тексте [Новиков 1983; Новиков 2003, с. 65]. При анализе понимания текста важно различать содержание и смысл: содержание отражает авторскую логику текста и соотносится с денотативным уровнем отражения, тогда как смысл формируется в результате его интерпретации читателем [Пешкова 2006, с. 155]. Заметим, что в контексте описываемого исследования речь пойдет о смысловом чтении иноязычного, а не русскоязычного текста, что само по себе представляет дополнительную трудность. В этом случае реципиенту необходимо не только распознавать и соотносить денотаты и связи между ними, но и одновременно преодолевать языковые трудности, связанные с недостаточной автоматизированностью грамматических структур, небогатым словарным запасом и необходимостью постоянного переключения между языковыми системами.

В рамках исследования была выдвинута гипотеза о возможном влиянии характера учебной подготовки на восприятие текста. Можно предположить, что студенты естественно-научных направлений точнее выделяют фактуальную информацию по тексту, тогда как студенты-лингвисты успешнее устанавливают смысловые связи между денотатами. На этом этапе сопоставлялись результаты обучающихся разных направлений.

Цель исследования состояла в выявлении особенностей понимания иноязычного учебного текста студентами различных направлений подготовки (на основе анализа их ответов на уточняющие вопросы) и определении того, насколько успешно в сознании учащихся при чтении текста формируется денотативная структура текста.

Материалом исследования послужил учебно-публицистический текст уровня B1–B2 [CEFR], объемом 127 слов, содержащий 11 предикативных единиц и 20 ключевых денотатов; письменные ответы 81 студента 1 и 4 курсов лингвистического и естественно-научного направлений ТвГУ на задания по пересказу УТ (70 ответов), определению его главной идеи (66 ответов), а также ответы на уточняющие вопросы (341 ответ в совокупности). Текст был посвящен важности письма от руки в эпоху цифровых технологий (“Why handwriting is important”) [New in levels].

Уточняющие вопросы – *What is implied by academic success according to the text? What mechanism helps children connect letters with sounds? Name two things mentioned in the text which help to develop brains and prove more beneficial than phones.* – проверяли, насколько успешно обучающиеся определяют отдельные

смысловые элементы/денотаты, как точно извлекают фактуальную информацию в явном или имплицитном формате. Одновременно вопросы *In today's world, how do children write? Imagine handwriting is banned in class. What downsides do you think students might face?* выявляли, насколько успешно испытуемые видят связи между смысловыми единствами. Так, первый упомянутый вопрос касался важного для текста противопоставления – письмо от руки (handwriting) или же набор текста с помощью электронных устройств (экранов телефонов, клавиатур, иных гаджетов). Второй – тестировал на прослеживание причинно-следственной и процессуальной связей между денотатами текста: письмо от руки связано с функциональным развитием мозга, с памятью. Память, в свою очередь, как механизм, влияет на способность соединять буквы со звуками, тогда как разборчивое письмо приводит к более высоким учебным результатам по любым предметам, что еще раз подчеркивает существенную роль практики письма от руки у детей младшего возраста. Отметим, подобные микро-вопросы имели цель помочь учащимся уточнить содержание и главную идею текста.

Анализ результатов показывает, что даже явно представленные в тексте денотаты не всегда успешно извлекаются учащимися. Так, лишь 12–19 % студентов (всех групп) смогли перечислить по тексту два объекта (pencil и paper), которые, в отличие от телефонов, способствуют когнитивному развитию мозга. Это свидетельствует о трудностях в фиксации даже эксплицитной информации. Имплицитные элементы текста также улавливались с относительной успешностью. Если связь денотата *academic success* с *better grades* была понятна многим – а именно, лингвистам 1 (30,8 %) и 4 курса (37,5 %), то значительно худшими оказались результаты на выявление механизма, играющего ключевую роль в соединении звуков и букв. Денотат *memory* не был выявлен практически ни в одной группе (0–2,2 %). Это указывает на то, что навык определения причинно-следственных связей недостаточно сформирован у обучающихся. В то же время, прослеживание ключевого противопоставления (*typing vs handwriting*) улавливалось значительно лучше. От 60 до 80 % студентов ответили верно, что закономерно, поскольку эта связь занимает центральное место в тексте и лежит на поверхности его содержания. Задание на установление причинно-следственных связей и на прогнозирование последствий воображаемой ситуации (*Imagine handwriting is banned in class...*) также показало неоднозначную картину. Большинство студентов (в диапазоне от 15,6 % до 50 %) были склонны к произвольному смысловому достраиванию текста вместо опоры на уже имеющуюся информацию, которую можно было просто развернуть в «зеркальном» виде (академический неуспех, плохая память, неразборчивое письмо, функциональные нарушения в развитии). Результаты анализа по всем заданиям к тексту представлены в виде таблицы (табл.1).

Таблица 1. Результаты по уточняющим вопросам в процентном соотношении

Показатель	Иняз 1	Иняз 4	Биофак 1	Биофак 4
academic success (better grades)	30,8 %	37,5 %	21,7 %	3,1 %

mechanism (memory)	0 %	0 %	2,2 %	0 %
pencil & paper	17,3 %	12,5 %	13 %	18,8 %
how do children write?	73,1 %	81,3 %	60,9 %	71,9 %
imagine (meaning / content)	36,5 % / 15,4 %	50 % / 50 %	17,4 % / 23,9 %	15,6 % / 3,1 %

Таким образом, гипотеза о возможном влиянии характера учебной подготовки на восприятие текста оказалась не полностью подтвержденной. На практике студенты обоих профилей подготовки столкнулись со схожими трудностями. Даже эксплицитно представленные элементы содержания (pencil & paper) идентифицировались не всеми (12–19 %), а причинно-следственные связи и вовсе оставались не распознанными (связь памяти со звуками и буквами – 2,2 %). Следовательно, можно говорить о том, что у протестированных студентов 1 и 4 курса лингвистического и естественно-научного направлений денотативная структура текста формируется на уровне разрозненных смысловых единиц: они выделяют отдельные денотаты, но не объединяют их в целостную систему связей. Так, восприятие УТ скорее носит линейный, перечислительный характер, без установления причинно-следственных и логических отношений между элементами.

Список литературы

1. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 215 с.
2. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64-76.
3. Пешкова Н.П. Психолингвистика текста: теория смысла А.И. Новикова // Языковое бытие человека и этноса. психолингвистический и когнитивный аспекты. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, Московский государственный лингвистический университет, 2006. С. 152–159.

Источники

CEFR – Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. URL: <https://rm.coe.int/commoneuropean-framework-of-reference-for-languages-learning-teaching/16809ea0d4> (дата обращения: 16.03.2025).

News in levels. Why is handwriting important? URL: clck.ru/3SmHZb. (дата обращения: 17.03.2026).

PECULIARITIES OF FOREIGN-LANGUAGE ACADEMIC TEXT COMPREHENSION AMONG STUDENTS OF DIFFERENT FIELDS OF STUDY

S.U. Meysurova, E.Y. Myagkova

Tver State University, Tver

The study investigates foreign-language text comprehension through A.I. Novikov's psycholinguistic framework. Drawing on students' responses to follow-up questions, it analyses the identification of textual denotata and their semantic relations. The results reveal a fragmented denotative structure and limited engagement in meaning-making processes.

Key words: meaningful reading, counter-text, denotative structure, text comprehension.

УДК 81'33

СЕНТИМЕНТ-АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

А.Ю. Мельникова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

В работе рассматриваются возможности проведения сентимент-анализа художественного текста (на примере рассказа Ф.М. Достоевского «Елка и свадьба») с использованием тональных словарей и нейросетей как дополнительных средств, помогающих иностранным студентам-филологам проверить и систематизировать свои результаты лингвистического анализа, освоить терминологию и сформулировать собственные выводы.

Ключевые слова: лингвистический анализ, художественный текст, сентимент-анализ, нейросеть, тональный словарь.

При чтении аутентичных текстов художественной литературы XIX века у иностранных учащихся продвинутого уровня (Б1–Б2) возникает много трудностей, связанных с большим количеством многозначных слов, устаревшей, диалектной, просторечной лексики. Особенную трудность с точки зрения понимания ключевого смысла произведения представляет анализ эмотивного пространства текста, т. е. совокупности всех средств с эмоциональной окраской на разных уровнях языка (фонетическом, морфемном, морфологическом, лексическом, синтаксическом), с помощью которых автор передаёт эмоции, чувства как свои собственные, так и персонажей, выражает своё отношение, мысли, воздействует на читателя, вызывает в нём когнитивный отклик. Задача преподавателя в этом случае – «организовать учебную деятельность таким

образом, чтобы интерпретация иностранного студента в совокупности с эмоционально-оценочным фоном была адекватна восприятию текста носителем языка [7, с. 144].

В качестве материала может быть взят рассказ «Елка и свадьба» Ф.М. Достоевского, отличающийся особенным психологизмом, богатством эмоционально-окрашенных средств, синтезом жанровым традиций, резко-оценочным изображением меркантильного и лицемерного мира взрослых [3, с. 98].

После предтекстовой работы, направленной на понимание незнакомой лексики, особенностей эмотивов, учащиеся переходят к притекстовой работе, т. е. медленному чтению и выделению ключевых слов, данных в заглавии и далее в каждом абзаце текста. На этапе послетекстовой работы задаются вопросы на понимание основного содержания, предлагается пересказать текст по составленному плану, а затем более точно анализируются концептуальное и эмотивное пространства текста. Для этого учащиеся ещё раз читают текст и находят в речи персонажей и рассказчика на разных языковых уровнях как вербальные особенности эмотивных лексем в составе микротекстов (выражающих эмоциональное состояние субъекта) и вкраплений (как комментариев субъекта о своих или чужих эмоциях), так и невербальные средства передачи чувств и эмоций (жесты, мимика, телодвижения, изменение цвета лица). Все средства заносятся в сопоставительную таблицу образов (девочка, мальчик, Юлиан Мастакович, хозяин, рассказчик). В результате послетекстового анализа выделяются три мира как «эксплицируемые зоны кластерных эмоций», формирующих концепты [8, с. 37]: мир детства (радость, наивность, чистота), пограничный мир жертв (страдание: страх, тревога, боль, обида, одиночество и др.), мир *больших*, или взрослых: злоба, ненависть, ревность, зависть, алчность и др. (*Достоевский*). Выявление эмотивных единиц позволяет найти эмоциональную доминанту художественного текста – ведущую эмоцию, фиксированную в тексте [4, с. 138]. Ей становится чувство страдания (депрессии) как сильное негативное постоянное переживание по причине комплекса угнетающих чувств и эмоций (одиночества, страха и пр.).

Для проверки полученных результатов и ответов на вопросы, касающиеся лингвистического анализа (какое значение, оценку, ассоциацию имеет то или иное ключевое слово), иностранным студентам может быть предложено использовать не только толковые, этимологические и др. онлайн-словари, но и тональные словари (*РусСентиЛекс* [6], построенного путём ручной разметки, и *КартаСловСент* [5], созданный с помощью краудсорсинга), в которых, отдельные лексемы, как правило, имеют числовое положительное, отрицательное или нейтральное значения [1]. К примеру, обращение к тональным словарям помогает понять семантику и ассоциативный потенциал слова *юлить*, как ключевого слова, созвучного имени главного героя (Юлиан) и имеющего негативную оценку (NGTV): *юлить (хитрить): хитрость (поступок) – ассоц2 выманить (получить), ассоц2 перехитрить, ассоц2 хитрый человек (лис, лиса, хитрая лиса, хитрец, хитрый лис, хитрый человек, хитрюга); заискивать (говорить заискивающе, егозить, заигрывание, заигрывать, заискивание,*

заискивать, лебезить, сказать заискивающе, хвостом вилять, юлить); льстить, хвалить из лести, подлизываться; угодничать; выслуживаться (РуСентиЛекс). Студент отправляется в «путешествие» по ассоциативно-вербальной сети, где каждое слово требует отдельного перевода на родной язык, но в результате создаётся эмотивный «образ» лексемы, а вместе с ним и образ Юлиана Мастаковича (обманщика, лицемера, хитреца, льстеца и т.д.). Учащимся нужно выписать как можно больше его характеристик как героя рассказа.

К сожалению, простая оценка контекста по сумме коннотативных значений отдельных лексем уступает в точности работы генеративному искусственному интеллекту, который оценивает словосочетания и умеет распознавать различные значения отдельных лексем [2, с. 90]. В этой связи для поиска и проверки семантики слов с учетом контекста могут использоваться нейросети (*Алиса AI, GigaChat, Chat GPT-5* и др.), позволяющие найти, собрать и систематизировать средства, репрезентирующие эмотивное пространство текста, при необходимости визуализировать его в виде таблиц, схем, инфографики.

С помощью запросов нейросетей студенты могут постараться найти языковые особенности текста, обсудить с преподавателем, исправить при необходимости ошибки и перейти к пониманию образной системы произведения и его идеи. Например: *Найди средства, показывающие фонетические / морфемные / морфологические / лексические / синтаксические особенности эмоционально-окрашенных слов в тексте. Представь данные в таблице* (далее отправляется текст для поиска). Важно запрашивать именно поиск средств и примеров (требующих последующей тщательной проверки), а не анализ текста с приведением выводов, поскольку собственно лингвистический анализ, поиск ассоциаций, путей интерпретации, концептов и смысла текста нейросеть провести не сможет, а значит, он должен оставаться за читателем, т. е. учащимся.

Если говорить о фонетических особенностях эмоционально-окрашенных слов, то в первую очередь при чтении текста обнаруживается характерная аллитерация: *«Пошел, пошел (отсюда), пошел (!)», «Пошел (в залу!)», «Пошел туда, к своим сверстникам!» «...Никак невозможно-с. Я справлялся: вакансии нет...»; «Шалун большой». В речи хозяина также встречается подобного рода ассонанс и аллитерация: «Очень жаль, очень жаль... – Жаль-с»; зашептались; «кто-то зашумел в дверях». Повторяются шипящие, а также свистящие и жужжащие звуки, вызывающие неприязнь, ассоциативно создающие образ насекомых или змей (пресмыкающихся), который подкрепляется сведениями о художественном пространстве, метафорически воплощённом в образе подземного мира животных: множество нор, соединённых узкими подземными переходами.*

Ниже приведена таблица, в которой сравниваются результаты поиска приёма аллитерации, участвующего в передаче эмоций и создании образов, с помощью запросов, обращённых к нейросетям.

Таблица 1. Сравнение результатов поиска аллитерации

Алиса AI	GigaChat	Chat GPT-5
Аллитерация: «Он вы́нул свой длѐнный батѝстовый плато́к и на́чал им выхлѣ́стывать из-под стола́ ребѐнка» (повтор [л], [н], [т]). Повтор звуков и слов «Пошѐл, пошѐл, пошѐл!» усиливает настойчивость, раздражение, создаѐт эффект назойливости. «Очень жаль, очень жаль...» (повтор фразы) подчѐркивает лицемерие Юлиана Маѝтаковича, его формальное сочувствие. «Зашумѐл в дверѝх» ([ш] – имитация шороха передаѐт звук движения.	Повторение звуков [ш], [щ], [ст] создает ощущение шипения, угрозы и неприятного, резкого звука ударов. «Тѐперь он стоя́л в разду́мье и как бу́дто что-то рассчи́тывал по па́льцам. – Три́ста... три́ста, – шепта́л он» Звукосочетания [ст], [тр], [сч] имитируют щелканье костяшек счетов или стук печатной машинки, лишая сцену какой-либо душевности и сводя брак к финансовой операции. «Пошѐл, что здесь де́лаешь, пошѐл, негóдник, пошѐл! Ты здесь фру́кты таска́ешь, а? Ты здесь фрукты́ таска́ешь?» Повторение звуков [ш], [щ], [ст] создает ощущение шипения, угрозы и неприятного, резкого звука ударов.	Наличие повторяющихся звуков создает ритмичность и мелодичность, что усиливает эмоциональную окраску (например, «ду́шенька», «ми́лое дитя́»). Персонажи демонстрируют резкие изменения интонации в зависимости от эмоционального состояния – от радости до гнева. Например, резкие реплики «Пошѐл, пошѐл отсю́да!» создают эффект внезапного всплеска эмоций.

Сопоставительный анализ, полученный на основе самостоятельного анализа в аудитории и данных искусственного интеллекта, позволяет сделать вывод, что на данный момент нейросети нуждаются в лингвистическом обучении, так как в результатах содержится большое количество ошибок. К примеру, названия терминов даются точно, но примеры, интерпретация (эффект, передаваемые эмоции / образы) – с ошибками. Лучше всего справилась нейросеть GigaChat, так как отразила использование в тексте шипящих звуков с целью передачи эффекта шипения и ощущения угрозы. Вместе с тем нейросети помогают учащимся повторить сложную для запоминания терминологию (ассонанс, аллитерация и другие) для дальнейшего продуцирования письменного лингвистического анализа, сравнить и оценить данные нейросетей со своими результатами, полученными во время притекстовой и послетекстовой работы. А значит, анализ генеративных данных, проводимый под контролем и руководством преподавателя, может быть полезен, так как развивает лексический, терминологический запас студентов-филологов, способствуя совершенствованию языковой подготовки и критического мышления на неродном языке.

Список литературы

1. *Большакова И.А., Лагутина К.В.* Автоматическая классификация текстов на русском языке с помощью тонального словаря // Заметки по информатике и математике: сб. науч. ст. Вып. 14. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2022. С. 6–13.
2. *Горожанов А.И.* Сентимент-анализ новостных текстов: к проблеме выбора технических решений // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: Сборник научных трудов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2025. С. 87–92.
3. *Ермоленко С.И., Сергеева И.С.* «Елка и свадьба» Ф. М. Достоевского: синтез жанровых традиций // Филологический класс. 2017. №2 (48). [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elka-i-svadba-f-m-dostoevskogo-sintez-zhanrovyyh-traditsiy> (дата обращения: 09.06.2026).
4. *Катермина В.В.* Эмоции в художественном тексте // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2015. № 32. С. 134–139.
5. *Кулагин Д.И.* Открытый тональный словарь русского языка КартаСловСент // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2021), Москва, 16–19 июня 2021 года. Выпуск 20. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. С. 1106–1119. DOI 10.28995/2075-7182-2021-20-1106-1119.
6. *Лукашевич Н.В., Левчик А.В.* Создание лексикона оценочных слов русского языка РуСентилекс // Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем. 2016. №. 6. С. 377–382.
7. *Сабина А.А.* Художественный текст в иноязычной аудитории: этап восприятия и интерпретации // Вестник ТГУ. 2009. №4. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-tekst-v-inoazychnoy-auditorii-etap-vozpriyatiya-i-interpretatsii> (дата обращения: 20.06.2026).
8. *Шаховский В.И.* Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. №9. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsii-kak-obekt-issledovaniya-v-lingvistike> (дата обращения: 22.06.2026).

Источники

- Алиса AI. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://alice.yandex.ru/chat> (дата обращения 11.08.2026).
- Достоевский Ф. М.* Повести и рассказы: сборник. М.: АСТ, 2021. 317 с.
- КартаСловСент: открытый тональный словарь русского языка [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://research.kartaslov.ru/> (дата обращения 11.08.2026).

РусСентиЛекс: лексикон оценочных слов русского языка [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.labinform.ru/pub/ruthes/te/29/001/158164.htm> (дата обращения 11.08.2026).

Chat GPT-5. [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://chatgptrussia.com> (дата обращения 11.08.2026).

GigaChat. [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://giga.chat> (дата обращения 11.08.2026).

SENTIMENT ANALYSIS OF LITERARY TEXT FOR TEACHING FOREIGN STUDENTS

A.Y. Melnikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article explores the possibilities of sentiment analysis of literary texts using tonal dictionaries and neural networks, which help international students of philology verify and systematise their linguistic analysis results, learn the relevant terminology and write conclusions.

Key words: linguistic analysis, literary text, sentiment analysis, neural network, tonal dictionary.

УДК 81'255

МОЗАИКА СМЫСЛОВ: КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ РАСПОЗНАВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ

М.В. Метелев

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград

Данная работа посвящена рассмотрению когнитивных основ распознавания значения в процессе перевода широкозначных абстрактных существительных. В исследовании обосновывается необходимость выделения концептуального основания, детерминирующего выбор переводческого соответствия в зависимости от ряда факторов: узкого и широкого лингвистического контекста, экстралингвистического контекста, фоновых знаний и опыта переводчика.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, переводоведение, лексическое значение, концептуальное основание, абстрактные существительные.

За последние несколько лет интегрирование различных методов, используемых в проведении когнитивных исследований, в переводоведение внесло значительный вклад в развитие понимания природы такого сложного процесса, как перевод. На сегодняшний день, в частности, когнитивная теория перевода является одним из наиболее динамично развивающихся научных направлений в рамках науки о переводе. В данной работе предлагается рассмотреть возможность применения когнитивного подхода к распознаванию

лексического значения на примере анализа абстрактных широкозначных существительных английского языка.

Возникновение когнитивного переводоведения во многом обусловлено необходимостью разработки новых методов анализа языкового материала и интерпретации ментальных процессов, сопровождающих акт перевода, тем самым расширяющей представление о взаимосвязи языка и мышления. Когнитивная теория перевода определяет перевод как когнитивную деятельность, зависящую от знаний и опыта переводчика. Подтверждением динамичности развития данного направления науки о переводе является появление большого количества научных исследований, как отечественных переводоведов, так и зарубежных [1], [8], [10], [11]. В рамках когнитивной парадигмы предметом исследований зачастую становятся изучение ментальных репрезентаций, когнитивных культурных моделей, фоновых знаний и опыта переводчика [3], [13].

К задачам, которые решает когнитивное переводоведение относят: анализ когнитивных процессов, изучение ментальных механизмов и стратегий, которые используются переводчиками при выполнении переводческих задач; исследование восприятия и понимания языка, анализ того, как переводчики воспринимают и понимают текст на исходном языке, а также как эта интерпретация влияет на когнитивные процессы при создании перевода; изучение роли культурных аспектов, иначе говоря влияния культурных факторов на процессы перевода и понимание того, как когнитивные факторы взаимодействуют с культурными особенностями; разработка новых методов обучения, создание эффективных методов обучения переводчиков, учитывающих когнитивные аспекты процесса перевода; оптимизация технологий машинного перевода, применение результатов исследований в области когнитивного переводоведения для улучшения алгоритмов машинного перевода и создания более точных и естественных переводов [2], [6].

Одной из наиболее интересных проблем в рамках осуществления перевода, является идентификация и актуализация лексического значения слова в условиях перевода. В этом плане особую сложность не только у начинающих, но и у переводчиков профессионалов вызывает идентификация лексического значения слова, в частности, при переводе широкозначных абстрактных существительных. Это в свою очередь свидетельствует о необходимости разработки механизма анализа, призванного оптимизировать процесс идентификации широкозначных абстрактных существительных во время перевода.

Под широкозначностью понимается особый вид многозначности, при котором у слова развивается неограниченное количество значений, вследствие чего данный тип лексики вызывает значительные трудности в процессе перевода [7]. Английские существительные характеризуются высокой степенью абстрактности и, как следствие, большей степенью сочетаемости. В процессе перевода у широкозначных существительных могут возникать контекстуальные значения, которые являются окказиональными и актуализируются лишь в данном типе контекста.

Задача распознавания значения в процессе перевода широкозначных существительных усложняется в разы, когда речь заходит об абстрактных существительных, так как связи и отношения, передаваемые абстрактными существительными, принципиально не наблюдаемы, а их выделение отражает степень познания мира, которая является более высокой по сравнению с той, что отражает познание физически наблюдаемых объектов. Понятие абстракции трудно объяснимо не только с точки зрения лингвистической семантики; зачастую оно неоднозначно, а потому является подходящим материалом для рассмотрения через призму когнитивного знания [4], [9].

Таким образом, особое значение приобретает навык перевода и интерпретации широкозначных абстрактных существительных, а также формирование представления у переводчика о наличии определенного когнитивного инварианта или концептуального основания, которые составляют основу лексикализованного концепта, т.е. слова. Именно концептуальное основание чаще всего вербализуется в переводе, принимая различные формы в зависимости от ряда факторов: узкого лингвистического контекста, широкого лингвистического контекста, экстралингвистического контекста, фоновых знаний и опыта переводчика. Необходимо понимать, что структура концепта, лежащего в основе значения широкозначного абстрактного существительного представляет собой ядро, включающее значимые и устойчивые признаки концепта и периферию (вариабельные признаки). Следует подчеркнуть, что в процессе перевода могут вербализоваться как центральные, так и периферийные признаки концепта. При этом именно периферия чаще всего служит отправной точкой для формирования у слова новых значений [5].

Для того чтобы продемонстрировать подход к выделению концептуального инварианта, на основе которого может формироваться текст перевода, рассмотрим особенности перевода широкозначного абстрактного существительного *manipulation*. Выбор данного существительного был детерминирован тем, что оно является высокочастотным существительным английского языка и встречается в разных типах контекста. Существительное *manipulation* является одновременно абстрактным и широкозначным существительным. Приведённые ниже примеры были отобраны из лингвистического корпуса Sentence Stack [12]:

- It is a method based purely on **manipulation** of people wants and desires/ Это метод, основанный исключительно на **манипулировании** желаниями и потребностями людей.
- Trading at higher volumes gives institutional investors influence over the **manipulation** of market prices/ Ведение торговли в больших объемах предоставляет институциональным инвесторам возможность **регулирования** рыночных цен.
- Already, whether by **manipulation** or accident, you're taking orders from his heart, not yours/ Уже сейчас, будь то **намеренно** или нет, вы исполняете приказы от его имени, а не от своего.

- All the systems decisions are made here, making it vulnerable to hacking and **manipulation**/Все решения в системе принимаются здесь, что делает ее уязвимой для взлома и **мошенничества**.

- Most people pick the easy route, especially when encouraged by words of **sweet manipulation**/ Большинство выбирают легкий путь, особенно когда на это их **сподвигают сладкой лестью**.

В ходе проведения дефиниционного и концептуального анализа были выявлены концептуальные признаки verbal/non-verbal impact; hidden intent; personal gain, которые составляют основу когнитивного инварианта «deliberate impact intending to achieve a desired outcome».

В процессе перевода широкозначных английских существительных с английского языка на русский навык выделения когнитивного инварианта на наш взгляд является крайне важным, так как переводчик актуализирует то или иное значение абстрактного существительного именно на основе концептуального инварианта, лежащего в основе значения, и вербализует его, принимая во внимание особенности узкого лингвистического контекста, широкого лингвистического контекста, а также собственных фоновых знаний и широкой прагматики контекста.

Список литературы

1. *Болдырев Н.Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С.10–20.

2. *Болдырев Н.Н.* Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография / науч. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 19–81.

3. *Боярская Е.Л.* Полисемия и когнитивный контекст // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2014. С. 265–271.

4. *Вольская Ю.А.* Создание словаря абстрактных существительных в русском языке: критерии отбора лексики // Филология и культура. Казань: Изд-во Казанского федерального ун-та, 2020. С. 38–44.

5. *Заботкина В.И., Боярская Е.Л.* Открывая невидимое: проблема перевода феноменологических лакун // Слово. ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, № 1.

6. *Кушникова Л.В.* Синергия языков и культур в пространстве перевода // Филология в контексте коммуникации и современной культуры: материалы Международного филологического конгресса. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. С. 220–227.

7. *Никитин М.В.* Полисемия на пределе (широкозначность) // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. / М.В. Никитин; под ред. Е.С. Кубряковой. Тамбов: Издательство ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 102–103.

8. *Сулейманова О.А.* Переводческий тренинг: синтаксические трансформации в русско-английском переводе: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / О.А. Сулейманова, Л.А. Борботько, Е.Л. Федорова. Т. Ч. 1. М.: Языки Народов Мира, 2017. 186 с.

9. Чернейко Л.О. Лингво-философский абстрактный анализ имени. М.: Либроком, 2018. 272 с.
10. Gambier Y., Doorslaer L.V. Border Crossings: Translation Studies and Other Disciplines. Amsterdam: John Benjamins, 2016. P. 382.
11. Pym A. Exploring Translation Theories. NY: Routledge, 2014. 292 p.
12. Sloman S.A., Love B.C., Ahn W. Feature Centrality and Conceptual Coherence // Cognitive Science / S. A. Sloman, B. C. Love, W. Ahn. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1998. Vol. 22. № 2. pp. 189–228.

Источники

SentenceStack: сайт. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.englishcorpora.org/bnc> (дата обращения: 27.05.2026).

COGNITIVE FOUNDATIONS OF LEXICAL MEANING RECOGNITION IN TRANSLATION

M.V. Metelev

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград

This paper examines the cognitive foundations of lexical meaning recognition in the translation of polysemous abstract nouns in modern English. The study argues for the necessity of identifying a conceptual basis that determines the choice of translation equivalent depending on a range of factors: narrow linguistic context, broad linguistic context, extralinguistic context, as well as the translator's background knowledge and experience.

Key words: cognitive linguistics, translation studies, lexical meaning, conceptual basis, abstract nouns.

УДК 811.161.1+811.161.3

ВТОРИЧНАЯ НОМИНАЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: МЕТАФОРЫ В РАМКАХ КОНЦЕПТА «МУЗЫКА» В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX-XX ВВ.

Е.В. Михайлова

*УО «Белорусский государственный педагогический университет имени
Максима Танка», Минск*

Данная работа посвящена процессу вторичной номинации в произведениях русских и белорусских поэтов XIX–XX вв., а именно – субстантивным метафорам. Такие метафоры распределяются по разным семантическим сферам – «Природа», «Музыка», «Эмоции и чувства» и другим – и передают особенности индивидуального стиля поэтов.

Ключевые слова: вторичная номинация, поэтический текст, концепт «музыка», русская и белорусская поэзия XIX–XX вв., метафора.

В современной лингвистике исследование изобразительно-выразительных средств занимает значительное место. Такие средства являются важным элементом идиостиля автора, передают особенности его мировоззрения и миропонимания.

Наше исследование концепта «музыка» в русской и белорусской поэзии XIX–XX вв. выполняется на материале произведений И.Ф. Анненского, А.А. Ахматовой, А.А. Блока, В.Я. Брюсова, Н.С. Гумилева, С.А. Есенина, А.С. Пушкина, О.А. Седаковой, В.Ф. Ходасевича, М.И. Цветаевой; М.А. Богдановича, Ф.К. Богушевича, К.А. Буйло, А. Гаруна, В.А. Жилки, Я. Коласа, Я. Купалы, Тетки, П.А. Труса.

Метафора – «...троп, использование слова в переносном значении» [4, с. 121]. Разновидностями метафоры являются симфора, олицетворение, персонификация. Субстантивные метафоры «...являются важным средством художественной выразительности, элементом ментального пространства, через которое автор раскрывает художественную идею. ... Такие метафоры репрезентируют практически все основные семантические сферы, которые распределяются по фреймам, связанным с наименованиями человека (по роду его деятельности, интеллектуальных, эмоциональных, морально-этических и многих других признаков) и его частей, животных, предметов и артефактов, природных явлений, растений, ценных камней и металлов, небесных светил...» [6, с. 10–11]. Субстантивные метафоры в русской и белорусской поэзии XIX–XX вв. распределяются по различным семантическим сферам. У А.А. Ахматовой это следующие сферы: «**Музыка**» («А когда, сквозь волны фимиама, // Хор гремит, ликуя и грозя...» [1, т. 1, с. 25], «Звенела музыка в саду // Таким невыразимым горем» [1, т. 1, с. 47], «А скорбных скрипок голоса // Поют за стелющимся дымом...» [1, т. 1, с. 47] (пение хора, звон музыки, голоса скрипок) и др.); «**Любовь**» ([любовь] «Умеет так сладко рыдать // В молитве тоскующей скрипки» [1, т. 1, с. 25], «Любовь покоряет обманно // Напевом простым, неискусным» [1, т. 1, с. 27] и др.); «**Эмоции и чувства**» («И звенела и пела отравно // Несказанная радость твоя» [1, т. 1, с. 67] и др.) и др. Эти три сферы тесно переплетаются. Метафоры у А.А. Ахматовой лишены абстрактности или пышности, они сдержанные, конкретные, делают переживания и чувства зримыми и осязаемыми, поэтесса заменяет философские рассуждения бытовыми деталями. Данные тропы никогда не нарушают общей логики поэтического текста. У С.А. Есенина представлено много семантических сфер: «**Природа**» («Поет зима – аукает, // Мохнатый лес баюкает // Стозвоном сосняка» [2, т. 1, с. 41], «И звенит придорожными травами // От озер водяной ветерок» [2, т. 1, с. 45], «Звонки ветры панихидную поют» [т. 1, с. 52], «В роще по березкам белый перезвон» [2, т. 1, с. 53] и др.); «**Предметы**» («Дуга, раскалываясь, пляшет, // То выныряя, то пропав...» [2, т. 1, с. 46], «Колокольчик среброзвонный, // Ты поешь? Иль сердцу снится?» [2, т. 1, с. 90], «Запели тесаные дроги...» [2, т. 1, с. 91] и др.); «**Эмоции и чувства**» («Мне навстречу, как сережки, // Прозвенит девичий смех» [2, т. 1, с. 68], «Грустная песня, ты – русская боль» [2, т. 1, с. 77] и др.); «**Музыка / Литература**» («Песни, песни, о чем вы кричите?» [2, т. 1, с. 125], «Есть одна хорошая песня у соловушки – // Песня панихидная по моей

головушке» [2, т. 1, с. 199], «Дальний плач тальянки, голос одинокий...» [2, т. 1, с. 209] и др.) и др. Метафоры С.А. Есенина опираются на народное творчество и олицетворение природы. Их особенностями являются антропоморфизм (природа живет человеческой жизнью), зооморфизм (при описании окружающего мира используются образы животных), религиозные или бытовые мотивы (средством описания мироздания становятся крестьянские предметы или библейские образы). У Якуба Коласа превалирует семантическая сфера «**Природа**», очень часто это ветер, который поет грустные песни: [вецер] «То заплача, заспявае, // То па стрэсе прабяжыць» [5, т. 1, с. 23], «Ой ты, вецер, не шумі, // Не спявай так нудна!» [5, т. 1, с. 37], «Не шумі ты, лес высокі, // Нудных песень не спявай...» [5, т. 1, с. 48], «Вясна прыйдзе маладая, // Ёсцюды песні панясуцца» [5, т. 1, с. 59] и др.; ярко представлена и сфера «**Музыка / Литература**»: «Ў ціхі вечар над табою // Дудка плакала не раз, // І кацілася слязою // Песня ў ранні летні час» [5, т. 1, с. 25], «Бомы стогнуць і звіяць» [5, т. 1, с. 57], «Ты злажы нам песню волі // Песняй шчасця залівайся, // Ціхім спевам нівы ў полі // Ў струнах сэрца адклікайся...» [5, т. 1, с. 69], «За гарою ціха-ціха // Песні заміраюць» [5, т. 1, с. 74] и др.) и др. Метафоры Я. Коласа соединяют бытовые описания и философские рассуждения. Поэт одушевляет окружающий мир, пейзажи наполнены у него человеческими эмоциями и чувствами, его метафоры отличаются реалистичностью и психологизмом. У белорусского поэта А. Гаруна (А.В. Прушинского) наиболее представительны следующие семантические сферы: «**Природа**» («Дзе ж вы, ніўкі родныя // І дубовы шум? // Заспявайце голасна, // Каб пазнаў, пачуў» [4, с. 51] и др.); «**Музыка / Литература**» («Хоць прастая і малая // “Жалейка” твая [Янки Купалы – Е.М.], // Але надта пекне грае, // Як паслухаў я» [4, с. 35], «Жаль з нудой заплачуць, глуха як зайграю... // Маю я скрыпіцу, а душы – не маю!» [4, с. 65], «Сваіх тут жменьку я спісаў // Маркотных песняў-дум; // Маёй душы іх сам спяваў // Па краю родным сум» [4, с. 77] и др.) и др. А. Гарун использовал яркие романтические образы, новаторские олицетворения, создавая произведения, в которых выражен национально-культурный компонент. Описывая духовный мир человека, он формировал сдержанные, вдумчивые, элегичные метафоры.

В целом процесс вторичной номинации в русской и белорусской поэзии XIX–XX вв. осуществляется так, что на характере метафоризации отражаются как особенности литературного направления (акмеизма у А.А. Ахматовой, новокрестьянской поэзии – у С.А. Есенина, реализма – у Якуба Коласа и т.д.), так и индивидуальные характеристики стиля поэтов.

Список литературы

1. *Ахматова А.А.* Сочинения: в 2 т. М.: Цитадель, 1997. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 448 с.; Т. 2: Стихотворения разных лет. Проза. Письма. 432 с.
2. *Есенин С.А.* Собрание сочинений: в 3 т. М.: Правда, 1983. Т. 1: Стихотворения (1910–1925). 432 с.; Т. 2: Поэмы. Стихотворения, не вошедшие в основное собрание (1910–1925). Отрывки, наброски, экспромты, шуточные стихи. 400 с.

3. *Гарун А.* Выбранные творы; уклад., прадм., камент. У. Казберука. Мінск: Беларус. кнігазбор, 2003. 448 с.
4. *Иванюк Б.П.* Поэтическая речь: словарь терминов. М.: Флинта : Наука, 2007. 312 с.
5. *Колас Я.* Збор твораў: у 14 т. Мінск: Маст. літ., 1972–1978. Т. 1: Вершы. 1898–1917 гг. 1972. 552 с.; Т. 2: Вершы. 1917–1956 гг. 1972. 560 с.; Т. 3: Апавяданні вершам, вершы, вершаваныя казкі, паэмы для дзяцей і народныя казкі ў апрацоўцы Я. Коласа. 1973. 400 с.
6. *Старычонак В.Д.* Мнагазначнасць слова ў беларускай мове. У 3-х кн. Кн. 3. Другасныя намінацыі ў мастацкім дыскурсе. Мінск: Колорград, 2017. 301 с.

SECONDARY NOMINATION IN POETIC TEXT: METAPHORICAL IMAGES OF MUSIC IN RUSSIAN AND BELARUSIAN POETRY OF THE 19TH–20TH CENTURIES

E.V. Mikhailova

Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, Minsk

This paper examines secondary nomination in Russian and Belarusian poetry of the 19th–20th centuries, focusing on nominal metaphors. These metaphors fall into different semantic fields – “Nature,” “Music,” “Emotions and Feelings,” and others – and reflect the individual style of each poet.

Key words: secondary nomination, poetic text, concept of music, Russian and Belarusian poetry of the 19th–20th centuries, metaphor.

УДК 81'27:398.9=352.3

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АДЫГСКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР)

C.P. Musa

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена сопоставительному аспекту функционирования адыгских английских и итальянских паремий. В статье подчеркивается, что пословицы и поговорки являются культурно-историческим наследием этноса.

Ключевые слова: адыгские паремии, английские паремии, итальянские паремии, лингвокультурология, пословицы, поговорки.

Лингвистическая наука трактует интертекстуальность как ключевую характеристику текста, которая формирует его многослойный смысл через связь с культурным контекстом. «Интертекстуальность – включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [1, с. 351].

Объектом исследования служит паремиологический фонд как транслятор культурного кода и прецедентных текстов эпохи перехода человечества в железный век. Адыги в бесписьменный период передавали нравственные ценности и народную мудрость через пословицы и поговорки. Главным прецедентным текстом для паремий выступал Нартский Эпос. Технологический переход к железному веку в эпосе связан с богом-кузнецом Тлепшем (создателем серпа и клещей). Паремия «*Лъэпш илашэ пхъэнклагъэ хъурэн*» (з.а.) / «*Лъэпш илашэ пхъэнклагъэ хъуркъым*» (в.а.) – «Оружие Тлепша не превращается в сор/мусор» детерминирует идеальный результат. Метафора применяется к физическому оружию, качеству работы («на века») и к воспитанию мужчины («закаленный» муж не опозорит род).

Прямой аналог Тлепша в английском и германском фольклоре выступает кузнец Вёлунд (*Weland / Weyland / Wayland the Smith*). Выражение «*A blade from Wayland's forge*» («Клинок из кузни Вёлунда») концептуализирует вещь абсолютного качества. Прагматическая установка паремии акцентирует честное мастерство и долговечность результатов труда: «*A good thing is never lost*» – **сделанное на совесть не исчезает бесследно.** «*Quality remains long after the price is forgotten*» – **истинная работа – вне времени.**

В итальянской лингвокультуре мифологическим «собратом» Тлепша и Вёлунда является Вулкан (*Vulcan* – бог огня и кузнечного ремесла). Языковым примером служит идиома «*È un lavoro di Vulcano*» («Работа Вулкана»), которая характеризует технически совершенный, невероятно прочный и вечный объект.

Итак, образы богов-кузнецов (Тлепш, Вёлунд, Вулкан) служат универсальным кросс-культурным ядром для формирования паремий. Во всех трех лингвокультурах миф выступает прецедентной основой, кодирующей прагматическую установку «высшего качества» и «вечности» результатов труда. Адыгская паремиология антропоцентрична и переносит свойства железа на воспитание человека, английская смещает фокус на утилитарную долговечность и честный труд, итальянская подчеркивает техническое совершенство.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Издательство С.-Петерб. ун-та, 1999. 351 с.

INTERTEXTUAL POTENTIAL OF PAREMIOLOGICAL UNITS: A COMPARATIVE STUDY OF ADYGHE, ENGLISH AND ITALIAN LINGUOCULTURES

Saida. R. Musa

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to a comparative analysis of Adyghe, English, and Italian folk sayings' functioning. It emphasizes that proverbs and sayings constitute the cultural and historical heritage of an ethnic group.

Key words: Adyghe folk sayings, English folk sayings, Italian folk sayings, linguaculturology, proverbs, sayings.

КАТЕГОРИЯ СЛОЖНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ

Г.В. Напреенко, В.С. Мельникова

Кемеровский государственный университет, Кемерово

Статья посвящена сопоставлению вариативности обыденной интерпретации юридических терминов и интерпретации искусственным интеллектом в аспекте категории сложности. Материалом исследования явился текст закона Кемеровской области. Полученные результаты вносят вклад в дискуссию о возможностях и ограничениях применения новых технологий в юрислингвистике в контексте процесса цифровизации.

Ключевые слова: сложность текста, вариативность, обыденная интерпретация

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект 25-28-02191, <https://rscf.ru/project/25-28-02191/>

Цель статьи – исследование вариативности обыденной непрофессиональной интерпретации и интерпретации искусственным интеллектом (далее – ИИ) на примере способов толкования юридических терминов (на материале текста закона Кемеровской области «Об усилении ответственности за нарушение условий безопасности и охраны труда в организациях угольной промышленности»): *авария, инцидент, дисциплина труда, вина работника, аудит, дисциплинарный проступок, нарушение*. Обыденное толкование (интерпретация) значения терминов, представленных в юридическом тексте, исследуется путем обращения к результатам опросов (52 человека), толкование (интерпретация) терминов ИИ – путем обращения к русскоязычной нейросети от Сбера ГигаЧат (ГигаЧат). Данная статья является продолжением исследования [2].

Сложность является ключевой категорией юридического дискурса, обуславливающей возможность многозначного толкования (интерпретации) терминологии. В связи с этим законодательные тексты могут быть трудны для понимания рядовыми гражданами без юридического образования. Подвергаясь анализу «...с различных позиций, правовая норма рискует утратить определенность и может оказаться неясно, неточно или неоднозначно интерпретируемой» [1, с. 149].

Сопоставление подходов к интерпретации юридической терминологии ИИ и человеком дает возможность соотнести тексты естественного и «искусственного» происхождения. В современной коммуникативной ситуации, характеризующейся активным процессом цифровизации юридической деятельности, сопоставление механизмов интерпретации терминологии

человеком и искусственным интеллектом приобретает особую значимость, поскольку позволяет выявить и систематизировать категорию сложности юридических терминов, напрямую влияющую на эффективность их автоматизированной обработки.

Эффективность автоматизированной обработки юридических текстов зависит от сложности их терминологии. Непрофессиональное толкование терминов может искажать их исходный смысл. Респонденты склонны *подменять юридические значения бытовыми ассоциациями* (термин «авария» сводится к ДТП, термин «аудит» ошибочно приравнивается к «бухгалтерии»), *упрощать многоэлементные дефиниции* (термин «нарушение» сводится к несоблюдению законов) и *смешивать понятия* (*аудит и лекция, инцидент и преступление*), *заполнять контекстуальные пробелы в знаниях собственными представлениями* (50 % респондентов трактуют термин «инцидент» как бытовой конфликт).

В отличие от способов интерпретации юридической терминологии рядовыми гражданами без юридического образования, модель ИИ следует определенному алгоритму:

- определение (грамматическая основа в предложении выражена сущ. В им. падеже). Пример: *«нарушение – это действие или бездействие...»* (ответы респондентов);

- определение, где используется союз *также*, который указывает на вторичность данного определения. Пример: *«аудит также определяется как независимая экспертиза...»* (ответы респондентов);

- иллюстративная часть (оформляется в виде перечня, либо в качестве однородных членов предложения), пример: *«вот несколько примеров нарушений в разных сферах...; дисциплина труда включает в себя...»* (ответы респондентов);

- итоговое предложение, содержащее вывод о последствиях. Пример: *«За нарушение трудовой дисциплины работодатель вправе применять дисциплинарные взыскания, такие как замечание, выговор или увольнение»* (ГигаЧат).

Результаты исследования демонстрируют различие между нормативно-правовыми дефинициями и их обыденной интерпретацией. Если законодательный дискурс базируется на принципе правовой определенности, характеризуется строгой фиксацией терминов, унифицированностью и императивностью, то бытовое восприятие правовых норм носит ситуативный характер.

Итак, ИИ опирается на лексикографические источники и формально-логические методы, обеспечивающие стандартизацию формулировок, тогда как студенты в толкованиях терминов склонны к бытовой интерпретации, синонимическим заменам. Наибольшие трудности у студентов вызывает толкование абстрактных терминов. Выводы исследования стимулируют дальнейшее обсуждение преимуществ и ограничений использования технологий ИИ в юриспруденции, актуализируется вопрос о поиске путей улучшения взаимодействия между человеческим интеллектом и машинной аналитикой в работе с текстами законов.

Список литературы

1. Батюшкина М.В. Юрико-лингвистическая неопределенность терминов и норм российских законов // Русистика. 2021. № 2. С. 138–154.
2. Мельникова В. Категория сложности юридических терминов: сравнительный анализ интерпретации человеком и искусственным интеллектом / В. Мельникова, Г. Напреенко // Юрислингвистика. 2025. № 36(47). С. 23–29. – DOI 10.14258/leglin(2025)3604.

Источники

ГигаЧат: русскоязычная нейросеть от Сбера [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://giga.chat/> (дата обращения: 10.06.2025).

Закон Кемеровской области от 21.07.2014 г. N 80-ОЗ «Об усилении ответственности за нарушение условий безопасности и охраны труда в организациях угольной промышленности». Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=171086637&backlink=1&&nd=171021954> (дата обращения: 05.05.2025).

THE CATEGORY OF COMPLEXITY OF LEGAL TERMS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

G.V. Napreenko, V.S. Melnikova

Kemerovo State University, Kemerovo

This article compares the variability of everyday interpretations of legal terms with their interpretation by artificial intelligence, based on the category of complexity. The study's material is the text of a law from the Kemerovo Region. The obtained results contribute to the discussion about the possibilities and limitations of using artificial intelligence in the legal sphere and highlight the problem of optimizing the interaction between human and machine analysis of legal texts.

Key words: legal terms, text complexity, artificial intelligence, variability, common interpretation.

УДК 81'25:070

СОХРАНЕНИЕ ЭКСПРЕССИВНОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИЙНЫХ ЗАГОЛОВКОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Э.Ш. Никифорова

*Костанайский региональный университет имени Ахмета Байтурсынулы,
Костанай, Республика Казахстан*

В статье рассматривается проблема сохранения экспрессивности англоязычных медийных заголовков при переводе на русский язык. Исследование выполнено на материале заголовков информационных агентств Reuters, Associated Press, Financial Times и газеты The Guardian. Анализируются

основные средства создания выразительности в заголовках и переводческие стратегии, обеспечивающие сохранение их прагматического воздействия. Особое внимание уделяется лексическим и прагматическим трудностям перевода. Установлено, что наиболее эффективными способами передачи экспрессивности являются модуляция, экспликация, компенсация и прагматическая адаптация.

Ключевые слова: медийный заголовок, экспрессивность, перевод, медиадискурс, прагматика, переводческие трансформации.

В современной медиакommunikации заголовок представляет собой не только средство номинации события, но и самостоятельный микротекст, способный формировать интерпретацию новостного сообщения ещё до прочтения статьи [4; 5]. По мнению Д. Дора, заголовок выступает своеобразным оптимизатором релевантности, направляющим внимание читателя на наиболее значимые аспекты события [4]. Современные исследования медиаперевода подтверждают, что заголовок является важнейшим инструментом воздействия на аудиторию и требует особого внимания при межъязыковой передаче [3; 5].

Проблема перевода заголовков особенно актуальна в условиях глобального информационного пространства, поскольку переводчик должен сохранить не только фактическое содержание сообщения, но и его экспрессивный, оценочный и прагматический потенциал. В работах В.Н. Комиссарова и Л.С. Бархударова подчёркивается, что адекватность перевода определяется сохранением коммуникативного эффекта текста, а не формальным соответствием языковых единиц [1; 2].

Проведённый анализ англоязычных медийных заголовков показал, что наибольшие трудности вызывает передача метафорической и идиоматической лексики. Так, в заголовке Reuters “US Congress punts on surveillance powers after failing to authorize a long-term extension” ключевым элементом экспрессивности является глагол *punts*, который в политическом дискурсе обозначает откладывание решения. Наиболее адекватным вариантом перевода является «Конгресс США отложил решение по полномочиям в сфере слежки», где используется функциональная замена [1; 2].

Другим показательным примером выступает заголовок Reuters “AI’s rise stirs excitement, sparks job worries”. Метафорические глаголы *stirs* и *sparks* формируют контраст между позитивной и негативной оценкой развития искусственного интеллекта. В переводе «Рост ИИ вызывает воодушевление, но усиливает тревогу из-за рабочих мест» применяется модуляция, позволяющая сохранить прагматическое воздействие оригинала [3; 5].

Анализ корпуса из 30 англоязычных заголовков показал, что экспрессивность реализуется преимущественно на лексическом, синтаксическом и прагматическом уровнях. Наиболее продуктивными переводческими стратегиями являются модуляция, экспликация, компенсация и прагматическая адаптация [1; 3; 5]. Их применение позволяет сохранить не только информационную составляющую заголовка, но и его воздействующий потенциал.

Таким образом, перевод медийных заголовков представляет собой процесс межъязыковой и межкультурной адаптации, в котором решающее значение имеет сохранение доминирующего экспрессивного центра текста. Адекватный перевод предполагает достижение функциональной эквивалентности и воспроизведение коммуникативного эффекта, заложенного автором оригинального заголовка [2; 3].

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
3. Dayter D., Locher M.A., Messerli T. Pragmatics in Translation: Mediality, Participation and Relational Work. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 240 p.
4. Dor D. On Newspaper Headlines as Relevance Optimizers // Journal of Pragmatics. 2003. Vol. 35. № 5. P. 695–721.
5. Zanettin F. News Media Translation. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 250 p.

MAINTAINING THE EXPRESSIVENESS OF ENGLISH-LANGUAGE MEDIA HEADLINES IN RUSSIAN TRANSLATION

E.Sh. Nikiforova

*Kostanay Regional University named after Akhmet Baitursynuly, Kostanay,
Republic of Kazakhstan*

The article examines the problem of preserving the expressiveness of English-language media headlines in Russian translation. The study is based on headlines from Reuters, Associated Press, Financial Times and The Guardian. The paper analyzes the main expressive means used in media headlines and identifies the translation strategies that ensure the preservation of their pragmatic impact. The findings show that modulation, explicitation, compensation and pragmatic adaptation are the most effective ways of maintaining expressive effect in translation.

Key words: media headline, expressiveness, translation, media discourse, pragmatics.

КОГНИТИВНАЯ НЕРЕЛЕВАНТНОСТЬ ОБОНЯНИЯ

А.Р. Нурутдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

На материале пословиц, афоризмов и литературных цитат исследуется феномен когнитивной нерелевантности обоняния в языковой картине мира. Запах представлен как обманчивый, субъективный, неэффективный или вторичный канал восприятия. Соматический компонент (нос, способность чувствовать) либо отсутствует, либо маркирует неспособность к адекватному обонятельному различению. Автором делается вывод о низкой когнитивной значимости ольфакторной модальности по сравнению со зрением и слухом.

Ключевые слова: обоняние, запах, когнитивная нерелевантность, соматическая лексика, паремиология, афористика, лингвосенсорика.

В когнитивной лингвистике и лингвосенсорике обоняние традиционно считается периферийным перцептивным каналом: языки мира демонстрируют лексические лакуны в области обозначения запахов, а способность вербализовать запах у носителей индоевропейских языков крайне ограничена [2; 5; 7]. Паремиологический и афористический фонд различных культур содержит сотни высказываний о запахе. Цель настоящего исследования – на основе предоставленного корпуса выявить, как в этих текстах репрезентируется когнитивная нерелевантность обоняния, а именно, неспособность запаха служить надёжным источником знания о мире, морали, социальных отношениях или внутреннем состоянии человека.

Материалом исследования послужил корпус из 210 текстовых единиц, объединённых тематически (*наличие лексем со значением «запах», «обоняние», «аромат», «вонь» или глаголов восприятия «пахнуть», «чувать», «нюхать»*). Корпус намеренно составлен как жанрово гетерогенный и включает четыре типа источников:

1. **Паремии** (пословицы народов мира) – 85 единиц (русские, украинские, армянские, азербайджанские, калмыцкие, бурятские, японские, афганские, бенгальские, вьетнамские, корейские, африканские, латинские, персидские, а также народов педи и эвекские). Паремии фиксируют коллективный, исторически устойчивый и дидактический опыт.

2. **Библейские и религиозно-философские тексты** – 12 единиц (Екклесиаст, Тибетская «Книга мёртвых», Кабир, «Дхаммапада», Лао-Цзы, Конфуций, Ахикар, Саади, Хун Цзычен, древнекитайские и древнеиндийские афоризмы). Эти тексты репрезентируют нормативный, авторитетный дискурс, формирующий культурные когнитивные установки.

3. **Авторские афоризмы** – 65 единиц (Козьма Прутков, Станислав Ежи Лец, Станислав Лем, Михаил Жванецкий, Рамон Гомес де ла Серна, Валерий Афонченко, Сергей Федин, Виктор Шендерович, Леонид Сухоруков и др.).

Афоризмы отражают индивидуально-авторскую рефлексию, часто парадоксальную, но при этом претендующую на обобщение.

4. **Литературные цитаты из художественных произведений и поэзии** – 48 единиц (Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, Г.Р. Державин, А.А. Ахматова, И. Бабель, В. Набоков, Ч. Паланик, М. Твен, А. де Сент-Экзюпери, К. Шанель, П. Зюскинд и др.). Художественный дискурс даёт образцы индивидуально-образного осмысления запаха.

В когнитивной лингвистике и лингвосенсорике допустимо и продуктивно анализировать разнородные тексты как единый «вербально-ассоциативный фонд» [2] при условии, что жанровые различия учитываются не как артефакт, а как **фактор формирования когнитивных моделей**. Сравнение паремий, философских максим и авторских афоризмов позволяет выявить как универсальные когнитивные механизмы репрезентации обоняния. Методология такого расширенного подхода опирается на работы Ю.Н. Караулова (анализ ассоциативных полей на материале текстов разных жанров) [3], В.Н. Телия (изучение фразеологии и крылатых выражений как единого лингвокультурного кода) [6] и Н.Д. Арутюновой (анализ афористики в ряду «языковых картин мира») [1].

Методы исследования: сопоставительный анализ (сравнение жанров, языков и культур); компонентный анализ дефиниций (для выявления семантических признаков запаха); методика выявления лексико-семантических лакун по Ж.В. Коньковой [4]; когнитивное моделирование (выделение концептуальных доминант «обманчивость», «субъективность», «порча», «вторичность»). Все единицы верифицированы по словарным и библиографическим источникам. При цитировании авторских афоризмов и литературных отрывков сохранена орфография и пунктуация оригинала.

Обоняние как ненадёжный, обманчивый канал. Множество высказываний подчёркивают, что запах может вводить в заблуждение. Классический пример: «Клеймили осла, а вокруг думали – идёт запах шашлыка» (армянская пословица). Обоняние даёт ложный сигнал «Пришёл на запах шашлыка, а увидел, как палили осла» – та же идея. «Никто не курил, не кадил, а ладаном запахло» (русская) – запах возникает без видимой причины, его источник ненадёжен. «Нарисованные цветы не дают запаха» (украинская) – симулякр не имеет сенсорного подтверждения. «Насильно раскрытая роза не имеет запаха» (армянская) – насилие над природой уничтожает аромат, то есть запах зависит от ненадёжных условий.

Неспособность обоняния различать важное (соматический компонент). Пословицы, указывающие на нос как орган, чаще всего говорят о его неэффективности: «Нос большой, а запаха не чувствует» (народ педи). «Собственный запах человеку неизвестен» (калмыцкая, японская, бурятская) – абсолютная слепота к себе. Гоголевский Акакий Акакиевич: «Без носа человек – черт знает что...» – нос символизирует человеческую идентичность, но именно его отсутствие делает человека неполноценным, а не способность чують. У Цицерона: «Женщины кажутся хорошо пахнущими именно оттого, что они ничем не пахнут» – обоняние не нужно, если нет запаха. Сенека: «Лучше всего

пахнет тело, которое ничем не пахнет». Когнитивный вывод: отсутствие запаха когнитивно релевантнее, чем его наличие.

Запах как признак порчи, разложения, морального упадка. Огромный пласт высказываний связывает запах с негативными оценками: *«Мертвые мухи портят благовонную масть»* – малая глупость портит мудрость. *«Один шарик бараньего помета портит целый бурдюк сала»* (калмыцкая). *«Дегтем торговать – дегтем и вонять»*. *«Кто вращается среди лука и чеснока, не может пахнуть ванилином»*. У Искандера: *«Бывают времена, когда люди принимают коллективную вонь за единство духа»*. У Лец: *«Тот, от кого дурно пахнет, любит, чтобы ему кадили»*. Обоняние – маркер социальной и моральной нечистоты, но само по себе оно не даёт знания о причинах, лишь сигнализирует о наличии проблемы. При этом соматический компонент отсутствует: вонь «сама» говорит о себе, без участия носа.

Обоняние как вторичная, необязательная модальность. *«Наслаждения походят на те цветы, которые причиняют головокружения, когда слишком долго дышат их ароматом»* (Буаст) – запах не является необходимым, а при передозировке вреден. *«Что понимает буйвол в аромате розы?»* (афганская) – обонятельная некомпетентность как норма для «низшего». *«Шмель на аромат цветка летит»* (бенгальская) – только инстинктивное, неосознанное поведение. У Ахматовой: *«А золото – ничем»* (запах золота отсутствует) – высшая ценность не пахнет. У Пруtkова: *«И терпентин на что-нибудь полезен!»* – любой запах, даже неприятный, может иметь пользу, но это не когнитивная, а утилитарная оценка.

Метафорические переносы: запах как знак нематериального. Большая группа высказываний использует запах как метафору памяти, любви, добродетели, времени. *«Прощение – это аромат, который фиалка дарит тому, кто её растоптал»* (Марк Твен). *«Память о щедро розданной жизни струится, как ароматное вино»* (Ингерсолл). *«Там русский дух, там Русью пахнет»* (Пушкин). *«Отечества и дым нам сладок и приятен»* (Державин, Грибоедов). Запах становится символом, но именно как абстракция, не требующая реального обонятельного опыта. Когнитивная нерелевантность проявляется в том, что настоящий физический запах дыма неприятен, но «дым отечества» сладок – то есть модальность заменена ценностным суждением.

Представленный материал позволяет выделить несколько причин:

1. **Субъективность и изменчивость** – один и тот же запах по-разному воспринимается разными людьми и в разное время (*«Для лошадей и для влюбленных сено пахнет по-разному»*, Лец), что делает запах ненадёжным источником объективного знания.

2. **Краткосрочность** – запах быстро исчезает или трансформируется (*«Густой аромат недолговечен»*, древнекитайская мудрость).

3. **Эмоциональная, а не рациональная нагрузка** – запах вызывает воспоминания, настроение, но не даёт фактов (*«Запахи способны управлять настроением»*, Е. Рерих; *«Запахи навевают воспоминания»*, Лаура Эскивель).

4. **Частое отсутствие прямой номинации запаха через соматику** – даже когда речь идёт об обонянии, слово «нос» появляется редко, а если появляется – то для отрицания его эффективности.

На материале более 210 высказываний разных культур и эпох показано, что обоняние в языковой картине мира последовательно репрезентируется как когнитивно нерелевантный канал. Запах обманчив, субъективен, связан с порчей и моральным разложением, не требует для своего обозначения соматического компонента (нос), а когда требуется – фиксирует неспособность различать. Исключения (например, афоризмы о деньгах: «*Деньги не пахнут*», Веспасиан) лишь подтверждают правило: отсутствие запаха у значимых абстрактных сущностей воспринимается как норма. Перспективой является сравнительный анализ языков с богатой ольфакторной лексикой (языки Юго-Восточной Азии) для проверки универсальности этих выводов.

Список литературы

1. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
4. *Конькова Ж.В.* Лакуны в лексической системе языка: методика выявления и описания // Вестник ТГУ. 2016. № 11. С. 34–39.
5. *Майер П.* Запахи в языке и культуре / пер. с англ. М.: Языки славянской культуры, 2019. 312 с.
6. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
7. *Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. М.: Индрик, 2003. 240 с.

Источники

Афоризмы и литературные цитаты (Козьма Прутков, Ф. Искандер, С.Е. Лец, С. Лем, М. Жванецкий, Р. Гомес де ла Серна, Е. Рерих, Тибетская «Книга мёртвых», Марк Твен, Ив Сен-Лоран, А.С. Пушкин, И. Бабель, Н.В. Гоголь, Авиценна, Ювенал, В. Шендерович, В. Борисов, Г.Д. Торо, Дон-Аминадо, Э. Кроткий, Парацельс, Веспасиан, Л. Шебаршин, С. Федин, А. Теплухин, Вителлий, Деметрий, Аммиан Марцеллин, Дионисий Катон, Законы Мэрфи, Лао-Цзы, Конфуций, Дж. Голсуорси, А. Конан Дойль, Ж. Верн, Г. Гейне, Риммель Ю., А. Василиогло, Державин, Грибоедов, В. Белинский, А. Герцен, А. де Сент-Экзюпери, Ахикар, Саади, Дзен, Веселин Георгиев, Хун Цзычен, Чанакья Пандит, Коко Шанель, Мэрилин Монро, У.Х. Оден, Г. Лауб, П. Шарпп, В. Набоков, Ч. Паланик, Г.Л. Менкен, Б. Грасиан, Цицерон, Гораций, Петроний, Сенека, Суворов, К. Чуковский, А. Ахматова, И.Г. Гердер, Т.М. Рид, Т. Браун, Р.Г. Ингерсолл, Ж. Ростан, А. Мюссе, Ж. Ренар, А. де Монтерлан, Ж.П. Бельмондо, К. Денев, П. Зюскинд, Д. Лоллобриджида, Р. Киплинг, Вольтер, древнеиндийская мудрость, древнекитайская мудрость, В. Хлебников, и др.).

Бажанов Е.П. Мудрость народов: афоризмы, пословицы, поговорки, легенды, мифы, анекдоты, шутки, тосты, курьезы / Е. П. Бажанов, Н. Е. Бажанова.

М.: Дашков и К°, 2024. 678 с.

Библейские тексты (Екклезиаст).

Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Русский язык, 1989. 614 с.

Коморенко И.В. Пословицы и поговорки народов мира / составитель И.В. Коморенко. М.: Издательские решения, 2025. 91 с.

Рассохин П.А. Пословицы и поговорки народов мира / составитель П.А. Рассохин. М.: Издательские решения, 2024. 130 с. ISBN 978-5-0064-4961-9.

COGNITIVE IRRELEVANCE OF OLFACTION

A.R. Nurutdinova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

The paper examines the phenomenon of cognitive irrelevance of olfaction in the linguistic worldview based on proverbs, aphorisms and literary quotations. Smell is presented as a deceptive, subjective, ineffective or secondary channel of perception. The somatic component (nose, ability to smell) is either absent or marks the inability to adequately discriminate odours. The author concludes that the olfactory modality has low cognitive significance compared to vision and hearing.

Key words: olfaction, smell, cognitive irrelevance, somatic lexicon, paremiology, aphoristics, linguosensorics.

УДК 82-312.4

КАК УВИДЕТЬ НЕВИДИМОЕ: КОРПУСНАЯ СИНХРОННО- ДИАХРОННАЯ МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭВОЛЮЦИИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

Ю.В. Овсейчик

Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск

Представлена интегративная методика, объединяющая квантитативное, функциональное и концептуальное моделирование, применяемых в двух временных проекциях: в диахронии для анализа процесса эволюции системы средств сочинительной связи, в синхронии для фиксации ее результата. Методика апробирована на материале французского языка и может быть экстраполирована на другие языковые подсистемы и языки.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, синхронно-диахронный анализ, квантитативное моделирование, функциональное моделирование, концептуальное моделирование, средства сочинительной связи, французский язык.

Общеизвестный тезис А. Мейе о том, что ни одна категория слов в индоевропейских языках не претерпела столь бурного процесса обновления, как союзы [5, р. 165], получает новое прочтение в эпоху доступности масштабных корпусных данных и цифровых ресурсов. Более века назад А. Мейе, закладывая основы теории грамматикализации, формулирует то, что можно назвать

«энигмой союзов»: их эволюция протекает незаметно для наивного носителя, и лишь специальные методы исторической лингвистики позволяют ее реконструировать. В эпоху больших данных вопрос остается открытым: как сделать невидимое для обыденного языкового сознания изменение значений и функций служебных слов видимым для исследователя, причем не умозрительно, а эмпирически верифицируемо?

Проникая в лингвистическую природу служебных слов – сочинительных союзов, или, шире, единиц сочинения, – мы углубляем наше знание о когнитивной деятельности человека. Эти «средства огромной важности, превращающие язык в орудие мышления» [1, с. 154], маркируют результат осмысления богатства и многообразия связей, существующих между различными элементами опыта (природа, человек, социум). На протяжении более чем тысячелетней истории французского языка эти служебные слова используются для описания как «видимого», доступного чувственному восприятию мира, так и «постигаемого разумом» мыслимого мира. Однако традиционные подходы исторической грамматики, ограниченные инвентаризацией единиц и общими наблюдениями, не дают ответа на вопрос о механизмах их эволюции. В работе предлагается интегративная корпусная синхронно-диахронная методика, которая объединяет три типа моделирования (квантитативное, функциональное и концептуальное) и применяется в двух временных проекциях: в диахронии (для анализа процесса эволюции) и в синхронии (для фиксации результата).

Методика апробирована на материале 57 единиц сочинения французского языка (7 ядерных союзов и 50 периферийных единиц – наречий, предложных оборотов, инфинитивных конструкций, причастных форм и т.д.), отобранных из современных авторитетных грамматических изданий. Эмпирическую базу исследования составил Национальный корпус французского языка Frantext, включающий 5691 документ XI–XXI вв. общим объемом 273 млн словоупотреблений [2, с. 89–95].

Квантитативное моделирование опирается на макродиахронический (столетний интервал, 1100 г. – н.в.) и микродиахронический (десятилетний интервал, 1800 г. – н.в.) анализ частотности. Методом сплошной выборки извлечены все вхождения единиц (1 996 732). Для статистической сопоставимости данных применен стратифицированный подход с использованием методики накопления и коррекции исследовательского материала. Квантитативное моделирование позволило установить общую тенденцию снижения частотности ядерных единиц с 3,41% до 0,86% и зафиксировать эффект «оптической иллюзии» – сглаживание кривых в макродиахронии при сохраняющихся флуктуациях в микродиахронии [4].

Функциональное моделирование основано на иерархической системе критериев: фиксированная инициальная позиция, разграничение копулятивной и коннективной связи, повтор союзного показателя, сочетаемость с ядерными единицами. Для каждой единицы на каждом синхронном срезе рассчитываются индексы копулятивности (I_{cop}) и коннективности (I_{con}), объективирующие степень конъюнкционализации языковой единицы [2, с. 217–226]. В диахронии

функциональное моделирование обеспечивает установление индивидуальных траекторий развития союзных функций (прогрессивные, регрессивные, с флуктуациями). В синхронии применение кластерного анализа k-средних установленных индексов позволяет выделить четыре функциональные зоны (ядерная, околоядерная, ближняя и дальняя периферия), различающиеся как по степени конъюнкционализации каждой единицы с учетом специальных критериев, так и по ее частотному рангу.

Концептуальное моделирование базируется на классификационной схеме логико-семантических отношений, основанной на двух фундаментальных образ-схемах: *thing* (пространственные, статичные отношения) и *path* (временные, динамичные отношения). Схема включает пять типовых ситуаций и 22 разновидности [3]. В диахронии концептуальное моделирование обеспечивает построение динамической семантической карты, отражающей распределение единиц по 22 разновидностям на пяти синхронных срезах. В синхронии концептуальное моделирование направлено на конструирование семантических портретов каждой единицы и выявление принципов семантической организации данного участка синтаксической подсистемы.

Предложенная методика позволяет проследить переход системы от неравновесной синхронности раннего периода к относительной устойчивости в современном языке. Методологические решения и результаты исследования способствуют разработке теоретических проблем вербализации синтаксической связи в романских языках, семантики и функционирования служебных слов, транскатегориальности языковых единиц, а также развитию синхронно-диахронного подхода к исследованию других грамматических подсистем.

Список литературы

1. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. 320 с.
2. Овсейчик Ю.В. Система единиц сочинения французского языка в диахронии. Минск: МГЛУ, 2023. 304 с.
3. Овсейчик Ю.В. Концептуальное моделирование сочинительных отношений // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2025. Т. 22. № 2. С. 53–63.
4. Aulsebrook Yu.V. Core coordination units in macro- and microdiachrony: experimental data // Literature, Language and Computing: Russian Contribution / ed.: P. Eismont [et al.]. Singapore: Springer, 2023. P. 59–68.
5. Meillet A. Le renouvellement des conjonctions // Linguistique historique et linguistique générale: Collection linguistique publiée par la société de linguistique de Paris. Paris, 1982. №. 8. P. 159–175.

Источники

Frantext: Национальный корпус французского языка [электронный ресурс]. Режим доступа. <http://www.frantext.fr> (дата обращения 11.08.2026).

HOW TO SEE THE INVISIBLE: A CORPUS-BASED SYNCHRONIC-DIACHRONIC METHOD FOR ANALYZING THE EVOLUTION OF FUNCTIONAL WORDS (BASED ON FRENCH)

Yu. V. Auseichyk

Belarussian State University of foreign languages, Minsk

The paper presents an integrative method that combines quantitative, functional and conceptual modeling applied in two temporal projections: in diachrony – for analyzing the process of evolution of the system of coordinating connectives, and in synchrony – for recording its result. The method tested on French language data can be extrapolated to other language subsystems and languages.

Key words: corpus linguistics, synchronic-diachronic analysis, quantitative modeling, functional modeling, conceptual modeling, French.

УДК 81'373.43

ЦИФРОВОЙ ТЕЗАУРУС НЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ: ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ

Ю.В. Овсейчик, Е.А. Меркурьева

Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск

В работе представлена процедура создания цифрового тезауруса неологизмов на материале английского и итальянского языков (2020-2025 гг.) на платформе Airtable. Основные принципы включают реляционную организацию данных, модульность карточек неологизмов, визуализацию частотности, масштабируемость ресурса и поддержку совместной работы. Описаны этапы разработки реляционной базы данных. Показаны возможности платформы для организации тезаурусных отношений и совместной работы как в дидактических, так и в исследовательских целях.

Ключевые слова: неологизм; динамика неологизации; конвенционализация; цифровой тезаурус; платформа Airtable.

Неологический бум XXI века требует оперативного выявления и анализа новых лексических единиц. Считается, что в настоящее время неологизмы проходят стадии конвенционализации, т.е. закрепления в языке за короткое время [2, р. 94].

Для эффективного мониторинга и последующего анализа динамики неологизации необходимо создание пилотного продукта, структурированного цифрового тезауруса, позволяющего не только представить отобранные данные о неологизмах двух языков, но и визуализировать их частотность и связи между лексическими единицами. Разрабатываемый цифровой тезаурус неологизмов

английского и итальянского языков представляет собой реляционную базу данных на платформе Airtable, ориентированную на систематизацию, описание и сопоставление новых лексических единиц на основании корпусных данных за период 2020–2025 гг. Основной единицей в тезаурусе является карточка неологизма, включающая сведения о значении и употреблении нового слова, его соотносительности с конкретным тематическим кластером, динамике употребления и межъязыковые соответствия. Платформа Airtable предоставляет широкие возможности для организации тезаурусных отношений через систему пользовательских представлений (фильтров отображения информации в тезаурусе по конкретным параметрам). Выбор платформы также обоснован ее способностью сочетать простоту электронных таблиц с возможностью совместной работы над наполнением тезауруса: функционирует предоставление доступа для чтения или редактирования другим пользователям, а также внесения кандидатов в неологизмы через Google-формы.

Разработка тезауруса опирается на несколько ключевых принципов: 1) реляционная организация данных, при которой информация распределяется по взаимосвязанным таблицам (леммы, тематические кластеры, частотность, межъязыковые соответствия) с типом связи «один-ко-многим»; 2) модульность, при которой каждый неологизм фиксируется в отдельной карточке с унифицированным набором полей (язык, дефиниция, способ образования, год первого вхождения); 3) визуализация динамики частотности на основе корпусных данных, позволяющая определить стадию конвенционализации неологизма, согласно классификации М.В. Избицкой [1, с. 46]; 4) масштабируемость, платформа Airtable допускает добавление новых языков и расширение временного диапазона без потери целостности данных; 5) поддержка совместной работы через разграничение прав доступа и сбор кандидатов в неологизмы с помощью Google-форм.

Создание тезауруса включает несколько этапов, реализующих перечисленные принципы. На начальном этапе формируются реляционные таблицы на платформе Airtable, после чего в них импортируются неологизмы, извлечённые из мониторинговых корпусов English Trends и Italian Trends. Далее для каждой леммы заполняется карточка, фиксируются межъязыковые соответствия (через поле «связь с другой записью») и строятся графики частотности. На завершающем этапе происходит настройка пользовательских представлений (по тематическим кластерам, годам, паттернам частотности и типам соответствий).

Полученный ресурс может использоваться в научных исследованиях динамики неологизации и в обучении студентов-лингвистов.

Список литературы

1. Избицкая М.В. Современные тенденции в неологии: типология образования неологизмов и лексикографическая практика (на материале новой английской лексики из сферы «Культура» в электронных волонтерских словарях): дис. ... канд. филол. наук. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2020. 214 с.

2. Schmid H.-J. The Dynamics of the Linguistic System: usage, conventionalization, and entrenchment. New York: Oxford University Press, 2020. 397 p.

Источники

NFT definition and meaning [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/nft> (дата обращения 11.06.2026).

DIGITAL THESAURUS OF ENGLISH AND ITALIAN NEOLOGISMS: PRINCIPLES OF CREATION

Yu. V. Ayseichyk, K. A. Miarkuryeva

Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk

The paper presents a procedure for creating a digital thesaurus of neologisms based on English and Italian (2020–2025) using the Airtable platform. The key design principles include relational data organisation, modularity of neologism cards, frequency visualisation, resource scalability, and collaborative work support. The stages of building a relational database are described. The platform's capabilities for organising thesaurus relations and collaborative work are demonstrated for both didactic and research purposes.

Key words: neologism; neologization dynamics; conventionalization; digital thesaurus; Airtable platform.

УДК 81'373=581

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКИХ ЧЭНЬЮЙ КАК ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Н.Н. Оломская, Д.Е. Бобрышева

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются китайские чэньюй как устойчивые выражения, отражающие национальную языковую картину мира. Показано, что через образность и переносное значение они передают культурные представления о мудрости, труде, терпении и жизненном опыте.

Ключевые слова: чэньюй, китайский язык, семантико-когнитивный анализ, языковая картина мира, фразеология.

Китайские чэньюй занимают особое место в системе китайского языка, поскольку в краткой форме передают не только значение, но и культурный опыт народа. Обычно такие выражения состоят из четырех иероглифов, однако за этой

небольшой формой скрываются исторические сюжеты, бытовые наблюдения, нравственные оценки и устойчивые представления о человеке и мире.

Обращение к семантико-когнитивному анализу чэньюй позволяет рассмотреть их не просто как устойчивые выражения, а как средство отражения национального мышления [1]. Через образы животных, природных явлений, труда, ошибок и жизненных ситуаций в них проявляются важные для китайской культуры идеи: уважение к опыту, ценность терпения, осторожность в действиях, стремление к гармонии и понимание изменчивости жизни.

Чэньюй представляют собой особый пласт китайской фразеологии, в котором языковая форма тесно связана с историей, культурой и традиционным мышлением. Несмотря на краткость, такие выражения обладают высокой смысловой плотностью: они могут передавать оценку поступка, жизненную мудрость, нравственный вывод или образное описание ситуации [4].

Особенность чэньюй заключается в том, что их значение не всегда раскрывается через буквальный перевод. Для правильного понимания необходимо учитывать происхождение выражения, его культурный контекст и скрытый образ. Поэтому чэньюй важны не только как устойчивые речевые единицы, но и как материал для анализа связи языка, мышления и национальной картины мира [3].

Семантико-когнитивный анализ позволяет рассмотреть чэньюй не только как устойчивые выражения, но и как своеобразные модели восприятия мира. В них конкретная жизненная ситуация превращается в обобщенный смысл: ошибка, труд, случайность, мудрость, ограниченность мышления или настойчивость передаются через яркий и легко запоминающийся образ [6].

Проведенный анализ таблицы 1 показывает, что китайские чэньюй обладают не только переносным значением, но и выраженной культурно-смысловой основой. Через них передаются важные для китайской языковой картины мира идеи: необходимость меры, ценность труда, уважение к опыту, осторожность в оценке событий и признание силы настойчивости.

Таблица 1. Семантико-когнитивный анализ китайских чэньюй

Чэньюй	Буквальный перевод	Переносное значение	Семантико-когнитивная характеристика
画蛇添足 <i>huà shé tiān zú</i>	Нарисовать змее ноги	Сделать лишнее и испортить результат	Выражение связано с представлением о мере и разумной достаточности. Образ показывает, что чрезмерное старание может привести к обратному результату.
守株待兔 <i>shǒu zhū dài tù</i>	Сторожить пень и ждать зайца	Пассивно ждать удачи	Чэньюй передает осуждение бездействия и надежды на случай. В китайской языковой картине мира подчеркивается ценность труда и активности [5].
亡羊补牢 <i>wáng yáng bǔ láo</i>	Потеряв овцу, чинить загон	Исправлять ошибку даже после неудачи	Образ строится на идее жизненного опыта. Ошибка не воспринимается как окончательное поражение, если человек способен сделать выводы.

井底之蛙 <i>jǐng dǐ zhī wā</i>	Лягушка на дне колодца	Человек с узким кругозором	Через образ лягушки, видящей только малую часть неба, выражается критика ограниченности мышления и незнания.
对牛弹琴 <i>duì niú tán qín</i>	Играть на цине перед коровой	Говорить с тем, кто не способен понять	Чэньюй показывает важность адресата речи. Даже ценная мысль теряет смысл, если собеседник не готов ее воспринять.
塞翁失马 <i>sài wēng shī mǎ</i>	Старик потерял лошадь	Несчастье может обернуться удачей	Выражение отражает философское восприятие жизни: событие нельзя сразу оценивать только как плохое или хорошее.
一箭双雕 <i>yī jiàn shuāng diāo</i>	Одной стрелой двух орлов	Одним действием достичь двух целей	Образ меткого выстрела связан с рациональностью, точностью действия и умением получать практический результат [4].
愚公移山 <i>yú gōng yí shān</i>	Юйгун передвигает гору	Упорством можно преодолеть трудности	Чэньюй выражает уважение к терпению и настойчивости. Даже большая преграда может быть преодолена последовательным трудом.

Таким образом, китайские чэньюй являются не только устойчивыми выражениями, но и средством передачи национального культурного опыта. В краткой форме они соединяют образ, оценку и поучительный смысл, отражая важные для китайской культуры качества: мудрость, терпение, трудолюбие, осторожность и чувство меры [2].

Семантико-когнитивный анализ показывает, что через чэньюй в языке закрепляется национальная языковая картина мира китайского народа. Они помогают понять, как носители китайского языка воспринимают человека, его поступки, ошибки, жизненные трудности и изменчивость окружающего мира.

Список литературы

1. Лингвокультурологические особенности китайских чэньюй // Филология и человек. 2024. № 2. [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://philology-asu.ru/archive/2024/issue/2/article/53> (дата обращения: 21.05.2026).
2. Семантические особенности чэньюй с компонентами стихий и компонентами-зоонимами // КиберЛенинка: научная электронная библиотека [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-osobennosti-chenyuuy-s-komponentami-stihii-i-komponentami-zoonimami> (дата обращения: 21.05.2026).
3. Тё О. Е. Особенности фразеологизмов чэньюй в китайском языке как компонента картины мира на примере романа «Троецарствие» // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н. Э. Баумана. 2021. [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://hmbul.bmstu.ru/articles/701/701.pdf> (дата обращения: 21.05.2026).
4. Чэньюй в системе китайской фразеологии и паремиологии // КиберЛенинка: научная электронная библиотека [электронный ресурс]. Режим

доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chenyuy-v-sisteme-kitayskoy-frazeologii-i-paremiologii/pdf> (дата обращения: 21.05.2026).

5. Яковлева Е.С., Чжао Пэнбо. Семантические особенности чэньюй с компонентами стихии и компонентами-зоонимами // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. Т. 40, № 3. С. 404–412.

6. Fu Y. Chengyu-Bench: Benchmarking Large Language Models for Chinese Idiom Understanding and Use / Y. Fu, Z. Huang, L. Yang, Y. Lu, Z. Dai // arXiv. 2025. [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://arxiv.org/abs/2506.18105> (дата обращения: 21.05.2026).

SEMANTIC AND COGNITIVE ANALYSIS OF CHINESE CHENGYU AS A REFLECTION OF THE NATIONAL LINGUISTIC WORLDVIEW

N.N. Olomsкая, D.E. Bobrysheva

Kuban State University, Krasnodar

The article examines Chinese chengyu as stable expressions reflecting the national linguistic picture of the world. It is shown that through imagery and figurative meaning they convey cultural ideas about wisdom, work, patience and life experience.

Key words: chengyu, Chinese language, semantic and cognitive analysis, linguistic worldview, phraseology.

УДК 81'42:004.8

К ВОПРОСУ О ГЕНЕРИРОВАНИИ НЕКОТОРЫХ ЖАНРОВ МЕДИАДИСКУРСА ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Н.Н. Оломская, Е.А. Юрова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье раскрывается применения нейросетей в медиадискурсе на примере генерации некоторых жанров Интернет-медиадискурса (дипфейки, фейковые новости и посты в социальных сетях). Также актуальна возможность анализа данных с помощью технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: нейросеть, искусственный интеллект (ИИ), медиадискурс, СМИ, генерация текста, ИИ аналитика данных.

Нейронные сети используются повсеместно для автоматизирования рабочих процессов. Основные функции искусственного интеллекта включают классифицирование, прогнозирование, а также анализирование данных. Внедрение нейросетей в журналистику и сферу медиа маркируется как созданием синтетического контента, так и упрощением однотипной работы: транскрибированием видео или написанием текстов для публикации.

Предполагается, что нейросети находят применение в разных типах медиадискурса. В медиадискурсе радио возможно использовать сгенерированные песни и даже синтезировать голос диктора. В теледискурсе – использовать сгенерированный образ ведущего, транскрибировать субтитры, писать текст новостей и создавать идеи для программ. Газетно-публицистический дискурс может содержать сгенерированные тексты, новости и изображения. Интернет-медиа, по Н.А. Пром, относятся к современным СМИ, в которых получатель информации может одновременно быть и ее создателем [4, с. 96]. Контент в некоторых источниках может создаваться блогерами или обычными пользователями сети. Таким образом, Е.Н. Галичкина сравнивает развитие жанров Интернет-коммуникации в виде межличностного общения профессионалов и непрофессионалов [1, с. 185]. Современные средства массовой информации, находящиеся в Интернете, могут принимать формы от веб-сайтов до сообществ в социальных сетях. По Лепшеевой Н.А., коммуникация также может происходить на форумах с обсуждением социально-значимых проблем [2, с. 90].

Ведущая сфера применения нейросетей в журналистике – генерация контента [3]. Одной из наиболее опасных форм сгенерированного контента в медиадискурсе на сегодняшний день единогласно считаются *фейковые новости*, бесконтрольно распространяемые в Интернете, где чаще всего отсутствует цензура и рецензирование. В остальных типах медиа присутствует команда специалистов, например, редакторов и корректоров, которые не могут публиковать некачественный и непроверенный материал. В Интернете ситуация значительно отличается: читатели имеют открытый доступ к различной информации, часто являющейся не верифицированной. Распространение некачественной информации стало значительно упрощено.

С помощью различных промтов можно запросить создание информации «по заказу». В более ранних исследованиях была предпринята попытка определить, является ли сгенерированный контент фейком [5]. В данной статье будут дополнены полученные ранее результаты. Исходя из факта, что нейросеть отвечает на подготовленный человеком промт, любая информация на выходе может считаться фейковой. Несмотря на то, что нейросеть не имеет намерения обманывать кого-либо и работает исключительно по запросу пользователя, параметры, вводимые в нейросеть в виде промта, могут содержать установку на генерацию дезинформации (см. табл. 1).

Таблица 1. Сравнение результатов исследования феномена сгенерированных фейков

Ранние результаты	Новые наблюдения
Нейросеть генерирует просто неверную и недостоверную информацию (misinformation), так как системы искусственного интеллекта не имеют намерения обманывать пользователей и не имеют собственной точки зрения.	Если промт не содержит установок на создание заведомо ложных сведений дискредитирующего характера, то текст не является фейком.

Сгенерированный текст становится дезинформацией (disinformation) и фейком, если цепочка «человек (отправка промта) – нейросеть (генерация по запросу)» дополняется еще одним звеном «человек (распространение текста с целью обмана)»	Результат генерации текста уже сам по себе является фейком, если промт содержит установку на генерацию дискредитирующего и ложного контента.
---	--

Примером сгенерированного фейка является статья о девочке Матильде с родимым пятном, растянувшимся на все лицо (см. рис. 1). О факте генерации свидетельствуют как лингвистические, так и графические признаки: пост сопровождается фотографиями (вероятно, такими же сгенерированными), на которых изображен ребенок с неестественными фиолетовыми пятнами. Лингвистические признаки включают обрывание повествования: «*Никто не знал, что с маленькой Матильдой что-то не так, пока примерно через полчаса после рождения*»; несогласование прилагательных с определяющим их существительным: «*Когда она появилась на свет, у нее был большой синий пятно на лице*»; «*Но она была настоящей маленькой бойцом*».

Эта маленькая девочка родилась с пятнами на лице. Сначала ее родители думали, что это просто родимое пятно, но когда они обратились к врачу, узнали страшную правду. Что случилось с девочкой спустя годы, поражает всех.

Беременность Ребекки Кэллахан в 2012 году была сложной, и из-за избытка жидкости вокруг плода врачи решили проводить роды раньше срока.

Никто не знал, что с маленькой Матильдой что-то не так, пока примерно через полчаса после рождения.

Когда она появилась на свет, у нее был большой синий пятно на лице, которое распространилось на одну сторону тела. Сначала врачи думали, что это просто гематома – затем признали свою ошибку.

Только через 30 минут после рождения врачи сообщили родителям, что это родимое пятно.

Через две недели после рождения у Матильды диагностировали синдром Стёрджа-Вебера, очень редкое неврологическое кожное заболевание, которое может вызывать паралич, проблемы с обучением и приступы.

Матильда быстро заболела настолько, что ее госпитализировали.

За считанные дни счастье родителей сменилось на крайнее беспокойство. Они не знали, увидят ли свою дочь снова живой.

К тому же оказалось, что у Матильды два отверстия в сердце.

Но она была настоящей маленькой бойцом, и хотя шансы на выживание были малы, операция прошла успешно.

Матильда также прошла лазерное лечение, чтобы удалить свое необычное родимое пятно. Однако это может занять до 16 лет, чтобы оно полностью исчезло.

Несмотря на регулярные болезненные процедуры лазерного удаления, Матильда была по-настоящему счастливой девочкой.

Но многие люди пристально смотрели на Матильду и ее родимое пятно.

Рисунок 1. Сгенерированный пост в социальной сети Вконтакте

Другой формой сгенерированного контента в медиа является *дипфейк*. Например, видео «На дне океана обнаружили медузу с человеческими глазами и ртом», который приводится на сайте Лапша Медиа. Разоблачаемый материал

содержит визуальные образы, вводящие в заблуждение и графику, искажающую реальность (см. рис. 2).

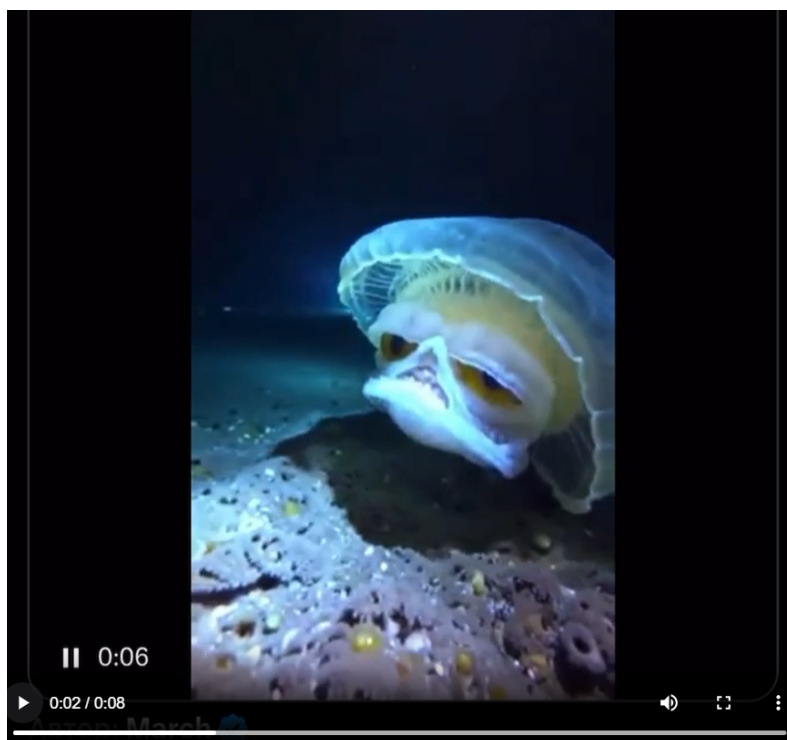

Рисунок 2. Разоблачение дипфейка «На дне океана обнаружили медузу с человеческими глазами и ртом» фактчекинговым проектом Лапша Медиа.

Кроме генерации контента нейросети в медиа могут использоваться для аналитики данных. Например, газета Комсомольская правда «расследует» с помощью DeepSeek версии пропажи людей: нейросеть изучает всевозможные публикации об этих людях в Интернете и на основе них создает версии. Таким образом, проанализировав источники в открытом доступе, нейросеть сгенерировала несколько версий пропажи студентки юридического института МВД Анны Цомартовой (см. рис. 3), а также пропавшего в январе 2026 года на Кубани подростка (см. рис. 4). В данном случае, нейросеть может служить не только помощником для следствия, «додумывающим» дополнительные версии, но и инфоповодом или нестандартной рубрикой для газеты.

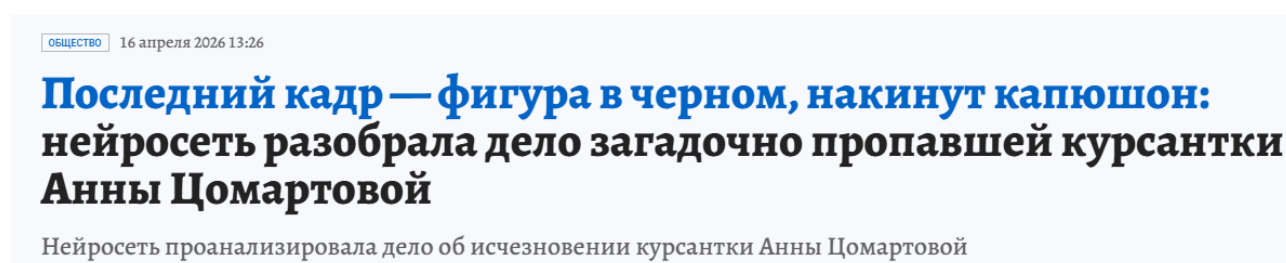

Рисунок 3. Применение нейросети DeepSeek газетой Комсомольская правда для расследования фактов пропажи людей

КУДА ПРОПАЛ МАЛЬЧИК: ВЕРСИИ ИИ

Версия первая – побег из дома. Подросток мог сбежать к знакомым после ссоры с отцом.

Версия вторая – поездка в другой регион. Вадим мог уехать к друзьям или родственникам.

Версия третья – потеря ориентации. Он мог заблудиться в лесу или в незнакомом месте.

Рисунок 4. Анализ данных с помощью ИИ для расследования дел о пропаже людей

Нейросети можно использовать для генерирования нового контента и анализа уже существующих данных. Таким образом, нейросети и журналисты могут работать в тандеме. Важно, чтобы финальное слово – экспертное мнение – оставалось за человеком, который будет контролировать процесс создания информации и выполнять проверку полученного материала.

Список литературы

1. *Галичкина Е.Н.* Компьютерный дискурс // Дискурсология: энциклопедия / под ред. В. Е. Чернявской. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2013. С. 183–185.
2. *Летичеева Н.А.* Жанровые особенности компьютерного дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. №43(181). Вып. 39. С. 88–94.
3. Нейросети и журналистика: перспективы-опасности-прогнозы [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.hse.ru/ba/media/news/817504898.html> (дата обращения 10.05.2026).
4. *Пром Н.А.* Типы адресата в медиадискурсе // Медиалингвистика. 2020. №7 (1). С. 95–103.
5. *Юрова Е.А.* Фактические ошибки (misinformation и disinformation) в классификации лингвистических признаков сгенерированного текста в медиадискурсе // Современные коммуникативные практики: перспективы развития теоретических и прикладных исследований. 2025. С. 402–410.

Источники

На дне океана обнаружили медузу с человеческими глазами и ртом [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://lapsha.media/feiky/meduza-chelovecheskoe-lico/> (дата обращения 14.05.2026).

Последний кадр – фигура в черном, накинут капюшон: нейросеть разобрала дело загадочно пропавшей курсантки Анны Цомартовой [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.nsk.kp.ru/daily/27773.4/5237045/?from=smreg> (дата обращения 16.05.2026).

Пять месяцев тишины: Нейросеть выдала ряд версий таинственного исчезновения подростка на Кубани [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://vk.com/kp.kuban?w=wall-53922299_361541 (дата обращения 16.05.2026).

Эта маленькая девочка родилась с пятнами на лице [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://vk.com/club126528626?w=wall-126528626_159656 (дата обращения 16.05.2026).

ON THE ISSUE OF GENERATING SOME GENRES OF MEDIA DISCOURSE BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE

N.N. Olomsкая, E.A. Yurova

Kuban State University, Krasnodar

The article reveals the use of neural networks in media discourse using the example of generating some genres of Internet media discourse (deepfakes, fake news and posts on social networks). The possibility of data analysis using artificial intelligence technologies is also relevant.

Key words: neural network, artificial intelligence (AI), media discourse, mass media, text generation, AI data analytics.

УДК 82–312.4

СЛОВА КАК ОРУЖИЕ: СТИЛИСТИКА И ПРАГМАТИКА ГЕНДЕРНОГО КОНФЛИКТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е.Д. Папирная

Сибирский федеральный университет, Красноярск

Данная работа посвящена анализу речевого конфликта между мужчинами и женщинами в английском языке, который метафорически осмысливается как «война полов». На материале художественных диалогов, киносценариев и бытовой речи исследуются прагматические стратегии и стилистические приемы, которые участники коммуникации используют для достижения победы в вербальном поединке.

Ключевые слова: язык войны полов, гендерный конфликт, речевая агрессия, прагматика, стилистика, английский язык, мужская и женская речь.

В современном мире, когда институт брака и здоровых отношений постепенно утрачивает свою ценность и значимость, многие люди: как женщины, так и мужчины сталкиваются с бесконечным потоком речевой агрессии в свой адрес.

Определение речевой агрессии по отношению к человеку любого гендера, зачастую, трактуется как деструктивное поведение, противоречащее нормам сосуществования людей, наносящего вред объектам нападения и вызывающего у человека физический ущерб или психологический дискомфорт (отрицательные переживания, напряжённость, страх, подавленность) [1]. Под дефиницией «гендер» лингвисты понимают пол как социокультурный феномен, отражающих возможные гендерные стереотипы, которые в той или иной степени противопоставлены полу с точки зрения биологических наук [2].

В основе «языка войны полов» лежит конфликтное речевое поведение, при котором прагматическая цель участника заключается не в передаче информации, а в демонстрации своеобразного доминирования, защите гендерной идентичности или нанесению «речевого удара». Прагматика такого общения характеризуется преобладанием частных иллокуций угрозы, упрёка, насмешки, при этом успешным считается высказывание, которое вызвало психологический дискомфорт у собеседника [5].

Стилистически в мужской речи это выражается в активном использовании иронии и сарказма: разновидностями перифраз, которые позволяют замаскировать агрессию под шутку, делая её более уязвимой для ответной атаки [4]. Риторические вопросы и восклицательные конструкции, например: “*Are you kidding me?*” или “*What a typical male response!*”, “*Woman moment!*” служат прагматическими маркерами несогласия и раздражения, не оставляя оппоненту логического пространства для манёвра. Зачастую данные приёмы используются в виртуальной сфере общения, где носитель языка оставляет подобного рода комментарий под постом и создаёт предпосылку для конфликта в любой социальной сети.

В речи женщины гипербола, зачастую, используется для гротескного преувеличения недостатков противоположного пола: “*You are never listening to me!*”, что переводит бытовую ссору в статус экзистенциального конфликта. Часто можно встретить и используемые антитезу и параллелизм, подчёркивающие бинарную оппозицию «мы – они»: “*You want logic, I want empathy*” или “*If you want something said, ask a man; if you want something done, ask a woman*”. В женской речи также преобладают эвфемизмы (перифраз, скрадывающий (умаляющий) негативные стороны денотата) и косвенные речевые акты (намёки, жалобы), прагматика которых требует от мужчины расшифровки скрытого смысла — и его неудача воспринимается как новая «победа» женщины: “*Unusually, the women are in front of the men*”.

Мужской вклад в стилистику «войны полов», напротив, чаще демонстрирует прямые перформативы (приказы, обвинения) и меньшую степень синтаксической развёрнутости, что само по себе становится объектом женской критики как «эмоциональная скудость»: “*Give me that think and rush!*”.

Таким образом, прагматический «заряд» и стилистическое оформление высказывания в конфликтных речевых практиках на английском языке работают неразрывно: чем изощрённее троп, тем труднее собеседнику парировать удар.

Исследование речевой агрессии у мужчин и женщин выявляет прямую зависимость от степени свободы в выражении эмоций. Женщины, в отличие от мужчин, в целом демонстрируют большую эмоциональную открытость, и эта тенденция усиливается с возрастом, поскольку мужчины чаще скрывают свои чувства под влиянием социальных ожиданий. Женская экспрессивность особенно ярко проявляется в однополых группах. В смешанных коллективах наблюдается взаимный контроль: юноши склонны ограничивать проявления симпатии и эмпатии, а девушки – агрессивные реакции. Примечательно, что женщины лучше передают радость, тогда как мужчины – гнев и злость. Эти поведенческие различия обусловлены воспитанием и усвоенными социальными нормами, которые формируют представления о допустимом для каждого пола [3]. *“Normal women do not behave like that.”; “Boys don't cry, be a man.”*

Таким образом, в английском конфликтных речевых практиках, обозначаемых «войной полов», стилистические приёмы (ирония, сарказм, гипербола, риторические вопросы) выступают не просто средствами стилизации речи, а эффективным прагматическим и стилистическим оружием для достижения вербального превосходства. Гендерные различия проявляются не в наличии или отсутствии речевой агрессии, а в предпочитаемых стратегиях её реализации: женщины чаще используют косвенные и эмоционально насыщенные формы, тогда как мужчины — прямые императивные конструкции. В конечном счёте, «слова как оружие» функционируют успешнее, когда говорящий учитывает ожидания адресата и умело использует стилистический арсенал английского языка для нанесения «коммуникативного удара».

Список литературы

1. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П.Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 632 с.
2. Гейдж Д., Бенфорд Н. Как женщине научиться говорить по-мужски // Известия. 15 апреля 1993.
3. Ильин Е.П. Пол и гендер. СПб.: Питер, 2010. 688 с.
4. Кобенко Ю. В. Теоретические основы функциональной стилистики: учебник. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2023. 296 с.
5. Смирнов П.Ю. Гендерная дифференциация в проявлении речевой агрессии мужчин и женщин // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. №4 (21). С. 191–193 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-differentsiatsiya-v-proyavlenii-rechevoy-agressii-muzhchin-i-zhenschin> (дата обращения 22.05.2026).

WORDS AS WEAPONS: STYLISTICS AND PRAGMATICS OF GENDER CONFLICT IN ENGLISH

E.D. Papirnaya

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

This work is devoted to the analysis of the speech conflict between men and women in English, which is metaphorically interpreted as a "war of the sexes." Based on the material of artistic dialogues, screenplays, and everyday speech, pragmatic strategies and stylistic techniques that communication participants use to achieve victory in a verbal duel are explored.

Key words: gender war language, gender conflict, speech aggression, pragmatics, stylistics, English language, male and female speech.

УДК 130.121

МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕТАФТОНИМИИ НА УРОВНЕ СЛОВА И ДИСКУРСА

С.А. Песина, С. Чжан

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.Носова,
Магнитогорск*

Хэнаньский университет животноводства и экономики, Чжэнчжоу, КНР

Предложенный подход к определению метафтонимии раскрывает взаимодействие метафоры и метонимии как сложного механизма формирования ценностных смыслов, реализующихся как в дискурсе, так и на уровне значения многозначного слова. Глубокая выразительность метафтонимии способствует формированию у воспринимающего сознания многомерных ассоциаций, где объект не раскрыт напрямую, но понимается опосредованно через другие ассоциации.

Ключевые слова: метафтонимия, метафора, метонимия, многозначность, дискурс.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда 26-18-20002 от 12.05.2026 г.

На протяжении многих лет объектом внимания когнитивной лингвистики выступала метафора, однако по мере увеличения арсенала осознаваемых ментальных механизмов осмысления действительности возникла необходимость изучения метафоры и метонимии как бы «вложенных» друг в друга. Л. Гуссенс, как автор термина «метафтонимия», описывающего данный процесс, рассматривает ее как пересекающиеся тропеические сущности, которые могут взаимодействовать как на уровне одного многозначного слова (слияние или комплексная метафтонимия), так и достаточно крупных отрезков дискурса

(кумулятивные текстовые цепочки) [8, с. 338]. В первом случае имеет место усложнение результирующих вербализованных концептов, во втором – усиление экспрессивности создаваемых образов с улучшением структурирования контекста.

Исследователи метафтонимии с повышенным интересом рассматривают последовательное использование тропеических преобразований (4; 6; 7; 8 и др.). Наши исследования метафтонимии осуществляются, как лексическом, так и дискурсивном уровнях и ниже будут представлены соответствующие иллюстративные примеры (3; 9). Для начала рассмотрим пример двухступенчатого тропеического комплексного метафоро-метонимического преобразования в рамках одного многозначного слова. В качестве примера возьмем английский субстантив «a ball» в первом значении передающем понятие о спортивном мяче: *ball – a round or spherical object used in sports or games* (5). Далее от этого главного значения в структуре этого многозначного слова фиксируем метафорический перенос *Doughball – a small ball of bread dough, cooked in a stew, as an accompaniment to a meal, etc* (Ibid). Метафорический образ сформирован на основе общности шарика из теста с мячом по форме. Значение основано на семантических компонентах *a mass, spherical, mixing of flour with a liquid, formed by rolling, prepared for cooking*. На второй стадии преобразована данная метафора трансформируется в метонимию: *doughball – a large, soft, or even not very smart person* [Ibid] по механизму «часть – целое» (синекдоха) Метафора второй ступени образована по как если бы шарик из теста был мягким, не очень умным обычно солидного телосложения человеком: *as if a dough ball was somebody who is large, soft and not very smart*.

При текстовой метафтонимии один троп функционирует на иерархически более верхнем суперординатном уровне обобщения содержания текста. Далее на более низком субординатном уровне также функционируют тропы (метафоры или метонимии). Приведем пример текстовой метафтонимии из романа Р.Брэдбери «Вино из одуванчиков». В понимании автора городок, где живет главный герой романа подросток Дуглас, – это ненадежный корабль, старое и опасное пристанище, готовое в любую минуту «выплеснуть» человека за борт: «Порой какая-нибудь шлюпка, хибарка – (1) детище корабля, (2) смытое неслышной бурей времени, – (3) тонет в молчаливых (4) волнах термитов и муравьев...». В данном предложении зафиксировано двенадцать метафор, но в силу ограниченных рамок тезисов приведем только три:

(1) субстантивная авторская однокомпонентная образная метафора второго типа, она же антропоморфная центробежная структурная метафора по модели «ХИБАРКА – ЭТО ДЕТИЩЕ КОРАБЛЯ». В русском языке профилирующими компонентами главного значения слова «хибарка», выступающего в данной метафорической модели областью-мишенью, являются следующие идентифицирующие смыслы: *небольшой, убогий, ветхий или очень скромный домик*. Возникающий при этом образ и данные компоненты как бы накладываются на семантику главного значения слова «детище», которое составляет домен-источник: *результат упорной работы, продукт собственного труда*. В результате инвариантно-компонентного анализа, предполагающего

семантическую редукцию неглавных сем, мы получаем инвариантные компоненты, легшие в основу данного переноса: *как если бы небольшой, убогий, ветхий или очень скромный домик был результатом упорной работ;*

(2) глагольная авторская концептуальная метафора, в которой профилируются признаки *удалять что-либо с поверхности с помощью жидкости;*

(3) глагольная семантически распространенная дополнением частотная антропоморфная метафора первого типа, основанная на инвариантных семах *погружаться в воду и гибнуть в ней, опускаясь на дно;*

(4) субстантивная авторская распространенная метафора второго типа, которую можно трактовать как структурную метафору по модели «ТЕРМИТЫ И МУРАВЬИ – ЭТО ВОЛНЫ»; профилирующими компонентами главного значения слова «муравьи», выступающего в данной метафорической модели областью-мишенью, являются следующие идентифицирующие признаки: *высокоорганизованные общественные насекомые, живущие большими колониями в кучах из хвои;* возникающий при этом образ и данные компоненты как бы накладываются на семантику главного значения слова «волна», которое составляет домен-источник *поступательное движение на поверхности водоема, образуемое при его колебании ветром.*

Как можно видеть из представленных выше результатов нашего анализа, если речь идет о метафтонимии на уровне значения полисеманта (слияние), то необходим компонентный анализ для выявления семантических сем, участвующих в переносах (1; 2). В случае текстовой метафтонимии, основанной на кумулятивных цепочках, необходима процедура верификации наличия в тексте иерархии тропов. Это важно, поскольку метафтонимия представляет собой довольно сложное и редкое тропеическое взаимодействие метафорических и метонимических переносов, которые требуют внимательного анализа семантики этих значений.

Список литературы

1. *Песина С.А.* Градация метафор по уровням интеллектуального восприятия // Знак, язык и дискурс в динамике и статике: монография / Ф.Э. Абдуллаева, О.В. Байкова, В.Э. Будейко [и др.]. Кемерово: Изд-во Кемеровского государственного университета, 2023. С. 9–30.
2. *Песина С.А.* Инвариант многозначного слова в феноменологии // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2015. № 2. С. 120–127.
3. *Песина С.А., Юсупова Л.Г.* Метафтонимия как средство создания нелинейного контекста // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: Тезисы докладов 83-й международной научно-технической конференции. Т. 3. Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2025. С. 142.
4. *Шарманова О.С.* Метафтонимия как концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии // Вестник ИГЛУ. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2011. С. 194–200.

5. Collins Cobuild English Language Dictionary. London; Glasgow: Collins, 1990.
6. *Denroche Ch.* Text metaphonymy: the interplay of metonymy and metaphor in discourse // *Metaphor and the Social World*. 2018. Vol. 8, Iss. 1. P. 1–24.
7. *Dirven R., Pörings R.* (eds.). *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 349–377.
8. *Goossens L.* Metaphonymy: the Interaction of Metaphor and Metonymy in Figurative Expressions for Linguistic Action // *By word of mouth: metaphor, metonymy, and linguistic action in a cognitive perspective* / Ed. by L. Goossens et al. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1990. P. 158–174.
9. *Pesina S.A., Kiseleva S.V., Novikov D.N., Vinogradova S.A., Trofimova N.A., Tsytsarkina N.N.* Textual metaphonymy as opposed to lexical metaphonymy // *Cadernos de Educação, Tecnologia e Sociedade*. 2024. Vol. 17. № S3. P. 126–136.

MECHANISMS OF METAPHTHONYMY FUNCTIONING AT THE WORD AND DISCOURSE LEVEL

S.A. Pesina, S. Zhang

*Nosov Magnitogorsk State Technical University named, Magnitogorsk
Henan University of Animal Science and Economics, Zhengzhou, China*

The proposed approach to defining metaphonymy reveals the interaction of metaphor and metonymy as a complex mechanism for the formation of value-based meanings, realized both in discourse and at the level of polysemantic meaning. The profound expressiveness of metaphonymy facilitates the formation of multidimensional associations in the recipient's consciousness, where the object is not directly revealed but understood indirectly through other associations.

Key words: metaphonymy, metaphor, metonymy, polysemy, discourse.

УДК 811.1/.8

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО ФРЕЙМИНГА В ИСПАНСКОМ АДВОКАТСКОМ ДИСКУРСЕ

О.А. Пильщикова

Ростов-на-Дону, Россия

В статье исследуется интенциональный потенциал риторического вопроса в испанском адвокатском дискурсе. На базе теорий Дж. Лакоффа и Дж. Серля анализируются механизмы интенционального фреймирования через использование репрезентативных и экспрессивных речевых актов.

Ключевые слова: риторический вопрос, интенциональный фрейминг, речевые акты, испанский адвокатский дискурс.

Современная лингвистическая парадигма характеризуется углубленным интересом к исследованию институциональных типов дискурса, среди которых судебный и, в частности, адвокатский занимают особое место. Как отмечает В. И. Карасик, институциональность данного типа коммуникации определяется четкой закрепленностью ролей и специфичностью целей, направленных на принятие юридически значимых решений [2]. В рамках когнитивной лингвистики адвокатский дискурс рассматривается как сложное пространство конструирования и трансформации ментальных моделей реальности. Т. В. Дубровская подчеркивает, что судебная коммуникация – это прежде всего борьба за доминирование одной из версий реальности [1].

Испанские исследователи указывают на то, что адвокатский дискурс обладает уникальной гибридной структурой, сочетающей строгую регламентацию и высокую степень персуазивности: в определенных случаях одни и те же механизмы используются для снижения силы воздействия, а в других – для её наращивания [5]. Адвокат стремится к тому, чтобы судья принял определенный нарратив, объединяющий в единое целое участников, место и время действия, последовательность событий и их эмоциональную окраску [6].

Адвокатский дискурс включает диалогический блок (допрос) для сбора фактов и монологическую защитительную речь для их концептуализации. Основной целью защитительной речи является не обмен информацией, а стратегическое воздействие на убеждения судей. Такое понимание вопроса как осознанного действия напрямую соотносится с концепцией интенционального фрейминга. Согласно Дж. Лакоффу, фреймы представляют собой ментальные структуры, определяющие наше восприятие реальности и алгоритмы нашей деятельности [4].

Анализ механизмов данного воздействия требует обращения к теории речевых актов Дж. Серля, классифицирующей речевые действия в зависимости от их иллокутивной цели [7]. Согласно Серлю, репрезентативы (или ассертивы) – это речевые акты, обязывающие говорящего принять тезис как соответствующий действительности (например, утверждения, констатации, заверения). Экспрессивы же, в свою очередь, выражают психологическое состояние говорящего по отношению к некоторому положению дел (например, извинение, благодарность, сожаление, возмущение).

1. Фреймирование «разумного сомнения» через репрезентативные риторические вопросы. Адвокат использует вопросы, которые формально звучат как запрос мнения, но интенционально являются утверждением о недостаточности улик.

¿Es razonable condenar a un ciudadano basándose únicamente en el testimonio de una persona que ha demostrado tener intereses personales en este conflicto? ‘Разумно ли осуждать гражданина, основываясь исключительно на показаниях человека, который продемонстрировал личную заинтересованность в этом конфликте?’.

Данный вопрос создает жесткий когнитивный фрейм «абсурдности обвинения». Используя прилагательное *razonable* (разумный), адвокат апеллирует к правовому стандарту «разумного сомнения». Когнитивная

пресуппозиция вопроса такова: осуждение в данных условиях не является разумным. Вместо прямого утверждения («эти показания сомнительны»), адвокат заставляет судью самостоятельно прийти к этому выводу, что значительно усиливает персуазивный эффект.

2. Эмоциональное фреймирование через экспрессивные риторические вопросы. На финальной стадии процесса адвокату необходимо сформировать у суда эмпатическое отношение к подзащитному или негодование по отношению к действиям обвинения.

¿Es acaso justo que la vida de una persona quede marcada para siempre por un error de juicio, por un instante de debilidad? 'Разве справедливо, что жизнь человека будет запятнана навсегда из-за ошибки в суждении, из-за мгновения слабости? '.

Риторический вопрос функционирует как экспрессив, направленный на формирование фрейма «трагической несправедливости». Используя вопросительную форму с частицей «*acaso*» (случайно, разве), адвокат намеренно подчеркивает недопустимость ситуации для того, чтобы вызвать у суда чувство сострадания к подзащитному и побудить его воспринимать потенциальное наказание как чрезмерное и несправедливое, тем самым подрывая основу для обвинительного приговора.

Вывод. В рамках монологической защитительной речи риторический вопрос выступает единственным типом вопросительного высказывания, целью которого является не получение ответа, а целенаправленное манипулирование мнением аудитории (суда, присяжных), вызывание необходимых эмоций и укрепление аргументационной позиции говорящего.

Такая функциональная специфика обуславливает трансформацию риторического вопроса в когнитивный механизм управления процессами интерпретации и оценки.

Список литературы

1. Дубровская Т.В. Судебный дискурс в когнитивно-дискурсивном аспекте // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 1 (13). С. 104–113.

2. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика языкового сознания. 2002. С. 37–64.

3. Jurado Bascón M. Voces en desequilibrio: análisis pragmático-discursivo de la construcción de credibilidad del agresor y de la víctima en un juicio por violencia de género. 2025. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://idus.us.es/server/api/core/bitstreams/b90dfa94-1b34-403a-b4a7-ae174f7a64d0/content> [дата обращения: 11.01.2026].

4. Lakoff G. Don't think of an elephant! Know your values and frame the debate. Chelsea Green Publishing, 2004. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://rosadefoc.noblogs.org/files/2018/02/The-ALL-NEW-Dont-Think-of-an-Elephant_-K-George-Lakoff.pdf [дата обращения: 09.09.2025].

5. Ridao Rodrigo S. et al. La difusa frontera entre atenuadores e intensificadores discursivos: a propósito del verbo “recordar” в un corpus judicial oral. 2022.

[электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://rodin.uca.es/handle/10498/28136> [дата обращения: 11.01.2026].

6. *Robalino Álvarez L.E.* Teoría del caso como estrategia jurídica en el sistema oral acusatorio y el debido proceso. 2023. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://repositorio.puce.edu.ec/server/api/core/bitstreams/03339a39-c665-4ef2-bc87-24e01300039d/content> [дата обращения: 11.01.2026].

7. *Searle J.R.* A Classification of Illocutionary Acts // *Language in Society*. 1976. Vol. 5. № 1. P. 1–23.

THE RHETORICAL QUESTION AS A TOOL OF INTENTIONAL FRAMING IN SPANISH LAWYER DISCOURSE

O.A. Pilshikova

Rostov-on-Don, Russia

The article examines the intentional potential of the rhetorical question in Spanish legal discourse. Drawing upon the theories of G. Lakoff and J. Searle, the paper analyzes the mechanisms of intentional framing realized through the use of representative and expressive speech acts.

Key words: rhetorical question, intentional framing, speech acts, Spanish legal discourse.

УДК 811.111- 659.1

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕМОВ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

С.А. Погодаева, Ф.С. Ермолов

Кубанский государственный университет, Краснодар

В работе рассматриваются понятие, свойства и функции мемов, а также их использование в русскоязычной и англоязычной рекламе. Подчеркивается, что мемы обладают значительным манипулятивным потенциалом в рекламном дискурсе.

Ключевые слова: мем, манипуляция, манипулятивный потенциал, реклама, рекламный дискурс.

Мемы стали повсеместными в современном медиапространстве. Они возникают хаотично в разных видах дискурса, прежде всего в рекламном, из-за чего мы предполагаем, что мемы становятся новым способом как вербального, так и невербального воздействия на адресата.

Таким образом, гипотеза нашего исследования состоит в том, что мемы, используемые в рекламном дискурсе, обладают значительным манипулятивным потенциалом. Объектом нашего исследования является мем в рекламном дискурсе, а предметом – манипулятивные техники, реализуемые посредством использования мема в рамках рекламы.

Актуальность темы обусловлена тем, что изучение мем-культуры (меметика) является недостаточно разработанным направлением в современной лингвистике. Мем является продуктом массовой культуры, его сообщение хорошо считывается адресатом (особенно молодой аудиторией), в связи чем данный феномен может быть эффективным средством привлечения внимания адресата и манипулятивного воздействия на него.

Слово «мем» происходит от древнегреческого “mimima” («подобие», «похожесть»). Термин был введен британским эволюционным биологом Р. Докинзом, обозначившим им различные виды информации, которые распространяются, размножаются и изменяются в среде человеческой культуры подобно вирусу [6].

И. Милосавлевич определяет мем как описательную фотографию или видеоролик, имеющий комический эффект [7]. Ю.В. Щурина в широком понимании мема подразумевает концепт, образ или идею культуры, массово распространяющиеся среди какого-либо сообщества [4]. Таким образом, мемом является любой медиафрагмент, массово распространяющийся от сознания к сознанию, имеющий свойства вирусности, многоформатности, юмора и социальной обусловленности.

У мема выделяют юмористическую, рекламирующую и политическую функции [7]. Это коррелирует с прагматической направленностью рекламного дискурса, так как его целью является не только информирование, но и воздействие на сознание аудитории [2]. Мемы имеют сходства с традиционной рекламой, так как структурно похожи на рекламные баннеры из-за опоры на визуальные образы и емкие смыслы. Мемы быстро считываются адресатом, позволяя миновать так называемую «баннерную слепоту»: интернет-пользователи воспринимают их не как рекламу, а как форму оригинального или забавного интернет-искусства.

Манипулятивный потенциал мемов особо востребован в условиях отмечаемой учеными [5] массовой клиповизации мышления, когда у широкой аудитории уменьшена длительность фокуса внимания и хорошо воспринимается информация лишь через короткие, яркие и разрозненные образы.

Манипуляция – это коммуникативная стратегия, при которой субъект коммуникации скрытно навязывает объекту воздействия какие-либо установки и действия, которые воспринимаются последним как свои собственные [3].

Манипуляция предполагает воздействие на адресата путем использования определенных манипулятивных приемов. Среди них выделяют эвфемизмы, подмену понятий, сравнение, переосмысление, вживленную оценку, имплицитный смысл и риторические вопросы и приемы на языковых уровнях: фонетическом, графическом, лексическом и синтаксическом [1].

Обратимся к примерам использования мемов в рекламе.

Так, российский маркетплейс “OZON” опубликовал видеомем с надписью «Я со своими морковками и билетами жду, когда сорву джекпот в Фортунате» и с изображением зайца “OZON”, танцующего на фоне приложения сервиса (ВКонтакте). Таким образом, адресант сообщения использовал вербальный шаблон мема «Я, когда...». В сообщении есть имплицитный смысл (участники

акции «Фортуната» получают выгоду, если будут совершать покупки и крутить барабан) и олицетворение (сиреневый заяц – символ бренда). На фонетическом уровне отмечаем обращение к аллитерации с повторением буквы «о» в шести словах из десяти.

Сеть ресторанов «Вкусно и точка» создала видеоролик с подписью “rov: подруга в беде не бросит!”, с историей о двух подругах, собирающих фигурки персонажей мобильной игры «Ам-ням» (ВКонтакте). По сюжету одна из девушек приносит своей подруге заказ из «Вкусно и точка», из него она достает фигурку и дарит её ей. Использован мем-окказионализм “rov” (“point of view” – «точка зрения»). Есть имплицитный смысл (компания оповещает потребителей о сотрудничестве с создателями мультфильма «Ам-ням» и намекает, что хорошие друзья обязательно угостят в фастфуд-кафе). На графическом уровне отмечено использование логотипа компании и выделение прописным шрифтом.

Сеть пиццерий “Papa Johns” разместила видеомем с надписью “me: i have a lot on my plate rn – the plate”: («я: у меня сейчас много обязанностей – мои обязанности») (TikTok). Мем меняет смысл фразеологизма “to have a lot on my plate” (дословно «иметь кучу всего в своей тарелке»), применяющийся в значении «иметь кучу обязанностей». Авторы использовали переосмысление, переделав смысл высказывания. В меме есть имплицитный смысл (съесть пиццу из этой сети ресторанов – важное дело). На лексическом уровне отмечаем использование окказионализма “rn”, (“right now” – «прямо сейчас») и на графическом – мелкий шрифт (для минимизации официальности) и логотип компании.

Таким образом, мемы обладают значительным манипулятивным потенциалом, так как задействуют одновременно несколько манипулятивных средств (олицетворение, переосмысление, вложение имплицитного смысла), в том числе на разных уровнях языка (неологизмы – на лексическом, аллитерация и анафора – на фонетическом, различные шрифты и символы продукции – на графическом). Дополнительными факторами их эффективности является быстрота передачи информации (если стандартной рекламе требуется около 1 минуты для этого, то мему достаточно 10-15 секунд) и юмористическая составляющая. В связи с вышесказанным, мемы стали чаще использоваться в маркетинге, что подтверждает гипотезу нашего исследования.

Список литературы

1. Борисов Б.Л. Технологии рекламы и PR. М.: ГРАНД, 2001. 617 с.
2. Кузнецова Е.В. Рекламный дискурс как форма коммуникации: культурный код в пространстве рекламы // Человек в социокультурном измерении. 2024. №1 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/313238/1/49-56.pdf?ysclid=mp34kbtfls628415350> (дата обращения: 08.05.2026).
3. Седов К.Ф. О манипуляции и актуализации в речевом воздействии // Проблемы речевой коммуникации. 2003. №2 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35163021> (дата обращения: 08.05.2026).

4. *Щурина Ю.В.* Интернет-мемы: проблема типологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 6 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-problema-tipologii> (дата обращения: 07.05.2026).

5. *Яркова Е.Н.* Теория клипового мышления или эскиз картины регресса человеческого разума // Дискурс-Пи. 2019. №2 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-klipovogo-myshleniyaili-eskiz-kartiny-regressa-chelovecheskogo-razuma> (дата обращения: 07.05.2026).

6. *Dawkins R.* The selfish gene // Best books. New York.: Oxford University Press, 1989. 385 p.

7. *Milosavljevic I.* The phenomenon of the Internet memes as a manifestation of communication of visual society // Media Studies And Applied Ethics. 2020. №1 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://www.researchgate.net/publication/340051035_THE_PHENOMENON_OF_THE_INTERNET_MEMES_AS_A_MANIFESTATION_OF_COMMUNICATION_OF_VISUAL_SOCIETY_-_RESEARCH_OF_THE_MOST_POPULAR_AND_THE_MOST_COMMON_TYPES (дата обращения: 07.05.2026).

Источники

POV: Подруга в беде не бросит! // ВКонтакте [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://vk.com/vkusno_itochka?z=clip-9580285_456245828 (дата обращения 08.05.2026).

Я со своими морковками и билетами жду, когда сорву джекпот в Фортунате // ВКонтакте [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://vk.com/clips/ozon?z=clip-15111376_457509523 (дата обращения 08.05.2026).

Pizza: The Edible Plate? // TikTok [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.tiktok.com/@papajohns/video/7613417336460168478> (дата обращения: 09.05.2026).

THE MANIPULATIVE POTENTIAL OF MEMES IN THE ADVERTISING DISCOURSE

S.A. Pogodaeva, P.S. Ermolov

Kuban State University, Krasnodar

The paper examines the concept, properties and functions of memes, as well as their use in Russian and English-language advertising. It emphasizes that memes have significant manipulative potential in the advertising discourse.

Key words: meme, manipulation, manipulative potential, advertising, advertising discourse.

ВИРТУАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ИНФОРМИРОВАНИЯ

А.В. Покалюк, И.П. Хурыз

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена анализу средств конструирования коммуникативной стратегии информирования в виртуальном педагогическом дискурсе. Актуальность темы исследования обусловлена возможностью повышения эффективности данного дискурса. Материалом исследования являются публикации трех преподавательских блогов, опубликованные в видеоформате и посвященные особенностям изучения английского языка.

Ключевые слова: виртуальный педагогический дискурс, коммуникативная стратегия информирования, тактики, педагогика, преподавательский блог, языковые средства.

В ходе исследования мы определили, что виртуальный педагогический дискурс – это система коммуникационных актов, осуществляемых между преподавателями и обучающимися в рамках сети Интернет. Научный интерес к нему связан с влиянием современных онлайн-площадок на все сферы общественной жизни и в том числе педагогику. Кроме того, Интернет продуцирует разработку новых эффективных форм подачи педагогического материала. Их выявление требует специального анализа и изучения. Соответственно, цель представленного исследования – выявить тактики и средства, формирующие коммуникативную стратегию информирования.

Для анализа был сформирован исследовательский корпус, состоящий из 20 видеофрагментов трех блогов, представляющих ключевые особенности конструирования коммуникативной стратегии информирования в виртуальном педагогическом дискурсе. Материалы были отобраны из источников, находящихся в открытом доступе и опубликованных в 2025 году, что обеспечивает релевантность и актуальность исследуемых данных.

Коммуникативная стратегия, реализуемая в рамках конкретного дискурса, представляет собой проективное концептуальное видение коммуникантов своего дискурсивного поведения, лежащее на выборе наиболее эффективных языковых средств, служащих достижению цели [1]. Как правило, при изучении коммуникативных стратегий используется прагматический подход, позволяющий соотнести коммуникативную цель с избранными средствами. В ходе исследования нами применяется дискурсивно-прагматический подход, а также методы систематизации и интерпретации. Анализ показал, что коммуникативная стратегия информирования формируется с помощью тактик,

объяснения, оценки, побуждения и совета, самопрезентации, обращения к аудитории.

Основной тактикой в проанализированных нами блогах выступает объяснение. В ее основе находится взаимодействие с аудиторией, преследуемые цели коммуникантов, планирование и достижение результатов, соответственно из этого исходит выбор языковых средств. Главным языковым средством при построении данной тактики в блогах выступают вопросительные слова. Они стимулируют мыслительную работу адресата и, за счет привлечения его внимания, а также ориентирования аудитории в коммуникационном пространстве, способствуют пониманию информации:

«А что лично вам мешает свободно говорить на иностранном языке?»; «А что бы вы все-таки сделали в данной ситуации на месте мужа?» [Аурика, разговорный английский].

Для блогеров характерно сочетание разговорной речи с терминами и понятиями педагогического дискурса. Авторы в рамках производства собственного контента активно используют актуальные примеры из поп-культуры, которые могут заинтересовать аудиторию.

При реализации тактики объяснения авторы пытаются доступно воспроизвести речевые ситуации с помощью видеоряда, устной и письменной речи. При этом, несмотря на обилие языковых средств, контент блогеров основывается на фактах. Главными среди них выступают сами словесные конструкции, которые также воспроизводятся на экране в текстовом формате.

Тактика оценки, которая заключается в привлечении внимания и часто предполагает выражение экспрессии, представлена в таких высказываниях, как:

«Вы никогда не будете понимать носителей языка, потому что они говорят не так, как написано в учебниках. Вы говорите: «Continue», они говорят: «Carry on». <...> Вывод очень простой: если вы не знаете фразовые глаголы, то вы как бы говорите по-английски, но не понимаете «живой» язык» [Английский Французский легко!]; В данной тактике активно используется гипербола, цель которой заключается в акцентировании внимания аудитории на качествах объекта, о котором идет речь. На наш взгляд, применение данной тактики также обусловлено направленностью на речевую экономию и достижение максимальной динамичности видеоконтента.

Основной целью адресанта остается информирование аудитории. При этом речевое поведение также основывается на тактике побуждения и советах (рекомендациях) по тому, какие конструкции и слова оптимально употреблять в заданных ситуациях. Последние, в свою очередь, должны соответствовать запросу аудитории, которая рассматривается как текущий и/или потенциальный ученик. Данная тактика наиболее ярко выражается в таких императивных высказываниях, как:

«перестаньте говорить»; «используйте»; «давайте посмотрим»; «остановитесь»; «смотрите дальше» и др. [Английский Французский легко!].

Отличительным является частое употребление слова «мотивация», с помощью которого авторы обозначают связь между заинтересованностью ученика и эффективностью его обучения. К единицам, характерным для

педагогического дискурса, мы причисляем слова, относящиеся к языку («фразы», «речь», «носитель» и т. д.).

Просьбы и призывы отражают направленность на диалог и интерактивность:

«Давайте мы все-таки решим»; «Сохраните, чтобы не потерять»; «Используйте правильную конструкцию» и др. [Аурика, разговорный английский].

Из вышесказанного мы можем сделать вывод, что концептуальное видение блогеров, а также их позиционирование исходит из противопоставления собственного подхода традиционному, «из учебников», который, по мнению автора, недостаточно адаптирован к реальным речевым ситуациям в англоязычной среде.

Также активно используется тактика самопрезентации, поэтому дискурсивные особенности соотносятся с личностью педагога, его опытом и профессионализмом: «Я специализируюсь на разговорном английском, помогаю преодолеть барьер и разговаривать легко на любые темы. <...> ... я выбираю нужную конкретно вам лексику, чтобы не забивать голову лишними фразами, которые вы никогда не используете» [AlexSpeaks | говори на английском без «эээ»].

Для адресанта свойственна тактика обращения к своей аудитории как к «друзьям», исходя из чего мы делаем вывод о стирании грани между педагогом и условным учеником в социальной сети. Данный подход является ключевым аспектом, отличающим преподавательский блог от иных форм виртуального педагогического дискурса.

Итак, коммуникативная стратегия информирования в преподавательских блогах конструируется с помощью тактик объяснения, оценки, побуждения, самопрезентации и обращения к аудитории. Для блогеров типичны противопоставление себя академическим формам обучения и передача информации в форме советов. Педагогический дискурс в данном случае выражается главным образом за счет императивов и терминологии, относящейся к образовательному процессу и английскому языку. Для привлечения аудитории используется широкий спектр разных языковых средств – от эпитетов и метафор до вопросительных слов и повторов. В совокупности данные языковые средства способствуют выполнению основной задаче обучающего блога – информированию, а также привлечения и удержания внимания целевой аудитории.

Список литературы

1. Димова Г.В. Основные стратегии французского университетского педагогического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет при Университете им. М. Блока г. Страсбурга (Франция), 2004. 342 с.

2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.

3. Рахим А.Ф. К вопросу о выявлении субдискурсов в педагогическом дискурсе // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2017. № 10. С. 69–75.

Источники

AlexSpeaks | говори на английском без «эээ» // ВКонтакте. Режим доступа. URL: https://vk.ru/alex_speaks (дата обращения: 28.11.2025)

Английский Французский легко! // ВКонтакте. Режим доступа. URL: <https://vk.ru/happyengfrench> (дата обращения: 01.12.2025).

Аурика, разговорный английский // ВКонтакте. Режим доступа. URL: <https://vk.ru/uchitelgovorit> (дата обращения: 01.12.2025).

VIRTUAL PEDAGOGICAL DISCOURSE: MEANS OF CONSTRUCTING A COMMUNICATIVE STRATEGY OF INFORMING

A.V. Pokalyuk, I.P. Khoutyz

Kuban State University, Krasnodar

This article analyzes the means of constructing a communicative strategy for disseminating information in virtual pedagogical discourse. The relevance of this research topic stems from the potential to improve the effectiveness of this discourse. The research material consists of three teacher blog posts, published in video format and dedicated to the specifics of learning English.

Key words: virtual pedagogical discourse, communication strategy of information, tactics, pedagogy, teacher blog, language tools.

УДК [811.161.1+811.161.3]'42:070:641

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В НАЗВАНИЯХ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕКЛАМЫ

Т.В. Поплавская, О.А. Шуманская

Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск

Цель исследования заключается в выявлении особенностей функционирования гастрономической лексики в названиях русскоязычных художественных произведений, относящихся к жанрам детектива и любовного романа. Были определены характерные для каждого жанра образы, актуализируемые в заголовках при помощи лексем гастрономической тематики.

Ключевые слова: художественный дискурс, заголовок, гастрономическая лексика, витальные потребности.

Анализируя названия современных детективов и романтических произведений, нетрудно заметить в них широкое использование лексики витальных потребностей. Слова, описывающие биологические нужды (дыхательную, пищевую, питьевую, потребность во сне, безопасности и др.), являясь экспликацией основ жизнедеятельности человека, более других склонны к метафоризации и формируют яркие образы, привлекающие внимание читателей. Среди упомянутой лексики особое место занимает гастрономическая, включающая названия блюд, их ингредиентов, напитков, вкусов, кухонной утвари, процессов приготовления и потребления пищи и др. Создаваемые с ее помощью образы ассоциируются с удовольствием, чувственным наслаждением; вызывают у аудитории сильные эмоции и побуждают выбрать для чтения произведения с привлекательными названиями: «Маленькое кофейное приключение» (Хоффман), «Криминальные сливки» (Серова).

В зависимости от жанра произведения в заголовках актуализируются различные образы, сформированные при помощи рассматриваемых лексем. В заголовках детективных романов употребляются слова с контрастными значениями «наслаждение» и «опасность». Авторы прибегают к использованию антитезы, парадоксов, олицетворений, трансформированных прецедентных феноменов: «*Рагу из зернистой икры*» (Лобусова), «*Пролетая над пучком петрушки*» (Александрова). Создаваемые оригинальные образы часто вызывают противоречивые чувства и даже когнитивный диссонанс; они также дают аудитории подсказку о жанре произведения и возможном развитии сюжета: «Убийство в сливочной глазури» (Флюк).

Заголовки любовных романов часто транслируют стереотипные представления о романтических отношениях и их атрибутах: «*Кофе в постель*» (Горовая). В некоторых заголовках без особого труда расшифровывается основная сюжетная линия: «*Два кольца и брызги шампанского*» (Тэйер), «*Помолвка на десерт*» (Харрингтон). Авторы прибегают к использованию лексем с компонентами значения «сладость», «удовольствие»; в заголовках используются названия десертов, их основных компонентов; продуктов, блюд, ассоциирующихся с романтическими ухаживаниями: «*В медовой ловушке*» (Гамильтон).

Таким образом, гастрономическая лексика в проанализированных заголовках используется в качестве рекламного инструмента, направленного на привлечение внимания аудитории к произведениям, повышение их узнаваемости и роста продаж. Заголовки произведений массовой культуры ориентированы на легкость в восприятии, определенную шаблонность, непритязательный художественный вкус, что объясняет выбор общеизвестной гастрономической лексики как основу для создания образов, транслирующих основной посыл произведений.

Источники

Александрова Н.Н. Пролетая над пучком петрушки. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
Гамильтон Д. В медовой ловушке [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://loveread.ec/book-comments.php?book=11674> (дата обращения 20.05.2026).

Горовая О. Кофе в постель [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://loveread.ec/book-comments.php?book=11199> (дата обращения 20.05.2026).

Лобусова И. Рагу из зернистой икры [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://litmir.club/bd/?b=203458> (дата обращения 20.05.2026).

Серова М. Криминальные сливки [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://loveread.ec/read_book.php?id=3859&p=1 (дата обращения 20.05.2026).

Тэйер П. Два кольца и брызги шампанского. М.: Радуга, 2002. 176 с.

Флюк Дж. Убийство в сливочной глазури. М.: Эксмо, 2005. 384 с.

Харрингтон Н. Помолвка на десерт. Центрполиграф, 2011. 160 с.

Хоффман К. Маленькое кофейное приключение. М.: Радуга, 2003. 32 с.

THE USE OF GASTRONOMICAL VOCABULARY IN THE TITLES OF FICTION AS AN ADVERTISING TOOL

T.V. Poplavskaja, O.A. Choumanskaya

Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk

The aim of the study is to identify the features of the functioning of gastronomic vocabulary in titles of the literary works in Russian related to the detective and romance genres. Images characteristic of each genre, actualized in the titles using gastronomic lexemes, were identified.

Key words: artistic discourse, title, gastronomic vocabulary, vital needs.

УДК 81'276.5-055.2=111

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В АМЕРИКАНСКОМ СЛЕНГЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ НОМИНАЦИИ

А.М. Прима, Н.Б. Шершнев

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются особенности репрезентации женского образа в американском сленге. Установлено, что в американском сленге женский образ конструируется преимущественно через метафорические и метонимические модели, основанные на признаках внешней привлекательности, сексуальной объектности, возрастной маркированности, а также негативной оценке внешности и характера. Выявленные номинации демонстрируют устойчивость гендерных стереотипов и отражают культурно обусловленные способы вербализации отношения к женщине в англоязычной среде.

Ключевые слова: сленг, гендерная лингвистика, женский образ, оценочность, английский язык.

Исследование гендерной маркированности лексики остается одной из актуальных задач современной лингвистики, поскольку язык не только отражает социальные представления о мужчине и женщине, но и участвует в их формировании. Особый интерес в этом отношении представляет субстандартная

лексика, в которой оценочность, экспрессивность и культурные стереотипы проявляются особенно ярко.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изучения способов репрезентации женского образа в американском сленге как части национально-культурной картины мира. Цель статьи состоит в выявлении основных семантических моделей номинации женщины в лексике американского сленга. Эмпирическим материалом исследования послужили отобранные методом направленной выборки лексические единицы, номинирующие лиц женского пола, из словарей «A Dictionary of Slang and Unconventional English» Eric Partridge; «Dictionary of Contemporary Slang» Tony Thorne; «The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English» by Tom Dalzell; «The Oxford Dictionary of Slang» John Ayto; «Dictionary of American slang New York» by S. Flexner, H. Wentworth.

В современных исследованиях гендерной лингвистики язык рассматривается как инструмент репрезентации социальных ролей и стереотипов. Лексика сленга в этом отношении особенно показательна, поскольку она концентрирует сниженные, иронические, фамильярные и оценочные способы обозначения человека. Женские наименования в сленге часто обладают выраженной экспрессией и нередко строятся на метафорическом переносе значений с предметов, животных, пищи и культурных символов.

Для анализа материала был использован структурно-семантический подход, позволивший выделить повторяющиеся модели номинации и описать их оценочную направленность. В рамках данной статьи особое внимание уделяется семантической мотивации слова, типу образной основы и характеру оценки. При анализе эмоционально-оценочной маркированности мы опираемся на подход А.В. Самойловой и Н.Б. Шершневой, указывающих, что аксиологический потенциал лексических единиц раскрывается через актуализацию оценочных сем и ассоциативных связей, закрепленных в языковом сознании [3]. Это подтверждает, что сленговые номинации женщины не просто описывают внешность или характер, но и выражают ценностную позицию носителей языка.

Одной из наиболее заметных групп женских номинаций являются лексемы, обозначающие привлекательную женщину. В эту группу входят такие единицы, как *queen*, *hot tamale*, *sexpot*, *funbag*, *rum doxy*, *sheba*, *ankle*.

ANKLE – an attractive female or females. This use of the word appears to predate its popularity among black youths and on campus since the late 1990s. The provenance is unclear and it may be a jocular reference to the archaic phrase ‘a wellturned ankle’ as a Victorian notion of beauty (Dictionary of Contemporary Slang).

FUNBAG - a woman, particularly an attractive woman or a potential sexual partner (Dictionary of Contemporary Slang).

HOT TAMALE - a sexually arousing or provocative woman. A male expression of admiration or approval first coined by adults but now probably more popular among enthusiastic, if unsophisticated, high school and college students. A tamale is a spicy rolled pancake, a Mexican speciality (Dictionary of Contemporary Slang).

QUEEN – a very generous, pleasant, remarkable or attractive girl or woman (Dictionary of American slang New York).

RUM DOXY – a beautiful woman (A Dictionary of Slang and Unconventional English).

SEXPOT - a sexually attractive woman (The Oxford Dictionary of Slang).

SHEBA – an attractive girl (Dictionary of American slang New York).

Эти слова различаются по образной основе, но объединяются положительной или полуположительной оценкой внешности женщины. Например, queen актуализирует семы исключительности и превосходства, создавая образ женщины как достойной восхищения и почтения. В свою очередь, hot tamale и sexpot строятся на ассоциациях с пищей и контейнером, что демонстрирует объективирующий взгляд на женщину как на источник желания и визуального удовольствия.

Особую роль в этой группе играет метафора еды. Так, hot tamale ассоциирует женскую привлекательность с остротой, яркостью и экзотичностью, а funbag соединяет семантику удовольствия и вместилища, подчеркивая инструментальное восприятие женщины. Как показывает С.Х. Липириди в исследовании гастрономических неологизмов, пищевой код и метафоры еды в английском языке обладают высоким экспрессивным потенциалом и часто используются для конструирования оценочных смыслов [2]. В контексте субстандартной лексики это приводит к тому, что гастрономические ассоциации становятся эффективным инструментом объективации.

Подобные номинации свидетельствуют о том, что даже положительно окрашенные на первый взгляд единицы нередко сохраняют оттенок объектности.

Вторая значимая группа включает наименования непривлекательной женщины. Здесь встречаются лексемы bat, buffarilla, swamp-donkey, flybait, bag, haybag, poulitice. Для этих слов характерна резко негативная коннотация. Женщина номинируется через сравнение с животными, грубыми предметами или малопривлекательными объектами.

BAG – an unattractive and/or unpleasant woman. This usage originated in the early 20th century with the idea of a shapeless, heavy or burdensome female, previously expressed as ‘baggage’ (Dictionary of Contemporary Slang).

BAT – an ugly woman (The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English).

BUFFARILLA – an ugly girl. A blend of «buffalo» and «gorilla» (RDMASUE).

FLYBAIT – an unattractive girl (The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English).

HAYBAG – applied to an unattractive woman (The Oxford Dictionary of Slang).

POULTICE – a fat woman (The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English).

SWAMP-DONKEY – an extremely ugly or unattractive female. A vogue term among university students since around 2000. A British origin has been claimed for the phrase, but it may be a rural North American slang word for a moose (Dictionary of Contemporary Slang).

Например, bat вызывает ассоциации с ночным, зловещим и пугающим существом, а buffarilla соединяет образы буйвола и гориллы, усиливая

впечатление неуклюжести и грубости. В подобных единицах отчетливо проявляется дегуманизирующий характер оценки.

Отдельного внимания заслуживают лексемы, описывающие женскую полноту, высокий рост, угловатость или другие физические особенности: *horse-godmother*, *long slab*, *long mag*, *titless wonder*, *broad-gauge lady*.

BROAD-GAUGE LADY – a large-hipped woman (The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English).

HORSE-GODMOTHER – a large masculine woman (Dictionary of American slang New York).

LONG MAG – a very tall woman (The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English).

LONG SLAB – a tall, very thin woman (A Dictionary of Slang and Unconventional English).

TITLESS WONDER – a flat-chested woman (The Oxford Dictionary of Slang).

Эти наименования показывают, что тело женщины становится объектом детального оценочного наблюдения. Физический облик интерпретируется через гиперболу, пародию или сравнение с предметами, что усиливает комический и уничижительный эффект.

Еще одна группа связана с характеристикой женского поведения и темперамента. Ее иллюстрируют лексемы *hell-cat*, *cat*, *ice queen*, *ballbreaker*, *madam*, *butter-queen*, *scissor-bill*, *cat and mouse*, *poll parrot*.

BALLBREAKER – a powerful, assertive woman (A Dictionary of Slang and Unconventional English).

BUTTER-QUEEN – a scolding woman (A Dictionary of Slang and Unconventional English).

CAT – a spiteful woman (Dictionary of American slang New York).

CAT AND MOUSE – a gossiping woman (A Dictionary of Slang and Unconventional English).

HELL-CAT – a woman who is quick to anger (The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English).

ICE QUEEN – an imperious, haughty and aggressive female (Dictionary of Contemporary Slang).

MADAM – an unpleasant or despicable female person (The Oxford Dictionary of Slang).

POLL PARROT – a talkative, gossipy woman (Dictionary of American slang New York).

SCISSOR-BILL – a scolding woman (The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English).

Эти номинации отражают стереотипные представления о женщине как о скандальной, властной, язвительной или болтливой фигуре. Здесь особенно заметна тенденция к переносному обозначению черт характера через зооморфные и бытовые образы. Так, *hell-cat* подчеркивает агрессивность, а *ice queen* – холодность, высокомерие и недоступность.

Наименования молодых и пожилых женщин позволяют отразить возрастную маркированность женских образов.

BARBIE – a vacuous, passive and/or conformist young woman. Barbie is the trademark name of the well-known plastic doll originating in the USA (Dictionary of Contemporary Slang).

BATTLEAXE – an old or elderly woman who is variously characterized as resentful, vociferous, thoroughly unpleasant, usually arrogant and no beauty (RDMASUE).

BLUE HAIR – an older person, especially an older woman (The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English).

BOBBYSOXER – a teenage girl. «Bobby socks» (ankle-high white socks, first recorded in 1927) as a generational trademark for American teenagers arrived on the national scene in June 1937, with a cover photograph in Life magazine. After «the socks» came «the soxer». The «bobby» is most likely constructed on «to bob» (to cut or shorten) (The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English).

MYSTERY – applied to a young woman newly arrived in a town or city, or with no fixed address (The Oxford Dictionary of Slang).

OLD TROUT – old trout n British a middle-aged or elderly woman, especially one who is frumpish or short-tempered. This expression has been used as a mild pejorative (very occasionally even affectionately) since the 19th century (Dictionary of Contemporary Slang).

TWIST – a girl or attractive young woman. This term, used typically by underworld or working-class speakers, is a rare example of American rhyming slang, from 'twist and twirl': girl (Dictionary of Contemporary Slang)

К молодым женщинам относятся, например, bobbysoxer, mystery, twist, barbie. Некоторые из них содержат элементы социальной и поведенческой характеристики: barbie намекает на пустоту, пассивность и конформизм, связывая женский образ с кукольным стереотипом. Как отмечает В.В. Катермина, подобный процесс появления неологизмов тесно связан с языковой гендерной политикой, поскольку языковые инновации либо подкрепляют традиционные гендерные паттерны, либо вступают с ними в противоречие [1]. Для пожилых женщин характерны номинации old trout, blue hair, battleaxe. Эти единицы передают не только возраст, но и стереотипную оценку: раздражительность, сварливость, неприятность.

Анализ материала показывает, что английская сленговая лексика воспроизводит несколько устойчивых моделей репрезентации женского образа. Во-первых, женщина часто представлена как объект внешней оценки — красивый или некрасивый, привлекательный или отталкивающий. Во-вторых, в ряде номинаций она становится объектом сексуализации, а ее внешность интерпретируется через метафоры еды, вместилища или декоративности. В-третьих, значительную роль играет дегуманизация через сравнение с животными, предметами и природными объектами. В-четвертых, женский возраст и поведенческие особенности часто служат основанием для уничижительной характеристики.

Подобные особенности позволяют говорить о том, что сленговая лексика не просто называет женщину, но и закрепляет социально-культурные

стереотипы о ее внешности, поведении и роли в обществе. При этом даже положительно окрашенные номинации нередко сохраняют элементы объектного восприятия, что указывает на асимметричный характер гендерной репрезентации.

Проведенный анализ показал, что в английской сленговой лексике женский образ репрезентируется преимущественно через оценочные и метафорические модели. Наиболее продуктивными оказываются номинации, основанные на сравнениях с пищей, животными, предметами, куклами и культурными символами. Такая система номинаций отражает устойчивые гендерные стереотипы, в рамках которых женщина описывается прежде всего как объект внешнего наблюдения, эстетической оценки или социального контроля.

Список литературы

1. Катермина В.В. Влияние англоязычных неологизмов на языковую гендерную политику // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем. Вып. 8: сб. науч. ст. Ставрополь: Ставроп. изд-во «Параграф», 2026. С. 124–132.
2. Липуриди С.Х. Гастрономические неологизмы в английском языке // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2025. С. 191–198.
3. Самойлова А.В. Аксиологический потенциал англоязычных слов 2022 года / А.В. Самойлова, Н.Б. Шершнева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 9. С. 3092–3098.

Источники

- Ayto J.* The Oxford Dictionary of Slang. Oxford: Oxford University Press, 1998. 474 p.
- Dalzell T.* The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English. New York; London: Routledge, 2009. 1104 p.
- Partridge E.* A Dictionary of Slang and Unconventional English. London: G. Routledge & Sons, 1937.
- Thorne T.* Dictionary of Contemporary Slang. 3rd ed. London: A. & C. Black, 2005. 494 p.
- Wentworth H., Flexner S.B.* Dictionary of American Slang. 2nd supplemented ed. New York: Crowell, 1975. 766 p.

THE IMAGE OF A WOMAN IN ENGLISH SLANG: SEMANTIC MODELS OF NOMINATION

A.M. Prima, N.B. Shershneva

Kuban State University, Krasnodar

This article examines the representation of women in English slang. It is established that in English slang, women are constructed primarily through metaphorical and metonymic models based on attributes of physical attractiveness, sexual objectification, age-specificity, and negative evaluations of appearance and

character. The identified nominations demonstrate the persistence of gender stereotypes and reflect culturally conditioned ways of verbalizing attitudes toward women in the English-speaking community.

Key words: slang, gender linguistics, women's image, evaluation, English language.

УДК 81'42

ЖАНРОВАЯ КОМПОЗИЦИЯ АВТОСПОРТИВНОГО ДИСКУРСА

П.А. Пробачай

Волгоградский государственный университет, Волгоград

Настоящее исследование посвящено выявлению и системному описанию жанровой композиции автоспортивного дискурса. На основе рассмотрения текстов регламентов, медиатекстов и радиопереговоров выделены три группы жанров: организационно-правовые, событийно-медийные и операционно-тактические. Описаны устойчивые композиционные, лексико-синтаксические и прагматические характеристики каждой группы. Установлено, что жанры автоспортивного дискурса формируются под воздействием индивидуальных, социальных и технологических факторов.

Ключевые слова: жанр, автоспортивный дискурс, автоспорт.

Проблематика жанровой организации институционального дискурса относится к числу актуальных задач современной лингвистики. Т. Эрикссон в своей *ситуационной теории жанров* рассматривает жанр как «коммуникативный шаблон (паттерн), созданный под непосредственным влиянием индивидуальных, социальных и технологических факторов, которые неявно присутствуют в воспроизводимой коммуникативной ситуации» [3].

И.А. Гусейнова рассматривает жанровую организацию дискурса как «коммуникативно-прагматическое основание», позволяющее «изучать каузальные взаимоотношения между ментальными процедурами и их вербальным воплощением на различных языковых уровнях в процессе реализации профессиональной коммуникации» [1, с. 37]. Ключевым для данного анализа является представление о дискурсе как об элементе, обеспечивающем взаимосвязь между целями, стратегиями участников и жанровыми формами их воплощения.

Жанрообразующая специфика автоспортивного дискурса определяется его гибридной природой. В отличие от монолитных дискурсов, автоспортивная коммуникация демонстрирует разнородный спектр целей: от обеспечения безопасности и честности проводимых соревнований (автоспортивный юридическо-технический дискурс) до развлечения и производства нарративов о борьбе, технике и героизме (автоспортивный медиадискурс) [2, с. 597]. Эта

разнородность порождает совокупность жанров, ориентированных на разные типы адресата и реализующихся в разных каналах коммуникации.

Основываясь на коммуникативно-прагматическом подходе И.А. Гусейновой, мы выделяем следующие группы жанров:

1. Организационно-правовые жанры – обеспечивают институциональное функционирование автоспорта:

Спортивный регламент (Sporting regulations) определяет процедурно-соревновательную рамку чемпионата. Он охватывает порядок проведения всех сессий этапа, систему присуждения очков, штрафные санкции и правила прохождения контрольных точек.

Технические регламент (Technical regulations) задает технологические рамки дисциплины. Он содержит жесткие параметры для силовой установки авто участников, аэродинамики, массы, систем безопасности и допустимых материалов. Основные цели – выравнивание возможностей команд, ограничение расходов и безопасность гонщиков.

Дополнительный регламент отдельного соревнования (supplementary regulations) конкретизирует общие положения применительно к условиям конкретного этапа, в основном применяется в ралли или ралли-рейдах. В нём фиксируются расписание заездов, протяжённость участков, стоимость участия, требования к размещению спонсорской символики и организационные детали.

Судебно-дисциплинарные правила устанавливают порядок работы официальных органов, контролирующих соблюдение правил. Они регламентируют статус, полномочия и взаимодействие гоночных комиссаров, стюардов и т.д. В правилах прописаны механизмы расследования инцидентов, процедуры подачи жалоб и апелляций, а также финансовые условия их рассмотрения.

2. Событийно-медийные жанры – обеспечивают медиаосвещение соревнований.

Live-репортаж – первичный жанр трансляции гоночного события. Это, по сути, устная речь высокой степени спонтанности, генерируемая в режиме реального времени. Его ключевая черта – креолизованный характер: комментарий строится на совмещении вербальной составляющей с невербальными факторами (звук моторов, визуальный ряд) и экстралингвистическими факторами (знание гонки и ее контекста): «*Piastrì has that podium position quite comfortable at the moment, but he... oh it's Charles Leclerc has spun around!...*» (Леклер против Пиастри на Гран-при Майами 2026).

Обзор этапа – аналитический жанр, ориентированный на панорамный охват гоночного события. В тексте выдвигается на первый план тезисная информация о произошедшем, объясняются факторы, повлиявшие на исход гонки. Характерно наличие темпоральных маркеров, организующих нарратив: «*В итоге Антонелли легко уехал от пелотона и к финишу опережал Пиастри на 13 секунд...*» (Итоги Гран-при Японии 2026).

Интервью – гибридный жанр, совмещающий признаки медийного и межличностного общения. Коммуникативной доминантой интервью является не сообщение объективных данных, а презентация личной позиции, эмоций и

оценок говорящего. Интервью в автоспорте бывают разными: от пары вопросов сразу после гонки до развернутого интервью с руководителем команды: «*К счастью, было сухо, машина чувствовала себя нормально, нам удалось протиснуться поближе к лидерам*» (Ферстаппен о гонке «24 часа Нюрнбургринга»).

3. Операционно-тактические жанры – не для зрителей и прессы, используются в полузакрытой профессиональной среде автоспорта.

Бортовые радиопереговоры (Team radio) – коммуникация осуществляется по закрытому каналу связи в реальном времени и дублируется телеметрическими данными. В радиопереговорах фразы максимально сжатые, часто обрывочные, используются короткие команды вроде «*Box, box, box*» или «*Mode 7*», преобладают императивные конструкции: «*OK, so, Fernando is faster than you. please confirm you understood that message*».

Инженерный брифинг – совещание, проводимое перед каждой гоночной сессией, без посторонних. Жанровые признаки инженерного брифинга включают целевую установку на согласование гоночных настроек, анализ телеметрии с предыдущих заездов и распределение обязанностей в боксах. Он нацелен на выработку единого решения в условиях дефицита времени. В отличие от радиопереговоров, инженерный брифинг обладает более формальной композицией.

Проведённое исследование подтверждает, что автоспортивный дискурс, обладая гибридной природой, формирует трёхгрупповую жанровую композицию. Опираясь на коммуникативно-прагматический подход, выделены организационно-правовые жанры, событийно-медийные и операционно-тактические. Каждая группа обладает устойчивыми композиционными, лексико-синтаксическими и прагматическими характеристиками, а сами жанры формируются под воздействием индивидуальных, социальных и технологических факторов.

Перспективы дальнейшего исследования связаны, во-первых, с расширением эмпирической базы за счёт анализа стенограмм реальных брифингов (по мере их рассекречивания или появления журналистских расшифровок) и корпусов радиопереговоров за несколько сезонов. Во-вторых, возможным представляется сравнительный анализ жанровой организации разных видов автоспорта (кольцевые гонки, ралли, ралли-рейды, дрег-рейсинг), что позволит выявить вариативность жанров под влиянием специфики гоночных дисциплин.

Список литературы

1. Гусейнова И.А. Жанровая организация маркетингового дискурса // М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. 364 с.

2. Пробачай П.А., Митягина В.А. Автоспортивный дискурс как феномен глобализации // Казанский лингвистический журнал. 2025. №8 (4). С. 595–607. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://clck.ru/3RWgsj> (дата обращения 19.05.2026). DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.4.595-607>

3. *Erickson T. Making Sense of Computer-Mediated Communication (CMC): Conversations as Genres, CMC Systems as Genre Ecologies* // Proceedings of the 33rd Annual Hawaii International Conference on System Science. Hawaii: IEEE Press. 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://clck.ru/3TiUgk>, (дата обращения: 19.05.2026).

Источники

Леклер против Пиастри на Гран-при Майами 2026 [Видеофайл] // Видеохостинг VK Видео. 11.05.2026. Режим доступа. URL: <https://clck.ru/3TiYSZ> (дата обращения 19.05.2026).

Захарченко Д. Мог ли Пиастри победить и откатился ли Хэмилтон в прошлый год? Итоги Гран-при Японии. *Championat.com*. 2026. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://clck.ru/3TiWqo> (дата обращения 19.05.2026).

Пикунов П. Ферстаппен прокомментировал четвертое место в квалификации «24 часов Нюрбургринга». *Championat.com*. 2026. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://clck.ru/3TiWXL> (дата обращения 19.05.2026).

THE GENRE COMPOSITION OF MOTORSPORT DISCOURSE

P.A. Probachai

Volgograd State University, Volgograd

The following article is devoted to the identification and systematic description of the genre composition of motorsport discourse. Based on the review of the texts of regulations, media texts and team radios, three groups of genres are identified: organizational and legal, event-media and operational-tactical genres. The stable compositional, lexico-syntactic and pragmatic characteristics of each group are described. It is established that the genres of motorsport discourse are formed under the influence of individual, social and technological factors.

Key words: genre, motorsport discourse, motorsport.

УДК 82–312.4

ПРОЕКТ «ЭЛЕКТРОНИЗАЦИЯ СЛОВАРЯ ЯЗЫКА ПУШКИНА»

Н.А. Ребецкая

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва

В словарных статьях Словаря языка Пушкина присутствует ограниченный иллюстративный материал, а большинство словоупотреблений представлено лишь шифрами тех мест произведений Пушкина, в которых они встретились в указанном значении. Основной задачей проекта «Электронизация Словаря языка

Пушкина», реализуемого в Институте русского языка им. В.В. Виноградова, является создание полноценных словарных статей для всех словоформ, входящих в Полное собрание сочинений А.С. Пушкина в 16 томах, и обеспечение доступа к элементам словарной статьи с помощью информационно-поисковой системы.

Ключевые слова: Словарь языка Пушкина, электронизация, информационно-поисковая система, корпусные исследования.

Словарь языка Пушкина был задуман Григорием Винокуром (1896–1947) еще в 1930-х гг. и опубликован в 1956–61 гг. В аннотации ко второму изданию этот словарь справедливо назван «лексикографическим памятником». Своим появлением он косвенным образом способствовал осуществлению проекта словаря польского национального поэта Адама Мицкевича [6].

Восхищение Словарем языка Пушкина не должно помешать нам отметить одно важное обстоятельство. Авторы семантически и грамматически разместили все случаи употребления слов, снабдив их соответствующим адресом в пушкинском корпусе текстов (исключение сделано лишь для нескольких десятков самых частых слов), но читателю нелегко добраться до этого богатства. Словарные статьи снабжены 2–3 примерами с зашифрованным источником, а остальные случаи надо искать по адресам, указанным в конце статьи, в 16-томном собрании сочинений (с точностью до страницы и строки).

Наш проект следующим образом решает эту проблему: оцифрованный корпус Полного собрания сочинений в 16 томах преобразуется в лемматизированный конкорданс, что позволяет получить все контексты для словника, а затем в базу данных, каждая запись которой – это полноценная словарная статья, формат ее соответствует формату в печатном варианте и включает такие компоненты, как заголовочное слово, контекст, номер значения, общая частота, частота значения, показ значения, грамматическая помета. Источник контекста указывается в расшифрованном виде.

Разработанная информационно-поисковая система позволяет осуществлять поиск по заголовку словарной статьи (лексеме или ее части), отбирать фразеологические сочетания, а также контексты, где слова употреблены в переносном значении или имеют стилистические пометы.

Электронный словарь структурирован по жанрово-хронологическому принципу и содержит поэтический корпус с подкорпусами лирики трех периодов (1813–1817 гг., 1817–1825 гг., 1826–1836 гг.), фольклорным подкорпусом (песни и сказки), поэмами двух периодов (1817–1824 гг. и 1825–1833 гг.) и романом в стихах «Евгений Онегин», а также корпуса драмы, прозы, публицистики и писем. Система позволяет выделять и группировать корпуса по жанрам и периодам и на материале выборок проводить различные исследования. Расскажем о некоторых из них.

Авторы Словаря языка Пушкина разместили все случаи употребления слов в переносных значениях и во фразеологических сочетаниях, тем самым разъясняя и описывая многие стилистические особенности художественного употребления, характеризующие творческий метод Пушкина, его поэтическую

манеру. Анализ словоупотреблений с пометами *переносное* и *сочетание* в корпусах поэзии, драмы, прозы, публицистики и писем показал, что метафорические употребления – характерное средство художественной выразительности в поэзии, а устойчивые сочетания чаще всего используются в прозе и письмах.

В поэзии автор с помощью металогического приема выражает свои мысли, ощущения, желания, метафоры служат для создания эмоционального эффекта, художественных образов и представления об окружающем мире. Любопытно, что переносные употребления не редки и в жанре публицистики, что на первый взгляд кажется чуждым этому точному и лаконичному стилю, однако содержательный анализ показал, что характерной чертой публицистического стиля у Пушкина являются такие художественные приемы, как ирония, сарказм, яркие образы, что делает тексты более выразительными.

Употребительность фразеологических сочетаний в эпистолярном жанре и художественной прозе объясняется широким использованием народно-разговорной, просторечной лексики, пословиц и поговорок.

Исследование упомянутых помет в хронологическом аспекте на материале выборки из подкорпусов поэм двух периодов – раннего (1817–1824 гг.) и позднего (1825–1833 гг.) показало тенденцию к увеличению доли фразеологических и к уменьшению доли переносных употреблений в поздних поэмах.

В произведениях раннего периода, среди которых «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», где образы героев окружены атмосферой отвлеченных романтических символов и метафор, доля народно-поэтического стиля, основного источника фразеологизмов, невелика.

В поэмах позднего периода («Граф Нулин», «Полтава», «Домик в Коломне», «Медный всадник») пушкинский стиль всё теснее сближается с народным русским языком, поэт использует обороты просторечия, сочетая их с другими литературными стилями.

Еще одно исследование было проведено по стилистическим пометам. Составители включили такого рода пометы в словарные статьи для выделения оттенков значения, и большинство их указывает эмоциональную окраску слова: *шутливое, ироническое, каламбурное, бранное, уничижительное*. Корпусное исследование показало, что лидером среди шутливых и каламбурных употреблений являются письма, где Пушкин не был стеснен цензурой, тон обращений часто фамильярный, а иронические употребления преобладают в публицистике: ирония – характерный художественный прием жанра.

В жанре поэзии самый высокий процент отмеченных помет *шутливое* и *ироническое* наблюдается в романе «Евгений Онегин». Как отмечают исследователи, «роман, несмотря на глубину и серьезность, весь пронизан юмором и иронией, включая бытовые описания, авторские отступления, саму фигуру главного героя, его воспитание, снобизм...» [1, с. 8].

Таким образом, наш проект сделал Словарь языка Пушкина более доступным и позволил проводить множество исследований по элементам словарных статей с группировкой информации, помогая выявлению

характерных художественных приемов различных литературных жанров и раскрывая картину эволюции образных средств, использованных Пушкиным на протяжении всего его творчества.

Список литературы

1. Назиров Р. Г. Юмор Пушкина // Материалы научно-практической конференции «Пушкин и современность». Уфа: РИО БашГУ, 1999. С. 8–14.
2. Ребецкая Н.А. Жанровые особенности лексики в произведениях Пушкина: квантитативный анализ // Журнал Смоленского центра квантитативной филологии. 2025. № 1 (9). С. 27–37.
3. Ребецкая Н.А. Корпусные исследования помет в Словаре языка Пушкина на материале базы данных // Журнал Смоленского центра квантитативной филологии. 2024. № 1 (7). С. 18–28.
4. Ребецкая Н.А. О некоторых аспектах электронизации Словаря языка Пушкина // Журнал Смоленского центра квантитативной филологии. 2023. №1(5). С. 64–71.
5. Ребецкая Н.А., Шайкевич А. Я. Электронизация «Словаря языка Пушкина» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. №1. С. 49–57.
6. Słownik języka Adama Mickiewicza / Red. K. Gorski, S. Hrabec. Wrocław, Ossolineum, 1962–1983. T. I-II.

ELECTRONIZATION OF DICTIONARY OF PUSHKIN'S LANGUAGE

N.A. Rebetskaya

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow*

In the dictionary entries of the Dictionary of Pushkin's Language there is limited illustrative material, and most of the word forms are represented only by the ciphers of those places in Pushkin's works in which they occur in the specified meaning. The main task of the project "Electronization of Dictionary of Pushkin's Language", implemented at the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language, is to create full-fledged dictionary entries for all word forms included in the Complete Works of A.S. Pushkin in 16 volumes, and to provide access to the elements of the dictionary entry using an information retrieval system.

Key words: Pushkin's dictionary, electronization, information retrieval system, corpus research.

ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕОНОМИНАЦИЙ***А.В. Самойлова, В.С. Ляховка****Кубанский государственный университет, Краснодар*

Работа посвящена анализу процессов неологизации в современном английском языке в тематической области «Человек и его деятельность». На материале неологизмов 2024–2026 годов описано, как цифровая среда порождает множественность социопроявленности, а контекст определяет вектор оценочности и функциональную направленность неоединиц, которые становятся инструментами социального позиционирования.

Ключевые слова: неологизм, оценочность, прагматическая функция.

Процессы неологизации занимают центральное место в современной лингвистике, поскольку лексический состав языка демонстрирует наиболее оперативную реакцию на социокультурные и технологические изменения.

Актуальность исследования обусловлена потребностью в номинации новых типов социального взаимодействия; высокой скоростью словообразовательных процессов в социальных сетях; недостаточностью исследований неологизмов 2024–2026 годов в тематической области «Человек и его деятельность». Научная новизна заключается в оценке лингвопрагматического потенциала неологизмов антропоцентрической тематики.

Цель исследования – наблюдение за языковыми процессами в дискурсивной области человеческой деятельности и взаимоотношений через анализ современной неолексики английского языка. Объектом исследования являются тенденции неологизации английского языка, предметом исследования выступает когнитивно-прагматический потенциал неолексем.

Методология исследования базировалась на следующих методах: дефиниционный, контекстуальный и прагматический анализ. Теоретической базой послужили труды отечественных и зарубежных учёных в области неологии, лингвопрагматики и теории номинации (С.В. Агеева и др., В.В. Катерминой, Л.А. Кауфовой, М.А. Малковой, М.А. Хатламаджиян, Н.Б. Шершневой). Эмпирическую базу исследования составили неологизмы, отобранные методом сплошной выборки из словарных блогов Cambridge Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Urban Dictionary и массмедийных источников.

Факторы неологизации подразделяются на интралингвистические (тенденция к языковой экономии, стремление к экспрессивности) и экстралингвистические (появление новых реалий). Социальные сети выступают не только инструментами генерирования неономинаций, но и каналами их вирального распространения [4]. Под неономинацией подразумеваем оригинальную лексему, получившую в процессе развития языка новый графический облик, коннотативное и имплицативное значения,

соответствующие реалиям времени. Неономинация демонстрирует языковую рефлексию социальных, культурных и ценностных трансформаций [5].

Благодаря гибкости норм словообразования, наиболее продуктивными методами формирования неологизмов являются словосложение (47,6%) и аффиксация (29,3%) [3]. М.А. Хатламаджиян отмечает, что «многие неологизмы имеют метафорическую основу, которая служит инструментом создания выразительных образов» [6].

Для неономинаций характерна динамика экзистенциального характера: В.В. Катермина указывает на непрерывное движение системы наименования лиц [2], особенно в цифровой среде. Функционирование неологизмов зависит от приоритетной задачи коммуникантов: либо номинировать новое (функция обозначения), либо выразить отношение к предмету высказывания (функция характеристики или квалификации) [1]. В то же время нейтральный коннотативный компонент значения повышает прагмаориентированную направленность неолексем [5]. Рассмотрим совокупность лингвопрагматических возможностей ряда неономинаций тематической области «Человек и его деятельность».

Неологизм *tradwife* (блендинг: traditional + wife) – a married woman who follows traditional gender roles (Merriam-Webster Dictionary) – отвечает запросу на возрождение традиционного подхода к распределению обязанностей в семье. Словарная дефиниция оценочно нейтральна и, с одной стороны, выполняет идентификационную функцию. Однако, являясь маркером консервативных ценностей, неономинация может транслировать манипулятивную функцию, продвигающую данную идеологию, («*What if being a tradwife is my dream?*» (TikTok)), либо поляризующую («*Being a tradwife is one of my worst nightmares*» (TikTok)), что кардинально меняет вектор оценочности на отрицательный. В консервативных сообществах *tradwife* обозначает возвращение к «истинным ценностям», в феминистском дискурсе – романтизацию патриархального угнетения.

Неолексема *performative male* (performative + male) – a derogatory term which denotes a male who insincerely demonstrates his approval of feministic ideas only to attract or impress women (Merriam-Webster Dictionary). Исходное значение включает компонент отрицательной оценочности, с оттенком критической иронии. Транслируемая маскулинность не является естественной, а представляет социальную роль: «*Being a performative male means playing a role more than just being yourself*» (BeYourLover). Прагматический функционал одновременно совмещает дескриптивно-номинирующую функцию и функцию характеристики, т.е. выражение критического отношения к искусственным проявлениям маскулинности.

Оба неологизма фиксируют глубокие изменения в восприятии гендерных ролей, демонстрируют высокую степень оценочной поляризации и становятся инструментами социального позиционирования.

Неоединица *aura farming* (aura + farming) – digital activity to demonstrate your skills and arouse admiration (Cambridge Dictionary) – является геймификационной метафорой, где компонент “farming” отсылает к игровой

механике повтора действий ради улучшения характеристик персонажа или культивирования харизматичного образа. В среде поколения Z, преимущественно представленного в социальной сети TikTok, имплицативная коннотация устойчиво положительная. Однако более возрастными поколениями может восприниматься как эфемерное «управление впечатлением» (*«Aura farming' is having a viral moment <...>»* (Woman's World)).

Неологизм *NPC* (Non-Playable Character) – a character which can't be controlled by a human player (Merriam-Webster Dictionary) / a person whose life priorities or patterns of behaviour are predictable or seem unauthentic (Urban Dictionary). Неономинация является акронимом из видеоигр, обозначающим «человека с минимальной оригинальностью». Оценивая номинативный функционал, в игровом дискурсе NPC характеризуется наименьшей степенью интерактивности и предсказуемостью реакций. В интернет-культуре неономинация расширяет спектр прагмауровней: NPC приобретает пейоративную окраску, обозначая безынициативного, ограниченного человека (*«Do you have a single original thought process? You are npc»* (Urban Dictionary)); в политической дискуссии NPC является маркером агрессивного отношения (*«<...> the real NPCs are the people who passively allow politics to influence their lives without paying attention to what's happening* (Urban Dictionary)). Наконец, неолексема может выражать самокритику и самоиронию в рамках характеризующей функции.

Оба неологизма базируются на метафорическом переносе значения из игрового дискурса, что иллюстрирует процесс семантической генерализации. Узус их употребления обширен и может включать множество дискурсивных сред, что влечет за собой расширение спектра когнитивно-прагматических функций, связанных с выражением экспрессивности.

По итогам проведенного исследования был сделан ряд выводов:

- цифровая среда порождает множественность социопроявленности, что становятся причиной появления новых лексических единиц;
- контекстуальная среда определяет вектор оценочности неологизмов и их прагматический функционал;
- неологизм становится не просто словом, а инструментом социального позиционирования и маркером групповой идентичности.

Список литературы

1. Агеев С.В., Антоненко Н.В., Пушкарев Е.А. О когнитивно-прагматическом функционировании неологизма // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6. № 2. С. 5–17.
2. Катермина В.В., Шершневa Н.Б. Профессиональные неономинатии в англоязычном дискурсе // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4. С. 447–453.
3. Кауфова Л.А. Отражение процесса неологизации современного английского языка в британских электронных словарях // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2025. № 3. С. 17–28.

4. Малкова М.А. Социолингвистические факторы неологизации цифрового пространства (на материале французского и английского языков) // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 6 (109). С. 482–485.

5. Самойлова А.В., Шершнева Н.Б. Когнитивно-прагматический и лингвокультурный потенциал англоязычных массмедийных неониминаций человека и его взаимоотношений // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23. № 3. С.64–79.

6. Хатламаджиян М.А. Когнитивные и структурно-семантические особенности неологизмов с профессиональным компонентом в современном английском языке // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 1. С. 22–36.

Источники

BeYourLover [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.beyourlover.com/blog/performative-male/> (дата обращения 07.04.2026).

Cambridge Dictionary Blog [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://dictionaryblog.cambridge.org> (дата обращения 07.04.2026).

Merriam-Webster Dictionary [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения 07.04.2026).

TikTok [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://vt.tiktok.com/ZS9YPpwB25YfVNzT9u/> (дата обращения 07.04.2026).

Urban Dictionary [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения 07.04.2026).

Woman's World [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.womansworld.com/entertainment/what-is-aura-farming-tiktoks-latest-viral-trend-explained> (дата обращения 07.04.2026).

PRAGMATIC FUNCTIONING OF NEONOMINATIONS

A.V. Samoylova, V.S. Lyakhovka

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the analysis of neologization processes in modern English within the thematic domain of “Human Beings and Their Activities”. Based on neologisms 2024–2026, the study describes how the digital environment generates a multiplicity of social self-representations, while context determines the evaluative vector of neological units, which become tools of social positioning.

Key words: neologism, evaluation, pragmatic function.

ОБРАЗ ОКЕАНА В РОМАНЕ С. ЛЕМА «СОЛЯРИС»: АНТРОПОМОРФНЫЕ И АНТИАНТРОПОМОРФНЫЕ ПРИЗНАКИ

А.В. Самойлова, А.В. Элмасын

Кубанский государственный университет, Краснодар

В работе рассматривается прием антропоморфизации, его основные функции, типы антропоморфных персонажей. На материале романа С. Лема «Солярис» проводится анализ как способов «очеловечивания» образа океана, так и приемов антиантропоморфного подхода к его изображению.

Ключевые слова: антропоморфизация, антропоцентризм, уподобление.

В социально-философском смысле антропоморфизация является свойством мышления, основанного на параметрах человеческого существования. Антропоморфизм в качестве основы антропоморфизации выступает универсальным когнитивно-языковым механизмом, посредством которого человек интерпретирует окружающую действительность через собственный опыт телесности, мыслительного процесса и социального взаимодействия. Под антропоморфизмом принято считать наделение животных, предметов, явлений природы, мифических существ человеческими свойствами и качествами, т.е. процесс уподобления человеку [2, с. 35].

Антропоморфизация в художественном тексте выполняет ряд значимых функций, среди которых

- эмоциональная. Данная функция нацелена на порождение сопереживания по отношению к персонажу, который по происхождению не является человеком;
- дидактическая функция заключается в формировании нравственных ориентиров;
- иносказательная функция заключается в возможности обсуждения противоречивых, сложных тем посредством антропоморфных образов.

Проявления антропоморфизма фиксируются главным образом в языке, что реализуется в устойчивых метафорических моделях, фразеологических единицах и грамматических структурах. Лингвостилистическими средствами выступают олицетворение, персонификация и прозопопея.

Антропоморфные персонажи принято разделять на моноистические и дуалистические. Для первого типа характерно единство антропоморфного плана содержания и антропоморфного плана выражения: он наделен как внешними физическими, так и условно личностными характеристиками, присущими человеку. Второй тип включает персонажи, основанные на нечеловеческих образах, но изображенные через призму антропоморфного плана [1, с. 68]. Антропоморфный облик может быть полным или частичным (например, существа, совмещающие человеческие и анималистичные черты), постоянным или временным (эпизодическое уподобление человеку) [3, с. 14].

Научная фантастика XX века активно использовала антропоморфизацию как инструмент осмысления контакта с непознанным. Перенос человеческих характеристик на природные, абстрактные и технические явления позволял исследовать границы сознания, этики и коммуникации. Однако роман С. Лема «Солярис» открывает новые горизонты интерпретации: анализ образа океана помогает понять, как антропоморфизация становится способом размышления о сути антропоцентричного сознания, а также средством проецирования человеческих ожиданий на недоступные для традиционного понимания явления. Океан – это дуалистический антропоморфный персонаж, который не является «результатом совмещения реалистического и антропоморфного планов» [1, с. 73]. Выбор географического объекта в качестве одного из главных персонажей романа делает его сопоставление с человеческой сущностью затруднительным на основании полного отсутствия антропоморфного облика. Антропоморфизация в романе характеризуется двойственной природой: с одной стороны С. Лем использует ряд сюжетных приемов для изображения антропоморфной проекции. Персонажи-ученые приписывают океану следующие характеристики:

- способность к деятельности (провоцирует бури, извержения, влияет на орбиту Соляриса как основная планетарная сила, создает репликантов на основе травмирующих воспоминаний, конструирует древовидные горы ('tree-mountains'), длиннуши ('extensors'), грибища ('fungoids'), симметриады ('simmetriads'), ассиметриады ('asimmetriads'), скопления позвоночников ('vertebrids'), быстренников ('agilus') и мимойдов ('mimoids');
- психолого-аналитические навыки ('psychic' functions of the ocean, the ocean had 'noticed' us, the ocean was an 'introverted' world);
- наделение антропоморфными номинациями (мыслящий океан 'thinking ocean', гигантский мозг ('gigantic brain'), космический йог ('cosmic yogi'), мудрец ('a sage'), символ всезнания ('a symbol of omniscience'), "The ocean lived, thought and acted" (Lem, p. 152)).

Однако в ходе развития сюжета автор развенчивает идею о целесообразности антропоморфных проекций, заявляя об аутентичной внеземной природе океана, для которого характерно:

- эмоциональное безразличие ("It did not always react even to the most powerful stimuli" (Lem, p. 21));
- нарушение функционального предназначения антропоморфных проекций: апатичный образ океана не активирует механизмы эмпатии и не порождает эмоциональный отклик у читателя; его «деятельность» не несет дидактической нагрузки. Однако через образ океана реализуется иносказательная функция: антропоцентризм ограничивает познание форм бытия;
- инаковость или деконструкция антропоморфных проявлений через невозможность «очеловечивания» инопланетного организма ("<...> a monstrous entity endowed with reason, a protoplasmic ocean-brain" (Lem, p. 14)).
- антиантропоморфизм – альтернативная модель существования живой материи, при которой океан является качественно иным организмом, с которым

невозможно ассоциировать как отдельные человеческие признаки, так и целые сценарии человеческого мира [3, с. 19].

Список литературы

1. *Альшеевская А.С.* Разновидности антропоморфных образов-персонажей в художественной литературе // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. 2020. № 10. С. 67–75.
2. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов: 5-е изд., испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
3. *Толстая С.М.* «Очеловечивание сущего»: заметки об антропоцентризме и антропоморфизме в языке и культуре // Антропоцентризм в языке и культуре. М.: Индрик, 2017. С. 7–25.

Источники

Lem S. Solaris. London: Faber & Faber, 2016. 224 p.

THE IMAGE OF THE OCEAN IN ‘SOLARIS’ BY S. LEM: ANTHROPOMORPHOUS AND ANTIANTHROPOMORPHOUS CHARACTERISTICS

A.V. Samoylova, A.V. Elmasyan

Kuban State University, Krasnodar

The paper explores the technique of anthropomorphization, its primary functions, types of anthropomorphous characters. On the basis of S. Lem’s novel “Solaris” both the method of “humanizing” the image of the ocean and the techniques of antianthropomorphous approach to its depiction are analyzed.

Key words: anthropomorphization, anthropocentrism, similitude.

УДК 81’23

СЕМИОТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РУССКОГО ТОСТА

А.А. Сахно

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данное исследование обращает внимание на вопрос знаковой составляющей проблемы русского тоста. Основное внимание автор акцентирует на анализе тоста согласно основным семиотическим классификациям. Такой взгляд будет интересен специалистам в области лингвистики и психолингвистики.

Ключевые слова: гастика, столовый этикет, тост, здравица, семиотика, знак, культурный код.

Столовый этикет является важнейшим элементом гасистики, рассматривающей не только особенности гостеприимства, гастрономии и т.д., но и изучающей влияния столовых ритуалов на национальный менталитет. Кулинарное искусство и пища в целом имеют непосредственное отношение к материальной культуре человечества. Данное утверждение имеет под собой несколько аргументов. Давно замечено, что пища отражает национальный характер людей, проживающих в определенном регионе. А национальная кухня воспроизводит психологические особенности той или иной народности, иллюстрирует ее ценностные ориентиры. Продукты питания выступают маркером уровня развития изучаемого региона, и даже адаптации к окружающему миру [7].

Г. Гачев выявил занимательную взаимосвязь между крепостью напитков, ментальностью населения и широтами поверхности Земли, в пределах которых оно проживает. Оказалось, что страны, в которых население в большинстве своем исповедует ислам (т.е. жаркие страны), где алкогольные напитки в принципе запрещены Кораном, климат тропический или субтропический и нет нужды дополнительно «подогреваться» крепкими напитками. Так, Средиземноморье выбирает легкие вина (8–10 % алкоголя), Балканы и Кавказ пьют чачу и ракию, в то время как поляки, англичане, немцы предпочитают шнапс, ром, виски и водку (при этом 40–60% алкоголя соответствуют 40–60° северной широты) [3].

Одной из задач данного исследования является анализ экстралингвистического явления «тост» с опорой на ключевые семиотические классификации. В соответствии с происхождением тост является искусственным знаком, созданным человечеством для коммуникации. Согласно типологии Чарльза Пирса тост выступает преимущественно как символический знак с составляющими индекса и иконы [9].

К признакам символа можно отнести:

- наличие взаимосвязи между формой (сочетание ритуала и речи) и содержанием (пожелания). Данный вид связи является или произвольным, или согласно социальному соглашению.
- значение тоста очевидно исключительно в контексте культурного кода (тост «Чтобы все было и ничего за это не было»);
- необходимо знание конвенции: уместность тоста в зависимости от ситуации, какие из тем являются запретными.

Признаками индекса служат следующие проявления: указание на определенную ситуацию или повод (например: день рождения, встреча с родственниками, свадьба, корпоратив); понятны взаимоотношения между участниками застолья; алгоритм действий: поднятие бокала → испитие напитка → фиксация социального ритуала;

Рассматривая тост с точки зрения иконического знака, возможно выявить только образные сравнения («Пусть ваш союз будет крепким, как скалы, выдерживающие натиск бурных волн!»).

Согласно структурным характеристикам тост можно отнести к поликодовому тексту, так как одновременно задействованы: вербальный код

(непосредственно произнесение тоста), кинестетический код (поднятие бокала), хронотопический код (зафиксирован в рамках ритуала застолья).

Опираясь на функциональную классификацию Ч. Морриса [14] тост:

– является прагматическим знаком в силу того, что побуждает участников коммуникации поднять бокал или отреагировать аплодисментами, т.е. осуществляет стимул к определенным действиям;

– оценочным знаком, так как демонстрирует отношение между участниками коммуникации;

– является предписательным знаком, поскольку закрепляет социальные нормы и традиции (очередность тостов).

Список литературы

1. *Аннушкина Т.В.* Русский тост // *Русская речь*. 2016. № 3. С. 96–101.
2. *Архипова Е.М.* Тост как первичный речевой жанр в современной концепции научного знания // *Научная мысль Кавказа*. 2010. №3(63). С.151–155.
3. *Гачев Г. Д.* Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003. 541 с.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 4. Р-Я. 672 с.
5. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
6. *Кутузов Б.П.* Русское знаменное пение. М.: Андрей Рублев, 2008. 304 с.
7. *Молчанова Г.Г.* Традиции гастики как отражение национальной и региональной идентичности // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2013. № 2. С. 20–26.
8. *Носрати А.* Место пожелания в русскоязычных ритуалах: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты // *Коммуникативные исследования*. 2019. Т. 6, № 2. С. 409–419.
9. *Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 448 с.
10. *Привалова И.В.* Интеркультура и вербальный знак: лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации: монография. М.: Гнозис, 2005. 469 с.
11. *Харитонов О.С.* О роли знаменного распева в культуре Древней Руси периода Московского царства // *Вестник культурологии*. 2020. №3 (94). С. 181–191.
12. *Чикилева Л.С.* Тост как разновидность риторического дискурса // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2005. №1. С.63–66.
13. *Яковлева В.* Домострой. По рукописям Императорской публичной библиотеки / под ред. В. Яковлева. СПб., 1867. 220 с.
14. *Morris Ch.* Signs, Language and Behavior. New York: George Braziller, 1964. P. 373–397.

SEMIOTIC STRUCTURE OF RUSSIAN TOAST

A.A. Sakhno

Kuban State University, Krasnodar

The current study draws attention to the sign aspect of the problem of the Russian toast. The author places primary emphasis on analyzing the toast in accordance with essential semiotic classification. This view will be of interest to experts in linguistics and psycholinguistics.

Key words: gastics, dining etiquette, toast, semiotics, sign, cultural code.

УДК 81'42

ВАХИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СОЦИАЛЬНЫЙ МАРКЕР МАССМЕДИЙНОГО ИЗДАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ)

Н.С. Соловьева

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск*

Статья посвящена социальной маркированности вакхического дискурса в российских периодических СМИ. Автор отмечает наличие вакхического дискурса в российских СМИ, но обнаруживает отличия в тематике и в использовании вакхических лексических номинациях в популярных массовых изданиях и в бизнес-изданиях.

Ключевые слова: вакхический дискурс, периодические издания, вакхические номинации, виноделие, массовый читатель, бизнес-аудитория.

Вакхический дискурс нечасто становится предметом изучения в лингвистике в силу своей специфики. Как правило, исследователи обращают внимание на лингвосемиотические параметры и номинации, принятые в вакхическом дискурсе, или изучают лингвокультурные особенности его разновидностей [2]. При этом социальная маркированность вакхического дискурса, как правило, остаётся за рамками исследования.

Российское общество не так разделено на социальные классы, как британское, в котором тематика СМИ напрямую отражает интересы и вкусы определённого социального класса [4]. Однако и в российских периодических изданиях обнаруживается социальная дифференциация. К примеру, одни издания больше ориентированы на массового читателя, другие – больше интересны представителям большого бизнеса [5]. Социальная ориентированность издания на аудиторию проявляется, в том числе, и в наличии в них вакхического дискурса.

Анализ 20 самых популярных российских изданий [3], куда входят как популярные издания, так и бизнес-издания, показал наличие вакхического дискурса, и в популярных изданиях, типа «Аргументы и факты», и в изданиях, ориентированных на бизнес-аудиторию, таких как «Коммерсант». Однако вакхический дискурс представлен в изданиях по-разному. В популярных изданиях («Аргументы и факты», «Московский комсомолец») присутствует больше вакхических номинаций (*водка, наливка, вино, самогон, коньяк* и пр.) чем в изданиях, ориентированных на бизнес, что очевидно обуславливается широкой читательской аудиторией популярных изданий. Общим для всех изданий является то, что ведущие вакхические темы, связаны, главным образом, с виноделием, что позволяет говорить о том, что в отечественных СМИ представлена производственная разновидность вакхического дискурса [1].

При этом если в популярных изданиях («Аргументы и факты», «Российская газета») вакхический дискурс нередко пересекается с гастрономическим, особенно в жанре рецепта (*«Хреновуха и клюквенная. Как приготовить лучшие осенние настойки»* («АиФ»)), или с медицинским дискурсом (*«Врач предупредила от употребления алкоголя и курения в жару»* («Известия»)), то в изданиях, ориентированных на бизнес-аудиторию, вакхический дискурс представлен, главным образом, производственной тематикой (*«Стратегии виноделов»* («Коммерсант»), *«Кубань в четыре раза увеличила производство саженцев винограда»* («ТАСС»)). Иногда в бизнес-изданиях также можно встретить примеры сочетания вакхического дискурса с туристическим (*«После лыж. Как пятизвездный горнолыжный отель продвигает винную культуру на Кавказе»* («Коммерсант»), *«Избранная мэром Анапы назвала аграрный туризм и виноделие приоритетами развития»* («ТАСС»)) или развлекательным (*«В лето – с бокалом. Наступление хорошей погоды совпало с началом сезона летних винных фестивалей»* («Коммерсант»)).

Главным отличием и, как представляется, показателем социальной маркированности издания является тематическое наполнение вакхического дискурса. В популярных изданиях, ориентированных на массового читателя, производственный вакхический дискурс представлен с точки зрения потребителя, т.е. освещаются проблемы, связанные с потреблением, стоимостью, доступностью. В бизнес-изданиях, подробно освещаются проблемы производителей и продавцов алкогольной продукции, при этом акцент делается на производстве и реализации вина, как самого ценного алкогольного продукта. В бизнес-изданиях винная продукция нередко сравнивается с роскошью, доступной избранным (*«Что роднит великие вина и элитное жилье? Помимо, конечно, впечатляющих цен, есть ещё как минимум один общий фактор: терруары»* («Коммерсант»)), а производство вина – с многолетним бизнесом семейным бизнесом (*«Виноделие – это отрасль, где репутация создается десятилетиями, а великие терруары и узнаваемые стили формируются поколениями виноделов»* («Лента»)).

Таким образом, тематика вакхического дискурса и его вербальное наполнение являются социальным маркером периодического издания. Ориентированность на потребителя и включенность вакхического дискурса в

гастрономический и медицинский характерны для популярных изданий, рассчитанных на массового читателя. Сосредоточенность вакхического дискурса на производственных проблемах и наличие элементов туристического и развлекательного дискурсов характеризуют издания, ориентированные на бизнес-аудиторию.

Список литературы

1. Олянич А.В. Вакхический дискурс // Дискурс Пи. 2015. №2. С. 155–157.
2. Реймер Ю.В. Лингвосемиотика вакхической культуры в русском и немецком языках: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградская гос. сельскохозяйственная академия, 2011. 22 с.
3. Рейтинг самых популярных и посещаемых новостных ресурсов и журналов в Рунете [электронный ресурс] // Infosektion. Режим доступа. <https://infosektion.ru/infokatalog/novosti-smi/smi/item/249-20-samykh-poseshchaemykh-novostnykh-resursov-runeta> (дата обращения 01.05.2026).
4. Соловьева Н.С., Седярова О.М., Ненашева Ю.А. Классовые особенности в современных британских газетах (на материале спортивных событий) // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: Тезисы докладов 78-й международной научно-технической конференции. Т. 2. Магнитогорск: МГТУ, 2020. С. 419.
5. Ферцер В. Бизнес-СМИ: список из 33 изданий, площадок и блогов для предпринимателей и руководителей компаний [электронный ресурс] // Pressfeed. Журнал. 12 сентября. 2023. Режим доступа. <https://news.pressfeed.ru/biznes-smi-spisok-iz-34-izdaniy-ploshhadok-i-blogov-dlya-predprinimatelej-i-rukovoditelej-kompanij/> (дата обращения 01.05.2026).

Источники

- Аганов В. Названы необходимые для замещения европейских брендов вин факторы // Lenta.ru. 3 июня. 2026. Режим доступа. <https://lenta.ru/news/2026/06/03/nazvany-neobhodimye-dlya-zamescheniya-evropeyskih-brendov-vin-factory/> (дата обращения 04.06.2026).
- В лето – с бокалом // Коммерсантъ. Сомелье. 15.05.2026. Режим доступа. <https://www.kommersant.ru/doc/8670109> (дата обращения 01.06.2026).
- Врач предупредила от употребления алкоголя и курения в жару // Известия. 10 июня 2026. [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://iz.ru/2113539/vrach-predupredila-ot-upotrebleniia-alkogolia-i-kureniia-v-zharu-izi> (дата обращения 10.06.2026).
- Избранная мэром Анапы назвала аграрный туризм и виноделие приоритетами развития // ТАСС. 05 февраля. 2026. Режим доступа. <https://tass.ru/obschestvo/26360341> (дата обращения 01.06.2026).
- Кубань в четыре раза увеличила производство саженцев винограда // ТАСС. 11 апреля. 2026. Режим доступа. <https://tass.ru/ekonomika/27075883> (дата обращения 01.06.2026).

Маршрут построен: винная карта Москвы // Коммерсантъ. Сомелье. 29.05.2026. Режим доступа. <https://www.kommersant.ru/doc/8707015> (дата обращения 01.06.2026).

После лыж // Коммерсантъ. Сомелье. 20.02.2026. Режим доступа. <https://www.kommersant.ru/doc/8459302> (дата обращения 01.06.2026).

Стратегии виноделов // Коммерсантъ. Сомелье 12.03.2026. [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.kommersant.ru/doc/8499397> (дата обращения 01.06.2026).

Хреновуха и клюквенная. Как приготовить лучшие осенние настойки // Аргументы и факты. 2 октября 2023 [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://dzen.ru/a/ZRphsilbqHbXVgH1> (дата обращения 01.06.2026).

УДК 82-32

**«СПАТЬ ХОЧЕТСЯ» А.П. ЧЕХОВА В «НЕВЬЯНСКОЙ БАШНЕ»
А. ИВАНОВА: ОТ ЧЕХОВСКОГО РЕАЛИЗМА
К ИВАНОВСКОМУ МИСТИЦИЗМУ**

О.В. Спачиль

Кубанский государственный университет, Краснодар

Доклад посвящен анализу интертекстуального включения рассказа А.П. Чехова «Спать хочется» в роман современного российского писателя А.В. Иванова «Невьянская башня». В ходе анализа автор делает аргументированный вывод о переакцентуации чеховской аллюзии, переводе психологический реализма Чехова в фэнтезийно-мистический регистр романа.

Ключевые слова: А.П. Чехов, «Спать хочется», А.В. Иванов «Невьянская башня», интертекстуальность, переакцентуация.

В ноябре 2025 году вышел в свет очередной роман известного российского писателя Алексея Викторовича Иванова (род. 1969 г.), посвященный горнозаводской цивилизации Урала – «Невьянская башня», своеобразный гибрид исторического романа и фэнтези – «уральской готики».

Историзм романа связан с жизнью и деятельностью одной из ключевых фигур горнозаводской промышленности на Урале и в Сибири Акинфия Никитича Демидова (1678–1745) в главном на тот момент Невьянском заводе. Фэнтезийный аспект романа, что в данном конкретном случае нам важнее, неразрывно связан с образом огня, который выступает в романе не просто природной стихией или производственной силой, а сложным семиотическим комплексом, объединяющим быт, историю, психологию и метафизику.

Центральным носителем потустороннего начала становится демон Шуртан по неосторожности и незнанию извлеченный из древнего языческого идола племени вогулов. Этот бес, однажды попробовав человеческой крови, обретает неутолимую жажду новых жертв и систематически заманивает людей в огонь, принимая манящий образ красавицы Лепестиньи. Первой добычей

вырвавшегося на свободу демона становится полугодовалый младенец Николушка, он открывает череду мистических сожжений в романе.

Сюжетная канва эпизода «Невьянской башни» обнаруживает почти идентичное сходство с рассказом А.П. Чехова «Спать хочется». Подобно чеховской Варьке, героиня А. Иванова – двенадцатилетняя девочка Феклушка – нанята для ухода за младенцем, постоянный плач которого доводит няньку до физического и психического истощения.

Анализ лексики и синтаксиса обоих нарративов выявляет системные параллели. Во-первых, повторяемость семантического поля «тьмы»: у Чехова «темнеют окна», «тёмная, душная изба», «тёмные облака», у Иванова – «давно уже стемнело». Все это создает гнетущее пространство, соотносимое с помрачённому сознанию героинь. Во-вторых, общим для обоих текстов является глагол «изнемогать» / «изнемочь», который у Чехова относится к младенцу («изнемог от плача»), а у Иванова – к самой няньке («изнемогла от младенческого плача»). В-третьих, синтаксическая модель вербальной агрессии полностью совпадает: риторический вопрос с уничижительным обращением. У Чехова «Спишь, подлая?» (Чехов, VII, 10), у Иванова «Дрыхнешь, беспелуха?» (Иванов, с. 29).

Развязки рассказа Чехова и вставной новеллы Иванова сходятся на лексическом уровне через повтор фразеологизма «крепко спать». Сравним: «Задушив его, она быстро ложится на пол, смеется от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мертвая...» (Чехов, VII, 12) и «А потом побрела к сундуку возле двери, легла и тотчас заснула крепко-накрепко» (Иванов, с. 33). В обоих текстах фразеологический оборот утрачивает свою положительную семантику, сон героинь уподобляется не отдыху, а символической смерти, нравственного и физического омертвления, становясь платой за совершенное убийство.

Перечень параллелей не исчерпывается приведенными примерами и может быть расширен за счет включения дополнительных образных и повествовательных элементов, обнаруживаемых в обоих текстах.

Все перечисленные сходства и параллели свидетельствуют о сознательном интертекстуальном диалоге А. Иванова с чеховским рассказом, при котором заимствуются не только сюжет, но и стилистические приемы. Перед нами художественно мотивированная стратегия, в рамках которой классический сюжет подвергается системной трансформации в рамках иного культурно-исторического дискурса.

Таким образом, следует отметить, что Алексей Иванов сознательно использует рассказ «Спать хочется» в качестве прецедентного текста, заимствуя его фабулу, лексико-синтаксические параллели, сенсорный фон и финальный маркер «крепкого сна». Однако ключевым моментом работы с прецедентным текстом является переакцентуация: А. Иванов переводит психологический реализм Чехова в фэнтезийно-мистический регистр, вводя демонический морок Шуртана, скрывающийся за образом прекрасной Лепестиньи. В результате убийство младенца утрачивает характер аффективного, спонтанного акта и приобретает черты ритуализированного действия, совершенного под влиянием

сатанинского обмана. Чеховская ситуация, ставшая архетипом доведенного до предела жестоким отношением и депривацией сна подростка, находит в романе А. Иванова оригинальное переосмысление через призму уральского историко-мифологического материала, фольклорной образности и локальной демонологии.

Источники

Иванов А. Невьянская башня. Москва: Альпина нон-фикшн, 2026. 430 с.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. – М.: Наука, 1974–1983. Произведения А.П. Чехова цитируются по этому изданию. В круглых скобках указаны: С. – сочинения, римской цифрой – том, арабской – страница.

A.P. CHEKHOV'S "SLEEPY" IN A. IVANOV'S "THE NEVYANSK TOWER": FROM CHEKHOVIAN REALISM TO IVANOVIAN MYSTICISM

O.V. Spachil

Kuban State University, Krasnodar

The report is devoted to the analysis of the intertextual incorporation of A.P. Chekhov's short story "Sleepy" into the novel "The Nevyansk Tower" by contemporary Russian writer A. Ivanov. In the course of the analysis, the author arrives at a well-founded conclusion regarding the reaccentuation of the Chekhovian allusion, namely the translation of Chekhov's psychological realism into the fantasy-mystical register of the novel.

Key words: A.P. Chekhov, "Sleepy", A. Ivanov, "The Nevyansk Tower", intertextuality, reaccentuation.

УДК 821.161.1.09+821.521.09

РАЗМЫШЛЕНИЯ ХИРОКО КОДЗИМА ОБ А.П. ЧЕХОВЕ: РУССКАЯ КЛАССИКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЯПОНСКОЙ ЭСТЕТИКИ

О.В. Спачиль, Е.А. Маркова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается книга японской исследовательницы и переводчицы Хироко Кодзима «Чехов-сан, простите!» как пример рецепции творчества А.П. Чехова в иноязычной культуре. Анализируются особенности интерпретации творчества А.П. Чехова через призму японской эстетики (ваби-саби, моно-но аварэ, ма), жанра ватакуси-сёсэцу и традиции дзуйхицу. Особое внимание уделяется анализу интертекстуального диалога, роли иллюстраций и приёма личного обращения Х. Кодзимы к А.П. Чехову с точки зрения метода преодоления культурных рамок и временных границ.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Хироко Кодзима, рецепция, японская эстетика, интерпретация.

Книга Хироко Кодзимы «Чехов-сан, простите!» (2018) представляет собой уникальный пример рецепции русской классики в японской культуре.

Одной из наиболее ярких отличительных черт данной эссеистической работы является её метанарративный, а в чём-то даже надтекстуальный характер. Х. Кодзима, будучи профессиональным переводчиком и литературоведом, намеренно выходит за рамки мира художественного слова А.П. Чехова, вплетая нити его повествования не только в ткань современной для читателя действительности, но и в пространство собственной жизни.

Подобный подход интимного постижения текста является чертой японской литературной традиции и соотносится с жанрами ватакуси-сёсэцу и дзуйхицу, в переводе известными как «Я-роман» и «Записки у изголовья».

Обращаясь к жанру «Я-романа», Х. Кодзима намеренно стирает границу между исследователем и объектом его изучения. Её личные признания (например, исповедь в ревности к Лидии Авиловой в главе, посвящённой рассказу «О любви», или бесконечные восклицания «Простите, Чехов-сан!») не являются отступлением от научности, а, напротив, свидетельствуют о глубокой вовлечённости исследователя в мир русского классика, поскольку говорят не о формальном прочтении текста, а о его постижении через метод глубокой эмпатии. В японской традиции подобная «субъективная» искренность носит название «макото» и ценится выше формальной объективности [2].

Относительно же самой формы повествования стоит отметить, что она во многом напоминает принцип построения дзуйхицу, представляющих собой свободные эссе, где исторически соседствовали глубокие философские размышления и описание повседневных элементов действительности [1]. Точно так же у Х. Кодзимы литературный анализ соседствует с кулинарными рецептами, а философские размышления о современном мире прерываются вкраплениями воспоминаний о собственном детстве (Кадзима, с. 83).

Визуально-текстовая организация книги также подчинена принципам японской эстетики. Иллюстрации российских художников И. Загуловской и Ю. Либхабера Х. Кодзима осмысляет через философский принцип ваби-саби (эстетику несовершенства, мимолётности и естественной простоты). Работа с «неидеальными» материалами перекликается в её видении с Чеховским вниманием к бытовым деталям, обращаясь к которым писатель передавал красоту и драму человеческой судьбы (Кадзима, с. 47).

Следуя за своим учителем, Хироко Кодзима уделяет особое внимание стилю художников, чьи иллюстрации мы видим на обложках японских переводов рассказов А.П. Чехова (наиболее запоминающиеся из них автор использует в качестве иллюстраций и для собственного сборника). Описывая достоинства этих иллюстраций Х. Кодзима, подчеркивает наличие «воздуха» в этих картинах. Согласно автору сборника «воздух» выполняет не только визуальную функцию, но и несёт в себе особый философский смысл, в японском языке известный как принцип «значимой пустоты» или принцип «ма» [2].

В книге самой Х. Кодзимы принцип «ма» реализуется в вёрстке: пространство между текстом и изображением оставляет место для читательского воображения, создавая эффект сотворчества. Эта стратегия напрямую

соотносится с поэтикой недосказанности, общей как для японской традиции, так и для прозы А.П. Чехова.

Кроме того, при анализе текста Х. Кодзимы мы можем наблюдать особый принцип обучения и передачи мастерства «Сюхари» (Shu-Ha-Ri, 守破離). На первом этапе Сю (守) автор демонстрирует глубокое уважение к русскому классическому, сохраняя традиционные формы литературоведческого анализа. Однако, вводя прямое обращение «Чехов-сан...», Х. Кодзима в определённой степени нарушает не только привычные рамки академического письма, но также затрагивает вопросы японской литературной и научной традиции, где обращение «-сан» в основном используется лишь для японских писателей и поэтов, в то время как по отношению к иностранцам данное обращение считается «некорректным». Такой подход соответствует второму этапу «Сюхари» – этапу «Ха» (破), где происходит осмысленное отступление от канонов [3, р. 23].

Благодаря такому отступлению Х. Кодзима не только показывает сходство идей А.П. Чехова с японской философской и интеллектуальной традицией, но также заставляет воспринимать А.П. Чехова как живого собеседника, а не воплощение «застывшего слова» или «памятник давно ушедшей эпохи и чуждой русской традиции». Это позволяет Х. Кодзиме постепенно перейти к третьему, высшему этапу ученичества – Ри (離), заключающему в себе элемент творческой свободы и независимости от первоисточника [3, р. 23].

Таким образом, книга демонстрирует, как японская эстетика и традиция ученичества позволяют преодолеть простое копирование или формальное комментирование, создавая самостоятельное художественно-аналитическое высказывание, где путём межкультурного диалога русский классик обретает «вторую жизнь» и становится неотъемлемой частью японской интеллектуальной традиции.

Список литературы

1. Курмаева И.И., Хафизова И.И. «Записки у изголовья» Сэй Сёнагон и «Игра в классики» Хулио Кортасара: жанровые особенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 5. С. 1419–1423.
2. Мацуока С. Япония глазами японца. Все о культуре страны восходящего солнца / Пер. с яп. К. Скопиной, ред. Т. Наумовой. М.: Эксмо, 2026. 384 с.
3. Bradić S., Kariya C., Callan M., Jones L. Universality and applicability of shu-ha-ri concept through comparison in everyday life, education, judo and kata in judo // The Arts and Sciences of Judo (ASJ). 2023. Vol. 3, No. 2. P. 20–24.

Источники

Кодзима Х. Чехов-сан, простите! / Пер. с яп. Е.А. Рябова, ред. Б.О. Кутенков. СПб.: РХГА, 2018. 135 с.

HIROKO KOJIMA'S REFLECTIONS ON A.P. CHEKHOV: RUSSIAN CLASSICS THROUGH THE LENS OF JAPANESE AESTHETICS

O.V. Spachil, E.A. Markova

Kuban State University, Krasnodar

The article examines the book by Japanese researcher and translator Hiroko Kojima, "Sorry, Chekhov-san!" as an example of A.P. Chekhov's work reception in a foreign culture. The authors analyze the features of interpreting Chekhov's oeuvre through the prism of Japanese aesthetics (wabi-sabi, mono-no-aware, ma), the watakushi-shōsetsu genre, and the zuihitsu tradition. Special attention is paid to the analysis of intertextual dialogue, the role of illustrations, and Kojima's technique of personally addressing Chekhov as a means of transcending cultural frameworks and temporal boundaries.

Key words: A.P. Chekhov, Hiroko Kojima, reception, Japanese aesthetics, interpretation.

УДК 004.89:81'42

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ АГЕНТОВ: ОТ СТАТИЧЕСКИХ РОЛЕЙ К АДАПТИВНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ В МУЛЬТИАГЕНТНЫХ СИСТЕМАХ

И.А. Таурова, В.И. Фирсанова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» –
Санкт-Петербург, Санкт-Петербург*

В статье рассматривается проблема статического назначения ролей агентам в мультиагентных системах на основе LLM. Традиционные подходы игнорируют динамику диалога. Предлагается метод лингвистического профилирования (LAP) для анализа речевых актов в реальном времени. Роли перераспределяются динамически в зависимости от коммуникативной ситуации. Анализируются парные реплики, когезия и дискурсивные маркеры.

Ключевые слова: мультиагентные системы, лингвистическое профилирование, теория речевых актов, дискурс-анализ, человеко-машинное взаимодействие, искусственный интеллект, большие языковые модели.

В последние годы в области генеративного искусственного интеллекта наблюдается переход от одиночных агентов, решающих узкие задачи, к сложным кооперативным мультиагентным системам (MAS). Фреймворки, такие как AutoGen, CrewAI, GPT-trainer, позволяют создавать команды специализированных агентов [4]. Однако эффективность таких систем напрямую

зависит от корректного определения и распределения системных ролей между агентами.

Традиционные подходы к проектированию ролей в MAS носят инженерно-алгоритмический характер и опираются на жесткую логику или эмпирические шаблоны. Роль агента задаётся статически. Однако в реальном диалоге пользователь может попросить агента сначала объяснить теорию (ожидая роль эксперта), затем покритиковать идею (ожидая роль критика), а затем создать стихотворение (ожидая роль генератора). Статическая роль не позволяет агенту переключиться, что приводит к несоответствующей помощи, сбоям взаимодействия и риску «фиксации на дизайне» [4].

В данной статье предлагается подход, основанный на дискурсивном и лингвистическом профилировании агентов (LAP), который позволяет анализировать речевые акты пользователя и агента в реальном времени и динамически перераспределять роли.

Дискурс-анализ, развитый в работах Х. Сакса, Э. Щеглова и Г. Джефферсона, изучает организацию естественного диалога. В контексте MAS дискурс-анализ позволяет решать следующие задачи: анализ пар смежности (*adjacency pairs*), анализ дискурсивных маркеров, анализ когезии [3]. Теория речевых актов, восходящая к Дж. Остину [2] и развитая Дж. Сёрлем [1], рассматривает высказывание как действие, обладающее иллокутивной силой. В работах Д. Журафски и Дж. Мартина [3] предложена классификация речевых актов: констативы, директивы, комиссивы, экспрессивы. В контексте MAS анализ речевых актов позволяет распознавать намерения пользователя на ранних этапах взаимодействия, определять ожидаемую роль агента и обеспечивать адаптивную маршрутизацию запросов [3].

В настоящем исследовании предлагается понятие лингвистического профиля агента – динамической совокупности характеристик, извлекаемых из его речевых актов в процессе коммуникации. Профиль включает: синтаксические паттерны, прагматические характеристики, стилистические особенности, дискурсивные характеристики. На основе анализа естественных диалогов в творческих доменах было выделено несколько типов дискурсивных маркеров, сигнализирующих о необходимости смены роли агента. Например, «Что ты думаешь о...?» (экспрессив) ожидает роль критика; «Придумай...», «Сгенерируй...» (директив) – роль генератора; «Объясни...» (констатив) – роль эксперта; «Мне нужно вдохновение» (комиссив/экспрессив) – роль музы; «Помоги организовать» (директив) – роль фасилитатора.

Разработанная система ArtMind AI представляет собой мультиагентную архитектуру, включающую пять специализированных агентов [4]. В рамках предложенного подхода LAP реализует двухстадийный механизм адаптации роли. На первой стадии (итеративное уточнение) агент сравнивает свои ответы с «золотыми» примерами и корректирует ролевое описание. На второй стадии (проверка согласованности) система перекрёстно проверяет выведенную роль на нескольких примерах из истории взаимодействия; роль принимается только при подтверждении на статистически значимой части диалога.

Для проверки эффективности дискурсивного профилирования проведено эмпирическое исследование с участием 25 респондентов. Результаты: 100% респондентов заметили разницу в речевом поведении между агентами; распознавание речевых актов получило оценку 2,3 из 3; качество описаний изображений и точность определения намерений – 3,7 из 5; NPS составил +34. В ходе автономного тестирования получены следующие количественные результаты: макро F1 классификации ролей – 0,83; прирост семантической энтропии – 15%; снижение количества ремонтных реплик – 32%.

Таким образом, предложенный подход к дискурсивному и лингвистическому профилированию агентов (LAP) позволяет перейти от статического назначения ролей к адаптивной архитектуре мультиагентных систем. Экспериментально подтверждено повышение семантического разнообразия и эффективности взаимодействия.

Список литературы

1. Сёрл Дж.Р. Что такое речевой акт? / пер. И.М. Кобозевой // Философия языка. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 13–37.
2. Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford: Oxford University Press, 1962. 176 p.
3. Jurafsky D., Martin J.H. Speech and Language Processing. 3rd ed. Stanford: Stanford University Press, 2024. 624 p.
4. Wu Q., Bansal G., Zhang J. et al. AutoGen: Enabling Next-Gen LLM Applications via Multi-Agent Conversations // Proceedings of COLM. 2024.

DISCOURSE AGENT PROFILING: FROM STATIC ROLES TO ADAPTIVE INTERACTION IN MULTI-AGENT SYSTEMS

I.A. Tairova, V.I. Firsanova

HSE University – Saint Petersburg, Saint Petersburg

The article addresses the problem of static role assignment to agents in LLM-based multi-agent systems. Traditional approaches ignore dialogue dynamics. A method of Linguistic Agent Profiling (LAP) for real-time speech act analysis is proposed. Roles are redistributed dynamically depending on the communicative situation. Adjacency pairs, cohesion, and discourse markers are analyzed. This makes it possible to track changes in user intentions and adapt the agent's role.

Key words: multi-agent systems, linguistic profiling, speech act theory, discourse analysis, human-computer interaction, artificial intelligence, large language models.

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ АББРЕВИАТУР В «БОЛЬШОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ АББРЕВИАТУР РУССКОГО ЯЗЫКА»

В.И. Теркулов

Донецкий государственный университет, Донецк

В статье описываются принципы представления аббревиатур в «Большом толковом словаре аббревиатур русского языка», создаваемом на кафедре русского языка Донецкого государственного университета. Определяются теоретические основы работы с аббревиатурным материалом, а также общие и различающиеся аспекты презентации в словаре инициальных аббревиатур, сложносокращённых апеллятивов и онимов, квазиаббревиатур, заимствованных аббревиатур.

Ключевые слова: аббревиатуры, толковый словарь, синхронный подход, апеллятивы, онимы.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 26-18-20134, <https://rscf.ru/project/26-18-20134/>. «Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении».

Работа посвящена описанию принципов представления аббревиатур в «Большом толковом словаре аббревиатур русского языка», создаваемом за счёт гранта Российского научного фонда № 26-18-20134, <https://rscf.ru/project/26-18-20134/> «Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении» на кафедре русского языка Донецкого государственного университета. Данный словарь завершает задуманную и большей частью уже воплощённую линейку словарей аббревиатур и сокращений, в которую входят редактируемые сейчас «Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка» и «Словарь аббреконструктов русского языка», а также уже составленные по заказу Правительства Российской Федерации и размещённые в электронном формате на сайте Национального словарного фонда Российской Федерации «Словарь аббревиатур русского языка (при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации)» [3] и «Словарь сокращений в русском языке как государственном языке Российской Федерации» [4] (см.: [2]). Толковый словарь имеет ряд характерных черт, которые определяются особенностями интерпретации аббревиатур его создателями — представителями Донецкой дериватологической школы.

1. В словарную статью словаря вводится толкование значения аббревиатуры. Толковый словарь аббревиатур — новый лексикографический продукт, принципиально отличающийся от традиционных аббревиатурных словарей, в которых обычно даются только дешифровки сокращений, уже тем,

что в нём осуществляется толкование значений описываемых слов. Необходимость в таком толковании обусловлена тем, что устоявшееся в науке мнение о достаточности приведения дескриптивной дешифровки сокращения для понимания его значения противоречит в большинстве случаев реальной языковой практике: аббревиатура чаще всего возникает как реакция на идиоматизацию производящего для неё словосочетания, преобразование которого в слово мотивировано возникновением асимметричного дуализма, сопрягающего разившееся у него цельное словное значение с расчленённой синтаксической формой. Например, значение словосочетания *автомобильное кресло* в одной из своих семем не выводится полноценно из значений слов *автомобильный* и *кресло*, а, пройдя этап идиоматизации, развило на семном уровне дополнительные имплицитные компоненты: это уже не «кресло в автомобиль», а «**съёмное кресло в автомобиль, предназначенное для перевозки детей**». Возник асимметричный дуализм «цельное (словное) значение — расчленённая форма», что мотивировало его преодоление путём преобразования словосочетания в слово *автокресло* и формирования в результате этого симметричного дуализма «цельное (словное) значение — цельная (словная) форма». Таким образом, значение аббревиатуры часто нельзя объяснить простым приведением эквивалентного словосочетания, что и требует осуществления в словаре его полноценного автономного описания.

2. Толковый словарь аббревиатур является синхронным словарём. В дериватологии различие диахронии и синхронии связано с различием типа словообразовательных отношений между словами: «Диахронное словообразование изучает истинные исторические связи анализируемого слова с другими однокорневыми словами, изменения, происходящие в слове в процессе развития языка; синхронное словообразование, отвлекаясь от самого процесса происхождения слова, изучает живые связи анализируемого слова с другими однокорневыми словами, сосуществующими в языке на том или ином этапе его развития» [1, с. 122–123]. Данное представление распространяется и на аббревиацию. С точки зрения диахронии следует отграничить аббревиатуры, возникающие в результате **универбализации** (трансформации в слово) словосочетаний, например слово *изолента*, образованное от словосочетания *изоляционная лента*, от квазиаббревиатур — слов, как и аббревиатур, содержащих **абброконструкт** (сокращённый слоговой, неинициальный эквивалент какого-либо слова), но созданных не на базе словосочетаний, а либо путём прямого присоединения этого абброконструкта к производящему слову, например присоединения абброконструкта *изо-* к слову *шутка* и формирования лексемы *изошутка*, либо путём аббревиатурного калькирования иноязычного слова, например трансформации в рус. *авиасимулятор* английского *flight simulator* «имитатор полёта», либо путём образования отаббревиатурного сложнопроизводного слова, например слова *агробизнесмен* от *агробизнес*. В языке отмечается и процесс, обратный универбализации — **псевдоунивербализация**, то есть развёртывание вторичных словосочетаний на базе слов путём их покомпонентной дешифровки. Благодаря этому у квазиаббревиатур также возникают синтаксические эквиваленты:

изобразительная шутка, например В старых журналах это называлось «*изошутка*», то есть «*изобразительная шутка*» (<https://blog-go.livejournal.com/175607.html>), авиационный симулятор, например *Авиационный симулятор (авиасимулятор)* имитирует условия реального полёта, воспроизводя нюансы управления реальным воздушным судном (<https://patents.google.com/patent/RU2688500C1/ru>), аграрный бизнесмен, например *Агробизнесмен* из Целинного района откроет большой животноводческий комплекс, в котором будет выращивать индейку – Этот комплекс войдет в состав группы компаний "Вирт", владельцем которого является Павел Бейфорт, один из крупнейших **аграрных бизнесменов** региона (<https://www.alt-niva.ru/news/v-tselinnom-rayone-namereny-vyrashchivat-indeyku/>). Благодаря этому на синхронном срезе языка данные слова также воспринимаются носителями языка как аббревиатуры. Таким образом, аббревиатура в **синхронии** – это не слово возникшее в результате универбализации (диахронная аббревиатура), а слово, имеющее на актуальном срезе языка синтаксический эквивалент, связанный с ним структурно (в его составе есть формальные эквиваленты конструкторов аббревиатуры), семантически (слово и словосочетание имеют тождественное значение) и текстово (они могут употребляться в одном и том же тексте). Для носителя языка абсолютно не важно, как было образовано слово: для него важнее то, что оно может трактоваться как свёрнутое словосочетание, независимо от того, было ли оно образовано от словосочетания, или словосочетание было развёрнуто на его базе. Именно поэтому в словник словаря внесены **все сокращённые слова, имеющие текстовые эквиваленты** независимо от их происхождения, то есть **синхронные аббревиатуры**.

3. Множественная эквивалентность. В результате псевдоунивербализации может осуществляться не только трансформация диахронной квазиаббревиатуры в синхронную аббревиатуру, но и формирование множественной эквивалентности у синхронных аббревиатур, которая обеспечивается наличием у абброконструктов нескольких **дешифровальных стимулов**, то есть стереотипов дешифровки. Например, абброконструкт бое- может дешифроваться при помощи слов *боевой, бой, боеприпас, боевой припас* и др. Благодаря этому для дешифровки аббревиатур, содержащих данный абброконструкт, могут использоваться разные словосочетания, которые обычно осуществляют актуализацию разных аспектов семантики аббревиатуры, то есть формируют её текстовую полисемию. Например, для слова *боезапас* «установленное количество боеприпасов, необходимое для выполнения боевой задачи» обнаруживаются эквиваленты *боевой запас*, который только указывает на связь боезапаса с боем, например: *Пока есть боевой запас, я буду стрелять...* – Многие наши лётчики считают, что **боезапас** был маловат (<https://iremember.ru/memoirs/letchiki-istrebiteli/mukhmediarov-vladimir-mikhaevlovich/>), *запас для боя* с дестинативным значением (назначение запаса), например: *Боевой запас (боезапас, БЗ, запас боевых припасов) – количество боеприпасов, необходимое для выполнения боевой задачи (боевого задания), то есть запас для боя (операции, военных действий)*

(https://ru.ruwiki.ru/wikiБоевой_запас), *запас боеприпасов и запас боевых припасов*, определяющие, что входит в этот запас (фабрикативное значение), например: *США придется сделать трудный выбор из-за истощения **запасов боеприпасов** – Он отметил, что американские войска обладают достаточным количеством боезапаса* (<https://www.gazeta.ru/politics/news/2026/04/24/28331683.shtml>); *Его солдаты и офицеры, расстреляв почти весь **боезапас**, 15 (28) февраля пошли в последнюю штыковую атаку – Увеличившийся за последние дни напор противника, который успел подвезти тяжёлую артиллерию и, видимо, большой **запас боевых припасов**, повелительно требует пополнения их и у нас* (https://historylib.org/historybooks/Boris--Sokolov_100-velikikh-voyn/82).

Множественная мотивация и текстовая полисемия отмечаются и для инициальных аббревиатур. Например, слово *ГА* эквивалентно и слоговой аббревиатуре *гидроаккумулятор*, и производящему для неё словосочетанию *гидравлический аккумулятор*. Следует отличать текстовую полисемию от аббревиатурной омонимии. Например, аббревиатура *ГАП* имеет три эквивалента в рамках текстовой полисемии: *группа агропредприятий, группа аграрных предприятий, группа агропромышленных предприятий*. В то же время в качестве её омонимов выступают аббревиатуры *ГАП – Гидравлический автомобилеподъёмник, ГАП – Гидроакустический пеленгатор, ГАП [гап] – Гидроакустическое поле, ГАП – Главный артиллерийский полигон, главный артполигон, ГАП– Грузовой автомобильный парк, грузовой автопарк*.

4. Различаются следующие структурно-ономасиологическим **типы аббревиатур**, каждый из которых имеет свои особенности лексикографирования:

а. Инициальные аббревиатуры, возникающие в результате реального **сокращения слов** исходного словосочетания и вследствие этого не могущие образовываться квазиаббревиатурно: в этом случае синхронные и диахронные аббревиатуры совпадают. Трансформироваться в слово может любое идиоматизированное словосочетание, что регулярно приводит к возникновению инициальной омонимии, например *РА – разведывательная авиация, ракетная армия, реактивная артиллерия, региональное агентство* и т.д. Инициальные аббревиатуры подразделяются на буквенные (алфавитизмы), например *ДВП [дэвэпэ] – Древесно-волоконистая плита*, звуковые (акронимы), например *ДЕЗ [дэс] – Дирекция единого заказчика*, и смешанные, например *ДЮСШОР [дюэсшаор] – Детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва*.

б. **Сложносокращённые апеллятивы**, диахронически возникающие в результате либо **замещения** какого-либо слова абброконструктом (диахронные аббревиатуры), например *народный комиссариат – наркомат*, либо его использования в качестве **абброморфемы**, например *наркодилер*, либо в результате сохранения абброконструкта в сложнопроизводном слове, например *газозаправщик < газозаправка*. В последних двух случаях у слова развиваются вторичные эквиваленты *наркотический дилер*, например: *А вот и сама Саудовская Аравия, наркодилеров там тоже не любят – Канал наркотических дилеров являлся семейным – всех участников объединяют*

родственные связи (<https://forum.guns.ru/forummessage/15/261776.html>), и газовый заправщик, например *Современные мобильные газозаправщики автотранспортных средств* – Так, например, к 2018 году планировалось построить вновь 1233 автомобильных газонаполнительных компрессорных станций (АГНКС), выпустить 40 передвижных автомобильных **газовых заправщиков** (ПАГЗ), перевести на природный газ более миллиона ТС, использующих газомоторное топливо (<https://gassc.com/article/1163.html>). На синхронном срезе абброконструкты имеют легко определяемые дешифровальные стимулы: *авто* – автомобильный, *автомобиля*, *электро* – электрический, *электричество* и т. д., что, во-первых, делает прозрачной внутреннюю форму таких единиц, а во-вторых, ограничивает рамки словопроизводства при помощи абброконструктов уже существующими единицами. Всего в нашей картотеке около 700 абброконструктов. Для сравнения, у инициальных аббревиатур только омонимичные конструкты *Б* имеют в качестве эквивалентов более 900 слов. Напомним, что в словаре описываются именно синхронные аббревиатуры данного типа. Сложносокращённые слова бывают трёх типов. Наиболее распространены **частично сокращённые слова**, состоящие из абброконструкта и полного слова, например *иммунодефицит* – *иммунный дефицит*, *иммунологический дефицит*, *дефицит иммунитета*, сюда же относятся слоговые аббревиатуры, состоящие только из абброморфем, например *нардép* – *народный депутат*, и смешанные аббревиатуры, включающие абброконструкт и инициальный конструкт, например *главк* – *главный комитет*, *головной комитет*. Следует сказать, что объединение сложносокращённых слов с инициальными аббревиатурами в один словообразовательный способ обусловлено многими причинами, среди которых наиболее значимо то, что первое употребление абброконструкта сложносокращённого слова тоже имеет в своей основе реальное сокращение слова, выступающего для него в качестве источника. Например, абброконструкт *авто-* создан путём сокращения слова *автомобильный*. Однако в отличие от инициального конструкта абброконструкт *авто-* морфематизируется, закрепляется в языке и в дальнейшем используется при универбализации уже в готовом виде.

в. **Сложносокращённые онимы**, то есть аббревиатуры, используемые для выделения объектов в ряду однородных, создаются путём конструирования при помощи абброконструктов. Например, слово *Главкопирфильм* замещает полное название *Главное управление массовой печати фильмов*, которое явно не связано генетически с прогнозируемым словосочетанием **Главное копирование фильмов*. Иногда, правда, структура сложносокращённого онима изоморфна структуре официального наименования, например *минюст* – *министерство юстиции*. Однако допустимость неэквивалентного конструирования позволяет трактовать онимную универбализацию как его разновидность.

г. Особую группу сокращений составляют **заимствованные инициальные аббревиатуры**, например *SWIFT* (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication – «Сообщество всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций»), *SWIFTa*, м. Международная система передачи

финансовых сообщений между банками и другими финансовыми организациями, *ФИФА* (Fédération Internationale de Football Association, в русской транслитерации – Международная федерация футбола), нескл., ж. Главная руководящая организация в мире футбола, объединяющая национальные футбольные федерации. Данные слова известны носителям русского языка как аббревиатуры, но не имеют в нём развёрнутых эквивалентов.

д. Объектом рассмотрения в словаре являются также **абброконструкты** – сокращённые компоненты сложносокращённых слов, например *Зак-*, *законо-*. 1) Имеющий право составлять и издавать законы (*заксобрание*). 2) Связанный с созданием законов (*закинициатива*, *законопроект*) ● 1. **Законодательный** ■ *законодательный* (*законодательный проект – законопроект*); *законодательная* (*закинициатива – законодательная инициатива*); *законодательное* (*заксобрание – законодательное собрание*) ♦ 2. **Закон** ■ *закона* (*законопроект – проект закона*).

В состав словарной статьи «Большого словаря аббревиатур русского языка», таким образом, входят следующие компоненты:

1. **Вокабула**, содержащая фонетические и грамматические характеристики описываемого слова.

а. Для инициальных аббревиатур всех типов даются упрощённая транскрипция (без редукции, но с ударением и констатацией оглушения и озвончения согласных), при наличии – форма родительного падежа (с транскрипцией) (при её отсутствии даётся помета «нескл.»), родовая характеристика или (для существительных *Pluralia tantum*) помета «мн.» (множественное), например **ГЭК** [гэк], **ГЭКа** [гэка], м. и нескл., ж. Государственная экзаменационная комиссия; **КСБР** [каэзбээр], нескл., мн. Коллективные силы быстрого развёртывания; **МГУ** [эмгэу], нескл. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

б. Для сложносокращённых слов всех типов в вокабуле проставляется ударение, при наличии даётся форма родительного падежа (при её отсутствии даётся помета «нескл.»), родовая характеристика или (для существительных *Pluralia tantum*) помета «мн.» (множественное), например **кубомётр**, **кубомётра**, м. Кубический метр; **Роскомнедр**, нескл., м. Комитет Российской Федерации по геологии и использованию недр; **матблага**, **матблаг**, мн. Материальные блага.

в. Для заимствованных слов значимым является нормативная графическая презентация – транслитерированная, например **ФИБА** [фибá], нескл., ж. (фр. FIBA, Fédération Internationale de Basketball) Международная федерация баскетбола; калькированная с компонентным совпадением, например **НХЛ** [энхаэл], нескл., ж. (англ. NHL, National Hockey League) Национальная хоккейная лига; калькированная с компонентным расхождением, например **ОБСЕ** [обээсэ], нескл., ж. (англ. OSCE, Organization for Security and Co-operation in Europe) Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе); сохранённая, например **WTA** [вэтэá] и [дабл-ютэá], нескл., ж. (англ. WTA, Women's Tennis Association) Международная женская теннисная ассоциация.

2. Толкование значения слова.

а. Для апеллятивов даётся обобщённое описание значения, например **ЦБК** [цебэ́ка], нескл., м. Система, которая сочетает цифры и буквы для кодирования, классификации и идентификации информации ■ **Цифро-буквенный код**; **радиоаппара́тура**, **радиоаппара́туры**, ж. Совокупность устройств, предназначенных для передачи, преобразования и приёма радиоволн ■ **радиовещательная аппаратура**, **аппаратура для радиолюбителей**, **аппаратура для радиовещания**.

б. Для онимов даётся описание статуса объекта, а также все изменения его аббревиатурных наименований, например **СССР** [э́сэ́сэ́ср], нескл., м. Государство в Восточной Европе, Северной и Центральной Азии, существовавшее с 30 декабря 1922 года по 26 декабря 1991 года ■ **Союз Советских Социалистических республик**; **ДонГУ** [донгу́], нескл., м. Высшее учебное заведение, классический университет в Донецкой Народной Республике. Основано в 1937 г как Сталинский государственный педагогический институт (**СГПИ**), с 1961 г. – Донецкий государственный педагогический институт (**ДГПИ**), с 1965 г. – Донецкий государственный университет (**ДонГУ**), с 2000 – Донецкий национальный университет (**ДонНУ**), с 2023 г. – Донецкий государственный университет (**ДонГУ**) ■ **Донецкий государственный университет**, **Донецкий госуниверситет**; **Россельхознадзо́р**, **Россельхознадзо́ра**, м. Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю (надзору) в сфере ветеринарии, защиты растений и почв, обеспечения качества и безопасности сельскохозяйственной продукции, защиты населения от болезней, общих для человека и животных ■ **Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору**.

3. **Набор обнаруживаемых в текстах регулярных эквивалентов** (после знака ■), например **БАД** [бат], **БАДа** [ба́да], м. и нескл., ж. Композиции натуральных или идентичных натуральным биологически активных веществ, предназначенные для приёма с пищей или введения в состав пищевых продуктов ■ **биодобавка**, **биологически активная добавка**, **биологическая добавка**, **БД**; **бальнеоце́нтр**, **бальнеоце́нтра**, м. Учреждение, специализирующееся на проведении бальнеотерапии – лечебных процедур с использованием минеральных вод, лечебных грязей, а также других водных и физиотерапевтических методов ■ **бальнеологический центр**, **бальнеотерапевтический центр**, **центр бальнеотерапии**, **бальнеоклиматический центр**.

4. **Набор синонимов и гиперонимов** (после знака ●) и **сложнопроизводные слова** (после знака ☆), например **канцтовáры**, **канцтовáров**, мн. Изделия или принадлежности, используемые для переписки и оформления бумажной документации, учёбы, творчества ■ **канцелярские товары** ● **изделия**, **канцелярия**, **канцпринадлежности**, **принадлежности**, **товары** ☆ **канцтоварный**; **вуз**, **ву́за**, м. Образовательное учреждение, осуществляющее подготовку высококвалифицированных кадров с высшим образованием ■ **высшее учебное заведение** ● **университет**, **академия**, **институт**, **высшая школа** ☆ **вузовский**.

Сейчас завершается создание словника словаря, уточнение некоторых нюансов описания, например системы помет. В дальнейших работах предполагается развёрнутое представление каждого из показанных аспектов лексикографирования.

Список литературы

1. Любезнова Н.В., Выходцева И.С. Синхроническое и диахроническое изучение языка // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11, № 2-1. С. 117–125. DOI 10.34670/AR.2021.20.40.014.

2. Национальный словарный фонд. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://ruslang.ru/normativnyje_slovari (дата обращения 04.05.2026).

3. Словарь аббревиатур русского языка (при его использовании как государственного языка Российской Федерации): более 20 000 словарных статей / под научной редакцией В.И. Теркулова и В.А. Рязановой; составители: М.Д. Агаркова [и др.]. Донецк: Изд-во ДонГУ, 2026. 536 с.

4. Словарь сокращений в русском языке как государственном языке Российской Федерации / А.И. Бровец, К.Ю. Емельянова, Е.В. Разумная, А.К. Сытник; под научной редакцией В.И. Теркулова и А.И. Бровца. Донецк: Изд-во ДонГУ, 2026. 103 с.

PRINCIPLES OF DESCRIBING ABBREVIATIONS IN THE BIG INTERPRETIVE DICTIONARY OF ABBREVIATIONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

V.I. Terkulov

Donetsk State University, Donetsk

The article describes the principles of presenting abbreviations in the "Big Interpretive Dictionary of Abbreviations of the Russian Language", which is being created at the Department of the Russian Language of Donetsk State University. The theoretical foundations of working with abbreviated material are defined, as well as the general and different aspects of presenting initial abbreviations, compound abbreviated appellatives and onyms, quasi-abbreviations, and borrowed abbreviations in the dictionary.

Key words: abbreviations, interpretive dictionary, synchronous approach, appellatives, onyms.

АНАЛИЗ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО АСПЕКТА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Н.Е. Тлеугабылова

Омская гуманитарная академия, Омск

В работе рассматривается современный подход к изучению языка как не только системы знаков, но и инструмента мышления, что подчеркивает важность когнитивно-дискурсивного анализа дискурса художественного текста. Особое внимание уделяется коммуникативному поведению персонажей как проявлению деятельности коммуниканта в конкретной ситуации общения.

Ключевые слова: художественный дискурс, когнитивистика, коммуникативное поведение, прагматика, стратегия.

В современной лингвистике все чаще рассматривается язык не только как система знаков, но и как инструмент мышления, поэтому особое значение приобретает изучение когнитивно-дискурсивного аспекта языковой действительности художественного текста.

Коммуникативное поведение персонажей художественного текста интересует нас с точки зрения когнитивно-дискурсивной деятельности коммуниканта в ситуации общения.

В словаре коммуникативное поведение представлено термином «коммуникативная деятельность»: «деятельность по применению коммуникативной компетенции в процессе восприятия и / или порождения речи в целях решения коммуникативной задачи общения в определенной сфере деятельности» [1, с. 98].

Н.А. Лемяскина, И.А. Стернин определяют коммуникативное поведение следующим образом: «Коммуникативное поведение понимается как совокупность норм и традиций общения, присущих народу, социальной, возрастной, гендерной группе, а также отдельной личности» [2, с. 3].

Е.В. Маркелова пишет: «Составной частью коммуникативного поведения является речевое поведение, т. е. поведение коммуникантов в акте речи» [3, с. 151].

В настоящей работе мы анализируем когнитивно-дискурсивный аспект коммуникативного поведения.

Данный подход анализа когнитивно-дискурсивного аспекта к анализу коммуникативного поведения объединяет исследования когнитивных механизмов (мышление, восприятие, концептуализация, мировоззрение), и дискурсивных практик (контекст, цели общения, статусы).

Представим фрагмент анализа коммуникативного поведения Базарова в художественном дискурсе романа «Отцы и дети» И.С. Тургенева в таблице 1.

Таблица 1. «Анализ коммуникативного поведения Базарова».

Ситуация	Персонажи	Художественный текст	Дискурс	Когнитивные стратегии	Цель
Спор о нигилизме	Базаров, Павел Петрович	«Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта, — перебил Базаров» (Тургенев, с. 18)	Худ.	Рационализаторская, нигилистическая, отрицающая ценности искусства, культуры, обесценивающая	Критическое осмысление, обесценивание существующих норм и ценностей
Диалог с Аркадием	Базаров, Аркадий	«Мне приятно отрицать, мой мозг так устроен – и баста!» (Тургенев, с. 86)	Худ.	Нигилистическая самопрезентация	
Беседа в гостях у Кукшиной	Базаров, Кукшина, Ситников Аркадий	«Базаров надменно выпрямился. – Я ничьих мнений не разделяю: я имею свои» (Тургенев, с. 36–37)	Худ.	Стратегии отрицания, обесценивания, самопрезентации	утвердить собственное интеллектуальное, мировоззренческое превосходство

Анализ художественного текста трех коммуникативных ситуаций демонстрирует, что когнитивные, мировоззренческие установки Базарова реализуются через коммуникативные стратегии обесценивания, отрицания, рационализации, самопрезентации, они тесно связаны с его личными когнитивными установками и миром художественного дискурса романа, где Базаров предстает в образе нигилиста. Использование коммуникативных стратегий в общении с П.П. Кирсановым, Аркадием Кирсановым, Кукшиной и Ситниковым показывает коммуникативные намерения, цели которых не только в критическом осмыслении, обесценивании норм и ценностей, но и в самоутверждении собственного интеллектуального, мировоззренческого превосходства.

Таким образом, когнитивно-дискурсивный подход к анализу коммуникативного поведения персонажа художественного произведения позволяет подробнее исследовать личность коммуниканта, его цели, намерения, характер, мышление.

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Лемяскина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника // Воронеж: Центр. - Чернозем. кн. изд-во, 2000. 201 с.

3. Маркелова Е.В. Модификация модели ввода чужой речи как проявление речевого поведения ученых // Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 5–6 дек. 2010 г. Пенза; Ереван; Прага: Науч.-изд. центр «Социосфера», 2010. С. 45–50.

Источники

Тургенев И.С. Отцы и дети. М.:ДА!Медиа, 2014. 133 с.

ANALYSIS OF THE COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECT OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR IN ARTISTIC DISCOURSE

N.E. Tleugabylova

Omsk Humanitarian Academy, Omsk

This paper examines a contemporary approach to studying language as not only a system of signs but also a tool for thinking, emphasizing the importance of cognitive-discursive analysis of literary discourse. Particular attention is paid to the communicative behavior of characters as a manifestation of the communicator's activity in a specific communicative situation.

Key words: literary discourse, cognitive science, communicative behavior, pragmatics, strategy.

УДК 821.112.2(436).0

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ КОМИЧЕСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Л.В. Трофимова

Елабужский институт Казанского федерального университета, Елабуга

Статья посвящена анализу стилистических механизмов создания комического эффекта в современной австрийской прозе на примере произведения Барбары Фришмут “Biberzahn und der Khan der Wind”. В работе рассматривается специфика австрийского национального юмора. Особое внимание уделяется таким стилистическим приемам, как ирония, преувеличение и др. Автор статьи доказывает, что ключевую роль в прозе Фришмут играет гипербола. Выводы подтверждаются текстуальными примерами из произведения “Biberzahn und der Khan der Wind”, которое рассматривается как яркий образец постмодернистской игровой прозы с национальной спецификой.

Ключевые слова: Барбара Фришмут, австрийская литература, стилистические средства комического, гипербола, “Biberzahn und der Khan der Wind”.

Комическое в художественной литературе – это жанр или стиль, основанный на использовании юмора и сатиры для вызова смеха и развлечения у читателей. Комические элементы включают в себя смешные ситуации, нелепые персонажи, игру слов, иронию и преувеличения. Они могут служить для создания комического эффекта, разрядки напряжения, передачи социальных или политических комментариев или просто для достижения развлекательного эффекта. Комическое в литературе имеет свою собственную эстетику и может быть использовано в разных жанрах, от комедийных романов до сатирических коротких рассказов.

Исследование языка детской литературы всегда находилось в центре внимания лингвистов и психологов. Неоценимый теоретический и практический вклад в освещение детской литературы с элементами комического и эксцентрического внесли М.М. Бахтин [1], В.И. Карасик [3], В.Я. Пропп [4], Ю.В. Щурина [7] и др.

Комическое, как эстетическая категория, имеет широкое применение в различных областях искусства, включая литературу. Оно способно вызывать улыбку, смех и радость у читателей. В комедии, авторы используют различные приемы, такие как игра слов, ситуационный юмор, комические персонажи и смешные диалоги, чтобы создать комический эффект. В сатире, авторы используют иронию, сарказм и гротеск, чтобы осмеять и критиковать социальные явления и недостатки. В эпиграммах и пародиях, авторы могут использовать гиперболу и литоту, чтобы создать смешное и карикатурное изображение. В целом, комическое играет важную роль в литературе, помогая развлечь читателей, поднять настроение и передать определенные социальные и культурные сообщения.

Комическое непосредственно соотносится с понятием «юмористический дискурс», который понимается как «текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [2, с. 78].

Комическое предполагает наличие интеллектуальных способностей, позволяющих замечать комические аспекты в явлениях. Оно присутствует в каждой лингвокультуре, и у каждого народа есть темы, предрасполагающие к осмеянию, такие как жадность, глупость, ошибки и оплошности, неловкое поведение, пристрастия и привычки, стиль одежды и тому подобное. Однако необходимо учитывать, что каждая культура имеет свое национальное своеобразие юмора. Часто можно слышать мнение о том, что у некоторых народов, например, у немцев, есть «странный» юмор или же вообще отсутствует чувство юмора. В действительности юмор является неотъемлемой частью национального характера любого народа. Однако из-за своей национальной специфики он часто может быть непонятен иностранцам, которые пытаются оценить и интерпретировать его с позиций своей собственной лингвокультуры.

Исследователи, которые специализируются на изучении немецкой лингвокультуры, уделяют особое внимание языковой игре, стилистическим приемам и двуплановости, определяя их как основные средства создания комического эффекта. Комический текст является художественным текстом, в котором реализуются все особенности, методы и приемы для достижения

комического эффекта. Особую роль играют сатира и юмор, которые выражают мировоззрение, идеалы и стремления народа. Эти жанры не только показывают особенности каждой эпохи, но и служат связующим звеном в истории литературы, позволяя видеть связи между различными этапами художественной эволюции.

Таким образом, комическое является многогранным явлением, касающимся различных аспектов человеческого существования. Исследование этой категории проводится с разных точек зрения, включая философию, психологию, лингвистику, эстетику, социологию, лингвокультурологию, литературоведение и искусствоведение. Комическое означает культурно оформленное смешное и относится к жизненным явлениям, вызывающим смех. Приемы комического актуальны и характерны для всех жанров, и часто они дополняют друг друга. Комический эффект в юмористическом дискурсе может быть реализован в различных концептах с соответствующими семантическими полями путем нарушения норм, будь то фонетические, грамматические или семантические.

В тексте существуют разнообразные средства выражения комического эффекта, которые могут использоваться как с помощью фонетических, лексических, фразеологических, так и грамматических средств. Они служат основными приемами создания комического эффекта.

При изучении различных видов комического писатели используют разнообразные средства выражения. Фонетические средства включают использование графонов, то есть игру на звуковом уровне. Лексические средства включают использование тропов, таких как метафора и гипербола, которые придают тексту комическое оттенение. Морфологические средства включают использование уничижительных суффиксов, сложных слов и других морфологических форм, которые могут вызывать смех. Синтаксические средства включают использование каламбура, сравнений, синонимических перечислений и параллелизма, чтобы создать комический эффект.

Область комического, создаваемая с помощью языковых средств, является очень богатой и разнообразной. В дополнение к эмоционально-окрашенным языковым средствам и тропам, фразеологизмы также являются продуктивным инструментом для достижения комического эффекта. Использование фразеологических выражений, устойчивых выражений и пословиц может добавить юмористический оттенок и обогатить комическое представление.

Приемы, используемые для передачи комического, актуальны и присутствуют во всех жанрах. В юмористическом дискурсе комические элементы реализуются через нарушение фонетических, грамматических и семантических норм с помощью различных концептов и семантических оснований. Изучение и понимание особенностей юмора другой страны требует знаний в области лингвистики и лингвострановедения. В понятие «комическое» включены такие элементы, как ирония, каламбуры, сравнение, языковые ошибки, пародия, оксюморон и другие. Анализ того, над чем смеются разные народы, позволяет определить их ценности и интересы.

Австрийская писательница Барбара Фришмут (B. Frischmuth) (род.1941)

внесла значительный вклад в австрийскую литературу, создавая произведения, которые остаются актуальными на все времена. Ее работы затрагивают проблемы, связанные с внутренним миром человека, ролью женщины в современном обществе и воспитанием детей. Интересно, что свою первую премию Фришмут получила именно за детскую литературу.

Творчество Б. Фришмут, особенно ее произведения для детей, характеризуются легкостью чтения, но при этом они обладают глубоким содержанием и неповторимым языковым стилем [6, с. 23]. Исследователи, анализируя детскую прозу Б. Фришмут, подчеркивают самобытность и «творческую мастерскую» автора. Это особое своеобразие не сводится только к классификации произведений по определенной возрастной группе читателей [5, с. 213].

Произведение “Biberzahn und der Khan der Wind” «Бобровый зуб и Хан ветров» – это история о любви между принцессой и Ханом ветров. Хану ветров удалось убедить принцессу отправиться с ним в путешествие в его замок, который расположен в облаках. Изначально она была очарована новыми впечатлениями, но со временем она начала скучать по дому и своему народу, которых она оставила. В отличие от нее, Хан ветров не привязан так сильно к домашнему очагу и редко бывает в своих владениях. Он всегда занят и сейчас у него стоит «плановое задание» – организация осеннего порывистого ветра.

Постепенно оба героя приходят к пониманию, что каждый должен быть там, где он необходим и где на него рассчитывают. Принцесса и Хан не могут быть вместе, но они находят единственное правильное решение для своих отношений – тоску. Это чувство становится их связующим звеном, оно напоминает им о любви и о важности их ролей в своих мирах.

Фантастическая история влюбленных прочно переплетается с другим сюжетом в произведении Б. Фришмут, где она использует прием «повествование в повествовании». Главный герой, Макс, решает отдохнуть в тени дерева после удара мячом в голову во время футбольного матча. Внезапно из ветвей появляется рассказчик истории, которому никто не желает прислушаться, но он так любит говорить, что однажды был наказан людьми, забросавшими его камнями за его рассказы.

Фантастический рассказ «Бобровый зуб и Хан ветров» повествует о любовной истории Хана ветров и принцессы Бобра. На протяжении всего рассказа можно наблюдать разные стилистические средства, которые усиливают юмористическую составляющую произведения.

Первое, что следует отметить, это использование так называемых «говорящих» имен в произведении, например, героиня с именем Принцесса Бобровый зуб или Хан ветров, персонаж из волшебной сказки, что уже с самого начала вызывает улыбку у читателя. Однако, важную роль в создании комического эффекта играют характеры персонажей, их внешние и внутренние черты, которые вместе формируют определенный тип и делают выбранные имена символическими.

В произведении Барбары Фришмут использованы различные стилистические приемы, как лексико-семантические, так и фонетические, для

передачи комического эффекта. Несомненно, все эти приемы связаны с языком, так как художественное произведение создается на его основе. Однако не все комические приемы одинаково зависят от лексических и грамматических средств языка. Некоторые приемы, такие как ирония, контраст, гипербола, литота, недоразумения и неожиданности, зависят от контекста и ситуации, и их реализация менее связана с конкретными языковыми элементами.

Основные лингвистические средства, используемые для выражения комического в художественной литературе, включают:

- иронию: использование слов или выражений с противоположным смыслом, чтобы создать комический контраст или подметить противоречие между ожиданиями и реальностью.

- преувеличения и гиперболы: усиление или увеличение определенных аспектов ситуации, персонажей или действий до абсурдных или непропорциональных масштабов с целью вызвать смех или удивление.

- пародии: имитация или подражание известным произведениям, стилям или жанрам с целью создания комического эффекта путем искажения или перевертывания ожидаемого.

- словотворчество: использование игры слов, каламбуров, сарказма или других словесных трюков для создания юмористического эффекта.

Эти и другие лингвистические средства могут быть использованы отдельно или комбинироваться для создания комического эффекта в художественной литературе.

Так с помощью ироничного сравнения Б. Фришмут показывает силу Хана Ветров: “Und wie jemand, der die Kerzen auf seiner Geburtstagstorte ausbläst, weht Windis-Khan den Baum einfach um, dass es nur so kracht und splittert” [Frischmuth, S. 12]. – «И подобно тому, как задувают свечи на праздничном торте, Хан Ветров одним дуновением валит дерево – с треском и вдребезги» (здесь и далее пер. автора). Прием иронического сравнения присутствует также в описании Бобрового Зуба. В русском оригинале он был назван «принцем строительства», и его неповторимый характер был выражен через это сравнение. В переводе на немецкий язык его можно встретить как “Bau-Prinz”, что также передает его значимость и величие в мире строительства. Этот перевод сохраняет комическую иронию, которая делает героя Бобрового Зуба забавным и запоминающимся.

Для создания комического или сатирического эффекта служат преувеличение и гипербола. Намеренно неправдоподобное преувеличение может подчеркнуть абсурдность ситуации или высмеять недостатки персонажа: “Ich sprang so hoch, dass es schien, als hätte ich den Mond erreicht und wäre zurückgekehrt!” [Frischmuth, S. 58]. – ««Я подпрыгнула так высоко, что казалось, будто я достигла Луны и вернулась обратно!»»

Приемы с использованием парадокса, которые понятны самим героям и читателям в процессе чтения, но сами они вне текста представляют абсурд, а в тексте затрагивают извечные философские проблемы, имеющие определенные значения как для отдельно взятого персонажа, так и для развития всего сюжета в целом: “Manchmal muss man einfach weitermachen Dach, um den Kopf frei zu bekommen” [Frischmuth, S.76]. – ««Иногда нужно просто делать своё дело, чтобы

проветрить голову».

В рассказе «Бобровый зуб и Хан ветров» прием обыгрывания добавляет комический эффект и игривость в тексте: “Aber trübe Schafe zerstreuen und gut schlagen, damit der Regen strömt einfach aus ihnen heraus” [Frischmuth, S. 32]. – «Но стоит разогнать угрюмых овец и как следует стукнуть – и дождь хлынет из них наружу».

Таким образом, в произведении Барбары Фришмут «Бобровый зуб и Хан ветров» можно выделить различные стилистические приемы для создания комического эффекта. Ироничные сравнения, гиперболы играют важную роль в достижении комического эффекта. Эти приемы помогают писательнице подчеркнуть абсурдность ситуаций, развить особенности героев и придать тексту юмористическую окраску. Использование иронии и гипербол позволяет увеличить значение определенных характеристик или событий, делая их более забавными и привлекательными. Все эти стилистические приемы взаимодействуют друг с другом, чтобы создать комический эффект и погрузить читателя в захватывающий мир удивительных и забавных приключений произведения Барбары Фришмут.

В отличие от грубоватого немецкого юмора, австрийский вариант у Фришмут отличается мягкостью, меланхоличностью и метафизическим подтекстом. Смех здесь часто возникает не из-за открытого фарса, а из-за наблюдения за тщетностью человеческих усилий. Прием «устойчивого преуменьшения» (драматичные события описываются будничным тоном) часто соседствует с преувеличением, создавая уникальную интонацию доверительного абсурда.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3: Теория романа (1930–1960 гг.). 880 с.
2. *Казакова Д.В.* Теории вербального юмора в современной зарубежной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (26). С. 77–78 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2013_ (дата обращения: 19.05.2026).
3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
4. *Пропп В.Я.* Проблемы комизма и смеха [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/propp-problemy-komizma-i-smeha/index.htm> (дата обращения: 19.05.2026).
5. *Трофимова Л.В.* Барбара Фришмут в контексте австрийской литературы XX века // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф.: сб. науч. тр. Елабуга: Изд-во Елабуж. ин-та Казан. федер. ун-та, 2014. С. 213–215.
6. *Трофимова Л.В.* Секреты детской литературы Барбары Фришмут // East European Scientific Journal. 2016. №11(3). С. 23–25.
7. *Щурина Ю.В.* Речевые жанры комического // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. Вып.2. С. 146–157.

Источники

Frischmuth B. Biberzahn und der Khan der Wind. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, 1991. 79 S.

STYLISTIC MEANS OF TRANSMITTING THE COMIC IN MODERN AUSTRIAN LITERATURE

L.V. Trofimova

Kazan Federal University, Elabuga

The article is devoted to the analysis of stylistic mechanisms of creating a comic effect in modern Austrian prose on the example of Barbara Frischmut's work "Biberzahn und der Khan der Wind". The paper examines the specifics of Austrian national humor. Special attention is paid to such stylistic devices as irony, exaggeration, etc. The author of the article proves that hyperbole plays a key role in Frischmut's prose. The conclusions are supported by textual examples from the work "Biberzahn und der Khan der Wind", which is considered a vivid example of postmodernist game prose with national characteristics.

Key words: Barbara Frischmuth, Austrian literature, stylistic devices of the comic, hyperbole, "Biberzahn und der Khan der Wind".

УДК –1751

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ИНСТРУМЕНТ УЧЕБНО-АКАДЕМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

З.М. Ульбашева

*Кабардино-Балкарского государственного университета
им. Х.М. Бербекова, Нальчик*

Данная работа посвящена межкультурному диалогу как инструменту учебно-академической социализации иностранных студентов (на примере студентов-туркмен). Анализируется опыт взаимодействия студентов-туркмен с поликультурным сообществом вуза на примере конкретного института. Методом анкетирования были выявлены основные сложности в академической и социальной адаптации, а также отмечены явления, представляющие «культурный шок» для иностранных студентов.

Ключевые слова: межкультурный диалог, учебно-академическая социализация, студенты-туркмены, поликультурное сообщество, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (КБГУ), как и другие российские вузы, активно принимает на обучение иностранных граждан, среди которых значительную часть на сегодняшний день занимают студенты из Туркменистана. Процесс их вхождения в новую образовательную среду – учебно-академическая социализация – связан с преодолением языковых барьеров, адаптацией к иным педагогическим методам и социокультурным нормам. В этом аспекте межкультурный диалог выступает не только средством общения, но и ключевым инструментом, способствующим усвоению общеобразовательных программ и интеграции студентов в многонациональное сообщество вуза.

Объект данного исследования – процесс учебно-академической социализации туркменских студентов в социально-гуманитарном институте КБГУ.

Предмет исследования – межкультурный диалог как инструмент социализации студентов-туркмен в поликультурной среде социально-гуманитарного института КБГУ.

Цель статьи заключается в выявлении и описании особенностей учебно-академической социализации и межкультурного взаимодействия студентов-туркмен со студентами-представителями других этнических групп.

Задачи исследования: 1) изучить теоретические основы понятия «межкультурный диалог»; 2) проанализировать специфику социокультурного профиля студентов из Туркменистана; 3) провести анкетирование среди студентов-туркмен, обучающихся в социально-гуманитарном институте КБГУ; 4) обработать данные анкетирования и описать его результаты.

Для достижения цели и задач были использованы следующие методы: наблюдение, анкетирование, анализ полученных данных, корреляционный анализ.

Эмпирическим материалом послужили результаты анкетирования студентов.

Понятие «межкультурного диалога» представляет собой форму коммуникации представителей разных этнических и религиозных групп. Начало разработке философской теории «диалога культур» было положено еще М.М. Бахтиным, который отмечал универсальный характер данного явления. Согласно М.М. Бахтину, межкультурный диалог – это «способ самопознания культуры через зеркало другой культуры» [1]. Таким образом, понятие «межкультурный диалог» (или «межкультурная коммуникация») – это конструктивный процесс обмена информацией между представителями разных этнокультурных сообществ с целью достижения взаимопонимания и оказания взаимовлияния в хорошем смысле.

При составлении социокультурной характеристики студентов из Туркменистана, обучающихся в социально-гуманитарном институте КБГУ, следует отметить такие качества, которые мы наблюдаем ежедневно, это в первую очередь – сплоченность этнического коллектива, бережное отношение к своей культуре, национальным обычаям (туркменки часто ходят в вуз в своих национальных платьях, обязательно отмечают свои национальные праздники и

т.д.), а также уважительное отношение к преподавателям и др. Со студентами-представителями кабардинской и балкарской этнических групп туркмен объединяют общие религиозные взгляды (вера исповедания – ислам), в связи с чем студенты-туркмены также, как и местные студенты, стараются придерживаться поста в священный месяц Рамадан, с удовольствием ходят на совместные ифтары, организуемые руководством вуза. Студентов также связывает общая история: туркмены вместе с местными студентами принимают активное участие в мероприятиях, посвященных празднованию Дня Победы. Для более подробного описания взаимодействия туркменских студентов с представителями других этносов обратимся к результатам проведенного нами анкетирования.

В анкетировании приняло участие 97 студентов, обучающихся на 1 курсах разных направлений социально-гуманитарного института («Русский язык и литература», «Журналистика», «Лингвистика»). В анкете было 9 вопросов, подразделенных на следующие блоки: «Академическая адаптация», «Социальная интеграция» и «Барьеры и поддержка». Методом анкетирования выявлено, что основную сложность в академической адаптации представляет понимание специфических терминов дисциплины (90 респондентов). В социальной интеграции препятствием для эффективной межкультурной коммуникации является обособленность и общение в преимуществе со студентами из своей страны, обусловленные проживанием в одном общежитии (83 респондента). Для большинства студентов культурным шоком стал кабардинский язык (непривычный для туркмен) (30 респондентов), далее, неожиданностью стали схожесть туркменского языка с балкарским языком (тюркская языковая семья) (27 респондента), приверженность кабардинцев и балкарцев мусульманской религии (21 респондент), национальные блюда (хычины – блины с разной начинкой – балкарское национальное блюдо, лягъур – копченое мясо с подливой и пастой из пшена – кабардинское национальное блюдо) (14 респондентов), ношение хиджаба девушками (5 респондентов). Куратор академической группы отмечен основным помощником в преодолении сложностей в вузе (78 респондентов). Большинство опрошиваемых (67 респондентов) желают ходить на дополнительные курсы русского языка для лучшего понимания языка учебных дисциплин.

Таким образом, студенты из Туркменистана, обучающиеся в социально-гуманитарном институте КБГУ им. Х.М. Бербекова показывают положительную динамику учебно-академической адаптации, где единственной сложностью является терминология учебной дисциплины, что представляется естественным явлением при усвоении материала с преобладанием научного стиля языка. Также наблюдается положительный результат межкультурного диалога с поликультурным сообществом вуза, единственным препятствием для более эффективного межкультурного диалога отмечается проживание студентов в общежитии со своими соотечественниками, что является основной причиной большего контакта с ними.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Помигуева Е.А. Межкультурный диалог в условиях современного полиэтнического образования // Современные наукоемкие технологии. 2018. №12 (Ч. 1). С. 220–224.
3. Садохин А.П. Межкультурные барьеры и пути их преодоления в процессе коммуникации // Обсерватория культуры. 2008. №2. С. 26–32.

INTERCULTURAL DIALOGUE AS A TOOL FOR ACADEMIC SOCIALIZATION OF FOREIGN STUDENTS

Z.M. Ulbasheva

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik

This article examines intercultural dialogue as a tool for the academic socialization of international students (using Turkmen students as an example). It analyzes the interactions of Turkmen students with the university's multicultural community, using a specific institution as an example. A survey was used to identify key challenges in academic and social adaptation, as well as identify phenomena that represent "culture shock" for international students.

Key words: intercultural dialogue, academic socialization, Turkmen students, multicultural community, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

УДК 81'23:004.738.5

СНОВИДЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: КОГНИТИВНО- ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Л.А. Усманова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

Работа посвящена изучению сновидческого нарратива как особого речевого жанра, функционирующего в условиях цифровой коммуникации. На материале русскоязычных интернет-форумов, посвященных снам, исследуются когнитивно-лингвистические механизмы вербализации онейрического опыта: метафорическое и метонимическое кодирование образов сновидений, фреймовые структуры, маркеры эпистемической неопределенности.

Ключевые слова: сновидческий нарратив, когнитивная лингвистика, интернет-дискурс, вербализация опыта, цифровая коммуникация.

Сновидение – один из наиболее архаичных и универсальных объектов человеческой рефлексии, традиционно осмысляемый в мифологическом, религиозном, психоаналитическом и художественном дискурсах. В условиях цифровизации коммуникации формируется новый контекст его бытования: пространство интернет-форумов, где личный психосоматический опыт переводится в публичный текст и становится предметом коллективного осмысления. Исследование этого феномена на пересечении когнитивной лингвистики и психолингвистики позволяет описать механизмы взаимодействия языка и мышления при вербализации невербального, пограничного по своей природе опыта.

Методологическую основу составляют положения когнитивной лингвистики о концептуальной метафоре и теории фреймов [1; 2], психолингвистические концепции вербализации внутреннего опыта, а также нарратологический подход, применяемый к устному и виртуальному дискурсу [3–5]. Материалом служат нарративы с форумов «Мир снов» (forum.mirsnov.com), «Сомнамбулятор» (sogn.ru), «Сны и Мы» (luuna.ru), «Тонкий мир» (tonkimir.ru), woman.ru и webtut.ru.

С позиций когнитивной лингвистики рассказ о сновидении представляет собой вербализацию концептуальной структуры, основанной на образах-схемах и концептуальных метафорах. Сновидение опирается на те же когнитивные механизмы, что и повседневное мышление (метафора, метонимия, категоризация, фрейминг), но функционирует в принципиально «неверифицируемом» пространстве, что обуславливает широкое использование маркеров неопределенности и хеджирующих конструкций («как будто», «что-то вроде», «похоже на», «не то... не то...»).

В корпусе текстов выделяются устойчивые фреймы: «пространственное перемещение», «угроза и преследование», «встреча с ушедшими», «трансформация пространства». Так, пример «*Приснился взрыв, потом я летал. Что бы это значило?*» (forum.mirsnov.com) иллюстрирует редуцированную схему «событие – вопрос», маркирующую когнитивную незавершенность переработки опыта.

Ключевой особенностью цифрового сновидческого нарратива становится появление «технологических» концептуальных метафор, которые перестраивают традиционную онейрическую семантику: формируется модель **СНОВИДЕНИЕ – ЭТО КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРОГРАММА/ИГРА**. Высказывания типа «*Сон глючил, как зависший ноутбук*» или «*сон был так похож на какую-то компьютерную игру... как будто меня перенесли туда*» (sogn.ru) показывают, как термины ИТ-дискурса (экран, ячейки, команда, программа) метафорически осваиваются для концептуализации субъективного психического опыта [6].

Переход образного, мультисенсорного содержания в линейный языковой код сопровождается редукцией и трансформацией перцептивного опыта, что отражается в синтаксисе: преобладают асиндетон, неполные предложения, паратаксис, обрывистость. Компенсаторные механизмы оформления таких текстов проявляются, в частности, в намеренной описательной избыточности:

авторы прибегают к детализированным синестетическим картинам наподобие «каменистый берег, усыпанный небольшими круглыми гладкими камнями», «вода совершенно прозрачная, кристально чистая» (tonkimir.ru), используют параязыковые маркеры (эмодзи, многоточия, повторяющиеся знаки препинания), а также добавляют метатекстовые реплики, адресованные читателям. Тем самым частично компенсируется «перцептивный дефицит» письменного формата и вырабатываются устойчивые жанровые параметры цифрового сновидческого дискурса.

Коллективный характер интерпретации проявляется в том, что автор записи о сне и участники обсуждения образуют общее интерпретативное пространство, в рамках которого индивидуальный психический опыт подвергается совместной когнитивной переработке. Ответы-комментарии – интерпретативные, ассоциативные и директивные реплики (типа «этот медведь – твой страх перед экзаменом», «мне снилось нечто похожее – это к переменам» и т. п.) – постепенно стирают чёткую границу между рассказчиком и аудиторией, превращая комментаторов в соавторов смысловой обработки сна.

В совокупности это позволяет рассматривать сновидческий нарратив в онлайн-пространстве как сложное лингвокогнитивное образование, соединяющее индивидуальные способы языкового оформления опыта с групповыми практиками сетевого общения. Анализ такого жанра в когнитивно-лингвистическом и психолингвистическом ракурсах даёт возможность не только уточнить особенности онейрического дискурса, но и углубить представления о том, как соотносятся язык и мышление при передаче невербализованного, пограничного опыта. При этом цифровая среда функционирует не просто как нейтральный канал передачи сообщений, а как значимый фактор, модифицирующий нарративные и когнитивные стратегии и задающий гибридный жанровый формат, в котором древняя символика сна сопрягается с темпом и логикой сетевой культуры.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Буякас Т.М., Попов С.А. Феноменологический подход к пониманию сновидений // Консультативная психология и психотерапия. 2012. № 2. С. 66–109.
3. Кибрик А.А., Подлесская В.И. (ред.) Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
4. Сафронов Е.В. Сновидения в традиционной культуре: исследование и тексты. М.: Лабиринт, 2016. 544 с.
5. Усманова Л.А. Сновидческий нарратив в условиях перехода к цифровой коммуникации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 8. С. 123–134. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-123-134

6. Усманова Л.А. Нарративы сновидений в пространстве интернет-коммуникации // Динамика медиасистем. 2025. Т. 5, № 1. С. 698–705. DOI: 10.47475/2949-3390-2025-5-1-698-705.

Источники

Мир снов: форум [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://forum.mirsnov.com> (дата обращения: 30.03.2025).

Сомнамбулятор: сны, толкования, сновидцы, разное: сайт [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.somn.ru> (дата обращения: 30.03.2025).

Сны и Мы: сайт [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://luuna.ru> (дата обращения: 30.03.2025).

Тонкий мир: сайт [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://tonkimir.ru> (дата обращения: 20.08.2024).

DREAM NARRATIVE IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: COGNITIVE-LINGUISTIC AND PSYCHOLINGUISTIC DIMENSIONS

L.A. Usmanova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

The article examines dream narrative as a specific speech genre functioning in digital communication. Drawing on Russian-language internet dream forums, the study investigates the cognitive-linguistic mechanisms of verbalizing oneiric experience: conceptual metaphor, frame structures, and epistemic uncertainty markers. The interaction of language and thought in the translation of non-verbal subjective experience into discursive form is analyzed. Transformations of narrative strategies conditioned by the digital environment are identified: structural fragmentation, lexical hybridization, and intensification of evaluative means.

Key words: dream narrative, cognitive linguistics, psycholinguistics, internet discourse, oneiric space.

УДК 80/81

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ «ПРАВДА» И «ЛОЖЬ» В НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

О.Д. Фивейская, Н.А. Земскова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья изучает появление и употребление понятий «правда» и «ложь» в пословицах, поговорках и устойчивых выражениях в народном творчестве и повседневной речи. В статье рассматриваются общие значения, характерные для паремий русского и английского языков, а также выявлены ассоциативные различия их использования.

Ключевые слова: пословица, правда, ложь, устойчивое выражение, фразеологизм, восприятие, ассоциация, культурные ценности, языковое сознание, народное творчество, фольклор.

В современных исследованиях неослабевающий интерес вызывает изучение базовых концептов, формирующих ценностно-нормативную картину мира того или иного этноса. К числу таких фундаментальных понятий, определяющих этические, социальные и поведенческие ориентиры социума, относятся концепты «правда» и «ложь». В эпоху глобализации и активной межкультурной коммуникации особое значение приобретает понимание не просто семантики этих понятий, а их прагматического потенциала и того, как ментальные установки трансформируются в реальные речевые стратегии.

Концептуализация понятий «правда» и «ложь» в пословицах – это отражение народной философии, где правда выступает абсолютным нравственным эталоном, а ложь предстаёт как разрушительный грех. Паремиология строит их образный ряд на жёсткой оппозиции: чистота/ спасение и грязь/гибель. Концепт «правда» – это многоаспектное культурное понятие, которое объединяет объективное знание о мире с моральными и духовными ценностями человека и выступает не просто как соответствие фактам, а как высший нравственный ориентир, включающий добро и справедливость. Концепт «ложь» – это собирательный культурный и ментальный образ, выражающий намеренное искажение истины, обман и утаивание фактов с целью ввести кого-либо в заблуждение и рассматривается как многогранный феномен человеческого сознания и коммуникации.

Пословицы и поговорки о лжи отражают отношение общества к обману, хитрости и неправде. В национальной русской культуре ложь всегда порицается и противопоставляется правде. Народная мудрость подчеркивает, что любой обман рано или поздно раскроется:

Шила в мешке не утаишь.

Сколько лжи ни виться, а правде проявиться.

Ложь стоит до улики.

На лжеце и шапка горит.

Какова резва ни будь ложь, а от правды не уйдешь.

Человек, уличённый в обмане хотя бы единожды, навсегда теряет авторитет в глазах окружающих:

Кто вчера солгал, тому и завтра не поверят.

Раз солгал – навек лгуном стал.

Лживый хоть правду скажет, никто не поверит.

Врать – не устать, да кабы поверили.

Ложь часто сравнивают с чем-то гнилым, хрупким и ненадежным, разрушающим самого человека:

Что лживо, то и гнило.

Во лжи постоянства нет.

Лживое дело хило.

Ложь человека не красит.

Малая ложь за собой большую ведет.

В английском языке, как и в русском, тема лжи и обмана очень популярна. Самые меткие выражения делятся на группы в зависимости от того, говорят ли они о скорости раскрытия обмана, его последствиях или о «спасительной» лжи. Англичане верят, что тайное всегда становится явным, сколько бы усилий ни ушло на ложь:

A lie has no legs.

У лжи нет ног.

Murder will out.

Шило в мешке не утаишь. Всё тайное становится явным.

A half-truth is a whole lie.

Полуправда – это целая ложь.

Tell a lie and find your truth.

На воре шапка горит.

Часто пословицы предупреждают о том, что ложь разрушает межличностные отношения:

He that will lie will steal.

Кто лжёт, тот и украдёт. Кто сегодня врёт, тот завтра украдёт.

False friends are worse than open enemies.

Ложные друзья хуже открытых врагов. Друг до поры – хуже недруга.

В английской фразеологии также существует понятие безобидной лжи, невинного обмана из вежливости или ради спасения какой-либо ситуации:

A white lie.

Невинная ложь. Ложь во спасение. Безобидная ложь.

Saying the thing that is not.

Говорить то, чего нет. Лгать, выдумывать факты.

В русской культуре правда всегда выступает как непобедимая сила, которая превосходит любую ложь и богатство. Народные пословицы и поговорки утверждают высшую ценность честности, справедливости и искренности:

Правда в огне не горит и в воде не тонет.

Правда дороже золота.

Правда свое возьмет.

Все минется, одна правда останется.

Правда суда не боится.

Английские пословицы о правде часто перекликаются с русскими и отражают те же жизненные принципы. Вот самые популярные выражения с их значениями:

Truth is stranger than fiction.

Иногда правда диковиннее вымысла.

The truth lies at the bottom of a well.

Ищи правду на дне морском.

Truth will out.

Правда всегда выйдет наружу.

Шила в мешке не утаишь.

Speak the truth and shame the devil

Говори правду и пристыдишь самого дьявола.

Современные исследователи отмечают, что очень часто в разных языках встречаются похожие пословицы и поговорки, которые отражают простые истины, общие для людей всего мира. И в английской, и в русской культуре признают, что:

1. Правда сильнее лжи.
2. Ложь вызывает угрызения совести.
3. Правдой мир держится.
4. Ложь злодею нужна, а правда - миру.
5. Правда – лучшая стратегия для репутации.
6. Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.
7. Без правды люди не живут, а маются.
8. В правде – сила, а во лжи могила.
9. Рано или поздно правда выйдет наружу.
10. Ложь во спасение допускается во имя благой цели.

В заключении отметим, что английская лингвокультура характеризуется рационально-прагматическим подходом. Правда (честность) рассматривается как наиболее выгодная стратегия для построения долгосрочных социальных и деловых отношений. Допустимость сокрытия истины регулируется не сочувствием, а рациональным соблюдением этикета, бесконфликтным дистанцированием, британской сдержанностью и сохранением лица собеседника. В процессе коммуникации русские пословицы чаще обладают высокой экспрессивностью, рассудительностью и используются для прямой, открытой конфронтации или глубокого эмоционального утешения. Ложь в русском сознании концептуализируется как религиозный и моральный грех, а в английской фразеологии как нарушение негласного договора и подрыв делового доверия.

Список литературы

1. *Гарифулина А.Р.* Концепт «Трудолюбие» как фрагмент языковой картины мира // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 2. С. 93–94.
2. *Далецкий Ч.Б.* Диалог правды и интересов в культуре // Вестник МГЛУ. 2023. Вып. 11. С. 45–52 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-pravdy-i-interesov-v-kulture> (дата обращения 20.05.2026).
3. *Жуков К. А.* Концепт «Труд» как один из центральных фрагментов пословичной картины мира // Вестник Новгородского государственного университета. 2004. № 29. С. 46–47.
4. *Земскова Н.А., Фивейская О.Д.* Постправда: феномен современной коммуникации, влияющей на формирование картины мира в общественном сознании // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб.

науч. тр./ под редакцией А.В. Зиньковской, В.В. Катерминой, С.Х. Липириди, А.М. Прима, А.В. Самойлова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2026. 546 с.

5. *Зиньковская А.В., Лебедева Н.С.* Иностранный язык как средство межкультурной коммуникации // Филологические науки в 21 веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сб. науч. тр./ под редакцией А.В. Зиньковской, В.В. Катерминой, С.Х. Липириди, А.М. Прима, А.В. Самойлова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. С.152.

6. *Поваренков Ю.П., Черноморец Е.Г.* Ложь как объект философского и психологического анализа // Ярославский педагогический вестник. 2005 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://vestnik.yspu.org> (дата обращения 20.05.2026).

7. *Фивейская О.Д., Земскова Н.А.* Особенности восприятия концепта «Работа» в английской и русской фразеологии. // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр./ под редакцией А.В. Зиньковской, В.В. Катерминой, С.Х. Липириди, А.М. Прима, А.В. Самойлова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2025. 324 с.

Источники

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. 944 с.

Русские пословицы – Викицитатник [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://ru.wikiquote.org> (дата обращения 30.05.2026).

Cambridge Dictionary [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 30.05.2026).

Native English [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.native-english.ru> (дата обращения 30.05.2026).

CONCEPTUALIZATION OF "TRUTH" AND "LIES" IN THE NATIONAL CULTURES OF RUSSIA AND THE UNITED KINGDOM

O.D. Fiveyskaya, N.A. Zemskova

Kuban State University, Krasnodar

This article explores the emergence and usage of the concepts of «truth» and «lies» in proverbs, sayings, and set expressions within folklore and everyday speech. The paper examines the general meanings characteristic of Russian and English paremias, and identifies associative differences in their usage.

Key words: proverb, truth, lies, set expressions, phraseological unit, perception, association, cultural values, linguistic consciousness, folklore.

А POTENTIA AD ACTUM: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Е.Г. Фонова, О.А. Шитц

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград

В докладе рассматривается проблема изменения роли переводчика в связи с активным применением систем искусственного интеллекта в этой сфере деятельности. Будет представлен анализ процесса трансформации переводческих компетенций в контексте цифровизации. Отмечается, что существующие изменения требуют пересмотра содержания подготовки переводчиков в сторону углубления и расширения профессиональных знаний, умений и навыков.

Ключевые слова: переводческие компетенции, цифровой перевод, технологии искусственного интеллекта в переводе, обучение лингвистов-переводчиков.

Цифровой перевод – это уже повседневность, однако в настоящее время в профессиональной переводческой среде активно обсуждается вопрос, сможет ли искусственный интеллект (далее ИИ) заменить человека. Все больше представителей отрасли сходятся на том, что ИИ – это лишь удобный инструмент в руках профессионала. При этом важно отметить, что с появлением перевода, выполненного с помощью ИИ, значительно возросли требования к производительности переводчиков и скорости их работы наряду с увеличением требований к качеству перевода. ИИ много галлюцинирует, добавляет или искажает информацию, а качественный устный перевод вообще немыслим без человека-профессионала, особенно в сферах, требующих высокой ответственности, например, юридический, медицинский и технический переводы. Согласно ежегодному отчёту ведущей международной исследовательской и консалтинговой компании Nimdzi Insights, специализирующейся на рынке языковых услуг, локализации и языковых технологий, в 2025 году темпы роста рынка устного перевода демонстрируют значительный рост по сравнению с предыдущим годом, а роль человека в этом процессе остаётся критически важной, особенно в тех сферах, где цена ошибки высока. По мнению экспертов Nimdzi, основная роль ИИ – выступить альтернативой в условиях отсутствия перевода, вследствие чего стоимость услуг профессиональных переводчиков будет расти, а спрос на высокое качество перевода обеспечит высокий спрос на переводчиков на ближайшие 5 лет [4]. Схожее мнение озвучивает и Международное аналитическое агентство Straits Research в своем отчете, опубликованном в апреле 2025 года, с прогнозом роста рынка переводов до 2033 года [5]. В России с 1 сентября 2026 года планируется вступление в силу федерального закона «Об основах государственного

регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», в котором важным элементом для переводчиков становится обязательная маркировка контента, созданного ИИ (ст. 9 п. 1 ФЗ) [2]. Таким образом, полноценная замена человека-переводчика на ИИ невозможна и с его стороны требуется бдительный контроль.

Все перечисленные выше тенденции подчёркивают важность качественной подготовки специалистов, как для устного, так и для письменного перевода, что подразумевает трансформацию, в том числе, и профессиональных компетенций переводчика в сторону их углубления и расширения. В условиях, когда студенты-переводчики используют ИИ-алгоритмы без понимания их ограничений, высок риск снижения уровня критического мышления [1, с. 183], что в первую очередь отражается на качестве перевода. Для устранения данного недостатка необходимо, как минимум введение полноценного курса по критическому мышлению в учебный план лингвистов-переводчиков. Кроме того, слепое доверие к нейросетям демонстрирует слабый уровень владения как родным, так и иностранным языками, что также является причиной низкого качества переводов, поскольку отсутствие навыка самостоятельной работы без привлечения ИИ-помощников у начинающих переводчиков ведёт к необъективной оценке собственных результатов. Современный переводчик должен не просто знать язык, а демонстрировать виртуозное владение рабочими языками, чтобы гарантировать качество своей работы. Крайне важным для переводчика является и высокий уровень творческого мышления, без которого невозможно обойтись в любом виде перевода. Недавние исследования, затрагивающие тему творческого мышления при взаимодействии с ИИ, ещё раз доказали, что качество работы зависит от собственного уровня креативности человека, какими бы мощными ИИ-инструментами он не обладал [3]. В контексте цифрового перевода также требуется углубленная подготовка переводчиков в узкоспециализированных областях, поскольку они должны быть способны достоверно верифицировать терминологическую базу, предлагаемую ИИ-помощником для перевода, например, в области юриспруденции, медицины, IT или инженерии, или оценить корректность интерпретации смысла того или иного термина ИИ-инструментом, чтобы избежать катастрофических последствий ошибки. Что же касается расширения переводческих компетенций, то здесь подразумевается цифровая компетенция – комплексное понятие, включающие в себя разные компоненты, от владения техническим инструментарием, обеспечивающим процесс перевода до соблюдения цифровой этики и безопасности, а также постоянного самосовершенствования в сфере технологий и предоставления переводческих услуг. Таким образом, своевременная адаптация переводческих компетенций в эпоху быстро развивающегося ИИ-перевода позволит избежать самых пессимистичных прогнозов, согласно которым человек-переводчик будет вытеснен ИИ-переводчиком, и обеспечить гарантию качественного перевода, выполненного высококвалифицированным специалистом.

Список литературы

1. *Гавриленко Н.Н.* Когнитивные риски цифровизации процесса подготовки переводчиков // MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education. 2024. №4 (56). С. 176–196.

2. Проект Федерального закона № 02/04/03-26/00166424 «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/166424/> (дата обращения 26.05.2026).

3. *D'souza N., Dastmalchi M.R.* Architectural Creativity Stranded at MidJourney? Evaluating Creative Potential of Prompts and Images in Generative AI // Design Computing and Cognition 24 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.researchgate.net/publication/384843943> (дата обращения 26.05.2026).

4. *Janaszkiwicz-Cavalcanti Beata, K. Varga Laszlo, Golocovsky Yani.* The 2025 Nimdzi Interpreting Index [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.nimdzi.com/interpreting-index/> (дата обращения 26.05.2026).

5. *Warade Pavan.* Translation Service Market Size, Growth, Trends & Share Chart by 2033 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://straitsresearch.com/report/translation-service-market/research-methodology> (дата обращения 26.05.2026).

A POTENTIA AD ACTUM: THE TRANSFORMATION OF THE HUMAN TRANSLATOR IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

E.G. Fonova, O.A. Schitz

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

The report examines the changing role of human translators in connection with the active use of AI in translation. An analysis of the process of transformation of translation competencies in the context of digitalization will be presented in the paper. It is noted that the existing changes require a revision of the content of translator training in order to deepen and expand professional knowledge, skills and abilities.

Key words: translation competences, digital translation, AI technologies in translation, translator training.

РОЛЬ МИРАБОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ

М.Х. Халмухаммедова

Педагогической школы имени Хыдыра Дерьяева, Мары, Туркменистан

В XIX веке особая роль в управлении ирригационными системами земледельческих оазисов Юго-Восточного Туркменистана принадлежала мирабам. Мирабство служило основной демократической системой в справедливом распределении воды в обществе, обеспечении прав народа на воду и регулировании сельского хозяйства.

Ключевые слова: Юго-Восточный Туркменистан, мираб, земельно-водные отношения, нобат, вода.

В XIX веке в управлении ирригационными системами земледельческих оазисов Юго-Восточного Туркменистана особая роль принадлежала мирабам. Мирабство служило важнейшей демократической системой в справедливом распределении воды в обществе, обеспечении прав населения на воду и регулировании сельского хозяйства.

Мираб – это человек в регионах поливного земледелия, который распределяет воду, а также контролирует очередность и время водопользования [3, с. 108]. Мирабство доверялось далеко не каждому. На эту должность избирались авторитетные личности, обладающие опытом в области сельского хозяйства, гидротехнической инженерии, агрометеорологии, прикладной математики и общественных наук, а также знающие и уважающие культурные традиции своего народа. Мирабы обычно избирались на определенный срок. Если мираб вел свою работу эффективно, срок его полномочий продлевался.

В Тедженском и Мервском оазисах мираба именовали пенджуари, мираб, таразбан, а в регионах Ахал-Атека – мираб, сувчи, поррук. Мирабы и их помощники представляли собой организационную структуру, управлявшую гражданским хозяйством туркменской общины. Термин «мираб» является словом персидского происхождения, в структуре которого лексема «мир» означает “представитель эмира”, а «аб» – «вода» [1, с. 196]. До широкого распространения этой номинации в качестве её исторического эквивалента использовалось понятие «сувбаши».

Основная обязанность мираба заключалась в контроле за правильным распределением воды в установленном объеме, проверке состояния плотин, каналов и арыков, определении необходимого количества рабочих для ремонта плотин, а также в справедливой организации очередности полива с помощью жеребьевки.

Швейцарский путешественник, дипломат и востоковед Анри Мозер (1844–1923), изучавший историко-географическое и социально-экономическое положение Центральной Азии во второй половине XIX века, отмечал, что

мирабы избирались народом. Автор также подчеркивал, что избранный мираб нес огромную ответственность как личность, представляющая доверие народа (Moser H., с. 166–167).

Исследователь ирригационной системы нашей страны Я. Таиров описывал, что мирабам каналов в Мургабском оазисе за их труд выделялись земельные и водные пай. С целью обеспечения равного распределения вод реки Мургаб для всех, мирабы назначали специальных смотрителей (сакчи) для каждого канала, а также на участках двухстороннего (икитарач) и трехстороннего (уштарач) распределения воды. Икитарач и уштарач – это места разделения канала на два или три русла соответственно (Таиров Я., с. 160). Смотрители (сакчи) назначались на постоянный и временный сроки. В их обязанности входил контроль за правильным распределением воды в каждый канал.

Водопользование осуществлялось на основе строгой очередности, которая имела несколько разновидностей в зависимости от временных единиц измерения. Для орошения земель вода каждого канала распределялась среди населения по суточным очередям. Каждый период полного цикла суточных очередностей назывался «нобат», а сама суточная очередь внутри этого цикла – «деге». Деге делилось на два «тека»: дневной тек и ночной тек. Один тек (12 часов) делился на несколько «атлыгов» (всадников), чаще всего на два или четыре атлыга. «Су» являлся самой малой единицей времени в суточной очереди [Таиров Я., с. 160].

«Атлык» (доля воды), равный шести часам для двух и трем часам для четырех. Два «атлыка» равны одному «ярымкелеме». «Ярымкелеме» – это название малого арыка (канала), который в течение шести часов снабжает водой шесть хозяйств из основного канала «инчяп» [2, с. 167].

В случае возникновения необходимости мирабы были вынуждены вводить дополнительную очередь водопользования из общего канала. Очередь, созданную вне основного графика, называли «магаллак». Если же водный поток канала был недостаточным, мирабы, договорившись между собой, объединяли воды двух каналов в одно русло, благодаря чему поливали посевы за короткое время более мощным потоком. Этот метод называли «эплеме» [Таиров Я., с. 160].

Серкарбаши – это человек, контролирующий порядок водопользования [3, с. 286]. Его обязанность заключалась в том, чтобы, находясь непосредственно у начала сельскохозяйственных угодий, следить за соблюдением очередности распределения воды. Он управлял техническим регламентом и установленной очередностью полива.

Атлыгбаши – это руководитель в XIX – начале XX века, который контролировал очередность полива в своем селе или племени (тире), а также по требованию мираба выделял работников для очистки арыков и проведения раскопок каналов [2, с. 88]. Атлыгбаши избирался из числа членов атлыга. При выборе атлыгбаши учитывались его опыт, знания и возраст. Если члены одной большой семьи самостоятельно формировали отдельный атлыг, то глава семьи считался атлыгбаши.

Использовавшиеся нашими предками такие единицы измерения, как «су», «атлыг», «тек», «деге» и «нобат», демонстрируют, что основанная на народном опыте ирригационная система базировалась на математической точности и носила демократический характер.

Список литературы

1. Язлыев Ч. Туркменская сельская община / под. ред. Г.Е. Маркова. А.: Ылым, 1992. 300 с.
2. Atanyýazow S., Gurbanow Ö., Esenow P. A 87 Halk geografik adalgalarynyň şözlügi. Prof. M. Penjiýeýewiň red. bilen. А.: Ýlym, 2013. 184 s.
3. Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi: iki tomluk. А.: Ýlym, 2016. Т. 2: К–Z. 596 sah.

Источники

Таиров Я. Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области, собранные чиновником особых поручений при начальнике Закаспийской области Я. Таировым. СПб., 1904. 315 с.

Moser H. L'Irrigation en Asie Centrale étude géographique et économique. Paris: Société d'éditions scientifiques, 1894. 349 p.

THE ROLE OF MIRABS IN THE ORGANIZATION OF WATER MANAGEMENT IN SOUTH-EASTERN TURKMENISTAN

M.M. Halmuhammedova

Pedagogical school named after Hydyr Deryayev, Mary, Turkmenistan

In the 19th century, a special role in managing the irrigation systems of the agricultural oases in South-Eastern Turkmenistan belonged to the mirabs. Mirabship served as a fundamental democratic system for the equitable distribution of water within the community, ensuring the people's right to water and regulating agriculture.

Key word: Southeastern Turkmenistan, mirab, land-and-water relations, nobat, water.

УДК 81'276.6

СОВРЕМЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ЦИФРОВОГО ИЛЛЮСТРИРОВАНИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

И.П. Хутыз, С.О. Ибриш

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена анализу функционально-семантических особенностей терминологии цифрового иллюстрирования в медиадискурсе. Исследуемая терминология продолжает динамично развиваться в контексте цифрового медиадискурса, и, в связи с этим, возникла необходимость более детального изучения терминосистемы.

Ключевые слова: терминология, дискурс цифрового иллюстрирования, медиадискурс, цифровой дискурс, функционально-семантические особенности.

Под влиянием условий цифровизации возникают новые направления науки и техники, и вместе с ними новые дискурсивные пространства. На протяжении последнего десятилетия в современном медиа пространстве сфера цифрового иллюстрирования получает широкое признание. Цель нашей работы заключается в выявлении и систематизации функционально-семантических особенностей терминологии цифрового иллюстрирования в медиадискурсе.

Эмпирическую базу исследования составили блоги цифровых иллюстраторов в социальной сети ВКонтакте, а именно Ульяны Бабенко, Инны Гревцевой, Катерины Чумаковой, Рины Браум, Натальи Гельм и сайты онлайн-школ ART КОСМОС School, Smirnov School, школа цифровой иллюстрации Pixel и CG LAB. В исследовательский корпус были включены фрагменты дискурса цифровых иллюстраторов за период 2020-2025 гг. из 5 блогов и 4 веб-сайтов. Отбор материала проходил с учетом наличия образовательного контента с использованием терминов цифрового иллюстрирования. В ходе исследования общий объем сплошной выборки терминов составил 156 лексических единиц. Для выявления семантических типов терминов необходимо провести семантический анализ и классифицировать термины по гиперо-гипонемическим и лексико-семантическим группам.

Гиперо-гипонемические группы образуют совокупность слов в одном терминологическом поле с отношениями подчинения и включения [1]. Примерами гиперо-гипонемических групп могут выступать: цвет – цветовая палитра, цветовой эскиз, цветовое решение, цветовой профиль, цветовая гамма, ритм цвета, тональность цвета, режим наложения «цвет», делать эскиз в цвете, подобрать цвета, выделить цветом, работать с цветом, цвета сливаются.

Лексико-семантические группы изучают, какое слово легло в основу термина, семантическую мотивированность или немотивированность данного термина и деление на семантические гнезда [2]. Терминологию цифрового иллюстрирования можно классифицировать по семантическому принципу на общую, доступную для понимания широкой аудитории разных художественных направлений (например, «цвет», «светотень», «перспектива», «эскиз» и др.), и специфическую, характерную для узкой специальности цифрового иллюстрирования (например, «стилус», «обтравочная маска», «альфа-канал», «растр», «вектор» и др.). Нами было установлено, что исследуемая терминология формируется на пересечении терминосистем изобразительного искусства и компьютерных технологий, активно реагирует на технические инновации и находится в процессе динамичного развития с возникновением новых терминов и расширением значений существующих понятий (например, «холст», «кисть», «иллюстрация», «слой», «перо» и др.).

Также было зафиксировано использование терминов-дублетов и англицизмов в исследуемой терминологии, что обусловлено ускоренным развитием технологий и международным взаимодействием. В русском языке мы обнаружили следующие терминологические дублеты: скетч – набросок – эскиз;

лайн – линия – обводка – контур; пенсил – стилус; арт – иллюстрация; дисплей – экран; тайминг – время; сеттинг – фон – окружение; мудборд – доска настроения.

Среди общих признаков термина Л.В. Попова выделяет функциональный признак как критерий разграничения терминологии и общеупотребительной лексики с использованием функционального подхода. Исследователь утверждает, что функциональный потенциал термина формируется на базе функций слова [3]. Под функцией термина В.М. Лейчик понимает «роль, которую выполняет термин как средство обозначения общего специального понятия» [2, с. 63]. В систему функций термина исследователи В.М. Лейчик и Л.В. Попова выделяют номинативную, сигнификативную, коммуникативную и прагматическую функции [2; 3].

Номинативная функция заключается в назывании общих понятий, категорий, признаков или отношений между объектами и в закреплении определенных знаний. В дискурсе цифрового иллюстрирования термины необходимы для точного обозначения инструментов, этапов работы, технических параметров и художественных приемов в иллюстрации.

Сигнификативная функция раскрывается в способах обозначения, видах языковых знаков по их мотивированности и отношения знаков к типам объектов. Благодаря сигнификативной функции раскрывается смысл и содержание объекта, явления или процесса с помощью системы существенных признаков, проводятся четкие смысловые границы между смежными понятиями, например, между терминами «векторная графика» и «растровая графика»: «Главное отличие векторной графики от растровой в том, что при приближении картинка не распадается на пиксели» (Смирнов).

Реализация коммуникативной функции поддерживает эффективность коммуникации и обеспечивает взаимопонимание между участниками общения, поэтому предполагает наличие определенного уровня профессиональной компетентности у адресата, что формирует специальный коммуникативный код, например: «Прорисовка кожи: чередую слои с тенью в режиме наложения “Умножение” со светом в режиме наложения “Добавить”» (Гревцева).

Прагматическая функция обеспечивает связь знака с участниками коммуникации с целью воздействия на аудиторию с использованием определенных установок убеждения или побуждения к действию. В качестве примера приведем метафорическое терминосочетание «точить/расчехлять стилус», калькированное выражение «точить карандаш», что означает готовность к действию. Данное терминосочетание используется для привлечения аудитории к участию в арт-мероприятиях, например: «Ставьте [эмодзи], кто уже ждет и точит стилусы!» (Бабенко); «Кто уже расчехлил свой стилус и готов в рисовальный бой?» (Чумакова).

Таким образом, семантический анализ показал, что терминология цифрового иллюстрирования формируется на пересечении терминосистем изобразительного искусства и компьютерных технологий, активно реагирует на технические инновации и находится в процессе динамичного развития с возникновением новых терминов и расширением значений существующих понятий. Функциональные особенности терминов заключаются в специфике

цифровой медиасреды и обеспечивают точное и однозначное обозначение объектов, процессов и явлений, проведение четких смысловых границ между смежными понятиями, эффективность коммуникации и преемственность опыта, обучение и инструмент воздействия на аудиторию.

Список литературы

1. *Ахмедова З.А.* Семантическая категоризация терминов художественной графики в русском и таджикском языках // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2014. № 4 (41). С. 94–97.

2. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура: монография. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.

3. *Попова Л.В.* Лингвистический термин: проблема качества (Опыт составления «Комплексного словаря терминов функциональной грамматики»): монография. 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2021. 198 с.

Источники

Бабенко У. Иллюстратор @ull.y [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://vk.com/ulianababenko> (дата обращения: 12.05.2026).

Гревцева И. Иллюстратор [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://vk.com/inna.grevceva> (дата обращения: 12.05.2026).

Онлайн-школа цифрового рисунка и компьютерной графики Smirnov School: [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://smirnov.school> (дата обращения: 12.05.2026).

Чумакова К. Обучение иллюстрации [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://vk.com/katflareclub> (дата обращения: 12.05.2026).

MODERN TERMINOLOGY OF DIGITAL-ILLUSTRATING IN MEDIA DISCOURSE: FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES

I.P. Khoutyz , S.O. Ibrish

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the analysis of functional and semantic features of digital-illustrating terminology in media discourse. The dynamic development of the term system in the context of digital media discourse determines the relevance of the study.

Key words: terminology, discourse of digital-illustrating, media discourse, functional and semantic features.

СОПОСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТОВ «GOD/БОГ» И «DEVIL/ДЬЯВОЛ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АФОРИЗМОВ

М.М. Цатурян, М.А. Саркисян

Кубанский государственный университет, Краснодар

Русские и английские афоризмы с лексемами Бог/God и Дьявол/Devil различаются по типу предикативной связи. Русские высказывания чаще закрепляют модель внешнего предела действия. Английские высказывания чаще оформляют условие действия, выбора или ошибки.

Ключевые слова: афоризм, религиозные имена, предикация, Бог, God, Дьявол, Devil, оценка.

Сопоставление концептов «God/Бог» и «Devil/Дьявол» в статье выполняется через анализ лексем Бог/God и Дьявол/Devil в составе афористического высказывания.

Анализ лексем в составе афоризма связывает заявленную тему с наблюдаемыми языковыми признаками: синтаксической позицией лексемы, типом предиката и характером связи между религиозным именем и действием субъекта. Афоризмы с Бог/God и Дьявол/Devil позволяют установить, какие грамматические модели закрепляют оценочные функции этих единиц в русском и английском языках.

Основная гипотеза состоит в следующем: русские афоризмы чаще оформляют Бог и черт/Дьявол через модель внешнего предела или внешнего вмешательства, английские афоризмы чаще связывают God и Devil с условием действия, локализацией риска и речевой манипуляцией.

Эмпирическую базу исследования составили русские и английские афористические единицы с Бог/God, Дьявол/Devil, черт/Satan. Примеры отобраны из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» (М., 1989) и The Oxford Dictionary of Proverbs (2008). В анализ включались высказывания с религиозной номинацией, объемом 5–25 слов и завершенной афористической формой.

Для каждого высказывания фиксировались позиция лексемы, тип предиката и связь с действием субъекта. Сопоставление проводилось по трем признакам: отрицание при Бог, императив во второй части русского афоризма и локативная конструкция с Devil в английском афоризме.

Русское высказывание «На бога надейся, а сам не плошай!» фиксирует двухчастную модель [1, с. 29]. В первой части лексема Бог связана с надеждой на внешнюю помощь. Во второй части действие возвращается субъекту через императивную форму «не плошай». Афоризм соединяет внешнюю опору и практическую активность человека.

Английское высказывание «God helps them that help themselves» строится по условной модели [4, р. 216]. Лексема God занимает позицию подлежащего при предикате helps. Помощь получает условие через относительную конструкцию

them that help themselves. Действие субъекта становится грамматическим условием помощи.

Русское высказывание «Бог не даст (или: не выдаст), свинья не съест» демонстрирует отрицательную предикацию [1, с. 27]. Лексема Бог соединяется с предикатом недопущения вреда. Смысл афоризма строится через блокировку угрозы: вред теряет силу при наличии внешнего предела.

Сопоставление показывает различие грамматических моделей. Русские афоризмы с Богом тяготеют к отрицательным и ограничительным предикатам: не выдаст, не попустит, не даст. Английская формула с God тяготеет к условной модели, где помощь соотносится с предварительным действием субъекта.

Русское высказывание «Не поддавайся черту, так ему и власти нет над тобой!» связывает лексему черт с дательным управлением и предикатом подчинения [1, с. 33]. Власть черта зависит от реакции субъекта. Афоризм оформляет угрозу как возможность, возникающую при уступке.

Формула «Черт его дернул (или: попутал)» строится как причинная модель [1, с. 34]. Лексема черт занимает позицию подлежащего при предикате вмешательства. Нарушение поведения объясняется воздействием внешней силы и получает грамматическое оформление как результат вмешательства.

Английское высказывание «The devil is in the details» использует локативную модель [4, р. 130]. Лексема Devil связывается с пространственной конструкцией in the details. Опасность помещается внутрь детали, пропуска или внутренней организации действия.

В Oxford Dictionary of Proverbs выражение «The DEVIL can quote Scripture for his own ends» приводится как основная форма, а шекспировская формула «The devil can cite Scripture for his purpose» дана как ранний пример [4, р. 128]. В этой формуле лексема Devil связывается с речевым предикатом cite. Угроза выражается через использование авторитетного текста в собственной цели, поэтому дьявольское начало получает форму аргументации и речевой манипуляции.

Сопоставление показывает различие моделей. Русские афоризмы с чертом чаще объясняют нарушение внешним воздействием. Английские афоризмы с Devil чаще помещают риск в деталь, выбор или речевое действие.

Таблица 1. Предикативные модели лексем Бог/God и Дьявол/Devil в русских и английских афоризмах.

Параметр	Русские афоризмы	Английские афоризмы
Бог/God	внешний предел, защита, недопущение вреда	условие помощи, действие субъекта
Дьявол/Devil	внешнее вмешательство, подчинение, сбой поведения	риск в детали, выборе, речевой манипуляции
Тип предиката	отрицательный, причинный, ограничительный	условный, локативный, речевой

Различие русских и английских афоризмов устанавливается через предикативную организацию. В русских афоризмах с Богом чаще оформляется предел вреда: религиозное имя ограничивает угрозу, задает границу действия,

блокирует неблагоприятный исход. В английских афоризмах с God помощь чаще связывается с активностью субъекта: действие человека входит в структуру условия.

Русские афоризмы с чертом чаще объясняют нарушение внешним вмешательством. Английские афоризмы с Devil чаще помещают риск в деталь, выбор или речевое действие. Полученное различие уточняет структурную модель паремиологической оппозиции: религиозная пара Бог/Дьявол в афоризмах не сводится к распределению положительного и отрицательного полюсов [3]. В английских высказываниях Devil может локализоваться внутри рационального действия без прямой корреляции с God.

Проверяемая гипотеза подтвердилась: русские афоризмы чаще закрепляют модель внешнего предела и вмешательства; английские афоризмы чаще закрепляют модель ответственности за действие, выбор и распознавание риска.

Проведенное сопоставление показало, что в афористических высказываниях Бог/God и Дьявол/Devil различаются по способу грамматического включения в ситуацию действия. В русских афоризмах Бог и черт чаще задают внешнюю границу поступка, вреда или сбоя, тогда как в английских афоризмах God и Devil чаще связаны с активностью субъекта, вниманием к деталям и речевым использованием авторитета.

Такое распределение раскрывает различие предикативных моделей, через которые русский и английский языки оформляют ответственность, риск и пределы человеческой воли.

Список литературы

1. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: сборник В. Даля: в 2-х т. Т. 1 / вступ. слово М. Шолохова; худож. Г. Клодт. М.: Художественная литература, 1989. 431 с.
2. *Королькова А.В.* Русская афористика. М.: Флинта; Наука, 2005. 344 с.
3. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии; авт. предисл. Г.Л. Капчиц; АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1988. 235 с.
4. The Oxford Dictionary of Proverbs / ed. by J. Speake; previously co-ed. with J. Simpson. 5th ed. Oxford: Oxford University Press, 2008. 400 p.

COMPARISON OF THE CONCEPTS OF "GOD" AND "DEVIL" THROUGH THE PRISM OF APHORISMS

M.M. Tsaturyan, M.A. Sarkisyan

Kuban State University, Krasnodar

Russian and English aphorisms with the lexemes Бог/God and Дьявол/Devil differ in the type of predicative relation. Russian aphorisms more often fix the model of an external limit of action. English aphorisms more often express the condition of action, choice, or error.

Key words: aphorism, religious names, predication, Бог, God, Дьявол, Devil, evaluation.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОР В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

О.Н. Чалова

*Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель
Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск*

Работа посвящена выявлению особенностей использования метафоры как дестабилизирующего агента в научном диалоге, обусловленного действием диалогического фактора. Выявляются прагматические и комбинаторные возможности метафоры. В заключение формулируется вывод о том, что несмотря на свои дестабилизирующие потенции, метафора оказывает конструктивное воздействие на развитие научного диалога.

Ключевые слова: научный дискурс, научный диалог, лингвосинергетика, экспрессивное средство, метафора.

В соответствии с положениями лингвосинергетического подхода [1–3 и др.], научный диалог (как устное речевое взаимодействие субъектов научного познания) можно интерпретировать в качестве разновидности научного дискурса, находящейся на пересечении двух векторов влияния: с одной стороны, норм и конвенций научного дискурса (в терминах лингвосинергетики, параметров порядка) и, с другой, диалогического фактора (с позиции лингвосинергетики, катализатора хаоса/беспорядка), нарушающего стандарты и принципы научного общения, но при этом не беспредельно и под контролем базовых установок научного дискурса (вышеупомянутых параметров порядка).

Диалогический фактор оказывает влияние практически на все уровни научного дискурса, в том числе и на стилистический/риторический, что проявляется, в частности, в способности научного диалога интегрировать в свое пространство различные средства экспрессии, наиболее востребованными из которых являются метафоры. Если прототипический (монологический/письменный) научный дискурс ограничивается использованием так называемых «стертых» метафор (шаблонных клише: *заложить фундамент, выходить за рамки, вносить вклад, фокусировать внимание* и т. п.), то научный диалог отличается яркой и колоритной метафорикой.

Обратив внимание на данное обстоятельство, мы поставили цель – выявить особенности функционирования «живых» (образных) метафор в научном диалоге. Актуальность постановки такой задачи определяется важностью расширения представлений лингвистов о стилистической/риторической структуре научного дискурса и его диалогической (в узком смысле слова) разновидности, а также значимостью концептуализации широко исследуемых объектов (научной коммуникации) в новом ключе. Материалом исследования

выступают реплики, содержащие метафоры (порядка 100 единиц), источником материала – стенограммы русскоязычных устных научных дискуссий различной тематики. Научно-методическую базу исследования составляют лингвостилистический и лингвосинергетический методы.

По нашим наблюдениям, специфика функционирования метафор в научном диалоге определяется двумя основными тенденциями.

В первую очередь, внимание обращает на себя способность метафор использоваться в разных типах контекстов и, соответственно, реализовывать разные задачи в научном диалоге, главным образом аксиологические (ценностная интерпретация объекта) и экспликаторные (разъяснение сложных моментов в обсуждении), ср.: <...> *Я использовал метафору **мусорной кучи**, и я по-прежнему считаю, что западноевропейская цивилизация выросла на **мусорной куче**, которая образовалась вследствие **смерти** греко-римского мира, и именно из этих **обломков** сложилось историческое **тело** западноевропейского мира* <...> [В.В. Воловик. Базовые принципы и схемы институционального подхода в методологии]. В приведенном примере метафоры имеют двойное назначение: используются для более емкой и меткой передачи смыслов, для разъяснения понятий и идей, а также для отражения ценностного отношения говорящего к описываемым процессам и явлениям; при этом в обоих примерах аксиологический объект характеризуется в негативном ключе.

Во-вторых, метафоры, представленные в научном диалоге, имеют тенденцию к взаимодействию друг с другом (см. пример выше), а также с прочими средствами экспрессии в рамках конкретного коммуникативного эпизода (одной реплики), например с эпитетами, ср.: *И второй по поводу того, что только коллективное мышление сейчас может справиться с **гигантским** потоком поступающей информации, осмыслить его и как бы организовать, и **не захлебнуться** при этом* [П.Г. Щедровицкий. Изменения в мышлении на рубеже XXI столетия: социокультурные вызовы и последствия использования рамочных техник]. В данном примере метафора (*не*) *захлебнуться* сочетается с эпитетом *гигантский*. Использование нескольких средств экспрессии в одной реплике создает кумулятивный эффект, удерживает внимание адресата, придает речи яркость и демонстрирует искреннюю вовлеченность и личную позицию говорящего.

Конечно, метафоры в научном диалоге могут употребляться и автономно. В этом случае они вызывают небольшие колебания системы (научного дискурса). В то же время комбинированное использование метафор приводит к более серьезным флуктуациям системы, производящим соответствующее впечатление (создающим нужный прагматический эффект) и усиливающим воздействие на собеседника.

Таким образом, метафора как агент дестабилизации научного дискурса, обусловленный действием диалогического фактора, привносит в научную коммуникацию эмоциональный подтекст, семантическую полисемию и под., чем нарушает принципы научного дискурса, но при этом дает импульс обсуждению, превращается в движущую силу познания.

Список литературы

1. Пономаренко Е.В. Функциональная системность дискурса (на материале английского языка). М.: МГУ-ПА ФСБ, 2004. 328 с.
2. Храмченко Д.С. Аллюзии в заголовках англоязычных текстов деловой тематики: функционально-синергетический анализ // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. №19(3). С. 165–167.
3. Черкунова М.В. Малоформатные новостные тексты в сети Instagram с позиций лингвосинергетического подхода // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. № 2. Т. 41. С. 226–237.

Источники

Воловик В.В. Базовые принципы и схемы институционального подхода в методологии [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.fondgp.ru> (дата обращения 25.02.2026).

Щедровицкий П.Г. Изменения в мышлении на рубеже XXI столетия: социокультурные вызовы и последствия использования рамочных техник [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://web.archive.org/web/20171030213119/http://www.fondgp.ru/lib/seminars/2004-2005/xichten/1> (дата обращения 25.02.2026).

THE SYNERGETIC POTENTIAL OF METAPHORS IN SCIENTIFIC DIALOGUE

O.N. Chalova

*Francisk Skorina Gomel State University, Gomel
Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk*

The work is about identifying the features of using metaphors as destabilizing agents in scientific dialogue, the latter's being formed under the influence of both the norms of scientific discourse and the dialogic factor that conflict with each other. The pragmatic and combinatorial abilities of metaphors presented in scientific dialogue have been revealed. A conclusion about a constructive impact of the metaphor on the development of scientific dialogue has been made.

Key words: scientific discourse, scientific dialogue, synergetic linguistics, expressive means, metaphor.

УДК 811.11

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

3.3. Чанышева

Уфимский университет науки и технологий, Уфа

Данная работа посвящена проблеме политизации экономики в контексте дискурсных взаимодействий. Обсуждается понятие политизации экономики; исследуется роль темы как связующего элемента объединения дискурсов в блоки, выражающие разделяемые политические цели; устанавливается влияние политизации энергетической индустрии на международные отношения.

Ключевые слова: дискурсные взаимодействия, политизация экономики, актуальные темы, связующий элемент объединения дискурсов.

Понимание дискурсных взаимодействий как процесса переплетения, объединения и взаимовлияния разных дискурсов обратило внимание исследователей на изучение гибридных текстов, отражающих следы подобных пересечений и совмещающих черты и закономерности разных дискурсивных практик.

В современных условиях в связи с развитием информационных технологий и прежде всего Интернета коммуникация становится объёмной, многоплановой и более содержательной [2, с. 3]. Отмечая усилившуюся политизацию дискурсивных сфер, нельзя не согласиться с утверждением Т.В. Шмелёвой о том, что политическая культура «из монологической превратилась в диалогическую, вовлекающую в общение огромные массы людей, оказывающихся субъектами коммуникации, а не только адресатами, обретают свой голос [5, с. 222]. Кроме того, автор подчёркивает возрастание роли посредников информации в публичном общении. Вследствие изменений особую нагрузку принимают на себя векторы взаимодействия дискурсов: приводящие либо к их сближению, солидаризации, либо к разобщению и конфронтации. Создание конфликтующих дискурсных блоков имеет ряд важных последствий, поскольку за этим стоит объединение общих интересов для ослабления, разрушения чужих союзов [4, с. 85]. Крайняя форма политизации применяет «энергетическое оружие» в политических целях, что приравнивает ее к энергетической войне [1, с. 45]. В.Е. Чернявская справедливо замечает, что в институциональном пространстве политики активно создаются предпосылки для конструирования особой «политической реальности», когда представление и восприятие какого-либо фрагмента действительности неотделимо от оценочного отношения к нему [ibid]. Следуя данному положению, можно утверждать, что обсуждение энергетических проблем во взаимодействующих дискурсах происходит часто по линии аксиологического «политического разделения»: «свои» всегда правы, «чужие» всегда виноваты. Политизация нефтегазовой проблематики означает вмешательство политики в энергетическую индустрию, создание объединений и союзов с общими интересами по актуальной теме. Отметим также, что актуальный тематический дискурс, выступающий связующим звеном дискурсных объединений, способен служить «основанием для периодически возобновляющегося дискурса» [3, с. 106], а это в результате приводит к тематическому расширению в составе новых дискурсов, создавая площадки для дискуссий, выражения новых взглядов, оценок, позиций.

Отношения политической напряжённости усиливают речевую агрессию в нефтегазовых текстах, превращая инструмент политизации в оружие межгосударственного противоборства. (А.Р. Борисова 2018, Ю.В. Боровский 2008, 2023, Д. Ергин 2023, А.М. Мастепанов 2024, В.Л. Семёнов 2022, Е.А. Сидорова 2022).

В процессе интерпретации примеров подчеркнём важность контекста для адекватного понимания смыслов на четырёх уровнях анализа: узкого контекста

как непосредственного языкового окружения единицы, интертекстуального и интердискурсивного контекста, контекста ситуации в комплексе взаимодействующих объективных и субъективных элементов ситуации, широкого контекста – политического, идеологического анализа (6).

Типичным примером продукта смешений политического дискурса и субдискурса нефтегазового производства и субдискурса нефтегазового рынка как главных показателей состояния отрасли является описание ситуации в Украине, подтолкнувшей В. Зеленского принять неоправданные решения политического характера, связанные с поставкой газа в Европу через территорию Украины. По его утверждению, якобы происходит российское вмешательство в технологические процессы, которое угрожает безопасности функционирования системы транспортировки газа в соседние страны. Без объяснения причин в декабре 2024 г. им было принято решение о прекращении транзита российского природного газа в Европу через Украину, оставив ряд европейских государств без жизненно важного сырья: *Russia winds down gas supply to Europe via Ukraine as transit deal expires* (theguardian). Решение не продлевать истёкшее соглашение с Россией о транзите газа мотивировано неспособностью контролировать инфраструктуру якобы «оккупированного Россией» района: *it would stop receiving Russian natural gas into the Sokhranovka gas metering station starting on Wednesday because it can no longer control the infrastructure in territory “occupied” by Russian troops* (nytimes). Позицию украинского лидера поддерживают медиаиздания, обвиняя российскую компанию в нежелании использовать другие маршруты доставки, ссылаясь на ограничения газа: *another option is for Gazprom to supply some of the gas via another route, for example via TurkStream, Bulgaria, Serbia or Hungary. However, capacity via these routes is limited.* (reuters). В ответ на осуждение решения Украины со стороны главы Словакии Р.Фицо В. Зеленский усиливает политическую мотивацию своей позиции, обвинив его в сотрудничестве с Кремлём и открытии второго энергетического фронта с Украиной: *Zelenskyu accused Fico of acting on behalf of the Kremlin by opening a “second energy front” with Ukraine* (Aljazeera).

Противоположный вектор дискурсных взаимодействий, направленный на развитие экономического сотрудничества и партнёрских отношений, демонстрируют материалы российских экономических форумов и нефтегазовых площадок, включающие интеграционные взаимовыгодные связи: принятие взвешенных политических решений, учитывающих реалии цифровой экономики и изменения в характере торгового обмена, усиление экономической и торговой роли Глобального Юга, совместные усилия для решения общих глобальных проблем энергетики, совершенствования технологий.

Особенно ярко прозвучали призывы тесно сотрудничать, прекращать конфронтацию блоков, поддерживать экономическую стабильность в обращении премьер-министра КНР Ли Цян к участникам ежегодного совещания Всемирного экономического форума (Li Qiang's address): более эффективно использовать синергию мирового экономического роста; бережно относиться к «сосудистой системе» мировой экономики, в роли которой выступают сложившиеся производственно-сбытовые цепочки; укреплять сотрудничество в

области «зеленого развития», активно реагируя на глобальное изменение климата; обратить внимание на преодоление технологического разрыва между глобальным Севером и Югом (ibid).

Список литературы

1. *Боровский Ю.В.* Политизация мировой энергетики: исторический и современный контекст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 44–55. Режим доступа. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-45-55B> (дата обращения: 14.03.2026).
2. *Засурский Я.Н.* Медiateкст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики: сб. статей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 7–12. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=445203> (дата обращения: 14.03.2026).
3. *Силантьев И.В.* Текст в системе дискурсных взаимодействий // Критика и семиотика. Новосибирск, 2004. Вып. № 7. С. 98–123. Режим доступа. URL: https://www.philology.nsc.ru/journals/kis/pdf/CS_07/cs07silantiev.pdf (дата обращения: 24.03.2026).
4. *Чернявская В.Е.* Политизация истории как стратегия создания новой государственной идентичности: лингвистический анализ // Политическая лингвистика. 4 (46). 2013. С. 85–90 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://politlingvistika.ru/archive/57556/4/> (дата обращения: 15.03.2026).
5. *Шмелёва Т.В.* Медиалингвистика на фоне сферной дифференциации науки о языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016 № 3. С. 220–226. [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://istina.msu.ru/journals/93875/> (дата обращения: 17.01.2026).
6. *Wodak R.* Methods of Critical Discourse Analysis [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.researchgate.net/publication/364988591> (дата обращения: 14.03.2026).

Источники

- The Guardian. *Russia winds down gas supply to Europe via Ukraine as transit deal expires* [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.theguardian.com/business/2024/dec/> (дата обращения: 18.03.2026).
- Aljazeera *Zelensky Charges Slovakia's Fico With Opening “Second Energy Front”* [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.aljazeera.com/news/2024/12/28/zelensky-accuses-slovakia-of-opening-second-energy-front-against-ukraine> (дата обращения: 18.03.2026).
- Reuters. *what-happens-when-russian-gas-toeurope-via-ukraine-stops* com/business/energy/ [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.reuters.com/business/energy/what-happens-when-russian-gas-toeurope-stops-2024-12-23/> (дата обращения: 18.03.2026).

NYTimes: Ukraine Halts the Flow of Natural Gas From Russia to Europe [электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.nytimes.com/2025/01/01/> (дата обращения: 18.03.2026).

Chinese Premier Li Qiang. Address at opening plenary of the 16th Annual Meeting of the New Champions [электронный ресурс] // english.www.gov.cn. 26 июня 2025. Режим доступа. URL: https://english.www.gov.cn/news/202506/26/content_WS685c7df4c6d0868f4e8f3a49.html (дата обращения 18.03.2026).

POLITIZATION OF ECONOMY IN THE CONTEXT OF DISCOURSE INTERACTIONS

Z.Z. Chanysheva

Ufa University of Science and Technology, Ufa

This work is devoted to the problem of politization of economy in the context of discourse interactions. The research investigates the notion of politization of economy, studies the role of the theme as a link uniting discourses into blocs conveying shared political aims; establishes the effect of politizing the energy industry on international relations.

Key words: discourse interactions, the notion of politization, topical themes, a link in discourse unions.

УДК 81.27

МЕДИАПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА К. СТАРМЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ)

Е.С. Червякова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются особенности формирования медийного образа лидера лейбористской партии и премьер-министра Великобритании Кира Стармера в британской прессе. Анализируются публикации ведущих британских изданий, в которых раскрываются основные характеристики политика. Особое внимание уделяется языковым средствам формирования политического имиджа. Были рассмотрены ключевые подходы к изучению образа лидера и описаны возможные формы репрезентации лидера в медиасреде. Цель работы заключается в выявлении механизмов конструирования публичного образа политика, а также в определении ключевых стратегий и тактик его репрезентации в средствах массовой информации. В британском газетном дискурсе формируется многокомпонентный медиаобраз политика, включающий характеристики компетентности, прагматизма, управленческой эффективности и политической умеренности. Вместе с тем выявлены различия в способах репрезентации лидера в зависимости от идеологической направленности

издания, что проявляется в вариативности оценочных доминант и интерпретационных моделей.

Ключевые слова: политический дискурс, имидж политического лидера, медиарепрезентация, медиапространство, медиатекст, информационная политика.

В современных демократических государствах средства массовой информации играют ключевую роль в формировании общественного восприятия политических лидеров. Медиа не только передают информацию о политиках, но и создают определённые интерпретационные рамки, влияющие на отношение аудитории к тем или иным государственным деятелям. К. Стармер представляет особый интерес для исследования, поскольку его политический образ формировался в условиях кризиса доверия к британской политической элите после Brexit, пандемии COVID-19 и политической нестабильности периода правления консерваторов. Победа Лейбористской партии на парламентских выборах 2024 года сделала Стармера центральной фигурой британского политического дискурса.

Образ политического лидера формируется с помощью различных средств, в частности с помощью средств массовой информации и коммуникации, использующих различные методы, инструменты, приемы. Анализ источников массовой информации позволяет установить, как происходит формирование образов лидеров, а также определить, какие ценности, мотивы и инсайты используют журналисты при создании образа в многомерном семантическом пространстве [1].

Одной из наиболее заметных характеристик образа К. Стармера является акцент на его серьёзности и профессионализме. В публикации The Guardian, посвящённой приходу политика к власти, его характеризуют следующим образом: «Starmer invests the task of being a political leader with considerable seriousness» («Стармер относится к задаче политического лидера с исключительной серьёзностью») [www.theguardian.com]. Подобная характеристика противопоставляет Стармера его предшественникам, прежде всего Борису Джонсону, чей образ в британских СМИ часто ассоциировался с эксцентричностью и популизмом. Через такое сравнение пресса формирует представление о К. Стармере как о рациональном и ответственном государственном деятеле.

Другим важным элементом медийного образа становится мотив надёжности. В биографическом материале The Guardian описывает политика через характеристики: «Reassuring, serious, a sense of duty» («вызывающий доверие, серьёзный, обладающий чувством долга»). [www.theguardian.com]. Особое значение имеет употребление выражения *sense of duty*. Данная характеристика апеллирует к традиционным британским политическим ценностям – служению государству и общественной ответственности. В результате создаётся образ политика, ориентированного не на личную популярность, а на выполнение общественного долга. Интересной особенностью британского медиадискурса является признание того факта, что К. Стармер не

обладает традиционной политической харизмой. Однако многие издания интерпретируют это не как недостаток, а как преимущество. В The Guardian отмечается, что противники называют политика «dull» («скучным»), однако именно это качество делает его «stolidly reassuring» («надёжно внушающим уверенность») после периода политической нестабильности [www.theguardian.com].

Наряду с положительными характеристиками в британских СМИ присутствуют и критические оценки деятельности политика. Особенно заметными они стали после прихода К. Стармера к власти. В аналитическом материале The Guardian 2026 года отмечается, что в общественном восприятии премьер-министр ассоциируется с такими негативными характеристиками, как «Jellyfish» и «doormat» («медуза» и «коврик для вытирания ног») [www.theguardian.com]. Авторы статьи связывают падение популярности политика с разочарованием части электората и несоответствием между предвыборными ожиданиями и практикой управления государством. Подобные метафоры формируют образ слабого лидера, неспособного последовательно отстаивать собственную позицию. Медийный образ К. Стармера нельзя считать однозначно позитивным. Он представляет собой сложную конструкцию, включающую как положительные, так и отрицательные элементы.

Для анализа образа К. Стармера в консервативной прессе особенно полезна именно газета The Telegraph, поскольку она регулярно использует критические и делегитимирующие стратегии описания политика. Один из характерных примеров – редакционная статья Telegraph под заголовком *Starmer is at war with British democracy* («Стармер ведёт войну против британской демократии») [www.telegraph.co.uk]. Уже сам заголовок формирует резко негативный образ лидера. Вместо нейтрального описания действий премьер-министра используется военная метафора *at war with British democracy*. Такая формулировка представляет К. Стармера не просто как политического оппонента, а как угрозу демократической системе. В тексте содержится следующее утверждение: “The Prime Minister does not appear to be above bending the rules to their limit.” [www.telegraph.co.uk] («Премьер-министр, по-видимому, не считает для себя недопустимым максимально растягивать границы правил»). С точки зрения медиадискурса здесь используется стратегия подрыва политической легитимности. Автор не обвиняет К. Стармера напрямую в нарушении закона, однако выражение *bending the rules* («изгибать правила», «обходить правила») создаёт образ политика, склонного к манипулированию демократическими процедурами.

Ещё один характерный пример из материалов Telegraph связан с обвинениями во лжи. В публикации *The truth about Keir Starmer's lies* («Правда о лжи Кира Стармера») газета пишет: “Prime Minister accused of repeatedly twisting truth about Labour's record in office.” («Премьер-министра обвиняют в неоднократном искажении правды о деятельности лейбористов у власти») [www.telegraph.co.uk]. Здесь особенно важно использование выражения *twisting truth*. Это не просто констатация ошибки, а характеристика сознательного искажения фактов. Через подобные лексические конструкции Telegraph

формирует образ К. Стармера как неискреннего политика, чьим заявлениям нельзя полностью доверять.

СМИ имеют возможность формировать общественные предпочтения и повестку дня, влиять на мнение аудитории – политический дискурс характеризуется высоким уровнем воздействия на людей. Политические журналисты могут создавать мифы и транслировать идеи, которые способны сподвигнуть граждан к политическому участию. Вместе с тем в журналистике могут быть и относительно свободное слово, и плюрализм идей. Получается, что политическая жизнь общества оказывается представлена в СМИ в разных ракурсах, в медиа можно встретить разные мнения по одной проблеме или об одном лидере (в случае отсутствия жесткой цензуры) [2].

Проведённый анализ британской прессы показывает, что образ К. Стармера строится вокруг нескольких ключевых характеристик: серьёзности, профессионализма, чувства долга и ориентации на перемены. Британские СМИ активно противопоставляют его эмоциональным и харизматичным лидерам предыдущего периода, подчёркивая рациональность и управленческую компетентность политика. В то же время по мере нахождения К. Стармера у власти усиливаются критические интерпретации его образа. В консервативной британской прессе образ К. Стармера часто конструируется через стратегии делегитимации. Газета *Telegraph* использует лексику с выраженной негативной оценочностью, а также военные и конфликтные метафоры. Подобные языковые средства формируют образ политика, представляющего угрозу демократическим институтам и общественному доверию, появляются характеристики, указывающие на недостаток лидерской силы и снижение общественной поддержки. Это свидетельствует о динамичности политического имиджа и его зависимости от текущего политического контекста.

Список литературы

1. Гришанин Н.В., Ветренко И.А., Писарский И.В. Образ политического лидера в средствах массовой информации: динамика характеристик на фоне трансформационных процессов Российской Федерации [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-politicheskogo-lidera-v-sredstvah-massovoy-informatsii-dinamika-harakteristik-na-fone-transformatsionnyh-protsessov> (дата обращения: 01.06.2026).

2. Линь Ч., Смирнова О.В. Медиарепрезентация политических лидеров: Исследовательские подходы [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediareprezentatsiya-politicheskikh-liderov-issledovatel'skie-podhody> (дата обращения: 01.06.2026).

3. Покало К.А. Образ политического лидера в СМИ [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-politicheskogo-lidera-v-otechestvennyh-politologicheskikh-issledovaniyah> (дата обращения: 01.06.2026).

Источники

С заседания палаты общин выгнали депутатов, назвавших Стармера лжецом [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://ria.ru/20260420/britaniya-2088036300.html?in=t> (дата обращения: 01.06.2026).

Стармер может уйти в отставку и отдать пост мэру Манчестера, пишут СМИ [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://ria.ru/20260516/starmer-2092812709.html> (дата обращения: 01.06.2026).

‘Jellyfish’ and ‘doormat’: why is Keir Starmer so deeply unpopular? [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2026/feb/12/why-is-keir-starmer-so-deeply-unpopular.com> (дата обращения: 01.06.2026).

Keir Starmer: Britain’s new leader who takes politics seriously [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.theguardian.com/politics/article/2024/jul/05/keir-starmer-britain-new-leader-labourpolitics.com> (дата обращения: 01.06.2026).

Reassuring, serious, a sense of duty: who is Keir Starmer really? [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.theguardian.com/politics/article/2024/may/26/reassuring-serious-a-sense-of-duty-who-is-keir-starmer-really.com> (дата обращения: 01.06.2026).

Starmer is at war with British democracy [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.telegraph.co.uk/opinion/2025/12/04/starmer-is-at-war-with-british-democracy/> (дата обращения: 01.06.2026).

The truth about Keir Starmer’s lies [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2025/12/10/the-daily-t-truth-about-starmers-lies/> (дата обращения: 01.06.2026).

THE MEDIA PRESENTATION OF POLITICAL LEADER K. STARMER (BASED ON BRITISH NEWSPAPER ARTICLES)

E.S. Chervyakova

Kuban State University, Krasnodar

The article examines the media image of Labour Party leader and British Prime Minister Keir Starmer in the British press. It analyzes publications in leading British newspapers that reveal the politician's key characteristics. Particular attention is paid to the linguistic means of shaping his political image. Key approaches to studying the image of a leader were examined, and possible forms of leader representation in the media environment were described. The aim of the work is to identify the mechanisms of constructing the public image of a politician, as well as to determine the key strategies and tactics of his representation in the media. British newspaper discourse develops a multi-component media image of politician, encompassing characteristics of competence, pragmatism, managerial effectiveness, and political moderation. At the

same time, differences have been identified in the ways leader is represented depending on the publication's ideological orientation, manifested in variations in evaluative dominants and interpretative models.

Key words: political discourse, image of a political leader, media representation, media space, media text, information policy.

УДК 81-22

ОППОЗИЦИИ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А.Б. Чимитова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Данная работа посвящена исследованию оппозиций соматических фразовых глаголов в современном английском языке. Приводятся примеры контекстного употребления соматических фразовых глаголов из корпусов текстов BNC и COCA. На основе корпусных данных проводится анализ глагольных компонентов фразовых глаголов и их послелогов.

Ключевые слова: английские фразовые глаголы, соматические фразовые глаголы, оппозиции, корпус текстов.

Оппозиции соматических фразовых глаголов представляют особый интерес для исследования. Соматические фразовые глаголы отражают антропоцентрический фактор современного английского языка [1], их противопоставления мотивированы телесным опытом человека. На материале корпусов текстов BNC и COCA нами были выявлены несколько пар оппозиций соматических фразовых глаголов.

Соматический глагол *tiptoe* образует фразовые глаголы путем присоединения пространственных послелогов *up*, *down*, *in*, *out*. Послелог в составе фразовых глаголов указывает на направление действия, выраженного глагольным компонентом. В примерах (1) и (2) послелог *up* и *down* в глаголах *tiptoe up* и *tiptoe down* указывают на пространственные отношения в вертикальной плоскости. В примере (1) говорящий передвигается на цыпочках вниз по коридору, в примере (2) производится движение на цыпочках вверх по лестнице. Фразовые глаголы *tiptoe up* и *tiptoe down* с прямыми пространственными значениями образуют оппозицию.

(1) *Once the food was all put away, I turned out the kitchen light. Barefoot, I **tiptoed down** the hall to Delphine's sewing room and lay down on the narrow daybed (COCA).*

(2) *I really had to go, and I knew Peregrine said not to go upstairs, but I couldn't help it. I **tiptoed up** and moved to the right (COCA).*

В паре фразовых глаголов *tiptoe in* и *tiptoe out* послелог *in* и *out* указывают на направление движения субъекта действия относительно границ замкнутого

пространства. Замкнутым пространством или «Контейнером» [4] выступает комната дочерей, в которую на цыпочках входили и из которой выходили родители. Послелог *in* и *out* в составе фразовых глаголов *tiptoe in* и *tiptoe out* указывают на направление движения, выраженного глагольным компонентом *tiptoe*, тем самым образуя оппозицию рассматриваемых фразовых глаголов.

(3) *We were on the top floor and had two levels. ...We put rugs and pads down, we were always a shoes off household, but our daughters room was impossible to avoid making noise when we **tiptoed in** and **out** (COCA).*

Фразовые глаголы *nose up* и *nose down* в примерах (4) и (5) указывают на направление движения воздушных судов. Точкой отчета в рассматриваемых примерах выступает «нос» летательного аппарата. В примере (4) носовая часть самолета поднимается вверх, а примере (5) устремляется в обратном направлении. Пространственная оппозиция фразовых глаголов выражается послелогам *up* и *down*.

(4) *The plane **nosed up** slightly, just clearing the last trees before the old race track (BNC).*

(5) *Six seconds later a loud 'break-up' noise was recorded on the cockpit voice recorder and the aircraft **nosed down** violently, diving into the ground at an angle of 500 (BNC).*

В примерах (6) и (7) представлены переосмысленные пространственные значения фразовых глаголов *face down* и *back down*. Фразовый глагол *face down* имеет переосмысленное значение "to deal directly and bravely with a difficult or frightening person, thing, or situation and **refuse** to run away, **to admit defeat, etc.**" [3] – «прямо и смело иметь дело со сложным или пугающим человеком, явлением или ситуацией, отказываться убегать, признавать поражение». Для понимания оппозиционной природы фразовых глаголов из определения нас интересует часть значения «to refuse to admit defeat» – «отказываться принимать поражение». Именно рассматриваемая часть значения отображается в примере (6).

(6) *Her new film, "The Bad Batch" is a psychedelic, apocalyptic tale of a young woman (Suki Waterhouse) **facing down** a harsh and unforgiving world (BNC).*

Героиня фильма "The Bad Batch" отказывается признавать свое поражение и вынуждена иметь дело с суровым и непрощающим миром. Глагольный компонент *face* указывает на само действие – столкновение с миром, а послелог *down* указывает на завершенность действия. Однако, необходимо отметить, что согласно ориентационной метафоре LESS IS DOWN, послелог *down* в составе фразового глагола помимо завершенности действия может выражать нежелаемое состояние [1], с которым приходится столкнуться героине.

Фразовый глагол *back down* в свою очередь имеет противоположное значение "to admit you were wrong or that you have been defeated" [3] – «признавать, что ты был не прав или признавать поражение». Глагольный компонент *back* в составе фразового глагола *back down* указывает на отступление, а послелог *down* на завершенность действия. Как и во фразовом глаголе *face down*, послелог *down* в составе фразового глагола *back down* указывает на нежелаемое состояние. В примере (7) герой сериала, врач, переживая смерть своего пациента, признается в том, что он совершил ошибку и

признает свое поражение, а сейчас сильно жалеет о своих прошлых действиях.

(7) *I **backed down**. No, I always **back down**. ... I mean, I should I should have fought for her. She would be alive now if I wasn't so scared of being wrong (COCA).*

В примерах (6) и (7) противопоставление зафиксированных в словарях значений глаголов face down и back down проявляется наиболее четко. В примере (6) девушка отказывается принимать поражение и встречается трудностями мира, в примере (7) показана противоположная ситуация – врач признает свое поражение.

Анализ соматических фразовых глаголов tiptoe up, tiptoe down, tiptoe in, tiptoe out, nose up, nose down, face down и back down показывает, что они образуют оппозиции по прямым пространственным значениям послелогов и по переосмысленным совокупным пространственным значениям соматических фразовых глаголов как аналитических лексических единиц.

Список литературы

1. Богданова С.Ю. Пространственная концептуализация мира в зеркале английских фразовых глаголов. Иркутск: Репроцентр А1, 2006. 180 с.
2. Петрова И.П. Категоризация мира английскими соматическими фразовыми глаголами: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: Иркут. гос. лингвист. ун-т, 2012. 150 с.
3. CD – Collins English Dictionary [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 19.05.2026).
4. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

Источники

COCA – Corpus of Contemporary American English [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 19.05.2026).

BNC – British National Corpus [электронный ресурс]. Режим доступа. URL <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 18.05.2026).

OPPOSITIONS OF SOMATIC PHRASAL VERBS IN MODERN ENGLISH

A.B. Chimitova

Irkutsk State University, Irkutsk

This paper is devoted to the study of oppositions of somatic phrasal verbs in modern English. Examples of contextual use of somatic phrasal verbs from BNC and COCA are provided. Based on corpus data an analysis of the verbal components of phrasal verbs and their particles is conducted.

Key words: English phrasal verbs, somatic phrasal verbs, oppositions, corpus.

К ВОПРОСУ О ЖЕНСКИХ ОБРАЗАХ В РАССКАЗЕ Ф.К. СОЛОГУБА «ГОЛОДНЫЙ БЛЕСК»

Ю.В. Шатин, С.П. Ошейко

*Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет, Новосибирск*

Исследование посвящено женским образам в рассказе Ф.К. Сологуба «Голодный блеск». Анализ портретных характеристик героинь наряду с выявлением мотивов свидетельствует об индивидуальном авторском переосмыслении ключевых сюжетных схем и мифологем, способствующих философско-эстетическому осмыслению категорий мужского и женского в искусстве Серебряного века, и в то же время эксплицирует особенности творческого метода Ф.К. Сологуба.

Ключевые слова: Ф.К. Сологуб, женские образы, борьба полов.

Кон. XIX – нач. XX вв. характеризуется усиленным ростом интереса к женскому здоровью. Женщина, с одной стороны, оказывается заложником социального статуса – в публицистических медицинских научно-популярных трактатах той эпохи основными задачами женщины выступают поддержание домашнего хозяйства и продолжение рода. С другой стороны – женщина оказывается заведомо интегрирована в группу лиц, наиболее подверженных душевным болезням, а также берет на себя роль одного из главных распространителей сифилиса и туберкулеза, угрожающих здоровью нации [4, р. 51–67].

Иррациональный страх перед женским началом стал одной из ключевых характеристик искусства рубежа веков. Представители так называемого «нового искусства» актуализировали сюжет борьбы полов, манифестируя философско-эстетическое осмысление категорий мужского и женского. Женщина неизбежно оказывалась главным антагонистом мужчины. Встреча с *femme fatale*, как правило, ускоряла дезинтеграцию личности героя, а всепоглощающее чувство любви приобретало патологический характер и эксплицировало неспособность проникнуть в тайну бытия [2, с. 65–97].

Сюжет о борьбе полов во многом обуславливает глубинный конфликт рассказа Ф.К. Сологуба «Голодный блеск».

Завязкой произведения выступает ссора Мошкина и квартирной хозяйки, однако социальные мотивировки вскоре уходят на второй план, обнажая бытийные основы конфликта и манифестируя особенности художественной антропологии писателя. «Злобно глянул Мошкин на хозяйку. Она стояла у двери, прямая, широкая, с опущенными руками, спокойная, как кукла, и холодно-злая, и прямо на него смотрела неподвижным и, наводящими жуть глазами <...> пока

он читал, гладила свои черные над желтым треугольником лба волосы и шипела <...>» (1, с. 472). Упоминание куклы и апелляция к образу змеи актуализируют множество негативных коннотаций, отсылая читателя к различным культурным традициям. Мотив куклы эксплицирует романтическую традицию и в то же время оказывается неразрывно связан с косной жизнью, духовной ущербностью и смертью в рамках философско-эстетических воззрений Ф.К. Сологуба [3]. Змеиная символика в свою очередь отсылает к фольклорной традиции и демонстрирует тесную связь с агрессией, чувственным влечением и смертью [1].

Сходные особенности конструирования женского образа обуславливают взаимодействие Мошкина и Елены Петровны Энгельгардовой. «Она была молодая, румяная, высокая и, кажется, красивая. Шагала быстро и решительно, как хозяйка в деревне, и при этом неловко помахивала сильными, красивыми, белыми, голыми выше локтя руками. <...> Рукава ее одежды отвисли к плечам, и две протянутые вверх белые, голые руки казались толстыми, как ноги акробатки, упражняющейся дома. И видно было, что у нее хватит силы долго держать руки вверх. И сквозь испуг на ее лице пробивалось выражение значительности переживаемого (1, с. 477, 479).

Намеренное акцентирование внимания на таких чертах героини как чувственность, физическое здоровье, неуклюжесть подчеркивают гротесковую и сатирическую природу образа, маркируя отсутствие индивидуальности и активизируя дальнейшую деконструкцию образа. В то время как неразличение мужского и женского в образе героини проявляется в абсолютном тождестве верха и низа, несвойственной человеку симметрии и выступает в качестве травестии по отношению к одной из ключевых мифологем Серебряного века: образу андрогина. Мнимое единство мужского и женского начал воплощённое в образе Елены Петровны демонстрирует тотальную редукцию духовного начала и торжество чувственности, тем самым оппонируя оптимистическим взглядам на будущее преобразование человека, характерным для творчества ранних символистов и во многом восходящим к философскому учению В.С. Соловьева.

Итак, особенности конструирования женских образов в рассказе Ф.К. Сологуба «Голодный блеск», с одной стороны, эксплицируют авторское переосмысление одного из ведущих сюжетов, определивших облик культуры рубежа веков – сюжет о борьбе полов. С другой стороны, спектр художественных приемов и характер использования мотивов, актуализирующих различные культурные традиции, позволяют сделать некоторые выводы о ключевых особенностях творческого метода Ф. К. Сологуба.

Список литературы

1. *Дмитриевич Н.П.* Проблемы мифологизма в поэзии Федора Сологуба: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 1998. 163 с.
2. *Жеребин А.И.* Австрийская библиотека. Вертикальная линия: Венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2011. 533 с. (Австрийская библиотека).

3. Клейман Л. Ранняя проза Фёдора Сологуба. СПб.: Эрмитаж, 1983. 194 с. (Серия «Письмена времени»).
4. Gilman S.L. Health and Illness: Images of Difference. London: Reaktion Books, 1995. 200 p.

Источники

Сологуб Ф.К. Собрание сочинений: в 6 т. / сост., примеч. Т.Ф. Прокопова; вступ. ст. С.Л. Соложенкиной. М.: НПЦ «Интелвак», 2001. Т. 3: Слаще яда: роман, рассказы, сказки. 736 с.

ON THE QUESTION OF FEMALE IMAGES IN F.K. SOLOGUB'S STORY "THE HUNGRY GLITTER"

Yu. V. Shatin, S. P. Osheyko

Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk

This study examines female characters in F.K. Sologub's short story "Hungry Glitter". An analysis of the heroines' portrait characteristics, along with the identification of motifs, reveals the author's individual rethinking of key plot devices and mythologies that contribute to a philosophical and aesthetic understanding of the categories of male and female in Silver Age art, while explicating the specifics of Sologub's creative method.

Key words: F.K. Sologub, female characters, struggle.

УДК 81'23:159.9

ПСИХОЛИНГВИСТИКА МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ И САМОРЕГУЛЯЦИИ: КОНФЛИКТОГЕНЫ, СИНТОНЫ, АФФИРМАЦИИ И БИБЛИОТЕРАПИЯ

Е.В. Шелестюк

Челябинский государственный университет, Челябинск

Статья раскрывает психолингвистические механизмы коммуникации и саморегуляции через трансформацию ментального лексикона. Введено понятие лингвопрагмем — устойчивых языковых паттернов с предсказуемым эффектом. Экспериментальные данные указывают на «заразительность» эмоциональной лексики и влияние грамматики на аффект, во многом определяющее качество общения. Классифицированы конфликтогены и синтоны. Описаны нейролингвистические принципы аффирмаций и библиотерапии.

Ключевые слова: психолингвистика, конфликтогены, синтоны, аффирмации, библиотерапия, лингвопрагмемы, ментальный лексикон.

1. Введение и теоретические основы. Психолингвистика коммуникации базируется на триаде «язык — мышление — поведение» [2]. Ментальный лексикон — динамическая когнитивная система, где лексика организована по

семантическим, аффективным и прагматическим параметрам. Лингвопрагмемы – устойчивые комбинации лексических, синтаксических и интонационных маркеров с предсказуемым коммуникативным эффектом [7]. Микроуровневые языковые выборы (номинации, модальность, местоимения, акциональные предикаты) формируют макрокоммуникативные траектории – конфликтные или гармоничные [1; 3; 6].

2. Лингвистический аффект. Эксперимент [13] показал: чтение позитивной лексики увеличивает использование позитивных слов в ответах ($p=0,005$), негативной – негативных ($p=0,002$), эффект сильнее для негативных слов (негативная предвзятость). Важно, что именно лексика, а не описываемые события, предсказывает итоговое эмоциональное состояние [13]. Эмоциональная лексика образует плотные семантические кластеры с короткими нейронными путями активации (спрединг-активация [11]), что объясняет «заразительность» аффекта. Механизмы: симуляция переживаний [8], метафоры [14], грамматическое время (прошедшее совершенное создает необратимость, настоящее несовершенное оставляет пространство для диалога).

3. Конфликтогены и синтоны как лингвопрагмемы. Конфликтогенное взаимодействие характеризуется обесцениванием, нападками на личность, категоричными формулировками, инвективами, избеганием имени, сарказмом, отвлечением от собеседника. Синтонное поведение характеризуется использованием имени собеседника, искренним интересом к нему, отказом от критики, улыбкой, концентрации на партнере [3; 6].

Проактивные конфликтогены включают: директивы, «ты-сообщения», обвинения, ультиматумы, негативное прогнозирование, ярлыки, помощь без запроса, морализаторство, непрошенные советы, триггеры (напоминание о неудачах, обнародование личной информации) и др. Реактивные конфликтогены: защита-нападение, встречные обвинения, газлайтинг, демонстративное молчание, саркастическое согласие, гиперболизация, эмоциональная вспышка, избыточные извинения, псевдо-«я-сообщения». Лингвистические конфликтогены: негативная и пейоративная лексика, генерализация через «всегда/никогда», субстантивация пороков («твоя лень»), риторические вопросы-обвинения, метафоры войны, пассивно-агрессивные конструкции.

Проактивные синтоны включают: адекватные маркеры дистанции (инклюзивное «мы», уважительное «вы», иногда – интимное «ты»), благодарность авансом, похвала, принятие ответственности, альтернативы вместо критики. Реактивные синтоны: эмпатичные открытые (open-ended) вопросы, активное слушание, «я-сообщения», валидация эмоций, запрос на поддержку, пауза. Лингвистические синтоны: позитивная лексика, обезличивание (пассивные конструкции), деметафоризация, удаление оценок или позитивная оценка, переход от номинализации к вербализации [1; 3; 11].

4. Аффирмации. Ключевые принципы построения аффирмаций, согласованные с работой ментального лексикона, включают несколько обязательных требований [9; 16; 17]. Во-первых, следует исключать негации: при восприятии конструкции вроде «не волнуюсь» мозг сначала активирует образ

«волнения» и лишь затем затрачивает ресурсы на его подавление [16], поэтому эффективнее прямая позитивная формулировка: «Я спокоен и собран». Во-вторых, рекомендуется настоящее время констатации, устраняющее когнитивный разрыв между текущим и желаемым состоянием; однако допустимы элементы будущей ориентации, активирующие вентромедиальную префронтальную кору и вентральный стриатум — зоны системы вознаграждения [9]. В-третьих, важна сенсомоторная конкретика: абстрактное утверждение «Я успешен» следует дополнить детализированным описанием с телесными ощущениями, например: «Я слышу свой ровный голос и вижу, как коллеги кивают в знак понимания». В-четвёртых, необходимо учитывать уровень самооценки: для людей с низкой самооценкой абстрактные позитивные аффирмации вызывают когнитивный диссонанс [17], поэтому оптимален поэтапный переход — от «я стараюсь сохранять спокойствие» через «я сохраняю спокойствие» к «я спокоен в любой ситуации». При внутреннем сопротивлении эффективна структура «да, но», признающая актуальное состояние и направляющая внимание на позитивный сдвиг.

Кроме того, требуется культурно-языковая адаптация: в русском языке наиболее действенны аффирмации с глаголами движения и пространственными метафорами, в немецком — с модальными глаголами, в английском — с глаголом *to be* в настоящем времени. Когнитивную основу саморегуляции составляют рекурсия (самоисполняющееся пророчество, формирующее циклы обратной связи) и нейропластичность (регулярная практика аффирмаций усиливает связи в префронтальной коре и снижает активность амигдалы при стрессе) [9; 10; 12].

5. Библиотерапия как психолингвистический феномен. Библиотерапия [4; 5; 15] использует текст как носитель лингвопрагмем. Метафоры создают когнитивные мосты к желаемому состоянию, поэтический язык (ритм, аллитерация) конденсирует смысл, нарратив предоставляет матрицу для структурирования опыта, запуская идентификацию, проекцию, катарсис и инсайт. Поэзиотерапия (чтение вслух, обсуждение, написание стихов; рефлексивный дневник, сторителлинг) дает двойное воздействие (вход и выход). Однако ключевым терапевтическим фактором — реализация мотива «меня слышат»: вербализация откликов в диалоге трансформирует внутренний монолог в акт эмпатического признания. Эмпирически подтверждена эффективность при аутизме, СДВГ, депрессии, тревожности, а также в образовании (развитие критического мышления) [15].

6. Заключение. Язык — активный агент трансформации личности через лингвопрагмемы. Конфликтогены и синтоны как лингвопрагмемы запускают деструктивные или гармоничные сценарии. Аффирмации позволяют управлять внутренним состоянием через перестройку ментального лексикона. Библиотерапия соединяет саморегуляцию и межличностную коммуникацию. Интеграция этих знаний развивает метакоммуникативную компетентность — осознанную способность конструировать речевое поведение.

Список литературы

1. *Воронцова Т.А.* Лингвоконфликтология: учебное пособие. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2025. 284 с.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Л.: Госсоцэкгиз, 1934. 325 с.
3. *Егидес А.П.* Психология конфликта: учеб. пособие. М.: Синергия, 2013. 320 с.
4. *Рубакин Н.А.* Почему живут и умирают книги? Библиопсихологические и этнокультурологические сюжеты. М.: Педагогика, 1991. 159 с.
5. *Трунов Д.Г.* Психологическое консультирование кризисных состояний: методическое пособие. Пермь: ПГПУ, 2011. 74 с.
6. *Шейнов В.П.* Психология конфликта и управление им. Минск: Амалфея, 2010. 352 с.
7. *Юсупжанова Ф.К.* Многоаспектная природа английских и русских proverbially фразеологизмов концепта «head/голова/глава» и их лингвостилистические особенности // FarDU Ilmiy xabarlar – Scientific journal of the Fergana State University. 2024. Vol. 30, № 6. P. 391–405. DOI: 10.56292/SJFSU/vol30_iss6/a81
8. *Barrett L.F.* How Emotions Are Made. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. 448 p.
9. *Cascio C.N.* et al. Self-affirmation activates brain systems associated with self-related processing and reward // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2016. Vol. 11, № 4. P. 621–629.
10. *Cohen G.L., Sherman D.K.* The psychology of change: Self-affirmation and social psychological intervention // Annual Review of Psychology. 2014. Vol. 65. P. 333–371.
11. *Collins A.M., Loftus E.F.* A spreading-activation theory of semantic processing // Psychological Review. 1975. Vol. 82, № 6. P. 407–428.
12. *Creswell J.D.* et al. Self-Affirmation Improves Problem-Solving under Stress // PLoS ONE. 2013. 8(5): e62593.
13. *Knuppenburg R.M., Fredericks C.M.* Linguistic Affect: Positive and Negative Emotion Words are Contagious // Inquiries Journal. 2021. Vol. 13, № 3.
14. *Turner M., Fauconnier G.* Metaphor, metonymy, and binding // René Dirven & Ralf Pörrings (eds.), Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. Berlin/New York: Mouton de Gruyter. 2003. P. 469–488. ISBN: 978-3-11-017374-1.
15. *Martinec R.* et al. Various aspects of using bibliotherapy in the field of education and rehabilitation // Hrvatska revija za rehabilitacijska istraživanja. 2022. Vol. 58, № 1. P. 87–103.
16. *Tettamanti M.* et al. Negation in the brain: Modulating action representations // NeuroImage. 2008. Vol. 43, № 2. P. 358–367.
17. *Wood J.V.* et al. Positive Self-Statements: Power for Some, Peril for Others // Psychological Science. 2009. Vol. 20, № 7. P. 860–866.

PSYCHOLINGUISTICS OF INTERPERSONAL COMMUNICATION AND SELF-REGULATION: CONFLICTOGENS, SYNTONES, AFFIRMATIONS AND BIBLIOTHERAPY

E.V. Shelestyuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

This paper explores psycholinguistic pathways to communication and self-regulation via mental lexicon transformation, introducing linguopragmemes as stable language patterns with predictable effects. Prior experimental data highlight emotional contagion and grammar's impact on affect, shaping classifications of conflictogens and syntones. Neurocognitive principles of affirmations and bibliotherapy are also outlined.

Key words: conflictogens, syntones, affirmations, linguopragmemes, mental lexicon.

УДК [811.161.1+811.161.3]:42:070:641

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОР С ГЛАГОЛОМ «ДЫШАТЬ» В ПУБЛИКАЦИЯХ СМИ

О.А. Шуманская

Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск

В статье представлены результаты рассмотрения текстообразующей функции метафор с глаголом «дышать» в журналистских текстах на белорусском языке. Выявлены и описаны особенности использования метафор в качестве инструмента построения текста: в качестве концептуального каркаса, как инструмент обеспечения связанности текста и для организации отдельных частей текста.

Ключевые слова: медиадискурс, метафора, витальные потребности.

Медиатексты как одни из «самых распространенных форм бытования языка»[1, с. 5] представляют собой обширный и значимый материал, позволяющий детально изучить функционирование метафор. В силу своих характеристик (сжатости объема текста, высокой информативности и персуазивности), тексты масс медиа представляют собой ту область, в которой метафоры продуктивно используются как инструменты конструирования смыслов. Метафорические образы способствуют формированию картины мира аудитории, влияют на ее ценностные установки через знакомые и часто основанные на физиологическом опыте образные сравнения.

Как отмечают исследователи, метафоры обладают моделирующей силой: «метафора может быть продуктивна не только как конкретный предикат, но и

как целая семантическая модель, из которой можно черпать все новые и новые свойства объекта, приближая нас тем самым к его более полному познанию» [2, с. 186]. Метафорические модели служат способом построения журналистского текста, формируя его концептуальную основу и обеспечивая связанность.

Глагол «дышать» как лексема, номинирующая витальный процесс, часто используется для обозначения абстрактных понятий и явлений в различных видах дискурса, включая публицистический. В журналистских текстах регистрируются различные метафорические образы с рассматриваемым глаголом. Количество актуализируемых данными метафорами смыслов сводится к значениям лексемы-источника: интенсивности, насыщенности процессов, слаженности действий, эмоциональности и душевных переживаний. Через использование метафорических образов с глаголом «дышать» подчеркивается высокая ценность описываемых событий и явлений, поскольку сам процесс дыхания жизненно важен.

В рассмотренных контекстах, метафоры с глаголом «дышать» используются в качестве концептуального каркаса для организации всей публикации. Например, текст статьи «Родная мова – дыханне вечнасці» (Родной язык – дыхание вечности) (zviazda.by) организуется на основе образа национального языка как жизненного ресурса для всей нации. Данный образ впервые появляется в заголовке, затем он подробно объясняется в первом абзаце: «Мова – як паветра: ім дышаеш кожны дзень і не задумваешся, наколькі яно важнае» (Язык – как воздух, которым ты дышишь каждый день и не задумываешься, насколько он важен). В основной части статьи метафора обрастает дополнительными деталями: «І нездарма ж у моманты асаблівага напружання, у экстрэмальных сітуацыях многія пачынаюць думаць менавіта на роднай мове» (И не даром в моменты особенного напряжения, в экстремальных ситуациях многие начинают думать именно на родном языке).

Метафора также используется как инструмент, обеспечивающий связность текста. В этом случае она не является основным символом, при помощи которого в текст вводится ключевая тема. Метафора повторяется на протяжении нескольких абзацев и связывает текст, она поддерживает и усиливает основную мысль публикации. Статья «Цягнік, які не сыдзе з рэек» (Поезд, который не сойдет с рельс) (Карасіна, с. 13) посвящена бабушке автора. Метафорическая модель, основанная на процессе дыхания, иллюстрирует заботу и переживания пожилой женщины о своей внучке: «А ў мяне ўсё дрэнна. Поўны разрыў з «першым – былым». Я ўжо не дыхаю некалькі месяцаў. За мяне дыхае бабуля...» (У меня все плохо. Полный разрыв с «первым – бывшим». Я не дышу уже несколько месяцев. За меня дышит бабуля...). На протяжении всей статьи автор размышляет об общечеловеческих ценностях и смене поколений: «І ўжо няма каму дапамагаць табе дыхаць. Цяпер твая чарга дыхаць за тых, каго ты прыручыла...» (И больше некому помогать тебе дышать. Сейчас твоя очередь дышать за тех, кого ты приручила...). Дыхание в публикации становится синонимом любви.

Метафоры с глаголом «дышать» также используются для организации отдельных частей статьи: они служат центральным образом, вокруг которого

разворачивается главная идея. В начале одного из абзацев статьи «Луцкі: Нацыянальная ідэя не ствараецца ў цішы чыноўніцкіх кабінетаў» (Луцкий: национальная идея не создается в тишине кабинетов чиновников) (zviazda.by) автор приводит метафору, смысл которой заключается в том, что некоторые идеи естественны как дыхание. Далее эта идея дополняется новыми деталями: «...Нацыянальная ідэя не ствараецца ў цішы чыноўніцкіх кабінетаў або навуковых лабараторыях. Гэта эфір, паветра, якім грамадства дышае, але не заўсёды нават усведамляе. Не ўпэўнены, што сучаснікі Янкі Купалы адразу зразумелі, што заклік «Людзьмі звацца» з верша «А хто там ідзе?» гэта іх нацыянальная ідэя...» (...Национальная идея не создается в кабинетах чиновников или в научных лабораториях. Это эфир, воздух, которым дышит общество, но не всегда даже осознает. Не уверен, что современники Янки Купалы сразу поняли, что призыв «Людьми зваться» из стихотворения «А кто там идет?») это их национальная идея...).

Таким образом, метафорические модели, в основе которых находятся ассоциации с процессом дыхания, используются для сообщения информации о различных явлениях и процессах действительности: от экономики до сферы искусства и межличностных отношений. Подобные метафоры в высокой степени эмоционально окрашены, что объясняется жизненной важностью самого процесса дыхания.

Список литературы

1. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: теория, методы, направления [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1600671409_8213.pdf (дата обращения: 04.05.2026).

2. *Филатов К.С.* Аналитические медиажанры: текстообразующие возможности метафоры // Электронная библиотека открытого доступа Cyberleninka [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-metafor-y-v-smyslovom-razvertyvanii-publitsisticheskogo-teksta> (дата обращения: 04.05.2026).

Источники

Родная мова – дыханне вечнасці // Звязда. 2019, 22 марта. Режим доступа. URL: zviazda.by (дата обращения: 24.05.2024).

Карасіна Л. Цягнік, які не сыдзе з рэк / Л. Карасіна // Звязда. 2016. 23.01. № 13. С. 13.

Луцкі: нацыянальная ідэя не ствараецца ў цішы чыноўніцкіх кабінетаў // Звязда. 2023, 17 июня. Режим доступа. URL: zviazda.by (дата обращения: 29.07.2025).

TEXT-FORMING FUNCTIONS OF METAPHORS WITH THE VERB "BREATHE" IN MEDIA PUBLICATIONS

O.A. Choumanskaya

Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk

The article presents the results of the examination of the text-forming function of metaphors with the verb "to breathe" in journalistic texts in Belarusian. The features of using metaphors as a tool for constructing text are identified and described: as a conceptual framework, as a tool for ensuring the coherence of the text and for organizing individual parts of the text.

Key words: media discourse, metaphor, vital needs.

УДК 81'42

К ОТЛИЧИТЕЛЬНЫМ ЧЕРТАМ ПОНЯТИЯ "КОРПОРАТИВНЫЙ ДИСКУРС"

И.В. Янке

*Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
Краснодар*

Статья посвящена выявлению и систематизации отличительных черт корпоративного дискурса как особого типа институциональной коммуникации – в ней проводится разграничение этого феномена с близкими видами дискурса. В работе анализируются научные подходы отечественных и зарубежных лингвистов к трактовке корпоративного дискурса, а также раскрываются его ключевые параметры – участники, цели, жанры и коммуникативные стратегии. Исследование демонстрирует, что корпоративный дискурс – это не просто совокупность текстов, а сложная система, с помощью которой организация конструирует свою идентичность и выстраивает взаимодействие с внутренними и внешними аудиториями.

Ключевые слова: корпоративный дискурс, лингвистика, текст, институциональная коммуникация, ключевые параметры.

В рамках настоящего исследования рассматривается корпоративный дискурс как ключевой механизм конструирования идентичности организации, обеспечивающий целенаправленное управление коммуникацией с разнородными аудиториями – как внутренними, так и внешними.

На наш взгляд, актуальность обращения к данному лингвистическому феномену детерминирована интенсивными изменениями в сфере бизнес-коммуникации, которые обусловлены нарастающими тенденциями цифровизации и глобализации современного экономического пространства.

По нашим наблюдениям, указанные макропроцессы стимулируют формирование новых языковых практик в корпоративной среде, что обуславливает необходимость их последовательной теоретической интерпретации и систематизации.

В ходе исследования было установлено, что анализ специфики корпоративного дискурса позволяет не только фиксировать текущие лингвистические тенденции, но и разрабатывать практические рекомендации, направленные на оптимизацию коммуникативных процессов в организации.

Основной целью предпринятого мной исследования выступает выявление и упорядочивание отличительных характеристик корпоративного дискурса как самостоятельного типа институциональной коммуникации. При этом нами специально акцентируется задача разграничения корпоративного дискурса со смежными типами дискурсивных практик – в частности, с деловым и организационным дискурсом, – что позволяет точнее очертить его концептуальные границы.

В качестве методологической опоры были привлечены теоретические наработки отечественных лингвистов, чьи труды содержат продуктивные подходы к осмыслению ценностных и коммуникативных параметров корпоративного дискурса. Так, в исследованиях И.П. Ромашовой и М.М. Абдулкадырова были выделены релевантные критерии для описания ключевых характеристик данного типа дискурса, которые оказались применимы в рамках проводимого анализа.

Существенный вклад в понимание социопрагматических аспектов корпоративного дискурса, на мой взгляд, внесла А.А. Колобова, чья работа с англоязычными корпоративными кодексами позволила выявить специфику речевых стратегий в международной бизнес-среде. Кроме того, лингвокультурологический ракурс, предложенный О.В. Шефер и А.А. Селютиным, оказался полезен для интерпретации механизмов трансляции корпоративных ценностей и формирования имиджа организации посредством дискурсивных средств.

В процессе сравнительного рассмотрения теоретических позиций нами учитывались также подходы зарубежных исследователей, в частности Н. Фэрклоу, который концептуализировал феномен «технологизации дискурса» в корпорациях как инструмент управления языковыми практиками персонала. Не менее значимым для нашего анализа представляется подход Р. Водак, фокусирующей внимание на институциональных измерениях дискурса и на взаимосвязи языка, власти и идеологии в организационных контекстах.

Проведённый сопоставительный анализ показал, что, несмотря на различия в исследовательских акцентах, отечественные и зарубежные учёные единообразно трактуют корпоративный дискурс как комплексную систему, а не как совокупность изолированных текстов. На основании полученных данных нами было подтверждено, что системность корпоративного дискурса обеспечивается взаимосвязью его ключевых параметров – участников, целей, жанров и стратегий, – которые в совокупности позволяют регулировать внутренние процессы и выстраивать отношения с внешней средой.

Таким образом, результаты нашего исследования свидетельствуют о многоаспектной природе корпоративного дискурса, в котором языковые средства выполняют не только информативную функцию, но и служат инструментом конструирования социальных смыслов и корпоративной идентичности.

Список литературы

1. *Абдулкадыров М.М.* Корпоративные ценности и коммуникативные стратегии: лингвопрагматический анализ. М.: Изд-во РГГУ, 2021. 184 с.
2. *Колобова А.А.* Социопрагматические характеристики корпоративного дискурса: на материале англоязычных корпоративных кодексов // Вестник Московского лингвистического университета. Серия: Языкознание. 2019. Вып. 3 (835). С. 112–127.
3. *Ромашова И.П.* Институциональный дискурс: корпоративная среда и языковая личность. Омск: Изд-во ОмГУ, 2018. 220 с.
4. *Шефер О.В., Селютин А.А.* Лингвокультурологический анализ корпоративных текстов: трансляция ценностей и формирование имиджа организации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 45–58.
5. *Fairclough N.* Language and Power. 2nd ed. Harlow: Pearson Education, 2010. 264 p.
6. *Wodak R.* The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. 3rd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 288 p.

UDC 81

ON THE LINGUOCULTUROLOGICAL CHARACTERISTICS OF PAREMIOLOGY UNITS IN THE MODERN AZERBAIJANI LANGUAGE

L.I. Hajiyeva

Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

The article examines the linguoculturological characteristics of paremiological units (proverbs, sayings, idioms and other fixed word combinations) in the modern Azerbaijani language. The reflection of the national-cultural way of thinking of these units, their connection with the people's worldview, traditions, and socio-cultural values is considered. The article notes that paremiological units are not only limited to showing the aesthetic and functional capabilities of the language, but also act as important elements that carry the historical memory and cultural identity of the people.

Keywords: paremiological units, linguocultural approach, Azerbaijani language, national-cultural values, language and culture.

Paremiological units are linguistic units that reflect the people's worldview, life experience and value system formed over millennia. They are not only stable and universally accepted units of the language, but also the embodiment of the cultural

memory of the people. The connection of paremiological units with the culture and traditions of the people is deep and multifaceted. These units - that is, proverbs, sayings, aphorisms and riddles - are closely related to the language memory, worldview and cultural identity of the people.

The people express their attitude towards nature, their understanding of fate, and their views on time in the form of paremias: "*Səbr edən muradına çatar.*" (Those who are patient will achieve their goals) – belief in fate and patient waiting; "*Nə əkərsən, onu biçərsən.*" (What you sow, you reap) – a life philosophy based on cause-and-effect relationships.; "*Yel qayadan nə aparar?*" (What does the wind take from a rock?) – the idea of resistance to difficulties. These also act as cognitive models of culture.

Azerbaijani paremias also codify the function of women and men in the family and society from a cultural point of view: "*Arvad yaxşı olsa, evin ucu-bucağı olmaz.*" (lit: If the wife is good, the house has no corners); "*Kişi evin dirəyidir.*" (The man is the pillar of the house). Through these expressions, social roles, expectations, and value systems are transmitted to generations.

From a linguo-cultural perspective, paremias encode symbols and values within a cultural semiotic system [6]. Their semantics are not only lexical, but also rich in cultural associations.

Azerbaijani paremias mainly reflect the following cultural values: family and society: "*yaxşı qonşu, pis qohumdan yaxşıdır.*" (a good neighbor is better than a bad relative); labor and hard work: "*əmək olmazsa, yemək olmaz.*" (without labor, there is no food); justice and honesty: "*əyri otur, düz danış.*" (sit crooked, speak the truth).

Two main problems arise in translating paremias into other languages:

1. **Semantic compatibility** – the correct transmission of the meaning of the expression.

2. **Cultural context** – the problem of compatibility of the values behind the expression with other cultures. For example, the Azerbaijani expression "**İt hürər, karvan keçər**" does not have an exact equivalent in English. The closest equivalent – "*The dogs bark, but the caravan moves on*" – can be understood precisely through cultural interpretation. Through paremias, the ways of thinking of different peoples can be compared: Azerb.: "*Dəmir qızgın ikən döyülər*"; Eng.: "*Strike while the iron is hot*".

The figurativeness of the proverb originates from here, it is realized with the semantics of irony and sarcasm, and lives with that meaning. One of the paremiological units given in the "Russian-Azerbaijani and Azerbaijani-Russian Linguoculturological Dictionary" published in Baku in 2025 is: *Allah dəvəyə qanad versəydi, uçurmamış dam-daş qoymazdı.* (If God gave a camel wings, it would destroy all the roofs and stones). "Nature has not justly given great opportunities to foolish people so that they cannot harm others; stupid people usually use their opportunities for harm, for self-affirmation. The fair determination of people's actions in the field of good and evil comes from God, and it is also fair that everyone finds opportunities according to their abilities" [3, p. 24]. The camel here is a big, strong, but earthbound and slow-moving animal. If such an animal were given the ability to fly, it would already be destructive and uncontrollable - "*dam-daş qoymazdı*". This expression means that it is right not to give more authority and power to arrogant people who will harm when given the

opportunity, that it is more appropriate for everyone to be in their place and within their limits, and that not giving some opportunities is actually a mercy and protection.

There are other paremiological units with similar meanings: *Qurdun ağzına quzu verilməz* (A lamb cannot be fed to a wolf); *Köhlən ata minən gərək özünü bilə* (A horseman who rides a well-kept horse must know himself). Let's look at another example: *Dağ dağa qovuşmaz, adam adama qovuşar* (A mountain never meets a mountain, but a man meets a man): “*Dağ dağa qovuşmaz*” – In nature, two fixed, motionless objects (mountains) cannot approach each other; they remain in place, they do not merge. “*Adam adama qovuşar*” – A person is a dynamic and communicative being; one day, whether they like it or not, their paths will cross and meet.

This expression emphasizes that people's paths will cross again one day, it is possible to meet, and sometimes the naturalness of unexpected encounters. In general, there are two main ideas in this paremiological unit: *Coincidences and encounters are inevitable in life*: Even if people fall apart, life is so strange and changeable that even after years, they can meet and encounter again. *Hope, peace, and the rapprochement brought by time*: Sometimes resentment, separation, or parting of ways is temporary. Over time, people can meet each other, relationships can be restored.

This proverb is usually used: among acquaintances, friends, and relatives who have not seen each other for a long time; when expressing hope that people who have separated will meet again one day; and in situations related to fate and destiny.

Qozbeli qəbir düzəldər– Nadanı kötək düzəldər, qozbeli qəbir//Donqar belı qəbir düzəldər. (lit: Only the grave can straighten a hunchback. In English: Can the leopard change his spots?). “An expression used to indicate that someone will not change their character, behavior, and worldview; it indicates that it is impossible to correct or reform a defect or a imperfection that is firmly rooted in someone's character” [3, p. 70].

Some paremiological units reflect mutual relations in society. *Borclu borclunun sağlığını istər* (A debtor always wishes the other debtor good health) – is an Azerbaijani proverb and is used both figuratively and in a social context.

This expression indicates that a debtor is sympathetic and understanding towards another debtor in his or her situation, because he or she understands their situation. Although the literal meaning of the word is “the debtor wants the other debtor to live and stay safe” it actually means that people feel sympathy for each other in the same difficult situation. “*Borclu*” – here it is meant not only a person who has financial debts, but also someone who is in a difficult situation in general. “*Sağlığını istəmək*” – figuratively means “understanding him, not wishing him harm”. These proverbs emphasize interpersonal empathy, the unifying role of common problems, social solidarity, and the variability of positions.

This proverb “*Borclu borclunun sağlığını istər*” emphasizes that people must either be in that situation or have been through it in order to understand other people's problems. It is an example of how values such as empathy, solidarity and unity of experience are expressed in folk wisdom.

The linguistic and cultural analysis of proverbs is important both from the point of view of the deep understanding of the cultural identity of the people and the proper establishment of intercultural communication.

References

1. *Aliyeva F.* Semantics of Azerbaijani proverbs and sayings. Baku: Science and Education. 2013.
2. *Fillmore C. J.* Frame Semantics. In *Linguistics in the Morning Calm* (pp. 111–137). Seoul: Hanshin Publishing Co. 1982.
3. *Hamidov I.* Russian-Azerbaijani and Azerbaijani-Russian linguoculturological dictionary. Baku: Elm. 2025.
4. *Karasik V. I.* Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. 2004.
5. *Lakoff G., & Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press. 1980.
6. *Wierzbicka A.* Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. New York: Oxford University Press. 1997.

О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Л.И. Гаджиева

Бакинский Славянский Университет, Баку, Азербайджан

В статье рассматриваются лингвокультурные характеристики паремиологических единиц (пословиц, поговорок, идиом и других устойчивых словосочетаний) в современном азербайджанском языке. Анализируется отражение этих единиц в национально-культурном мышлении, их связь с мировоззрением, традициями и социокультурными ценностями народа. Отмечается, что паремиологические единицы не ограничиваются лишь демонстрацией эстетических и функциональных возможностей языка, но также выступают важными элементами, несущими историческую память и культурную идентичность народа.

Ключевые слова: паремиологические единицы, лингвокультурный подход, азербайджанский язык, национально-культурные ценности, язык и культура.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агрба Лана Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков Абхазского государственного университета; e-mail: lagrba@mail.ru

Алиева Наталия Олеговна – ассистент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: tusia_3@mail.ru

Алтухова Анастасия Андреевна – стажёр-исследователь научно-исследовательской части, студентка 3-го курса филологического факультета Донецкого государственного университета; e-mail: anastasia.a.altukhova@mail.ru

Андреас Екатерина Алексеевна – преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: andreas.ekaterina@mail.ru

Багиров Хазрет Заурбечевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русский филологии Адыгейского государственного университета; e-mail: hbagirokov@mail.ru

Безменова Елизавета Сергеевна – преподаватель кафедры истории и грамматики английского языка, Белорусский государственный университет иностранных языков; e-mail: bzmova@gmail.com

Бекоева Ирина Давидовна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Юго-Осетинского университета им. А.А. Тибилова; e-mail: irina.beskoeva@yandex.ru

Бирюкова Полина Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: biriukova.polina@mail.ru

Бобрышева Дарья Евгеньевна – ассистент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: odarka14@yandex.ru

Богданова Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингводидактики Педагогического института Иркутского государственного университета; e-mail: rusjar@mail.ru

Бондаренко Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Академии Государственной противопожарной службы МЧС России; e-mail: naturphilosophy@yandex.ru

Валиева Мадина Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры осетинского языка и общего языкознания Юго-Осетинского университета им. А.А. Тибилова; e-mail: madina_vality@mail.ru

Володина Дарья Евгеньевна – преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: dariavolodina99@yandex.ru

Воробьев Александр Глебович – аспирант 1-го года обучения Южного федерального университета; e-mail: sashavorrobiev@gmail.com

Ворсюк Кирилл Владимирович — магистрант Высшей школы лингвистики Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта; e-mail: kirill.vorsuck@gmail.com

Вульфович Борис Григорьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: justb8888@gmail.com

Гаджиева Лейла Илхамовна – кандидат филологических наук, доцент, лаборант кафедры азербайджанского языка Бакинского славянского университета; e-mail: hajiyevaaleylaa@gmail.com

Гуреева Анна Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики Волгоградского государственного университета; e-mail: gureeva@volsu.ru

Дедюхин Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: dedukhinand@mail.ru

Дедюхина Анна Геннадьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: anna_dedukhina@mail.ru

Джумаева Садагат Мустафаевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Академии наук Азербайджана, Институт языкознания имени Насими; e-mail: sadagatjumayeva5@gmail.com

Дроздова Дарья Васильевна – преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета английского языка Белорусского государственного университета иностранных языков; e-mail: drozdova.darya.v@gmail.com

Духнова Мария Александровна – старший преподаватель кафедры теоретического, прикладного и восточного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета; e-mail: mariya.dukhnova@yandex.ru

Елфимова Виктория Алексеевна – студентка ЯГПУ им. К.Д. Ушинского; e-mail: elfimovaviktoria61291@gmail.com

Емельянова Ксения Юрьевна – младший научный сотрудник, филологический факультет Донецкого государственного университета; e-mail: kemelanova966@gmail.com

Ермолов Филипп Станиславович – аспирант 1-го года обучения кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета; e-mail: philiperm326159487@gmail.com

Ерофеева Елена Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретического, прикладного и восточного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета; e-mail: elena.v.erofeeva@yandex.ru

Захарова Дина Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы лингвистики Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта; e-mail: dvzakharova1@kantiana.ru

Земскова Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: nzemkrasnodar@rambler.ru

Ибриш Сусанна Османовна – магистрант 1-го курса факультета РГФ направления 45.04.01 Филология Кубанского государственного университета; e-mail: ibrish023@bk.ru

Иванова Анастасия Дмитриевна – ассистент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: ivanovaad1999@gmail.com

Ильченко Екатерина Александровна – магистрантка 1-го курса ФИЯ Томского государственного университета; e-mail: kateilcheko31@gmail.com

Исмаилова Ольга Исмаиловна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Саратовского высшего артиллерийского командного училища; e-mail: olgais2303@gmail.com

Карпенко Елена Алексеевна – преподаватель кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: Tiprego@yandex.ru

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: veronika.katermina@yandex.ru

Кобенко Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор, отделение иностранных языков Томского политехнического университета; email: serpentis@list.ru

Козлова Наталья Васильевна – старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: natalia_kozlova11@mail.ru

Козловский Дмитрий Валентинович – доктор филологических наук, профессор кафедры «Производственный менеджмент» Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.; e-mail: kozlovskydv@yandex.ru

Кокоева Лали Нодаровна – старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, заместитель декана филологического факультета Юго-Осетинского государственного университета; e-mail: kokoyeva.lali@mail.ru

Коновалова Мария Александровна – старший преподаватель; Петрозаводский государственный университет; e-mail: konovmasha@yandex.ru

Кошелева Екатерина Даниловна – магистрантка 2-го курса факультета РГФ Кубанского государственного университета; e-mail: kkosheleva2317@mail.ru

Липириди София Христофоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: sofa.lipiridi@gmail.com

Лю Гэнцзюнь – аспирант 2-го курса кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; e-mail: 1322238203@qq.com

Ляховка Виктория Сергеевна – лаборант кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета; e-mail: vika.lyahovka@mail.ru

Магнес Наталья Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: n.magnes@spbu.ru

Маркова Екатерина Алексеевна – аспирантка 2-го курса кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения Кубанского государственного университета; e-mail: katmar00@mail.ru

Мейсунова София Усбановна – студентка 4-го курса направления 45.03.02 Лингвистика ФГБОУ ВО Тверского государственного университета, e-mail: meysurova.S2004@mail.Ru

Мельникова Арина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, преподаватель кафедры сопоставительного изучения языков Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: airinme@mail.ru

Мельникова Виктория Сергеевна – аспирант кафедры русского языка и литературы, младший научный сотрудник научно-инновационного управления Кемеровского государственного университета; e-mail: melnikovavika2017@yandex.ru

Меркурьева Екатерина Александровна – магистрант Белорусского государственного университета иностранных языков; e-mail: mkaciaryna@gmail.com

Метелев Михаил Васильевич – старший преподаватель Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта; e-mail: MVMetelev1@kantiana.ru

Михайлова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры языкознания и лингводидактики УО «Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка»; e-mail: ev4mikhailova@mail.ru

Муса Саида Руслановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: SaidaP@mail.ru

Мягкова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета; e-mail: Myagkova.EY@tversu.ru

Напреенко Галина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики, старший научный сотрудник научно-инновационного управления Кемеровского государственного университета; e-mail: galina_napreenko@mail.ru

Никифорова Эльмира Шавкатовна – кандидат филологических наук, ассистент профессора Костанайского регионального университета имени Ахмета Байтурсынулы (Республика Казахстан); e-mail: n.e.sh_1975@mail.ru

Никулин Евгений Евгеньевич – магистрант 1-го курса Педагогического института Иркутского государственного университета; e-mail: Eugnik303@gmail.com

Нурутдинова Аида Рустамовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики Казанского (Приволжского) федерального университета; e-mail: AiRNurutdinova@kpfu.ru

Овсейчик Юлия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Белорусского государственного университета иностранных языков; e-mail: ovsei77@rambler.ru

Оломская Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: olomnat@mail.ru

Ошейко Сергей – магистрант 1-го курса Новосибирского национального исследовательского государственного университета; e-mail: bealch@yandex.ru

Папирная Екатерина Дмитриевна – преподаватель кафедры иностранных языков для инженерных направлений Сибирского Федерального университета; e-mail: papirnaya02@mail.ru

Песина Светлана Андреевна – доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, e-mail: spsesina@bk.ru

Пильщикова Оксана Александровна – независимый исследователь, Ростов-на-Дону; e-mail: goa-85@bk.ru

Погодаева Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: sarogodaeva@mail.ru

Покалюк Анастасия Валерьевна – магистрант 1-го курса РГФ Кубанского государственного университета; e-mail: anastasiapokalyuk007@mail.ru

Поплавская Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры речеведения и теории коммуникации Белорусского государственного университета иностранных языков; e-mail: taniapoplavskaia@gmail.com

Пробачай Павел Андреевич – аспирант 3-го года кафедры теории и практики перевода и лингвистики Волгоградского государственного университета; e-mail: f_l_a-241_611118@volsu.ru

Прима Анастасия Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: abarminsk@mail.ru

Ребецкая Наталия Александровна – научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук; email: n.reb@mail.ru

Самойлова Антонина Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: antina@inbox.ru

Саркисян Мариам Ашотовна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: ts.m-smile@mail.ru

Сахно Анна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, email: annasakhno2013@gmail.com

Сельджан Акден Векиловна – докторант, преподаватель турецкого языка кафедры тюркологии Бакинского славянского университета; e-mail: akdenselcann@gmail.com

Соловьева Наталья Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и перевода Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»; e-mail: nisanasol@yandex.ru

Спачиль Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: spachil.olga0@gmail.com

Таирова Ирина Андреевна – бакалавр 2-го курса ОП «Филология» НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург; e-mail: iatairova@edu.hse.ru

Теркулов Вячеслав Исаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета; e-mail: terkulov@rambler.ru

Тлеугабылова Назгуль Ермековна – магистр гуманитарных наук, аспирант Омской гуманитарной академии; e-mail: nazgul_tleugabilova@mail.ru

Трофимова Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии Елабужского института Казанского федерального университета; e-mail: 1981@mail.ru

Ульбашева Зульфия Мустафировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова; e-mail: z.gaboeva@yandex.ru

Усманова Лилия Абраровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета; e-mail: usmanova77@rambler.ru

Фивейская Ольга Дмитриевна – старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: olga.olfive@yandex.ru

Фирсанова Виктория Игоревна – преподаватель НИУ ВШЭ, аспирант Университета ИТМО; e-mail: vfirsanova@hse.ru

Фонова Евгения Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы лингвистики Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта; e-mail: efonova@kantiana.ru

Халмухаммедова Махри Ходжадурдыевна – преподаватель истории Педагогической школы им. Хыдыра Деряева, соискатель учёной степени кандидата исторических наук по специальности «Этнография, этнология и антропология» Института истории и археологии Академии наук Туркменистана; e-mail: halmuhammedowa86@mail.ru

Хамлова Евгения Дмитриевна – студентка ЯГПУ им. К.Д. Ушинского; e-mail: evgenya.hamlova@yandex.ru

Хутыз Ирина Павловна – доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий Кубанского государственного университета; e-mail: ir_khoutyz@hotmail.com.

Цатурян Марина Мартиросовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: tsaturyan.mm@mail.ru

Чалова Оксана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка учреждения образования «Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины»; докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики учреждения образования «Белорусский государственный университет иностранных языков»; e-mail: oksana-chalova@mail.ru

Чанышева Зульфира Закиевна – доктор филологических наук, профессор-консультант кафедры зарубежной лингвистики Уфимского университета науки и технологий; email chanyshevazz@yandex.ru

Червякова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: lenkin_666@mail.ru

Чжан Сяоминь – ассистент, Хэнаньский университет животноводства и экономики, КНР, e-mail: xiaominzhang1258@gmail.com

Чимитова Аяна Базыровна – преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики Педагогического института Иркутского государственного университета; e-mail: alexandra.chimitova@yandex.ru

Шатин Юрий Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории литературы Новосибирского национального исследовательского государственного университета; e-mail: shatin8@rambler.ru

Шелестюк Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета; e-mail: shelestiuk@yandex.ru

Шершнева Наталья Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета, заведующий кафедрой теории и практики перевода; e-mail: nataliashershneva@rambler.ru

Шитц Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы лингвистики Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, e-mail: oschitz@kantiana.ru

Шкапова Александра Васильевна – старший преподаватель кафедры теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского; e-mail: a_sandra.s@mail.ru

Шуманская Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры речеведения и теории коммуникации Белорусского государственного университета иностранных языков; e-mail: olga.shumanskaya@gmail.com

Элмасын Анна Вартановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: a_elmasyan@mail.ru

Юрова Елизавета Андреевна – ассистент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail:

elizabeth1999fedorova@mail.ru

Янке Илона Владимировна – преподаватель кафедры иностранных языков
КубГАУ им. И.Т. Трубилина; e-mail: ramilona@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Агрба Л.А.</i> Об одном эпитете Сатаней-Гуаши (золотостопая).....	4
<i>Акден С.В.</i> Фразеологические сочетания с названиями одежды в азербайджанском языке.....	7
<i>Алиева Н.О.</i> Коммуникативная стратегия объяснения в условиях когнитивного диссонанса.....	11
<i>Алтухова А.А.</i> Способы подтверждения эквивалентности инициальных аббревиатур.....	14
<i>Андреас Е.А.</i> Современные англоязычные неологизмы в академическом дискурсе: лингвокогнитивный аспект.....	20
<i>Багировов Х.З.</i> Адыгейско-русские языковые контакты в цифровом пространстве.....	21
<i>Безменова Е.С.</i> К вопросу о моделировании менасивного речевого акта.....	24
<i>Бекоева И.Д.</i> Микроантропонимы в структуре этнического мировоззрения.....	27
<i>Брюкова П.С.</i> «Дело было в Пенькове»: труднопереводимая лексика повести С.П. Антонова.....	30
<i>Богданова С.Ю., Никулин Е.Е.</i> Применение искусственного интеллекта при подготовке к ЕГЭ по английскому языку.....	32
<i>Бондаренко Е.Н.</i> Переосмысление понятия «противопожарная безопасность» в стихотворении Г.Б. Остера «Спички – лучшая игрушка...».....	35
<i>Валиева М.Д.</i> Осетинский язык в публичном пространстве Цхинвала: символическая и функциональная репрезентация.....	38
<i>Володина Д.Е.</i> Английские неологизмы медиаурбанистического дискурса как компоненты визуальной семиотики города.....	41
<i>Воробьев А.Г.</i> Особенности формирования вторичной языковой личности: психолингвистический аспект.....	45
<i>Вульфович Б.Г.</i> Конфликтогенные заголовки в онлайн-сми: языковые средства и целевые установки провоцирования негативной полемики.....	48
<i>Гуреева А.А.</i> Принципы выявления ошибок цифрового перевода как задачи технического переводчика.....	51
<i>Дедюхин А.А., Дедюхина А.Г.</i> Англоязычные заимствованные термины в интернет-дискурсе современного русского языка.....	54
<i>Джумаева С.М.</i> Этапы формирования и развития грамматических категорий в германских языках: функционально-типологический подход.....	57
<i>Дроздова Д.В.</i> Корпусный и статистический анализ постов telegram-канала университета (на примере реализации направлений молодежной политики).....	61

<i>Духнова М.А., Ерофеева Е.В.</i> Архитектурная вертикаль в сборнике О. Мандельштама «Камень» и ее трансформация в переводе на китайский язык.....	63
<i>Елфимова В.А., Хамлова Е.Д., Шкапова А.В.</i> Речевые акты просьбы и извинения в межкультурном аспекте: немецкий и итальянский коммуникативные стили в кинодискурсе (на материале фильма «Дьявол носит Prada»).....	66
<i>Емельянова К.Ю.</i> Квазиабревиатуры в «Большом толковом словаре аббревиатур русского языка».....	71
<i>Захарова Д.В., Ворсук К.В.</i> Цифровой контур разработки стандарта локализации видеоигр: архитектура базы данных и первые результаты прототипирования.....	78
<i>Иванова А.Д.</i> Лексические маркеры судебного доминирования в перекрестном допросе (на материале сериала “How to get away with murder”).....	80
<i>Ильченко Е.А., Кобенко Ю.В.</i> Средства создания сатиры в контексте перелицованного стихотворения жертве Дениса Линна Райдера (на материале американского варианта английского языка).....	83
<i>Исмаилова О.И.</i> Стратегия дискредитации и стратегия манипулирования духовностью в медиаполитическом дискурсе: фактический и сгенерированный контент.....	86
<i>Карпенко Е.А.</i> Соматическая семантика и язык тела как когнитивная основа идентичности.....	89
<i>Катермина В.В., Кошелева Е.Д.</i> Стратегии выражения вежливости в речи искусственного интеллекта и в реальной коммуникации.....	93
<i>Козлова Н.В.</i> Образ женщины в современном англоязычном песенном дискурсе (на примере песен Paris Paloma).....	95
<i>Козловский Д.В.</i> Знание и его основания в эпоху искусственного интеллекта: от реального к моделируемому.....	98
<i>Кокоева Л.Н.</i> Теоретические аспекты национального культурного стиля.....	101
<i>Коновалова М.А.</i> Традиция и цифровая эпоха: образ хакера-сыщика в современном шведском детективе (на примере романов Д. Лагеркранца и О. Шварц).....	103
<i>Липириди С.Х.</i> Английские неологизмы 2025–2026 гг.: семантические и прагматические аспекты.....	108
<i>Лю Гэнцзюнь</i> Обонятельный код в русской и китайской языковых картинах мира: когнитивно-сопоставительный анализ.....	113
<i>Магнес Н.О.</i> Фитоконцепт eucalypt в картине мира австралийского варианта английского языка.....	116
<i>Мейсурова С.У., Мягкова Е.Ю.</i> Особенности понимания иноязычного учебного текста студентами разных направлений подготовки.....	119

<i>Мельникова А.Ю.</i> Сентимент-анализ художественного текста при обучении иностранных учащихся.....	123
<i>Метелев М.В.</i> Мозаика смыслов: когнитивные основы распознавания значения в переводе.....	128
<i>Михайлова Е.В.</i> Вторичная номинация в поэтическом тексте: метафоры в рамках концепта «музыка» в русской и белорусской поэзии XIX–XX вв.....	132
<i>Муса С.Р.</i> Интертекстуальный потенциал паремиологических единиц в сопоставительном аспекте (на материале адыгской, английской и итальянской лингвокультур).....	135
<i>Напреенко Г.В., Мельникова В.С.</i> Категория сложности юридических терминов в контексте процесса цифровизации.....	137
<i>Никифорова Э.Ш.</i> Сохранение экспрессивности англоязычных медийных заголовков при переводе на русский язык.....	139
<i>Нурутдинова А.Р.</i> Когнитивная нерелевантность обоняния.....	142
<i>Овсейчик Ю.В.</i> Как увидеть невидимое: корпусная синхронно-диахронная методика исследования эволюции служебных слов.....	146
<i>Овсейчик Ю.В., Меркурьева Е.А.</i> Цифровой тезаурус неологизмов английского и итальянского языков: принципы создания.....	149
<i>Оломская Н.Н., Бобрышева Д.Е.</i> Семантико-когнитивный анализ китайских чэньюй как отражения национальной языковой картины мира.....	151
<i>Оломская Н.Н., Юрова Е.А.</i> К вопросу о генерировании некоторых жанров медиадискурса искусственным интеллектом.....	154
<i>Папирная Е.Д.</i> Слова как оружие: стилистика и прагматика гендерного конфликта в английском языке.....	159
<i>Песина С.А., Чжан С.</i> Механизмы функционирования метафтонимии на уровне слова и дискурса.....	162
<i>Пильщикова О.А.</i> Риторический вопрос как инструмент интенционального фрейминга в испанском адвокатском дискурсе.....	165
<i>Погодаева С.А., Ермолов Ф.С.</i> Манипулятивный потенциал мемов в рекламном дискурсе.....	168
<i>Покалюк А.В., Хурыз И.П.</i> Виртуальный педагогический дискурс: средства конструирования коммуникативной стратегии информирования.....	172
<i>Поплавская Т.В., Шуманская О.А.</i> Использование гастрономической лексики в названиях беллетристических произведений как инструмент рекламы.....	175
<i>Прима А.М., Шершнев Н.Б.</i> Образ женщины в американском сленге: семантические модели номинации.....	177
<i>Пробачай П.А.</i> Жанровая композиция автоспортивного дискурса.....	183
<i>Ребецкая Н.А.</i> Проект «Электронизация словаря языка Пушкина».....	186

Самойлова А.В., Ляховка В.С. Прагматическое функционирование неономинаций.....	190
Самойлова А.В., Элмасын А.В. Образ океана в романе С. Лема «Солярис»: антропоморфные и антиантропоморфные признаки.....	194
Сахно А.А. Семиотическая структура русского тоста.....	196
Соловьева Н.С. Вакхический дискурс как социальный маркер массмедийного издания (на материале российской прессы).....	199
Спачиль О.В. «Спать хочется» А.П. Чехова в «Невьянской башне» А. Иванова: от чеховского реализма к ивановскому мистицизму.....	202
Спачиль О.В., Маркова Е.А. Размышления Хироко Кодзима об А.П. Чехове: русская классика в интерпретации японской эстетики.....	204
Таурова И.А., Фирсанова В.И. Дискурсивное профилирование агентов: от статических ролей к адаптивному взаимодействию в мультиагентных системах.....	207
Теркулов В.И. Принципы описания аббревиатур в «Большом толковом словаре аббревиатур русского языка».....	210
Тлеугабылова Н.Е. Анализ когнитивно-дискурсивного аспекта коммуникативного поведения в художественном дискурсе.....	218
Трофимова Л.В. Стилистические средства передачи комического в современной австрийской литературе.....	220
Ульбашева З.М. Межкультурный диалог как инструмент учебно-академической социализации иностранных студентов.....	226
Усманова Л.А. Сновидческий нарратив в цифровой среде: когнитивно-лингвистический и психолингвистический аспекты.....	229
Фивейская О.Д., Земскова Н.А. Концептуализация понятий «правда» и «ложь» в национальной культуре России и Великобритании.....	232
Фонова Е.Г., Шитц О.А. A potentia ad actum: трансформация переводчика в эпоху искусственного интеллекта.....	237
Халмухаммедова М.Х. Роль мирабов в организации водопользования в юго-восточном Туркменистане.....	240
Хутыз И.П., Ибриш С.О. Современная терминология цифрового иллюстрирования в медиадискурсе: функционально-семантические особенности.....	242
Цатурян М.М., Саркисян М.А. Сопоставление концептов «god/бог» и «devil/дьявол» через призму афоризмов.....	246
Чалова О.Н. Синергетический потенциал метафор в научном диалоге.....	249
Чанышева З.З. Политизация экономики в контексте дискурсивных взаимодействий.....	251
Червякова Е.С. Медиапрезентация политического лидера К. Стармера (на материале британских газетных статей).....	255
Чимитова А.Б. Оппозиции соматических фразовых глаголов в современном английском языке.....	260

<i>Шатин Ю.В., Ошейко С.П.</i> К вопросу о женских образах в рассказе Ф.К. Сологуба «Голодный блеск».....	263
<i>Шелестюк Е.В.</i> Психолингвистика межличностной коммуникации и саморегуляции: конфликтогены, синтоны, аффирмации и библиотерапия.....	265
<i>Шуманская О.А.</i> Textoобразующая функция метафор с глаголом «дышать» в публикациях СМИ.....	269
<i>Янке И.В.</i> К отличительным чертам понятия “корпоративный дискурс”.....	272
<i>Najiyeva L.I.</i> On the linguoculturological characteristics of paremiology units in the modern Azerbaijani language.....	274
Сведения об авторах.....	278

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В XXI ВЕКЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ,
МНОГОПОЛЯРНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 03.09.2026. Выход в свет 25.09.2026.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага Maestro. Печать цифровая.
Уч.-изд. л.20,7. Тираж 500 экз. Заказ № 6591.

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.